

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Головнёв А. В.

ЛОКАЛЬНЫЕ И МАГИСТРАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В АНТРОПОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ

Человек — самый адаптивный в природе вид, освоивший разнообразные экониши, расселившийся по всей планете и при этом сохранивший биологическое единство. Вид *Homo* не только широко расселялся, но и постоянно воссоединялся, и устойчивость ритма расхождений и схождения была его естественным состоянием. Адаптивность человека во многом основана на движении и коммуникации. Первая сеть, которую создал на Земле человек, была сетью проложенных им путей. Причины, толкавшие пралюдей и людей на миграции, на уход с насиженных мест, также коренятся в высокой мобильности, какими бы конкретными мотивами (поиском пищи, избытком населения, экокризисом, праздным любопытством) они ни направлялись.

Homo mobilis

Сегодняшний человек скорее сидящий и лежащий, чем прямоходящий. Большую часть дня он сидит, а ночи — лежит. Походка уступает место посадке в кресле автомобиля, бег становится редкостью для горожан. «Спешить» означает в наши дни не шевелить ногами, а жать на педаль газа, мчаться в аэропорт или торопливо набирать номер телефона. Благодаря технологиям связи и транспорта случилась «смерть расстояний», а заодно кризис живой коммуникации. Современный «движущийся человек» (*Homo mobilis*) — сидячий менеджер с мобильным телефоном и интернетом.

Два миллиона лет назад, судя по костям стопы обнаруженного в Олдувайском ущелье *Homo habilis*, далекий предок человека больше бегал, чем ходил¹. По убеждению большинства исследователей древности, люди палеолита постоянно двигались, успевая преследовать мигрирующего зверя, совершенствовать навыки обработки камня, рожать и растить детей. На заре человечества движение было естественным состоянием, и все великие прозрения каменного века совершались на ходу или на бегу. Самый значительный итог палеолита — освоение ойкумены — достигнут за счет удивительной способности человека к пространственной экспансии. Все первые технологические изобретения — метательные орудия, лук и стрелы, лодки и нарты,

приручение животных — были совершены во имя преодоления расстояний. В древности обыденностью была постоянная подвижность, а признаком бедствия — оседлый покой.

Насколько сдвиг от динамики к статике изменил мировосприятие людей и их повседневность? Современный оседлый человек сохранил пристрастие к движению, что слышно сегодня в ритмах музыки и видно в стиле кинематографа с его стремительным клиповым монтажом. Динамика экрана компенсирует статику реальности: глядя с софы на захватывающие гонки, человек удовлетворяет предковый инстинкт движения. Люди научились ценить и любить покой. Хуже это удастся детям, которые со своей врожденной тягой к движению ползают, бегают, летают во сне, а затем учатся у взрослых постепенности и медлительности, будто повторяют опыт оседания цивилизаций.

В общественном сознании и науке цивилизованность прочно ассоциируется с оседлостью. В XX в. ни у кого не вызывала сомнения необходимость перевода кочевников на оседлость как путь их приобщения к высокой культуре. И сейчас слово «кочевник» опутано оттенками отсталости и инакости. Трудно сказать, чьих заслуг больше в создании подобного клише, самих кочевников или оседлых историков. Свойственное историку и истории оседлое мирозерцание сложилось относительно недавно, с появлением в неолите городов и крепостных стен.

История написана в статике — в позе летописца, глаголами совершенного вида. В какой-то мере вся классическая наука закреплена на статичной точке опоры и в любом неравновесии ищет покоя, от неясности и неразрешенности стремится к выводу и итогу. Между тем человек не производит итогов, он совершает действия, которые лишь в определенном свете выглядят свершившимися фактами. В бесконечной череде событий понятие итога знакомо истории только со слов историка. История никогда не останавливается, но в сознании историка она всегда остановлена. Он вынужденно мыслит стоп-кадрами, предпочитая хаосу движений прикрепленные к осям пространства и времени события-факты. При этом реальные движения замещаются

в историческом тексте мышлением исследователя, рисующим фазы материального и социального прогресса, смену общественных формаций, подъемы и спады производства.

История рассталась с кочевниками, так и не сумев их толком понять и описать. Оседлая культура иначе, чем кочевая, осваивает пространство, прокладывает дороги, видит мир. Даже самые масштабные движения, включая великие переселения, в истории обычно передаются серией сменяющих друг друга статичных оттисков событий. Кочевник интересен историку не на просторе степей, а под стенами осажденного города, воин — не в пылу битвы, а в итоговой позе побежденного или победителя. История-наука унаследовала от иноков-летописцев неприязнь к кочевникам, и историки до сих пор смакуют мгновения триумфа, когда в XVIII в. цивилизации Китая, России, Индии и Ирана положили долгожданный конец могуществу кочевого мира. Для оседлого историка крупное передвижение — эксцесс, разрыв событийной ткани, а кочевой народ — историческое антитело, бич божий. Например, Фернан Бродель² видел в номаде социального паразита и «исторический абсурд».

Динамика и статика

Гуманитарий с легкостью признает естественнонаучный постулат о движении как способе существования материи, но с той же легкостью не замечает движения в истории или не придает ему основополагающего смысла. Отчасти это связано с тем, что динамика обнаруживается так много — в людях, народах, религиях, мыслях самого историка, что учет ее форм и проявлений кажется невозможным. Когда движение повсюду и трудноразлично в деталях, проще его вовсе не замечать, заместив многообразную динамику суммарным иероглифом статики. В научном толковании движения заложен парадокс: для его фиксации необходима хотя бы мгновенная остановка, и в этот миг описываемая сцена во всем соответствует реальной картине, за исключением одного качества — состояния движения. Стоп-кадр, как бы эффектно он ни выглядел, разрывает пульс жизнедеятельности.

Как заметил Эдуард Ле Руа, в истории Земли выделяются два главных события: оживление материи и очеловечение жизни³, и оба они основаны на движении как естестве живой материи. Его многообразие — вращение космических тел, ритмы атмосферы, толчки кровотока, сокращение мышц, деление клеток и взаимодействие микрочастиц — в равной мере пугает и вдохновляет, однако не может оставаться вне приоритетов науки, в т. ч. истории. Среди этого множества есть обл. динамики, которая образует поле исторической антропологии — дви-

жение сообществ людей. Она по-своему неисчерпаема, включая мимику, жесты, речь, сигналы, реакции, коммуникации, миграции.

Двигательный аппарат человека состоит из 600 мышц, 200 костей и нескольких сотен сухожилий. Однако начинается движение в мозгу и лишь исполняется руками, ногами или языком. Н. А. Бернштейн установил, что физическое движение есть проявление фундаментального свойства жизни — активности. В противовес физиологической концепции И. П. Павлова о реактивности как главном регуляторе жизненных актов Бернштейн предложил в нейрофизиологии принцип обратной связи, идею рефлекторного кольца, регулируемого активностью самого человека⁴. Изучение движений как ключа к познанию механизмов деятельности мозга позволило не только практически восстанавливать двигательные функции раненых воинов и совершенствовать методы подготовки спортсменов, но и разработать базовые для кибернетики и теории информации принципы программного управления.

Исследование движения социальных групп — ключ к познанию общественного сознания и под-сознания: мотивов действий, механизма принятия решений, соотношения акций и реакций. Если общая история или археология имеют дело чаще всего с последствиями и свидетельствами событий, то антропология движения претендует на познание импульсов и характера деятельности. Она нацелена более на активность, вызвавшую событие, чем на его итог (понятие «итог» вообще трудно определимо в живой ткани истории, где каждый шаг оказывается одновременно ходом, финалом и началом какого-либо состояния). Движения-действия представляют собой элементы жизнедеятельности, образующие в своей последовательности деятельностные схемы и сценарии событий. При этом важно, чтобы схемы и сценарии выстраивались не по умыслу стороннего наблюдателя, а складывались из фактических мотивов, решений и действий.

Основоположник антропогеографии Фридрих Ратцель прежде и ярче других высказался о значении движения в жизни человечества: «Неустанное движение является свойством человечества. То, что облегчает движение народов, ускоряет также движение истории»⁵.

Поиск источника движения нередко замыкается на идее Бога, выраженной, например, Фомой Аквинатом в «Началах природы»: «Нужно, следовательно, иметь еще до материи и формы какое-то начало бытия, которое действует; это начало и называют причиной действующей, или движущей, или активной, или той, откуда исходит начало движения»⁶. Однако идея божественного миропорядка во многих религиях задает больше статики, чем динамики. Исходный мотив активности и движения коренит-

ся, как показывает этология, в глубинах прачеловеческого прошлого, и происхождение вида Homo напрямую связано с напряженным ритмом жизнедеятельности и подвижности.

Человек — плод движения и его генератор. С древности схемы мобильности наследуются и воспроизводятся, изменяясь и различаясь в течение жизни, в зависимости от пола, статуса, темперамента, культурной традиции. Исходную модель движения вряд ли следует представлять хаотично-примитивной — судя по всему, человек заимствовал от предков развитую систему локомоции, хотя прямохождение не сулило превосходства над четвероногими в скорости. Главным преимуществом ранних людей в биоценозе были не быстрота бега или ловкость лазания, а сложные пространственные стратегии. Таким образом, изначально успехи активности-движения людей зависели не столько от физических данных, сколько от искусства маневров и контроля над освоенной нишей. И впоследствии судьбы народов, государств и их вождей во многом предопределялись приемами освоения пространства — от локальной адаптации до геополитики.

Соотношение динамики и статики нередко преломляется в оттенках свободы и несвободы. Детская живость контрастирует с взрослой сдержанностью, выплеск эмоций в танце — с чопорностью официальных манер, странствие вольного рыцаря — с оседлостью крепостного крестьянина. Во многих культурах свободе динамики (прогулка, набег, путешествие) противопоставляется несвобода статики (тюрьма, осада, больничная койка). В рассуждениях Джеймса Дж. Фрэзера о происхождении института правителей от невольников-чужеземцев, посаженных на трон для скорого жертвоприношения, убедительнее прочего выглядят примеры принудительно статичного ритуального поведения японского микадо или гвинейского короля-священника. Не исключено, что отмечаемое в истории постепенное замещение динамики статикой связано с ограничением свободы (например, женщин и невольников в оседлых поселениях), а выход на историческую сцену кочевников был в какой-то мере бунтом против оседания-несвободы.

Очевидно, в истории были гонители и гонимые, активные начинатели и пассивные участники движения. Историки обычно считают, что народы, даже кочевые, мигрировали вынужденно, под ударами стихий или врагов. Жак Ле Гофф убеждает, что варвары-германцы, осаждавшие Рим, не были кочевниками, «и лишь давление внешних обстоятельств (перемены климата, натиск других народов), усиливаемое внутренней эволюцией, вынуждало их трогаться в путь... Это было почти всегда бегство вперед. Завоеватели — это беженцы, под-

гоняемые другими, более сильными или более жестокими, чем они. Их собственная жестокость часто проистекала от отчаяния, особенно когда римляне отказывали им в убежище, коего они обычно миролюбиво испрашивали»⁷. В этом размышлении теряются причины движения — вернее, ими оказываются не то климатические бедствия, не то некие жестокие племена, гнавшие с севера на юг безобидных готов и вандалов. Подобный оседлый взгляд на кочевников лишь туманит древность и настраивает на поиск источника движения где угодно, только не внутри народа и культуры.

Способен ли сегодняшний историк опережить времена, когда оседлость была долей рабов и калек, когда само мироздание представлялось непрерывно движущимся? Вероятно, для этого сидячий историк должен превратиться в бродячего. Впрочем, подобная роль ближе этнографу, имеющему возможность уловить в среде кочевников ритм повседневной мобильности, из седла или нарты различить относительность оседлых ценностей.

Деятельностная схема

Если движение понимать как внутреннюю активность, а не реакцию на внешние толчки, то ключевым понятием оказывается деятельностная схема человека, а не условия окружающей среды с ее экологическими или демографическими кризисами. Речь идет об образе жизни, перемещениях, занятиях, мотивациях людей определенной эпохи и культуры. Понятно, что в каждом народе есть люди разного возраста, пола, статуса, темперамента, рода занятий, чьи стили жизни существенно различаются, и в пространстве одной культуры обнаруживается несколько деятельностных схем. Более того, колдуны или купцы разных культур чем-то ближе друг другу, чем своим соплеменникам, занимающимся ловом рыбы или пастбой овец. И все же в любом сообществе обнаруживается социальное ядро, задающее общий смысл и ритм жизнедеятельности, формирующее ценности и каноны. Таким ядром во всех случаях выступает элита, представленная военными, политическими, религиозными, экономическими лидерами. Элитная деятельностная схема предопределяет общее состояние и движение народа, тогда как прочие прямо или косвенно подчинены ей и составляют деятельностную оболочку. Сеть деятельностных схем образует общественную ткань, а элитные схемы придают ей структуру, осознаваемую как порядок, и выстраивают событийный ряд, воспринимаемый как история.

Будучи способом деятельности, культура насыщает собой и деятельностное пространство, в котором живет и движется человек. Культура делает людей адекватными экосоциальной реальности и

предоставляет им набор или выбор нужных навыков и знаний. Каждый человек активизирует свою цепочку атомов культуры, из которых складывается его персональная деятельностная схема. Она всегда уникальна, как отпечаток пальца или рисунок сетчатки глаза. В персональной деятельностной схеме атомы культуры приобретают экзистенциальное значение. Из этих же атомов в их сложных комбинациях образуются социальные движения — от миграций до революций.

Любая деятельностная схема состоит из устойчиво повторяющихся действий, включая хозяйственные, сексуальные, военные, ритуальные. Персональную деятельностную схему не следует путать с хозяйственно-культурным типом или должностными обязанностями. Ее двигателем являются побудительные мотивы — от простейших до креативных, направляющие действия человека, заставляющие его одеваться по утрам, молиться Богу, пасти коней, вести войну. Именно комбинация мотивов, активирующих соответствующие элементы культуры, создает персональный облик человека, причудливо сочетая базовые инстинкты, усвоенные нормы и индивидуальные наклонности. В этом ряду очевидные мотивы (например, хозяйственно-потребительские) сплетаются с неявными (например, амурными устремлениями), зачастую перекрывая друг друга по мере актуализации и реализации.

Все деятельностные схемы — проекции изначальных образов мужчины и женщины, хищника и травоядного. Поскольку человек всегда выделялся в природном царстве сверхадаптивностью, спектр его деятельностных схем расширился и наполнился множеством оттенков, прежде всего за счет переработанных заимствований (мим-адаптаций). Во взаимодействии с другими природными видами люди успешно примеряли на себя образцы их поведения (обычно вместе со шкурами, черепами и голосами), а со временем природные мим-адаптации дополнились перекрестными социальными подражаниями и заимствованиями.

При этом в разных экосоциальных нишах сложились относительно устойчивые поведенческие образцы, освященные мифологией. Например, жизненный цикл арктических кочевников состоит из длительных передвижений на открытых пространствах суши и моря. Смысл их миграций заключается не в преодолении расстояний, а в создании и поддержании сети ресурсопользования, включающей не только природные, но и культурные ресурсы оседлых и полуседлых соседей. Сторонним наблюдателям кочевники представляются пастухами, торговцами, завоевателями. В собственных глазах они реализуют социокультурную миссию, выраженную в мифологии образом благородного хищника (волка, дракона,

каساتки) или богоподобного пастыря-устроителя (культурного героя пантеона).

Поведенческие образцы имеют свои прототипы и вариации, в каждом индивидуальном исполнении они стремятся одновременно к первозданности и обновлению. О воскресающих архетипах как прафеноменах духа размышлял Карл Юнг⁸, о «памяти-привычке» (*habitus*) как механизме престижного подражания рассуждал Марсель Мосс⁹. Пьер Бурдьё¹⁰ видел в *habitus* систему унаследованных и воспринятых человеком практических стратегий, благодаря которым выстраиваются в последовательность элементарные действия, например 20 тыс. единиц поведения, приходящихся в среднем на человека в день, или 480 движений, совершаемых женщиной на кухне за 20 минут. Бурдьё подчеркивал, что *habitus* служит поведенческой стратегией, не являясь «продуктом настоящего стратегического намерения». Это воплощенная в человеке «система устойчивых и переносимых диспозиций», организующая практики и представления, «которые могут быть объективно адаптированы к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее». Объективно «следующие правилам» и «упорядоченные», *habitus* «ни в коей мере не являются продуктом подчинения правилам и, следовательно, будучи коллективно управляемыми, не являются продуктом организующего воздействия некоего дистрижера»¹¹.

Деятельностная схема, напротив, предполагает активное и мотивированное поведение, в котором *habitus* играет роль набора мини-сценариев и регулятора внешних и внутренних импульсов. Будучи своего рода подсознанием деятельностной схемы, *habitus*, подобно условным рефлексам, контролирует текущие реакции, в то время как система мотиваций приводит в движение и разворачивает деятельностную схему в пространстве и во времени. Иногда мотив преодолевает регулятивное сопротивление *habitus*, создавая новую модель поведения. Подобные прорывы новаций случаются и достигают общественного успеха нечасто, но они и составляют ход социокультурного развития. Персональные деяния могут породить новую деятельностную схему и на ее основе социальную или этническую общность. Например, бунт протопопа Аввакума, исходно ортодоксального священника, был мотивированным разрывом с прежней поведенческой традицией, а подвижническая судьба ревнителя благочестия легла в основу деятельностной схемы его последователей — лидеров (элиты) староверов.

Новая схема возникает как мотивированное устойчивое действие в податливой социальной среде. Расположенность среды к восприятию новации зависит во многом от адекватности традиции

экосоциальным условиям и вызовам; в состоянии благополучия новация либо откладывается, либо клеймится как ересь; зато в кризисах она обречена на успех, вернее на конкуренцию за успех с другими инициативами. Среда не менее, если не более, настроена на хранение традиции, чем *habitus* носителя инициативы. Альфред Шюц отмечал, что схема поведения и «подручного знания» о мире воспринимается человеком от ближайшего окружения (родных — друзей — учителей) и прочно с ним соотносится¹². Преодоление привычной схемы означает в традиционном обществе разрыв родства; не случайно решительные новации всегда лучше удавались чужеземцам и изгоям: у восточных кочевников, например, социальных вершин достигли так или иначе отторгнутые родней и истреблявшие родню вожди-сироты: Маодунь у хуннов, Таньшихуай у сяньби, Темучжин у монголов.

Мотивация придает традиционному поведению личностный оттенок, который в сопутствующих условиях может стать ядром новой деятельностной схемы. Из склонности к рукоделию среди земледельцев рождается ремесло, из вкусовых предпочтений — новые виды растениеводства. При столкновении в человеке двух и более поведенческих схем (например, при смешанном браке) между ними происходит не только конкуренция в принятии решений, но и сращение, дающее гибридную схему. Наконец, новая схема может быть итогом социальной мимикрии — подражания чужой схеме или ее узурпация (так, например, во многих обществах появлялись слои нуворишей). Во всех случаях новая деятельностная схема могла сложиться при наличии схемы-прототипа, персональной мотивации и условий социализации.

Мотивация придает деятельностной схеме цельность и ценность на персональном и социальном уровнях. В советское время труд рабочего на заводе, во многом благодаря мифу о диктатуре пролетариата, имел иной облик и престиж, чем похожий труд похожего рабочего в постсоветское время. Особенным воздействием обладает мотивация политического лидера, распространяющаяся на административную элиту, а при ее участии на другие слои общества. Например, в периоды президентства Ельцина и Путина управленческие схемы, при формальной преемственности, заметно различались оттенками мотиваций лидеров относительно персонального и национального достоинства, а также несущественными на первый взгляд предпочтениями различных видов спорта и досуга. Оказалось, что одно и то же общество по «схеме Ельцина» и «схеме Путина» активирует в себе различные, иногда противоположные, поведенческие свойства в отношении к национальному достоянию, ориентирам повседневности или уровню трезвости.

Мотивированная и выстроенная стратегия представляет собой проект. Трудно сказать, насколько проектно вершилась история и тем более праистория. Но в ряде случаев, особенно на полях борьбы за власть, проектные действия сыграли решающую роль. Зачастую они не только организовывались в движения, но и соответственно назывались: «революционное движение», «национально-освободительное движение», «антиколониальное движение». Захват и охват пространства реализуется в политике как проект элитной группы. В истории проекта различаются фазы мотивации, осуществления и преобразования. В историографии или исторической памяти добавляется фаза мифологизации или археологизации, когда проект героизируется или зарастает гумусом. При этом меняются субъекты проектного действия и, соответственно, ценностные ориентации. Каждый момент проектной траектории по-разному видится с общественных позиций. Одно и то же событие глазами ветерана-коммуниста представляется утратой былых завоеваний, юного западника — глобализацией, ревностного старообрядца — поступью антихриста.

Для проектного сознания характерно движение по систематизации мотивов и активации соответствующих деятельностных схем. Сегодня это относится не только к формальным проектам, но и повседневному мировидению. Современный человек с момента пробуждения запускает в себе браузер проектного поиска, а ночью ему снятся проектные сны. Он проектно дружит, любит и мечтает. По наблюдениям Ю. В. Громыко, «сегодня проектные и программные формы мышления и сознания образуют акме — эпицентр развития всех форм и структур сознания»; при этом «проектное мышление является генетической родовой основой всякого мышления», а «из видения будущего проектное мышление берет свою энергетику»¹³. Насколько этот стиль мыследеятельности, направляющий сегодня поведение и движение людей, древний или недавний? Как мыслил кантабрийский художник палеолита, расписывая «всезверием» купол пещеры, или египетский фараон, затеявая пожизненное строительство собственного гроба-дворца? Не исключено, что со временем менялось не столько сознание, сколько формы и жанры его проектности.

Локальность и магистральность

Культуры Северной Евразии, особенно в ее крайних арктических пределах, принято рассматривать прежде всего как варианты адаптации к суровой природной среде. Экологическая интуиция подсказывает исследователям, что культура приледникового Севера может лишь слегка теплиться, и суровая природа предоставляет своим обитателям

в лучшем случае нишу для физического выживания. Яркие явления искусства и иные примеры высокого потенциала северных культур обычно связывают с южным влиянием, а прочие события праистории Севера — с колебаниями климата и миграциями промыслового зверя. Взгляд исследователя лишь изредка задерживается на поразительном свойстве северных культур пульсировать во времени (в чередке сезонных занятий и возрастных ритмах людей) и пространстве (то сжимаясь до пределов селения, то охватывая огромную территорию). Этот пульс позволяет культуре непрестанно ощущать окружающую среду и корректировать свое в ней расположение. По своему складу северная культура соответствует изменчивой среде и сочетает различные уровни мобильности — от бытового сезонного кочевания до военно-торговых миграций.

Двухмерная модель экологической адаптации очерчивает измерение «человек — природа», трехмерная модель экосоциальной адаптации — «человек — природа — общество». Двухмерная модель существует только в виртуальном пространстве науки, поскольку в реальности даже робинзонада немислима вне социального контекста. Однако именно двухмерность удобна в качестве инструмента исследования, позволяя применять строго ограниченный и обоснованный набор критериев. С добавлением социального измерения строгость двухмерной модели уступает место замысловатой трехмерности, и привычные экохозяйственные расчеты отступают на задний план перед категориями символической экономики, социального статуса и иерархии, магии и мифологии. На месте типичного рыболова или скотовода персонифицируется фигура вождя или колдуна. В свое время Бронислав Малиновский призывал «раз и навсегда покончить» с порожденным в ученых кабинетах образом «первобытного экономического человека», который занят исключительно «поиском еды для существования»¹⁴. Однако «экономический человек» прижился в науке и по-прежнему назойливо фигурирует в истории первобытности, подчиняя своей желудочной философии мифологию, миграции, искусство.

Насколько соотносимы признаки экологической и социальной адаптации и насколько они улавливаемы археологией в праистории? Основным показателем экологической адаптации служит годовой хозяйственный цикл, социальной — деятельностная схема, включающая, помимо хозяйственного цикла, военные, брачные, религиозные, обрядовые, торговые и иные действия, формализовать которые трудно из-за их разной ритмики и значимости. Тем глубже с позиции археологии выглядит пропасть между прочитываемыми свидетельствами экологической адаптации и едва заметными симво-

лами социальной, и тем решительнее археологи отдают предпочтение осязаемым материальным фактам, избегая трехмерного моделирования.

С позиции двухмерной экоадаптации действия людей регулируются всецело поведением зверей и состоянием других биоресурсов, а передвижения представляются промысловым поиском или сезонным следованием за мигрирующим зверем. Культура, основанная преимущественно на экоадаптации и пространственно сосредоточенная на конкретном экотопе, может быть названа локальной, будь ее хозяйственной базой охота на северного оленя, сбор морских моллюсков или богарное земледелие. Сколько-нибудь значительные перемещения такой культуры, выходящие за пределы биотопа, обычно связываются с экологическими кризисами и выражаются в хозяйственном преобразовании.

Модель трехмерной адаптации предполагает, что даже простейшая локальная культура неоднородна и в ней существует социальная иерархия. Со ссылкой на этологию, признающую иерархию прачеловеческим явлением и универсальным регулятором коллективного поведения, можно допустить, что внешне трудноразличимые вариации функций и статуса в спектре лидерства-подчинения играли определяющую роль в контроле над осваиваемой территорией. Группа лидеров закрепляла за собой функцию пространственного контроля и распространяла его на людей, становясь тем самым регулятором, распорядителем и в какой-то мере пользователем ресурсов подчиненных локальных групп. Социальные лидеры создавали не только иерархическую пирамиду, но и обеспечивали коммуникативное единство членов локальной группы. Функция контроля-координации превращалась в социальную роль и даже специализацию (вождей, воинов, шаманов, жрецов), отодвигая на второй план в деятельности элиты промыслы и прочие хозяйственные занятия. Тем самым элита становилась распорядителем ресурсов и занятий локальной группы, вырабатывая особый — управленческий — деятельностный профиль. Поверх адаптации к природе происходила адаптация к культуре как способ пользования ресурсопользователями.

При рассмотрении межгрупповых или межэтнических связей обычно учитывается базовый срез обществ, и речь идет о контактах земледельцев, охотников, скотоводов. На уровне межличностных взаимодействий подобная ситуация реальна, однако на социальном уровне на первый план выходят мотивы и действия элит. Любое столкновение обществ — прежде всего диалог их элит, агентов управления. Часто вытеснение или поглощение одной локальной культуры другой оказывается следствием не преимуществ или недостатков их

хозяйственных умений, а дуэли элит и, соответственно, управленческих технологий. Распространение новшеств и заимствований также определяется по большей части не выбором отдельных людей или семей, а волей агентов управления.

Успешные модели управления углубляли специализацию элиты, а в ряде случаев вызвали распространение ее влияния за пределы локальной группы. Сохраняя власть над базовой локальной нишей, элита могла подчинить соседние группы, усложнив и пространственно расширив свою управленческую функцию. Так формировались группы воинов или торговцев, статус и действия которых сущностно отличались от занятий породившей их локальной группы. Они образовывали не только особый социальный слой (касту, класс), но и новую культуру, основанную на посредничестве и управлении. Как правило, активность элит предполагала охват больших пространств, частоту военных, даннических и торговых рейдов, в результате которых иногда складывались многоэтничные сообщества и политические образования.

Локальная культура перерастала в магистральную, когда она распространялась на большое пространство, связывая собой несколько локальных культур. Главную роль в посредничестве могла играть военно-политическая, жреческая или торговая элита, объединявшая своей активностью локальные культуры и создававшая тем самым новые пути контактов и новое качество взаимоотношений. Язык магистральной культуры становился, как правило, вторым языком всех локальных групп; нередко то же самое происходило с культом и системой власти. Магистральная культура могла сохранять связь с материнской локальной культурой или, отделившись от нее пространственно и функционально, подчинить и интегрировать другие локальные группы.

Локальная культура основана на экоадаптации, магистральная — на социоадаптации, локальная осваивает биоресурсы, магистральная — социоресурсы. Магистральная культура так или иначе (посредством торговли, религии, войны, политики, экономики) колонизирует локальные сообщества и создает удобную для себя социальную иерархию. Однако было бы упрощением в марксистском стиле обозначать отношения магистральной и локальной культур понятиями «эксплуатация», «ижидивенчество» или «паразитизм». Магистральная культура обычно выступает для локальных групп выгодным торгово-экономическим посредником, военным союзником, политическим организатором, культуртрегером. Она не просто связывает локальные культуры и использует их ресурсы, но и создает качественно новые виды деятельности, прежде всего посреднические и управленческие,

тем самым обновляя и иногда существенно изменяя локальные традиции.

Магистральная культура всегда подвижнее локальной, поскольку она выростала на преимуществе в движении и, в свою очередь, целенаправленно развивала технологии мобильности в конкуренции с культурами-соперницами. Собственно лидерство в движении и коммуникации обычно и придавало культуре качество магистральности. Как только она теряла это превосходство, власть над пространством и людьми захватывала новая магистральная культура, зачастую окраинная, «дикая и варварская». Так происходило, например, в степях Евразии во времена тюркских каганатов, когда периодически совершался, словами С. А. Плетневой¹⁵, цикл «от кочевий к городам», и осевших всадников сменяла новая подвижная орда.

При статусном превосходстве магистральной культуры локальная обладала преимуществом устойчивости и живучести благодаря непосредственной связи с землей и ее ресурсами. Магистральная культура могла оказаться недолговечной и эфемерной, «сойти с орбиты» в противоборстве с другой культурой, не выдержать напряжения движения и осесть в удобной локальной нише. Со своей стороны, локальная культура могла путем социоадаптации (социальной мим-адаптации) перенять свойства магистральной культуры и захватить пространственное и политическое лидерство.

Во все времена схождение и расхождение локальных сообществ, в т. ч. языковое и политическое, определялось не только и не столько их культурной близостью и иными рационально учитываемыми обстоятельствами, сколько состоянием магистральной культуры. Локальные достижения в земледелии, ремесле, искусстве лишь в той мере влияли на целостность большого сообщества, в какой они питали или разрушали магистральную культуру. Распад полиэтнических конгломератов предопределялся кризисом магистральной культуры, главным образом ее элитного ядра. Классическим в русской истории примером этого служит ритм объединения-распада восточнославянских локальных сообществ под воздействием магистральных культур морских и степных кочевников в эпоху перехода от нордизма Варяжской Руси к ордизму Московской Руси¹⁶.

В магистральных культурах особой категорией деятельности и ментальности был «путь». Он представлялся не расстоянием и не эпизодом, а пространством деятельности, столь же устойчивым для кочевников, как город для оседлых людей. Тюркское слово *йол* (путь) сопоставимо с монгольским *дзол/зол* — «счастье», «удача»; особое отношение тюрков к движению выражено присутствием в их пантеоне божеств пути — *Йол тенгри*, а также двойным значением глагола

jyr — «ходить» и «жить», от которого образованы понятия *jūrūt/jūrūs* (жизнь) и *jyrt* (стойбище, государство)¹⁷. Сходным образом слово *vegr* (путь) в северогерманской традиции приобрело значение «государство», например в варианте *Nórvegr* (Норвегия) — «Северный путь»¹⁸.

Превращение магистрального пути в государство или народ — обычное в истории явление. Эффективность многих кочевых политий связана с их недолговечностью (сопоставимой с веком человека) и регулярностью их замещения новыми или чаще ста-

рыми ордами с новыми вождями и именами. Магистральные культуры строились не только на войне, но и на международной торговле: финикийской — в Средиземноморье, согдийской — на Великом шелковом пути, новгородской — на северо-востоке Европы. Их внутренняя целостность иногда обеспечивалась религиозным единством, как у согдоманхеев и евреев-иудеев. Магистральными культурами разного времени и происхождения были созданы все известные истории империи и колониальные сети.

Бгажноков Б. Х.

ЭКОФУТУРИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ЭТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ

Определение нравственной экологии

В реакциях людей на мир обнаруживается осознанное движение к самореализации через изменение условий своего существования. Во-первых, это активность, направленная на преодоление препятствий, создаваемых неизбежно жизненной средой. Во-вторых, столь же сложная и упорная деятельность по использованию, упорядочению, перестройке мира в соответствии с представлениями о личном и общем благе. Человек никогда не приспособливается. Он всегда, с раннего детства до глубокой старости, приспособливает себя к окружению и окружение к самому себе. Нравственно-экологическое мышление и поведение предполагают единство этих начал.

Принципиальное значение имеет факт восприятия и освоения окружающей среды через призму этико-эстетических диспозиций. Люди нуждаются в том, чтобы жизненная среда удовлетворяла в полной мере их базовые потребности, в т. ч. потребности в красоте, уюте, защищенности, справедливости. С другой стороны, и фактически по тем же соображениям возникает и ширится сознание необходимости ответственного, бережного, заботливого, как говорил А. Швейцер, «благочестивого» отношения к природе, к жизни, к жизненной среде в целом¹⁹. В отечественной науке проблема нравственно-экологической защищенности человека была поставлена академиком Дмитрием Лихачевым. В экологии, по его словам, существует два раздела: экология биологическая и экология культурная или нравственная. И отсюда своеобразное понимание экологической безопасности: «Убить

человека биологически, — писал Лихачев, — может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной»²⁰.

Как особое направление в науке о человеке и обществе экологическая этика или нравственная экология сложилась в последние три-четыре десятилетия, соединив в себе не только философские, экологические, но также социологические, психологические понятия. Начиная с 1960-х гг. неоднократно поднимался вопрос об «этических аспектах социального окружения»²¹, о так называемой енвайронментальной этике (*environmental ethic*)²² как науке, направленной на этическую рационализацию жизненной среды. Развились особые направления в тех сферах деятельности, которые были прямо связаны с организацией пространства. Например, гуманистическое направление в архитектуре²³.

Большую известность получили исследования специфики самочувствия и культурной самоорганизации людей в зависимости от размеров общества и территорий²⁴, от степени так называемой скученности, от структурирования пространства в ходе проксемического поведения²⁵. Существенный вклад в развитие нравственно-экологического анализа жизненной среды внесли хорошо аргументированные общие представления о социальном пространстве, стремящемся более полно и продуктивно реализовать себя в физическом пространстве²⁶.

Уже в этих работах утверждается, что необходимо улучшать характеристики жизненной среды не только по медицинским и биологическим, но и по морально-психологическим соображениям, чтобы вызвать у людей максимально возможное ощущение

ние счастья, комфорта, уверенности в будущем. При этом на первых порах задачи экологической этики сводились к необходимости утверждения (через систему моральных и юридических норм) бережного, экономного, заботливого отношения к природе. Тревогу вызывали возрастающие масштабы непоправимого ущерба, который наносят и еще могут нанести ей люди, вооруженные современной техникой и технологией, подчиняющие свои действия задачам расширения масштабов производства и потребления²⁷.

Теперь проблема ставится гораздо шире — с учетом системного характера взаимоотношений личности и общества с жизненной средой. На первый план выдвигаются вопросы этической и эстетической рационализации этих взаимоотношений в практике человеческого существования и самоосуществления. Предметом нравственной экологии является этико-эстетическое содержание взаимоотношений человека с жизненной средой, а главной задачей — улучшение, рационализация этих отношений.

Такой подход расширяет традиционные представления об экологии человека. В центре внимания оказывается среда в более широком смысле, чем было принято раньше. Учитывается, что не только внешние условия и координаты бытия, но и специфические характеристики психологического поля и внутренней среды организма могут способствовать или препятствовать достижению психобиологического баланса — хорошего общего самочувствия, ощущения здоровья и полноты жизни.

По-новому ставится вследствие этого и проблема экологических прав, нравственно-экологической защищенности и безопасности человека. Известно, что, будучи величайшей ценностью, необходимым условием и способом существования человечества, среда в то же время таит множество угроз и опасностей. Возникает естественным образом необходимость избирательной защищенности человека и общества от этих угроз, необходимость экологической безопасности в целом. Пагубно сказывается и снижает возможности развития и роста личности и общества возрастание масштабов экологической недостаточности: загрязнение воздуха и почвы, шум, создаваемый дорожным движением, неудобная планировка домов, городских улиц, кварталов, безвкусная реклама, плохой дизайн. Но в том же негативном направлении действует деструкция социальных связей и отношений: нарушение прав человека, дискриминация по расовому, национальному, половому признаку, грубость, бестактность, неблагодарность окружающих.

По сложившейся традиции упорядочение взаимоотношений человека с жизненной средой является задачей социальной экологии, экологии

человека, правовой экологии и др. В рамках этих дисциплин определяются стандарты хорошего качества окружающей среды, осуществляется контроль, направленный на предотвращение вредного физического, биологического, психологического воздействия пространства, рассматриваются вопросы адаптации человека к техногенным изменениям. Много внимания уделяется и тому, в какой мере и форме сама среда должна быть защищена от последствий человеческой деятельности.

Нравственная экология призвана дополнить эту работу — исследовать глубинное этико-эстетическое содержание взаимоотношений личности и общества с жизненной средой, выработать систему принципов и норм (в т.ч. и запрещающих) нравственно-экологического мышления, поведения, контроля. На первый план выдвигаются здесь факты не столько физического, сколько морального, общекультурного ущерба, который наносит или может нанести людям плохо организованное экзистенциальное пространство. Хорошо известно, что низкое этико-эстетическое качество среды формирует человека с неразвитым, ущербным сознанием, предрасполагает к различным формам деструктивного поведения. Но в таких случаях и обратное воздействие человека на среду оказывается негативным. Создается порочный круг нравственно-экологической дезориентации и деградации. На первый план выдвигается вследствие этого вопрос об этико-эстетической экспертизе и мониторинге различных сегментов жизненной среды, о качестве пространства, в котором люди живут или хотели бы жить.

В конечном итоге это вопрос об условиях среды, способных обеспечить не только выживание человека как биологического существа, но и максимально возможное соответствие этих условий высшим духовно-нравственным запросам личности.

Экологическое сознание и экофутуризм

Жизнь человека протекает в сложно структурированном и динамичном пространстве. Причудливым образом соединяется и отражается в нем все многообразие внешнего и внутреннего мира: люди, вещи, явления природы, психологические переживания, органические процессы и ощущения. Обычно в связи с этим выделяют *экологическое сознание* — совокупность исторически сложившихся представлений о взаимных связях и отношениях человека и среды, о значимости этих связей для установления экологического порядка. У разных сообществ эти представления имеют свою специфику и логику, что послужило основанием для выделения экологической антропологии на Западе и этнической экологии в России. Заметно возрос и интерес к нематериальным духовно-нравственным

аспектам жизненной среды²⁸. Стало очевидным, что очень важное само по себе изучение специфических особенностей природопользования, хозяйства, культуры питания, медико-демографической ситуации и практики нельзя вырвать из контекста нравственно-экологической проблематики и культурной политики, из динамики экологического сознания.

В процессе взаимодействия с жизненной средой и развития экологического сознания формируются представления об экзистенциальном пространстве в целом, о более или менее успешных попытках человека адаптироваться к нему и приспособить к удовлетворению собственных нужд. Вектор этих усилий тесно связан с моделями желаемого будущего. Вот почему вводится понятие *экофутуризма* — культурной политики, направленной на познание и улучшение параметров экзистенциального пространства, на создание хорошо выверенных моделей желаемого будущего. Мы говорим об экофутуристическом мироощущении и мировосприятии как о постоянной нацеленности на улучшение параметров жизненной среды и основанной на уверенности в том, что такое улучшение возможно и зависит от усилий и творческой инициативы самого человека. При этом не следует опасаться обвинений в антропоцентризме. Антропоцентрична сама субстанция экологического мышления и поведения²⁹.

Базовые принципы экофутуристического подхода основаны на глубинной связи изменений, происходящих в жизненной среде и одновременно в психологии человека, погруженного в эту среду. Еще в начале XX в. известный русский ученый А. А. Богданов выдвинул концепцию повышения жизнеспособности систем за счет мирового потока событий и необходимо изменяющейся жизненной среды. За счет возрастания суммы и разнообразия активностей, вызванных этими изменениями, человек, по мнению А. А. Богданова, приобретает новые качества, позволяющие ему наилучшим образом организовать свое жизненное пространство³⁰. Дальнейшее развитие получила эта идея в *синергетике* — науке о принципах эволюции сложных неравновесных систем. По мнению специалистов в этой области, среда — суть «некое единое начало, выступающее как носитель различных форм будущей организации, как поле неоднородных путей развития»³¹. Возделывать данное поле должным образом, с наибольшей пользой и выгодой для самоосуществления и саморазвития — историческая миссия, ключевая задача человека и человечества.

В динамике процессов эволюции жизненная среда выступает не только как замысел, но и как совокупность условий, используемых для различных вариантов развития. Это своего рода капитал, располагающий к экологическому успеху³². Вве-

денный в начале 1970-х гг. С. А. Тулмином для обозначения эффективного развития научной мысли этот термин полезен и удобен для более широких экофутуристических обобщений. *Экологический успех* — это достижение новых, более совершенных форм бытия человека в мире, когда удачная или успешная адаптация является обратной стороной успешного изменения условий жизненной среды. Иными словами, это особый случай рационального выбора, специфика которого состоит в том, что условия, диктуемые жизненной средой, приводятся в соответствие с личностными или общественными планами и предпочтениями.

Строго говоря, экофутуристическое отношение к миру лежит в основе всех планов и структур деятельности человека, являясь неотъемлемой частью его психобиологического и социального естества, его потребностей, побуждений, мотивов, настроений, целей, идеалов. На этой базе создается и функционирует виртуальное, психологическое пространство личности, стремящееся реализовать себя в реальном пространстве и времени. В практике взаимодействия с жизненной средой люди создают и постоянно воссоздают особый микромир, наделенный собственным именем субъекта действия, пронизанный силой его духа.

Таково покоящееся на реальности человеческого существования внутреннее основание экофутуризма. *Психологическое поле личности* — сложное, противоречивое единство наличного состояния и будущих возможностей человека, его самораскрытия во времени и в пространстве — в еще не состоявшейся истории личной жизни. Соединение этих характеристик, осуществляемое под контролем жизненных целей и идеалов, ценностей и норм, образует в совокупности идеологию жизненной среды. Аналогичным образом можно рассматривать в принципе и виртуальное пространство различных народов и культур, человечества в целом. Иначе невозможно понять, почему люди и народы, находящиеся в относительно одинаковых условиях, иногда разительно отличаются друг от друга, выбирая различные пути, средства, способы своего самоосуществления.

Экофутуристический подход акцентирует внимание на логике становления новых форм бытия. Главное в таком подходе — выбор принципов и приоритетов диверсификации различных параметров экзистенциального пространства, ускорение темпов выхода на более совершенную форму культурной самоорганизации. Социальная, ценностно-нормативная заданность такого выбора и устремления в будущее очевидна. И она составляет субстанциональное ядро идеологии среды, включая в себя систему образов о мире, в котором люди хотят жить, соответствующие этим образам планы,

проекты, структуры человеческой деятельности. *Идеология среды* — база для формирования установок экологического мышления и поведения.

В различных участках экзистенциальной пространства идеология среды проявляется по-разному. Например, в предметно-пространственной сфере может выступать в виде концепции дизайна; в сфере природы — как идея поддерживающего развития, гарантирующего сохранение ее ресурсов; в сфере социальных отношений — как установка на равенство, братство, сотрудничество. Особым образом строится идеология духовно-нравственного пространства личности. Например, в мировых религиях она предстает как концепция самосовершенствования, самоочищения, самосохранения, а в конечном итоге — как идея сохранения данного Богом (не поврежденного) состояния. Концепция греха и страдания в основе своей нравственно-экологическая. Утверждается, что в духовной сфере все зависит от того, как распорядится человек условиями, которые создал для него Творец, что люди сами себя наказывают, когда «вместо чистой воды пьют грязную».

Идеология среды — организационный центр экологического сознания, оказывающий решающее воздействие на общую линию или стратегию человеческой деятельности. Этим объясняется необходимость изучать специфику проектирования жизненной среды, взаимное соответствие замысла и реальности в экзистенциальном пространстве. Экофутуризм — не обывательская мечтательность или предусмотрительность, а воля к жизненно необходимому, этически значимому изменению жизненной среды, концентрированное выражение ответственности перед будущим.

Тяготение человечества к такому пониманию своей миссии как к благу не подлежит сомнению. Отдельные люди и целые сообщества стремятся действовать так, чтобы последствия этих действий улучшали основные характеристики экзистенциального пространства, способствовали достижению хорошего общего самочувствия, ощущения здоровья и полноты жизни. Правильно сказано, что «вдохновленные такими целями, ощущая воздействие блага на чувство, мы можем испытать радость ответственности»³³.

Инстинкт экологического выравнивания и рефлекс высшего порядка

Существенные психологические, а отчасти и биологические основания экофутуризма обнаруживают себя в виде общей направленности и своего рода инстинкта экологического выравнивания.

Преодолевая экзистенциальную недостаточность или необеспеченность, люди конструиру-

ют действительность, в которой хотят жить. Это своего рода идея фикс, побуждающая находиться в постоянном движении и поиске: устанавливать и поддерживать контакты, повышать квалификацию, участвовать в политической жизни, создавать семью и воспитывать детей, обустроить жилище и т. д. Известно возникающее вследствие каких-либо серьезных неудач или конфликтов с окружением, желание оказаться в других странах или городах, чтобы в условиях нового окружения начать жизнь заново, с чистого листа. Человеком движет инстинкт экологического выравнивания или порядка — баланса между базовыми потребностями и условиями среды.

Об этом писал американский социолог Роберт Парк, основатель экологии человека как науки о пространственной организации человеческих сообществ. Особенно много внимания уделял он городу как особой форме коллективной организации жизненной среды. В его понимании, город и городское окружение представляют собой наиболее состоятельную и в целом наиболее успешную попытку человека переделать мир по велению своего сердца³⁴.

С этим можно согласиться, связь географической и социальной мобильности прослеживается отчетливо. Города — генераторы новых идей и новых форм бытия. Именно там люди активно ищут и благодаря экологической конкуренции находят наилучшее применение своим способностям. В сложном и разнообразном пространстве больших городов рождаются новые, невиданные ранее способы разумной, психологически выверенной организации жизненной среды. В экофутуристическом и духовно-нравственном отношении это наиболее насыщенное, продвинутое и благополучное жизненное пространство. Можно убедиться в этом на примере Москвы. В центре города, в пределах Садового кольца налицо наиболее яркая, жизнеутверждающая жизненная среда. Здесь, как недавно показали специальные исследования, самая высокая для всей России продолжительность жизни, несмотря на скученность, загрязнение воздуха, интенсивное дорожное движение и шум. Интуитивно чувствуя, что в центре Москвы все же наиболее благоприятная среда, люди стремятся попасть сюда, в т. ч. и на постоянное место жительства или работы.

Известен наряду с этим и феномен бегства из города в деревню, в лоно природы. Такое перемещение сопряжено иногда со сменой рода деятельности, со снижением общего уровня социально-экологических притязаний, получившим название *down shifting*. Стратегия подобного рода изменений тем не менее позволяет людям создать такую жизнь, которая им по душе, о которой они мечтают. Поэтому очевиден нравственный смысл подобных исканий. Люди хотят жить в мире, который в наи-

большей степени соответствует их представлениям о красоте, удобстве, счастье, о смысле и назначении бытия. И напротив, стремятся вырваться из среды, где, по их мнению, господствует или преобладает унылое однообразие, хроническая безрадостность, лихорадочная, порой жестокая и беспощадная борьба за выживание и богатство, за повышение социального статуса и общественного признания.

Стремление к экологическому порядку обнаруживает себя в некоторых простейших формах территориального поведения, когда человек переселяется из одного района города в другой или ищет встреч и контактов с хорошими, приятными для него людьми и избегает с плохими, неприятными. Наиболее чувствительные, ранимые люди при малейшей возможности стремятся избежать пространств, которые по разным причинам ухудшают их самочувствие. Люди перестают ходить в аптеку или парикмахерскую, где им нагрубили, обходят стороной завистников и предателей многолетней дружбы, неохотно посещают места прежней работы, где от отношений с сослуживцами у них остался горький осадок. Тяжелым, подчас невыносимым, становится окрашенный в негативные тона груз прошлого в условиях малых обществ, где отношения спрессованы и преобладают тесные, повторяющиеся личные контакты.

Представление об экологическом порядке и экологическом выравнивании гораздо шире объема широко используемых в социологии понятий социальный порядок, социальные изменения, социальная динамика и т. д.

Критическая грамотность как инструмент успешной адаптации к изменениям жизненной среды

Этическая рационализация жизненной среды позволяет сбалансировать функциональную грамотность, которая стимулирует распространение профессиональных знаний и развитие цивилизации и критическую грамотность, обеспечивающую формирование этико-эстетических принципов и установок, сохранность и развитие культуры в целом.

Однако и к культуре, в частности, к традиционным верованиям и практикам следует проявлять критическую грамотность, учитывая, что многие из них не способствуют развитию и росту и становятся порой серьезным препятствием на пути прогресса. «Традиции, — отмечает в данной связи американский этнолог Роберт Эджертон, — могут быть полезны, они способны даже выполнять функции важных адаптивных механизмов, но при этом довольно часто бывают неэффективными, вредными и даже смертельно опасными»³⁵.

Например, все еще актуальной и совершенно оправданной остается для человека с вера в традиционные этические принципы и ценности. Но при этом нет четкого представления о механизмах сдвига от ценностно-ориентирующей доминанты традиционной этики и традиционного кодекса поведения к их целерациональной доминанте, отвечающей вызовам нового времени.

Между тем критика и переработка наличного фонда культуры были актуальны во все времена. Люди унаследовали от прошлого величайшее культурное наследие, но чаще всего не способны ощутить его присутствие в актуальном жизненном пространстве, имея в своем распоряжении богатый духовно-нравственный опыт, не в состоянии его познать, усвоить, применить для наилучшей организации жизненной среды. В новых, сильно изменившихся условиях этот опыт уже не может использоваться прежними способами и в прежнем объеме. Традиционная культура и родной язык становятся для многих не подспорьем в организации жизненной среды, а обузой.

Такова одна из серьезнейших проблем современного глобального мира. С ней связаны мучительные искания, удачные находки, а зачастую и растерянность целых поколений. Число людей, сохранивших живую связь с полем собственной культуры, сокращается и, напротив, возрастает число утративших эту связь. Нетрудно представить, к каким последствиям может привести нарастание этого разрыва. При отсутствии нового пополнения творцов и ценителей культуры и заметном снижении уровня преемственности ценностей и норм любое, самое богатое духовно-нравственное, художественное наследие рискует угаснуть, попасть в руки людей, не способных не только распорядиться этим наследием, но даже проникнуться мыслью о его непреходящей ценности. К худшим последствиям приводит использование традиционной культуры в спекулятивных целях, например псевдопатриотами для достижения узкоэгоистических целей. Примером безграмотного использования духовно-нравственного опыта может служить исламский фундаментализм с его категорическим отрицанием национальной культуры. В различных концах мира, в т. ч. и в России, он наносит огромный ущерб нравственно-экологическому состоянию общества.

В социологической традиции со времен Э. Дюркгейма такие спады общественной жизни и широкомасштабные нарушения экологического порядка известны под названием аномии. Поэтому ученые в разных концах мира твердо убеждены, что «человеческое благо связано с причастностью к сложившимся формам культуры, содержание которых существенно варьируется»³⁶. Культуросообразность и преемственность — неперемные условия успеш-

ной адаптации человека к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям, залог поступательного, устойчивого развития общества. Сознательный (порой демонстративный) или неосознанный отказ от прежних ценностей и норм чреват, как показывает опыт человечества, самыми худшими последствиями.

Разумеется, нет необходимости отказываться от благ современной цивилизации. Они очень важны и нужны, но оборачиваются злом и разрушением, если не служат целям развития культуры.

Все это существенно меняет представления об экологии человека. В настоящее время экологические аспекты культуры выдвигаются на первый план, т.к. социокультурное загрязнение среды вредит человеку в не меньшей степени, чем химическое, радиационное или биологическое. Более того, именно культурная, нравственная эрозия является главной причиной ущерба, наносимого жизненному пространству в целом. Резко возрастает в этих условиях социальная значимость критически грамотной личности, для которой принципиальное значение имеет восприятие и освоение окружающей среды через призму этико-эстетических диспозиций.

Для критически грамотной личности характерно в первую очередь нравственно акцентированное и деятельное внимание к тому, что происходит в жизненном пространстве и окружении человека, постоянный контроль и проверка соответствия собственного поведения правильно усвоенным представлениям об экологическом порядке и выравнивании.

Человек среди людей: ценность человеческих связей и социальный капитал

Каждый человек, каждое социально значимое действие, которое он совершает, выступают для других людей как элемент их жизненной среды, как экологическое событие. От эффекта, производимого этими событиями, зависит атмосфера в семье, в трудовом коллективе, в обществе. Другие люди являются позитивной или, напротив, негативной (подчас опасной) частью жизненной среды. Поэтому развитие когнитивных и коммуникативных способностей, направленных на оптимизацию социального взаимодействия, становится решающим фактором, определяющим эволюционный, экологический успех человечества.

Нравственно-экологическое измерение социальных контактов постоянно производится в ходе взаимных оценок и самооценок. Обычно люди хорошо видят, сознают и планируют воздействие сво-

его бытия и поведения на других. На первый план выдвигается при этом значимость социального ума, доведенное почти до автоматизма умение человека этически грамотно оценить ситуацию, удачно вписаться в жизненную среду других людей, вызывая у них позитивные эмоции и отношения, оставляя в их памяти добрый след. В несколько ином виде аналогичная задача ставится и решается странами, народами, мировым сообществом в целом, к чему сводятся активно обсуждаемые сейчас на международных форумах и встречах характеристики нового мирового порядка, приведенные в соответствии с условиями и велениями XXI в.

Владимир Солоухин говорил: «Улыбка самому себе не нужна, она предназначена другим людям, чтобы им было с вами хорошо и радостно». Психологи могли бы возразить в том смысле, что и самому себе улыбка нужна, чтобы «хорошо и радостно» было с самим собой. Но это лишь подтверждает золотое правило человеческого существования — выявить себя в облагороженной форме, создать максимум психологического комфорта для окружающих и для себя самого. Решение этой важнейшей нравственной задачи зависит от требований, которые предъявляет человек к самому себе, от способов обхождения с самим собой, удачно названных М. Фуко «культурой себя»³⁷. Речь идет, иначе говоря, об определении и назначении своего места в мире. *Культура себя* — это совокупность имеющихся в арсенале личности и общества средств, способов, навыков позитивного и одновременно критического восприятия и изменения жизненной среды.

Хорошим подспорьем для достижения экологического успеха выступают не только этические и эстетические умения и знания, но и тесно связанный с ними *этикет* — система принципов и норм общения, выражающих взаимное уважение и признание. Вежливость, чуткость и последовательное соблюдение правил приличия вызывает у окружающих ощущение безопасного, хорошо организованного и этически выверенного социального пространства. Этикет помогает устанавливать и поддерживать крепкие социальные связи — дружеские, служебные, родственные. В сущности, это социальный институт, являющийся составной частью культуры *эмпатии* — исторически сложившихся правил понимающего, сочувственного мышления и поведения. Заключение в этикете почтительное отношение к людям, как будет показано ниже (при более подробном рассмотрении культуры эмпатии), создает необходимую базу для плодотворного сотрудничества.

Ценность человека в свете этих соображений рассматривается в непосредственной связи с нравственно-экологическими значениями дей-

ствий, которые он совершает с фактами его биографии и этапами жизненного пути. Но то же самое относится и к целым народам, большим и малым группам, странам, сообществам.

Самочувствие как главная категория нравственной экологии

Эмоции и чувства — способы существования экологического сознания³⁸, поэтому чувственное восприятие жизненной среды имеет основополагающее значение. В данной связи самочувствие рассматривается в качестве относительно устойчивой качественной характеристики бытия человека в мире. Это окрашенная в различные тона интегральная характеристика и субъективная оценка человеком своего существования, которая лучше и тоньше всего отображает меру счастья или страдания, испытываемого от погружения в экзистенциальное пространство.

Самочувствие формируется под влиянием бесчисленного множества методично откладывающихся в эмоциональной памяти впечатлений и переживаний, вызванных содержанием, специфическими характеристиками жизненной среды. Это важная содержательная характеристика взаимоотношений человека с различными участками экзистенциального пространства, своего рода фон, на котором разворачивается бытие человека в мире. Здоровый сон, хорошие новости, встречи с приятными людьми, элементарный порядок и чистота в ближайшем окружении человека — все это факторы, способствующие достижению и сохранению хорошего настроения, душевного равновесия. Благотворный, как говорят сейчас, терапевтический эффект имеет простое созерцание природы. Даже мысленное, о чем хорошо сказано в замечательных стихах Инны Кашежевой:

*Когда для счастья сердца мне мало,
Когда тревожат мелкие раздоры,
Я обращаю мысленные взоры
К тебе Кавказ — чистилище мое,
К вам, мои судьбы,
К вам, родные горы.*

Конечно, горы в этом контексте выступают не только как природный, но и этико-эстетический ландшафт, как метафора нравственно-экологического порядка и выравнивания.

Диапазон нравственно-экологического осмысления и использования элементов жизненной среды, вообще говоря, очень велик и разнообразен. Улучшает самочувствие простая смена обстановки в помещении, особенно когда в нем появляются удобные, функционально хорошо рассчитанные и радующие глаз вещи и предметы. Для прироста

и активизации жизненных сил используют развешанное на стене старинное оружие, памятную фотографию друга, оригинальную пепельницу на письменном столе и т. д.

Все зависит в таких случаях от вкусов, привычек, пристрастий человека. Так, в доме известного знатока китайской медицины — пожилого одинокого человека, жившего много лет в эмиграции в Шанхае и доживавшего свой век в глухом кабардинском селе, висит на стене старая картина. На ней изображен восход солнца и рыбак, плывущий в маленькой лодке с небольшим уловом. Для старика она имеет важное практическое значение: «Проснувшись утром, я смотрю на человека, успевшего встать ни свет ни заря и наловить для себя рыбу. Это помогает мне найти в себе силы подняться с постели и по примеру рыбака с картины заняться необходимыми по хозяйству делами».

В числе задач нравственной экологии правильная, этически выверенная организация материальной, культурно-предметной жизненной среды занимает одно из первых мест. Известно, как плохо действуют на психику грязные, разбитые дороги и тротуары, скапливающийся во дворах и в подъездах домов мусор, заросшие бурьяном остовы недостроенных и заброшенных зданий. И как меняется, улучшается настроение, когда все это приводится в надлежащий вид, создаются хорошие жилищные и бытовые условия. Элементарный порядок и чистота в ближайшем окружении человека способствуют восстановлению и сохранению хорошего настроения, душевного равновесия, уверенности в будущем.

Большое значение придают со времен античности так называемой *анопсии* — виду, открывающемуся из окон зданий. Не случайно возникло и получило всеобщее признание целое направление в современном градостроительстве под названием *видеоэкологии*³⁹. Люди дорожат ощущением пространства, перспективой, которая разворачивается каждодневно перед их взором. В Чикаго в одном и том же доме совершенно одинаковые роскошные квартиры на берегу Великих озер сильно различаются в цене в зависимости от того, доступен из окон этих квартир вид на озера или нет. Первые в два раза дороже вторых. Идея небоскребов родилась не столько из-за недостатка земли, сколько в целях создания и поддержания ощущения свободы, полета. Культ высоты ассоциируется с культом личного роста и достижений. Он связан, безусловно, с национально-культурным выражением экотуризма, с идеологическим брендом, получившим название «американская мечта».

Это своего рода социально-экологические ассоциации, которые свидетельствует еще и о том, насколько важно, чтобы заботливо украшенная и оду-

хотворенная жизненная среда была максимально доступной, демократичной. Люди с обостренным чувством экологического равновесия и справедливости всегда обращали на это внимание. Например, Владимир Высоцкий в одной из своих песен, повторяя как заклинание «зачем человеку заборы», поэтически отобразил мечту о сношении многочисленных стен, отделяющих людей от природы и друг от друга. Большим нравственно-экологическим содержанием и смыслом наполнены многие другие песни Высоцкого. Вспомним песню о нейтральной полосе на государственной границе — на границе между двумя идеологически противопоставленными мирами:

*А на нейтральной полосе цветут цветы
Необычайной красоты.*

Такие сюжеты сами по себе очень интересны как образцы нравственно ориентированного, критического отношения к организации жизненно пространства. Нравственно-экологические сюжеты и мотивы творчества Владимира Высоцкого могли бы стать предметом специального исследования. Душу поэта ранила искусственно созданная расколотость данного Богом единства мира, нарастающее не только техногенное, но и идеологическое загрязнение среды, в т. ч. и в повседневном быту, в стереотипах мышления и поведения.

Нравственная экология обязывает держать в поле своего постоянного внимания внутреннюю связь самочувствия и элементов жизненной среды. Здесь и в самом деле все взаимосвязано. К примеру, деградация архитектуры в 1960–1970-х гг. пагубно сказалась на духовно-нравственной атмосфере российского общества. Зажатые в узком пространстве однотипных панельных пятиэтажек, люди утратили ощущение праздника, открытости, полноты жизни. Однообразная визуальная среда нагоняла тоску, а минимум открытого и общающегося с миром пространства формировал философию безысходности и приземленности, уничтожал здоровый дух авантюризма, перспективу развития и личностного роста. Даже традиционные коммуналки в постройках дореволюционной и сталинской эпохи несли больше света и тепла — во всяком случае, в отношениях между людьми, в представлениях о возможном и желаемом будущем.

Известны разнообразные другие факторы, снижающие общий уровень самочувствия: плохое освещение комнат, шум, неприятные запахи, усталость, недосыпание и т. д. Правда, в нашей стране степень их негативного воздействия часто недооценивается. Между тем экспериментально доказано, что, к примеру, шум дорожного движения оказывает отрицательное влияние на успеваемость детей в школе, вызывая стресс. При прочих рав-

ных условиях люди, подвергающиеся воздействию значительного шума, даже сами того не сознавая, становятся более раздражительными, подверженными агрессивным реакциям и менее склонными оказывать помощь другим⁴⁰. По словам американского психолога Н. Хэйса, в городских условиях постоянный фоновый шум стал «уже настолько признанным стрессором, что получил название “шумовое загрязнение”»⁴¹.

Однако и абсолютная, неестественная тишина, как показывают специальные исследования, не способствует улучшению настроения. Если за окном дождь, но человек совершенно (из-за специальной звукоизоляции) не слышит его шум, это может вызвать неприятное ощущение оторванности от внешнего мира. Биоритмы человека в соединении с силой и ритмом внешних воздействий могут давать как положительный, так и отрицательный эффект.

Большое значение имеет для каждого человека общее состояние внутренней среды организма (крови, лимфы, тканевой жидкости). Поэтому существуют правила и ограничения, связанные с культурой питания, гигиеной тела, оздоровительными упражнениями, продолжительностью сна. Они помогают обеспечить нормальный обмен веществ, хорошую работу внутренних органов, избежать многих болезней и болезненных ощущений, поддерживать бодрость организма и красоту тела, уверенность в своих силах и возможностях.

Так достигается в конечном итоге внутренняя согласованность взаимоотношений человека с жизнью. Но здесь, как и в других подобных случаях, необходим индивидуальный медико-биологический и нравственно-экологический подход. К примеру, степень пользы и вреда, который может принести организму (улучшая или ухудшая самочувствие) кофе или алкоголь, зависит во многом от качественных характеристик ферментов каждого конкретного человека. Запах цветов или духов, вызывающий у одних людей хорошее настроение, у других может вызвать аллергию и резкое ухудшение настроения.

Как видим, *самочувствие* — это механизм самосознания и самоконтроля, определяющий содержание, качественную специфику переживаний и, соответственно, логику поведения людей. Известно, что при прочих равных условиях девиантное поведение обусловлено плохим самочувствием, а доброжелательность, отзывчивость, готовность помочь чаще проявляются в условиях хорошего самочувствия. Гипотеза «хорошее настроение — хорошие дела» блестяще подтверждена в экспериментальных исследованиях⁴², и такие в недавнем прошлом экзотические термины, как ароматерапия и арто-терапия, уже прочно входят в жизнь человека как обозначения способов наилучшей организации жизненной среды. Приятные запахи, эстетически

грамотно организованная предметная среда поднимают настроение. И в таких случаях, как установлено психологами, он более вежлив и обходителен, изъясняет большую готовность помочь другим людям. Давно известно также об эмоциональном воздействии различных цветов и их комбинаций. Например, голубой цвет успокаивает и улучшает настроение, генетически он связан с безоблачным небом, в противоположность нагоняющим тоску серым цветом, ассоциирующимся с тучами, туманами, дождями⁴³.

Итак, самочувствие определяет относительно устойчивую общую направленность личности и общества. Если чувства позитивны и оптимистичны — это хорошая база для плодотворной работы и эффективной самоорганизации на основе сотрудничества, доверия, солидарности. И напротив, сомнение, разочарование, раздражение, бессилие, недоверие создают почву для социальной апатии, деструктивного мышления и поведения. Общество с большим числом несчастных, потерявших надежду, ожесточившихся людей накапливает отрицательную энергию, рискует погрузиться в хаос. Прогрессом движет деятельность людей очарованных жизнью, а не разочаровавшихся в ней.

Пять измерений экзистенциального пространства

Примеры многообразных форм взаимодействия человека с жизненной средой позволяют увидеть, как устроено и структурировано пространство человеческого существования. Можно представить его в виде пяти автономных уровней или концентрических кругов.

Первый, ближний круг — *внутренняя, органическая среда организма, соотносимая с его физиологической, химической организацией*. Отсюда понятия «внутреннего пространства человека»⁴⁴, «внутренней экологии»⁴⁵, «эндоэкологии»⁴⁶. Речь идет о заключенном в теле человека микромире, вызывающем у него сложнейшую гамму переживаний — сладостных и волнующих, приятных и болезненных. Сигналы, поступающие из различных участков организма — бодрость, усталость, голод, жажда, боль и т. д., оказывают сильнейшее воздействие на самочувствие и поведение человека.

Преобладает здесь внутренний локус контроля: приходится выстраивать и налаживать отношения не только с социальным Я, но и с телесным Я, удовлетворяя органические нужды или сопротивляясь их велениям. В результате вырабатывается определенный стиль взаимодействия и «сотрудничества» с самим собой. Иными словами, это *культура себя* — совокупность типичных для данного челове-

ка самооценок, самоприказов, способов распоряжения своими ресурсами, своим социобиологическим капиталом.

Культура себя включает в себя и практику самосопереживания как самую интимную и тонкую сферу той области человеческого опыта, которая названа культурой эмпатии⁴⁷. В восточной философии и медицине опыту самосознания и духовно-нравственной гигиены, восприятия тела как храма души всегда уделялось много внимания. Но этот в основе своей этический опыт и острый интерес не только к духовному миру, но и к телесному Я, проник и в европейскую культуру. И прежде всего в связи с развитием психотерапии. В экологически ориентированной психологии самочувствие человека не зря рассматривают в первую очередь как отражение внутренней действительности, как чувственное восприятие тела⁴⁸.

В современной науке такая постановка вопроса находит все больше и больше сторонников. «Причина разлада с окружающим миром находится внутри нас», — говорят специалисты-медики⁴⁹. Поэтому и выздоровление надо начинать с себя, с доступных власти человека изменений телесной жизни. К примеру, используя диету, лекарства и физические упражнения, человек может положительно воздействовать на работу внутренних органов, улучшить осанку, снизить чрезмерно большой для своего роста вес и т. д. Популярное в среде американцев выражение *make self* можно отнести с успехом и к совершенствованию своего телесного Я, а не только к достижениям в социальной сфере. Во всяком случае, к этому предрасполагает широкое понимание культуры себя.

Второе измерением экзистенциального пространства — *психологическое поле личности*. Это закрытый для посторонних и интимный в своей основе мир мыслей, эмоций, страстей человека. Отсюда ставшие привычными рассуждения об экологии ума, воображения, сердца. В психологическом поле личности главенствующее место могут занять такие состояния и переживания, как вина, ревность, зависть, травма несправедливости, предательства или покинутости. Поэтому во всех религиозных системах, но особенно в буддизме, большое внимание уделяется тому, чтобы очистить психологическое пространство личности от всего, что причиняет человеку боль, страдания, заставляет его действовать неразумно, опрометчиво, расточительно.

У каждого человека есть совесть и понимание добра, но не каждый делает добро. Загрязняющее человека родовое повреждение вызывает диссонанс (так называемый когнитивный диссонанс) между знанием о том, что надо делать, и знанием о том, что он делает в реальности. Это мучительное состояние тревожности и беспокойства, преодоление которого

требует покаяния, достижения внутренней согласованности и порядка. Согласно народным представлениям, главным показателем психологического здоровья, символом душевного равновесия и спокойствия не зря считают гармонию ума и сердца.

Третий круг — *социальная среда*: социальные отношения и институты, конкретных люди, с которыми человек прямо или косвенно взаимодействует. Под влиянием социальной среды осуществляется социализация личности (усвоение общественно значимых ценностей и норм), разумное обоснование и эмоциональное переживание смысла и назначения своего бытия.

Человек становится в итоге членом различных групп, удовлетворяя потребность в признании, групповой солидарности, безопасности, обеспечивая, как говорил К. Левин, основы существования, «почву под ногами»⁵⁰. Такую функцию выполняет, например, супружеская пара и семья в целом. Она представляет собой «социальный дом, где человека принимают и защищают от невзгод внешнего мира, где ему дают понять, насколько он ценен как личность»⁵¹. Отсюда развивающаяся в настоящее время нравственно-экологическая концепция семьи как главного и основного компонента среды, в которой человек «живет, как в коконе, первую четверть (если повезет) жизни и которую он пытается построить всю оставшуюся жизнь»⁵².

В жизни каждого человека ощущение включенности в социальную среду, достойного места в ней имеет, конечно, важное значение. Рост одиночества личности, ее оторванность от общества рассматривают как одну из главных причин возрастания масштабов плохого самочувствия, психических расстройств, самоубийств. Но это все же упрощенный взгляд на проблему одиночества и покинутости в современном мире. На самом деле многое зависит здесь от личностных качеств. Человек с богатым внутренним миром чувствует себя хорошо и без большого разнообразия контактов с внешним миром, с другими людьми. Ему интересно, не обидно, а напротив, комфортно быть наедине с самим собой.

Четвертый круг включает в себя *сложный мир артефактов, всю созданную человечеством для себя, для удовлетворения своих потребностей материально выраженную, вещную среду*: домашняя утварь, бытовые приборы, живописные полотна, музыкальные инструменты, культовые изображения и сооружения и т. д. Это достижения культуры, ассоциирующиеся, особенно в немецкой социально-философской традиции, с цивилизацией⁵³, с материальными объектами, являющимися составной частью социальной реальности и среды⁵⁴. Они служат средствами обеспечения не только физического, но и психологического комфорта. По существу, внешнее, материализованное выражение комфор-

та — это движущая сила и конечная цель цивилизации, превращенная, социально наполненная форма инстинкта экологического порядка.

Наконец, пятое измерение экзистенциального пространства — *природа*. Обеспечивая людей ресурсами для выживания и поддержания здоровья, она оказывает, кроме того, и благотворное эмоциональное воздействие на человека. Обаяние природы, ее величавая красота умножают духовные силы, снимают общую тревогу бытия. Поэтому земля, небо, горы, леса, реки, моря являются ценностью не только в материально-экономическом, но и в духовно-нравственном смысле.

Однако не только дикая природа, но и так называемый культурный ландшафт — живописные пашни, городские парки, бульвары, фонтаны, пруды, искусственные озера — радует глаз человека и становится в полном смысле слова терапевтической средой. Причем социальная ценность и значимость общения человека с природой, с культурным ландшафтом измеряется не только зарядом хорошего настроения и самочувствия, но и количеством, социальным составом людей, вовлеченных в такое общение⁵⁵. Доступность эстетически значимой среды имеет принципиальное значение.

В то же время большой вред приносят эстетически агрессивные, запущенные сегменты культурного ландшафта. Например, искусственные озера, превратившиеся в грязные болота, заброшенные, поросшие бурьяном пашни, превращенные в свалку для мусора сады, парки, скверы.

Такова общая характеристика важнейших структурных уровней экзистенциального пространства. Дополнив ее условным противопоставлением внешнего и внутреннего жизненного мира, получим общую картину экзистенциального пространства, в которой внутренний мир представлен органической средой и психологическим полем, а внешний — тремя другими уровнями экзистенциального пространства: социальным, культурно-предметным и природным.

Локус контроля жизненной среды

Человек существует одновременно во всех названных измерениях жизненной среды, но в то же время и различает их, сознавая, когда и как именно действуют они на его самочувствие.

Внутренняя органическая среда может давать о себе знать ощущениями голода, жажды, влечения, насыщения, боли. Разнообразные впечатления, получаемые от общения с другими людьми, являются проявлениями социального окружения. Целую гамму переживаний, в т. ч. и эстетических, вызывают у человека элементы материальной культуры, существенно дополняя тем самым чувства, воз-

никающие в сфере социального взаимодействия и взаимодействия с природой.

При этом чувства и эмоции — не только эпифеномены взаимодействия человека с жизненной средой, но и акты сознательного и неосознанного самоконтроля, связанные с теми участками экзистенциального пространства, которые выдвигаются на первый план. Изменяя модус контроля, человек постоянно отслеживает действительность, чтобы сделать какой-либо из фрагментов внешнего или внутреннего мира фигурой на общем фоне, переживая, сознавая и оценивая свое бытие в мире.

Таким образом, общее самочувствие человека складывается из впечатлений, получаемых от всех уровней экзистенциального пространства: 1) внутренней среды организма; 2) психологического поля; 3) социальной среды; 4) предметно-культурной среды; 5) природной среды.

Такое разграничение необходимо и в чисто методических целях для концентрации исследовательского внимания на тех или иных срезах экзистенциального пространства, для идентификации и этической рационализации конкретных переживаний. Качественная специфика и локус контроля каждого переживания вполне различимы, и это позволяет безошибочно установить болевые, этически и эстетически ущербные участки экзистенциального пространства, которые нарушают ощущение душевного равновесия, комфорта, безопасности. Например, это может быть чувство вины, неудовлетворенность местом постоянного проживания, конфликты на работе, застарелые болезни и т. д. Стечение большого числа подобных обстоятельств и переживаний приводит нередко к срыву нервной системы, к патологическим реакциям и изменениям.

Принципиальное значение имеет в таких случаях специфика восприятия человеком условий своего существования, всех событий, происходящих в его жизни. Полагает ли он, что может ими управлять или считает это невозможным? В первом случае говорят о преобладании у человека внутреннего локуса контроля и управления, во втором — внешнего. У человека с *внешним локусом контроля* многое происходит не по его воле, а по воле других людей, каких-либо иных внешних сил и не зависящих от него обстоятельств. «В результате он ощущает себя беспомощным, разочарованным и испытывает куда больший стресс, чем человек с внутренним локусом управления»⁵⁶.

В отличие от этого в реакциях человека с преобладанием *внутреннего локуса управления* обнаруживается осознанное движение к самоосуществлению и самореализации, уверенность в возможности изменения, выравнивания условий своего существования. С одной стороны, это активность, направленная на преодоление препят-

ствий, создаваемых неизбежно жизненной средой, а с другой — столь же сложная и упорная деятельность по использованию, упорядочению, перестройке мира в соответствии с представлениями о личном и общем благе.

Фактически, таким образом, через различные стратегии самоосуществления человек выбирает себя, свое место в жизни. Внутренний локус контроля имеет как минимум два варианта — сравнительно жесткий (ригидный) и сравнительно мягкий (гибкий).

Нравственно-экологическая конгруэнтность

В столкновении и на основе объективных условий существования и субъективных оценок жизненной среды возникают различные, в т. ч. и ущербные формы экологического поведения. Поэтому комплексное нравственно-экологическое исследование человеческого существования предполагает сопоставительный, внутренне согласованный анализ четырех аспектов бытия: 1) объективных условий жизни; 2) переживаний, испытываемых людьми под воздействием этих условий; 3) образа жизни как совокупности различных форм поведения, являющихся следствием и отражением объективных условий и субъективных переживаний; 4) планирования определенных, в т. ч. и принципиально новых, этически значимых форм взаимодействия с жизненной средой.

На этом построен метод комплексной верификации жизненной среды, имеющий для нравственной экологии основополагающее значение. В его основе лежит изоморфизм четырех, названных выше, измерений бытия — закономерность, которую можно назвать *нравственно-экологической конгруэнтностью*. Это особого рода взаимосвязь и взаимозависимость, выражающаяся в том, что самочувствие и представления о желаемом будущем являются не только индикаторами воздействия на человека различных элементов среды, но и важнейшими характеристиками самой среды, критериями ее нравственно-экологической полноценности или ущербности.

Именно в этом смысле можно говорить об изоморфизме и дополнительной дистрибуции различных измерений бытия. Параметры самочувствия и психологического настроения отдельных людей и отдельных — малых и больших групп населения являются одновременно и важнейшей качественной характеристикой их жизненной среды, в т. ч. и свойствами общества, в пространстве которого находятся.

Здесь необходимо вновь возвратиться к самому главному положению нравственной экологии:

улучшая параметры экзистенциального пространства, можно и необходимо улучшать самочувствие и общий настрой человека и общества, т.е. действовать сознательно и целенаправленно, сохраняя и поддерживая экологическое равновесие и порядок.

В конечном итоге все сводится к вопросу о том, насколько уютно чувствуют себя отдельные люди и целые сообщества в пространстве своего бытия, насколько способствует жизненная среда удовлетворению базовых потребностей выживания и само-

реализации. В зависимости от характера ответов на данный вопрос можно судить о качестве жизни, о том, в какой мере тот или иной человек, то или иное конкретное сообщество приспособили себя к окружению и окружение к самому себе, насколько созрел современный мир в качестве экодому, где сбываются мечты человека о счастье.

Проблема качества жизни, таким образом, в основе своей нравственно-экологическая, прямо связанная с качеством внешней и внутренней среды человека.

Бабич И. Л., Базиева Г. Д., Кратов Е. В., Кратова Н. В., Соколовский С. В.

ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ ИСЛАМСКОГО ВСПЛЕСКА И КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Отечественное кавказоведение 1990-х — начала 2000-х гг. до сих пор оставляет вне сферы своего внимания такую важную часть жизни северокавказских народов, как формирование современной морали, духовных ценностей, идей — всего того, что можно назвать одним, отчасти неприятным для людей, которые прожили всю свою жизнь или хотя бы ее часть в советское время, словом — идеология.

Возникшая в начале 1990-х гг. перестройка и ее политические лидеры с удовольствием объявили свободу и сместили с пьедестала так называемую советскую идеологию, основы советской морали, на базе которых в советские годы принудительно осуществлялось «формирование советского человека». Люди, почувствовав себя действительно свободными, стали счастливо жить без советской морали, однако к концу 1990-х гг. как простые люди, так и представители творческой интеллигенции и даже властных структур стали осознавать кризис морали, кризис духовных ценностей: столь желанная свобода перетекла в анархию, при которой из общества исчез моральный стержень. И в стране начался процесс формирования новой, постперестроечной идеологии, начался поиск духовных ценностей, основ морали, которые могли бы стать путеводной нитью для жизни россиян в XXI в.

Кавказские народы не стали исключением, и характерные для всей России проблемы для них также актуальны и важны. Кризис идеологии и морали чувствуется всеми слоями населения современного городского и сельского обществ республик Северного Кавказа.

В предлагаемой статье, опираясь на собранные авторами полевые этнографические материалы и

наблюдения в 2006–2008 гг., а также на основные принципы теории мультикультурализма, рассмотрены данные вопросы на примере жизни современных народов в трех республиках Северного Кавказа: Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи.

Анализируя происходящие на современном Северном Кавказе процессы духовного развития, остановимся на тех сферах, где и происходит или не происходит (а должно происходить) формирование новой идеологии, духовных ценностей. В первую очередь это министерства культуры, печати и образования республик Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи, в недрах которых осуществляется определенная культурная политика и формирование школьной педагогической парадигмы; это семьи, старшее поколение которых задумывается о том, как воспитывать детей и внуков; это исламское духовенство, стремящееся к внедрению исламской морали; наконец, это представители творческой и научной интеллигенции Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи, которые в советские годы были «властителями дум», пользуясь реальным высоким авторитетом в обществе.

Концепция мультикультурализма

Политика мультикультурализма получила институциональное воплощение и поддержку государства в нескольких крупных западных демократиях, относящихся к странам, принимающим крупные группы иммигрантов. Элементы этой политики внедряются и в России. Между тем действующие мультикультурные режимы сталкиваются с серьез-

ными проблемами как практического, так и идеологического характера.

Терминами «мультикультурализм» и «мультикультурный» иногда обозначают культурную, языковую и конфессиональную мозаичность населения страны или региона, иными словами — *культурное многообразие населения*. Более удобным, однако, представляется оставить для обозначения мультикультурных ситуаций термин «*культурное многообразие*», или «*культурная мозаичность*», а термином «мультикультурализм» обозначать политику государства, направленную на поддержку и правовое обеспечение такого многообразия, а также философско-идеологическое и теоретическое обоснование такой политики. Режимы поддержки культурного многообразия, как и философские, политические и правовые доктрины, лежащие в их основе, не сводятся ни к мультикультурализму как отдельному и особому направлению, ни к какой-либо одной модели мультикультурализма.

Мультикультурализм как понятие относится прежде всего к тезаурусам социальной политической философии и философии права, хотя и отсылает к общеантропологическому понятию культуры — концепту, подвергнутому сокрушительной критике во второй половине XX в.

Большинство публикаций по проблемам мультикультурализма либо осуждает эту идеологию с позиций универсальности принципов либеральной теории, либо принимает ее безусловно. Такая противоречивость в отношении к политике мультикультурализма отчасти объясняется наличием объективных противоречий между стремлением государств интегрировать сообщества мигрантов и превратить последних в «полноценных граждан» и политикой поддержки меньшинств.

Многие теоретики связывают популярность и распространение политики мультикультурализма с оформлением в конце 1970-х — начале 1980-х гг. так называемой политики идентичности, вышедшей в этот период в массовые движения за права женщин, национальных и сексуальных меньшинств, экологические движения и т. д. — все те требования, которые интерпретировались в отличие от их предшественников как постматериалистические (термин Рональда Ингелхарта), т. е. направленные не столько на справедливое перераспределение ресурсов, сколько на признание особых групповых идентичностей и прав.

Государства реагировали на эти движения в широком диапазоне от подавления до поддержки, а разные формы и способы аккомодации этих требований стали рассматриваться в качестве особого сектора политики — политики признания (*politics of recognition*). Истории известны и более ранние случаи попыток политического воплощения фило-

софии мультикультурализма, первой из которых явилась, по-видимому, политика правительства Индии, закрепленная в ее новой Конституции 1950 г. В 1971 г. политика мультикультурализма стала официальной политикой правительства Канады. Среди государств, выработавших наиболее известные и успешные формы аккомодации требований разнообразных групп идентичности и социальных движений, обычно называют Канаду, Бельгию, Нидерланды и Швейцарию, хотя политика мультикультурализма в 1970-е гг. была одобрена и поддержана большинством государств — членов Европейского союза. Несколько позднее Канада лозунг мультикультурализма взяла на вооружение Австралия: правительство положило конец политике ассимиляции иммигрантов и дискриминации «цветных» и постаралось сделать государство более удобным для всех жителей независимо от происхождения и языка.

Существующие концепции мультикультурализма строятся на следующих основных представлениях:

1) *натурализация культуры* — представление культуры как врожденной или усвоенной бессознательно в раннем детстве и впоследствии неизменной, как системы диспозиций, обусловленных групповой принадлежностью, «кровью», или «генами» (в таком представлении мы определенно сталкиваемся с элементами так называемого культурного расизма);

2) рассмотрение культур как *однородных и монолитных целостностей*, игнорирование внутригрупповых различий, забвение факта, что индивид всегда одновременно включен в несколько групп и субкультур — статусные, сословные, профессиональные, гендерные, конфессиональные, досуговые и т. д., культурные параметры, интересы и требования которых могут весьма существенно различаться;

3) во многих популярных моделях мультикультурализма имплицитно содержатся ранжирование и иерархизация культурных сообществ, в которых наиболее важное значение и первое место занимают обычно этнические (этнокультурные) сообщества, затем следуют конфессиональные, а прочим — гендерным, профессиональным, сексуальным, досуговым — уделяется мало либо совсем не уделяется внимания; теоретические основания для такого рода ранжирования отсутствуют, в то время как интересы членов выделяемых и привилегированных в концепциях мультикультурализма сообществ в реальности определяются принадлежностью и одновременной включенностью сразу в несколько культурных групп;

4) обусловленные в идеологическом и правовом отношении требования справедливости и равенства (недискриминации) со стороны лиде-

ров этнокультурных сообществ необоснованно перетекают в политические требования в *иных сферах*, за пределами культурных и языковых прав, например в требования политического представительства.

Творческая интеллигенция и формирование современных ценностей

В советские годы русская, советская и особенно национальные литературы и ее представители-современники — национальные писатели занимали значительное место в общественной жизни народов Северного Кавказа, они пользовались авторитетом, были законодателями морали, формировали ценности, которые ставились во главу угла в жизни людей. Однако в 1990-е гг. все изменилось: местная интеллигенция практически в одночасье потеряла свое положение. В умах и сердцах писателей, художников, композиторов, как подчеркивает один из видных писателей Адыгеи Исхак Шумафович Машбаш, появилась неразбериха.

На Северном Кавказе, как и во всей России, начался процесс переоценки духовных, моральных ценностей, тем не менее местная интеллигенция в силу целого ряда обстоятельств не сумела отразить этот процесс в своем творчестве. Современные писатели как бы выпали из общественного мнения: в 1990-е гг. их произведения практически перестали издавать, писатели стали крайне редко выезжать на встречи с читателями (что в советские годы являлось одной из важных форм пропаганды моральных ценностей)⁵⁷. Республиканские союзы писателей практически перестали поддерживаться государством. В результате к середине 2000-х гг. в изучаемых республиках, по мнению председателя телеканала «Экран» С. Б. Шендрик, в Карачаево-Черкесии практически не стало явно выраженных лидеров из среды творческой элиты, которые могли быть оказывать влияние на общественное мнение и моральную атмосферу⁵⁸.

Многие деятели культуры и средств массовой информации в Карачаево-Черкесии признавались, что они не чувствуют в современном обществе наличия общественной идеологии, общественных ценностей. Как подчеркивает председатель ВГРТК по Карачаево-Черкесии Г. К. Чекалов, эти ценности и моральные нормы до сих пор во многом не сформулированы⁵⁹. В обществе налицо духовный кризис, который и привел к снижению авторитета творческой интеллигенции. В основном, как отмечает председатель телестудии «Черкесск» И. Х. Гашиков, люди живут за счет тех ценностей и моральных принципов, которые были заложены старшим поколением⁶⁰.

Одной из причин спада деятельности местных писателей и других представителей элиты стало резкое сокращение в 1990-е гг. финансирования их творческой деятельности: крайне скудное выделение средств на издания, командировки, переводы: если в 2008 г. государственное издательство Адыгеи выпустило 10–12 названий книг местных писателей, то в 1980-е гг. — около 150 в год⁶¹.

В течение всего постперестроечного периода писатели отчасти находились на распутье: им было трудно осмыслить современную действительность, понять, на каком языке писать произведения. Книжки на местных языках стали мало популярны среди населения, а издание произведений только на русском, безусловно, будет способствовать ослаблению бытования национальных языков. В конце 1990-х гг. в Карачаево-Черкесии всерьез рассматривался вопрос о сокращении тиражей книг на национальных языках: в этот период книги издавались мизерным тиражом — 100 экз., а покупали всего 50 экз.⁶²

В нынешнее время молодое поколение знакомится с русской, советской и национальной литературой главным образом в школе. В Адыгее, согласно школьной программе 9-го класса в разделе внеклассного чтения, подростки изучают произведения на адыгейском языке. В Карачаево-Черкесии национальные литературы являются школьным предметом, и дети обязаны читать наиболее известные произведения местных авторов, изданные до начала 1990-х гг.⁶³ Однако вне стен школ современная молодежь мало читает русскую и национальную художественную литературу. Подростки и молодежь предпочитают читать детективы и современные зарубежные романы⁶⁴.

Обратимся к социологическому исследованию, проведенному в 2003 г. С. И. Хруниным и О. Ю. Крыниной по проблеме «Востребованность социально-культурных услуг в г. Майкопе», в рамках которого был проведен опрос 746 жителей города о читательских предпочтениях. Согласно результатам опроса, 14 % опрошенных предпочитают читать иллюстрированные журналы, например, «Гео», «Космополитен», 64 % опрошенных читают так называемое легкое чтение: бульварную литературу — произведения Б. Акунина, В. Пелевина, Х. Мураками, П. Коэльо. Женщины активно читают так называемую современную женскую литературу — произведения Д. Донцовой, Т. Устиновой и др.⁶⁵ Современные литературные вкусы молодежи более разнообразны: есть молодые черкешенки, которые увлекаются произведениями М. Ю. Лермонтова или А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского. Пожилые люди читают главным образом детективы⁶⁶.

В Карачаево-Черкесии произведения местных писателей практически никто не читает, даже студенты филологического факультета местного уни-

верситета знакомятся с национальной литературой с помощью интернета.

С начала 2000-х гг. положение творческой интеллигенции на Северном Кавказе постепенно стало улучшаться. В Республике Адыгея стали издаваться литературно-художественные и общественно-политические журналы Союза писателей Адыгеи и МК Республики Адыгея «Литературная Адыгея» (на русском языке) и «Дружба» (на адыгейском языке), главным редактором которых является уже не раз упоминавшийся нами выше И. Ш. Машбаш. В альманахе «Литературная Адыгея» охотно публикуются молодые прозаики и поэты республики, для которых Союз писателей стал проводить ежегодное совещание «Созвездие»⁶⁷.

В Карачаево-Черкесии писателей вновь стали активнее приглашать для встречи с читателями. Так, известный ногайский писатель И. Капаев за последний год дважды выступал на местном телевидении. Абазинского писателя Д. К. Лагучева не раз приглашали на телеканал «Экран» и местный филиал ВГРТК⁶⁸. Писатели стали встречаться с президентом Карачаево-Черкесии и другими чиновниками для проведения бесед о духовном развитии общества. Они стали получать различные гранты на издание новых произведений.

Ключевыми темами, разрабатываемыми современными писателями Карачаево-Черкесии, являются сохранение языка, восстановление исторической памяти (темы депортации карачаевцев, геноцида адыгов и т. д.), а также проблемы, связанные с изменением этнического менталитета⁶⁹. Национальные писатели Адыгеи предпочитают обращаться к истории адыгов. Чаще в художественной, реже в публицистической форме они описывают отдельные стороны жизни адыгов в прошлые века, описывают жизнь и творчество известных в прошлом личностей, например статьи писателя И. Машбаша об адыгском певце — поэте Ц. А. Теучеже⁷⁰.

В то же время, как отмечает известная писательница Карачаево-Черкесии Л. Б. Бекизова, в республиках сохраняется значительная часть интеллигенции, выросшая в советские годы, которая придерживается советской идеологии и ее основных лозунгов «Наш общий дом — Кавказ», «Кавказ и Россия едины» и т. д.⁷¹ Эту же позицию занимает и председатель радио ВГРТК по Карачаево-Черкесии М. Накохов. Он считает, что в основе пропагандируемых ценностей возглавляемой им организации лежит идея формирования общекавказского дома и принципы толерантности, диалога культур. Тем не менее М. Накохов признает, что в настоящее время на всем Северном Кавказе по-настоящему работает только одна идеология — «как выжить?»⁷².

Представляется очень важным и показательным интервью с известным ногайским писателем Карачаево-Черкесии И. С. Капаевым. По его мнению, в республике творческая интеллигенция оказалась отрезана от общества: в советские годы был приоритет деятелям духовной культуры. В 1990-е гг., в период так называемой перестройки в Карачаево-Черкесии произошел спад в духовной культуре: в результате одна небольшая часть населения обратилась к исламу, другая такая же — к национальным корням. И то, и другое, как считает И. Капаев, не имеет перспектив развития. Исламская тематика практически не имеет популярности среди писателей: это слишком мелкая тема, тем более что ислам переродился в несвойственные для народов Карачаево-Черкесии формы ваххабизма. По его мнению, не только писатели старшего поколения достаточно равнодушны к исламу, но и молодые писатели не исповедуют ислам. Более важными темами для И. Капаева, как и для других писателей, о чем упоминалось выше, стала история народов Карачаево-Черкесии, в частности изучение ногайских корней III–IV вв.⁷³

Чрезвычайно вдумчивый и внимательный к современной жизни писатель И. Капаев убежден, что поскольку Карачаево-Черкесия — многонациональная республика со сложными межнациональными взаимоотношениями в обществе, современная идеология должна строиться на такой модели: закон — общечеловеческие понятия — формирование гражданского общества. По его мнению, понятие гражданского общества практически не воспринимается ни на уровне российского государства, ни на республиканском уровне. Причем из-за многонациональности общества в Карачаево-Черкесии общее поле надо создавать на русском языке: писатели разных национальностей должны издавать свои произведения на русском языке, что могло бы объединять народы республики⁷⁴.

Часть интеллигенции, главным образом карачаевской, считает, что опора на национальную культуру все же имеет хорошие перспективы, т. к. она очень устойчива. В частности, об этом рассказывал директор «Карачаево-Черкесского республиканского книжного издательства» К. М. Н. Тотуркулов. Иногда некоторые деятели культуры, боясь, что национальная культура уйдет, начинают акцентировать внимание на чисто национальных аспектах, в результате чего появляется перекоп в виде националистических эмоций в творчестве некоторых карачаевских писателей⁷⁵.

Союз писателей Адыгеи и Комитет по делам молодежи г. Майкопа в последние годы, стремясь активизировать деятельность молодых писателей, ежегодно проводят конкурс «Созвездие», в котором

принимают участие адыгейские писатели — Ф. Шеджен, А. Ловпаче, Р. Махош.

Наряду с этим Союз писателей Адыгеи и Министерство культуры Адыгеи обратили внимание и на детей, начав в 1997 г. издавать детский журнал на адыгском языке «Жьогъобын» («Созвездие»), а в 2001 г. на русском — «Родничок». За эти годы сменилось несколько главных редакторов детского журнала: Ю. Чуяко (1997), С. Панеш (2004), И. Машбаш (2007 г. — по настоящее время)⁷⁶.

Рассмотрим содержание этого журнала:

- 1) информация об адыгских писателях старшего поколения (обычно связано с юбилеями), например статья о 70-летнем юбилее писателя П. Кошубаева;
- 2) статьи о родине и об истории адыгских аулов, современном флаге республики;
- 3) информация об адыгских традициях (о том, что следует уступать место старшим в автобусе и т. д.);
- 4) информация об адыгских бытовых традициях, обрядах, национальных костюмах, пище и т. д.;
- 5) статьи об адыгском фольклоре, нартских сказаниях;
- 6) информация о народных промыслах адыгов (в частности, о золотошвейном), о декоративно-прикладном искусстве;
- 7) статьи о музыкально-танцевальном творчестве детей;
- 8) информация о конкурсах «Фабрика звезд Майкопа», «Фабрика звезд Адыгеи».

Парадигма «адыгская культура как основа современной морали, современных ценностей и современной идеологии» поддерживается и местной научной интеллигенцией. «В адыгской культуре, — пишет один из известных в Адыгее социологов Р. А. Ханаху, — сохраняется немало элементов традиционной культуры. Ведущее место среди них занимает морально-этический императив *адыгагэ*. Уже буквальный перевод адыгского слова “адыгагэ” означает по-русски адыгство, т. е. свойство, характерное для всех адыгов, для всех представителей этноса. Это же слово можно перевести как человечность, что показывает ориентированность этнической этики на общечеловеческие ценности. Данный феномен является существенным фактором стиля и образа жизни: регулятором индивидуального и группового поведения, базисом этнической идентификации, фактором коммуникации и социализации... С другой стороны, современные формы культуры не могли не вызвать определенных изменений в ментальности адыгов. Их ментальные свойства проходят испытания такими доминирующими тенденциями мирового развития, как индивидуализация и глобализация. Часть адыгов, оказавшаяся за

пределами своего региона, а иногда и внутри самого региона, вынуждена играть по этим диктуемым современностью правилам и сохранять традиционность, в основном в сфере семьи и быта»⁷⁷.

Проблема соотношения национального и глобального в культуре и идеологии была главной в разговоре с известным карачаевским художником и скульптором Кази-Магомедом Исмаиловичем Хабичевым, народным художником, членом Союза художников Карачаево-Черкесии. Хабичев — художник чрезвычайно самобытный, талантливый, глубокий, с оригинальным видением мира. Он много работает, в последние годы проводилось с ним много выставок (в Элисте, Нальчике, Кисловодске), публикуется множество статей о его творчестве. Основными сюжетами картин К. М. И. Хабичева становятся следующие темы: сельские труженики, философия (думы горцев), исторические темы (депортация карачаевцев, например картины «Живописная страна Алания», «Карча (предводитель карачаевского народа)»), военная тематика и др. Хабичев интересуется и народной культурой, много занимается «стилизацией национальных традиций и введением их в общечеловеческое пространство, мировое пространство», как выражается художник.

Тем не менее в его творчестве в большей степени преобладают общечеловеческие темы над национальными, тогда как другие карачаевские художники в большей степени акцентируют свое творческое внимание на национальной тематике. Это относится к таким талантливым художникам, как М. Бурлаков и У. Мижев (карачаевцы), М. Хахандуков (черкес) и др. Интересно, что в последние годы К. М. И. Хабичев увлекся и исламской тематикой, однако мусульманские лидеры Карачаево-Черкесии уже обращались к нему, чтобы он «убрал лица со своих работ», если считает себя мусульманином. Между тем, как подчеркивает Хабичев, у него до сих пор не сложилось цельного восприятия ислама, сохраняется противоречивость в восприятии основных исламских канонов.

В современный период литература призвана формировать новое национальное самосознание, в связи с этим содержание ее основных произведений отражает героическую историю предков, неразрывно связанную с культурным наследием, живой творческой силой, способствующей восстановлению прерванности национальной традиции.

В Кабардино-Балкарии особое место занимает историческая литература. В центре внимания писателей дореволюционное прошлое (Т. Адыгов «Щит Тибарда», А. Теппеев «Воля»), периоды Гражданской и Великой Отечественной войн (А. Кешоков «Вершины не спят», «Сломанная подкова», З. Толгуров «Эрирей», «Алые травы», А. Теппеев

Ислам в литературе Карачаево-Черкесии

«Соленые лепешки», «Солнце не заходит»), послевоенный период (повести и рассказы Б. Мазихова, М. Кармокова, Э. Гуртуева, Б. Кагермазова, Х. Шаваева и др.). В современный период, пытаясь преодолеть односторонность исторического видения, писатели Кабардино-Балкарии зачастую обращаются к незатрагиваемым в советской литературе темам: махаджирстве (у адыгов) и депортации (у балкарцев), тем самым восстанавливая историческую память.

В обращении к реальным историческим событиям писатели ищут опору, не дающую распасться единой корневой системе этноса. Последний роман классика кабардинской литературы А. Кешокова (1914–2001) носит символическое название «Корни» и посвящен трагедии адыгов, вынужденных во время Кавказской войны покинуть Родину. Произведение охватывает жизнь нескольких поколений адыгов, цепочка времени связывает прошлое и настоящее. Романы «Мост Сийрат» А. Тепшеева и «Голубой типчак» З. Толгурова посвящены депортации балкарского народа. В романе «Мост Сийрат» А. Тепшеев рассматривает трагедию сквозь призму времени, психологически точно рисуя портреты как жертв, так и палачей. Для тех и других жизнь — «Мост Сийрат», преодолев который, по народным поверьям, праведным открывается дорога в рай, остальных же ждут вечные мучения в аду.

В современной литературе мифологизирование выступает не столько как средство создания глобальной модели, сколько в качестве приема, позволяющего акцентировать определенные ситуации и коллизии прямыми или контрастными параллелями из мифологии.

Устойчивость современной этнической культуры, по мнению большинства писателей Кабардино-Балкарии, должна строиться не на однообразии и идентичности всех ее составляющих, а на пластичности и разнообразии слагающих ее элементов.

Современной художественной литературе принадлежит особенная роль в формировании национального самосознания. Во-первых, литература, являясь искусством слова, напрямую связана с проблемой сохранения и развития национального языка, во-вторых, литература непосредственно или опосредованно связана с другими сферами профессиональной культуры — театром, изобразительным искусством, музыкой.

Основные задачи национальной литературы на современном этапе развития культуры Кабардино-Балкарии и формирования этнической идентичности кабардинцев и балкарцев: 1) восстановление исторической памяти; 2) определение нравственных ориентиров; 3) воспитание толерантного сознания.

На основе исламского вероучения в процессе исторического развития возник сложный многогранный культурный комплекс. Он включил в себя, помимо собственно исламской догматики, детально проработанную аксиологию, свод морально-этических правил, развитое учение о государстве, праве, экономике. На его основе получили развитие система образования, искусство, архитектура, литература.

Принятие ислама вело к глубокой трансформации культуры народа, изменению его традиций и обычаев, обогащению повседневной жизни. Значительное влияние мусульманской культуры испытали и народы, населяющие Карачаево-Черкесскую Республику, — абазины, карачаевцы, ногайцы и черкесы. Принятие ими ислама, а тем более распространение исламской культуры не было одномоментным актом. В течение столетий продолжался процесс взаимодействия традиционной, исламской и российской культур, в ходе которого и сформировались оригинальные синкретичные национальные культуры, которые можно наблюдать сегодня.

Проблема выбора вектора развития ислама и исламской культуры впервые обозначилась в конце 1980-х гг. В это время свобода совести в СССР из декларации начала превращаться в одну из реалий формирующегося демократического общества. Было очевидно, что религия должна играть более весомую роль в обществе. Однако видение форм, методов и направлений религиозного возрождения существенно отличалось у различных общественных групп. Особенно остро эти проблемы проявились внутри мусульманской уммы.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. громко заявила о себе радикально настроенная мусульманская молодежь, стремившаяся ускорить процесс исламизации республики. Идея исламского возрождения на несколько лет стала мощным фактором мобилизации местной молодежи. Именно ислам, согласно представлениям молодых мусульманских реформаторов, должен был стать основой для становления новой, несветской государственности народов Карачаево-Черкесии.

Активно действовавшая в республике Исламская партия возрождения поддержала требования раздела республики по национальному признаку, а ее лидер М. Биджиев возглавил движение за образование самостоятельной Карачаевской республики⁷⁸. Это движение, стремившееся изначально реализовать автономистские требования в рамках закона, под его руководством стремительно радикализировалось. Апофеозом его деятельности стал бессрочный митинг в г. Карачаевске в под-

держку Карачаевской республики, устроенный в ноябре 1991 г.

Одновременно им был организован независимый от официального Духовного управления «Духовный центр мусульман Карачая — Имамат Карачая»⁷⁹. Материалы периодической печати дают некоторое представление о его видении путей возрождения исламской культуры. Прежде всего само название созданного Биджиевым духовного центра — «Имамат Карачая» — вызывает стойкие аллюзии с имамом мюридов Дагестана и Чечни времен Кавказской войны. Осуществляемая Биджиевым деятельность также свидетельствовала о том, что в богатой палитре исламской культуры его интересовал прежде всего политический аспект, возможность использования ислама в борьбе за власть. В полемической статье «Ваше время прошло» пресс-секретарь биджиевского имамата делает важное заявление: «... именно в имамате утверждается идея, что религия (ислам) и политика вещи неразделимые. Действительно, разве можно отделить ислам от политики? ...Ислам — это религия, которая призывает утверждать истину Бога во всех сферах жизни — политике, экономике, культуре, браке и семье...»⁸⁰

Очевидно, что такая позиция совершенно не вписывалась в рамки российского законодательства о свободе совести, даже в его ультралиберальной форме начала 1990-х гг. Однако она вполне соответствовала духу времени и умонастроениям некоторой части населения. Так или иначе, именно с императивом «утверждать истину Бога во всех сферах жизни» связаны разнообразные течения современного салафизма — от умеренных до радикальных его форм. Все попытки перевести этот теоретический посыл в практическую плоскость неизбежно приводили к острой социальной конфронтации.

Не стала исключением и Карачаево-Черкесия. Острый политический кризис, всплеск межэтнической напряженности, обострение отношений внутри самой мусульманской уммы стали очевидным следствием действий сторонников исламского возрождения. Очевидным прежде всего для самих мусульман. Эйфория от внезапно открывшихся перспектив построить общество в соответствии с идеалами ислама быстро прошла, когда стало известно, что гигантские суммы, выделенные международными исламскими фондами на развитие ислама в республике, до мусульман так и не дошли, а призывы к исламскому возрождению оказались лишь инструментом политических авантюристов в борьбе за власть⁸¹. Основная часть исламского духовенства и верующих выступили против политизации и радикализации ислама, поддержав умеренную модель, опирающуюся на

национальные традиции. К 1993 г. партия прекратила деятельность на территории республики. Тем не менее умеренно салафитский и экстремистский векторы, сформировавшиеся в бурную эпоху начала 1990-х гг., до сих пор сохраняют свою актуальность.

Развитие исламской культуры непосредственно связано с функционированием различных социальных институтов, осуществляющих аккумуляцию и трансляцию религиозных норм и ценностей.

Исламская тематика отражается в творчестве современных писателей Карачаево-Черкесии, стремящихся довести до сознания соотечественников религиозные и нравственные ценности.

Прежде всего следует отметить усилия по переводу Корана и Сунны на языки народов Карачаево-Черкесии. Много сил переводу Корана на карачаевский язык приложили О. А. Хубиев, А.-Ю. Эбзеев и А.-Х. Х. Хубиев. Отдельные суры Корана и избранные хадисы перевели на абазинский язык К. Мхце и Н. Муратков.

Проводится значительная работа по сбору, изучению и изданию карачаевских, ногайских и черкесских народных религиозных песен — *закиров* (*закиров*). Карачаевские *закеры* суфийского поэта Чокуна-эфенди (Исмаила) Акбаева были изданы в 1991 г. И. Капаев составил сборник ногайских *закиров*. В 1998 г. вышла в свет книга М. Ю. Адзинова и М. А. Шенкао «Хадисы, *закеры* и фарзы мусульман-адыгов».

В качестве примера можно привести фрагмент *закера*, опубликованного в октябре 1990 г. в первом номере газеты «Ислам-нью». Перевод с карачаевского сделан аль-хаджи Азрет-али Байрамуковым:

*Братья, слушайте меня,
Постарайтесь все понять,
И тогда прямым путем
И довольством все пойдём.
Пусть из вас никто не грезит
Вечно в мире оставаться,
И всегда, до бесконечности
В мире этом пропитаться...
О, Аллах, прошу тебя, прости наши грехи!
О, Аллах, прошу тебя, дай нам благоденствия!
О, Аллах, прошу тебя, прими нашу просьбу!
О, Аллах, прошу тебя, одели нас раем!..*

Важным актом приобщения карачаевских читателей к исламской классической культуре явились издания сочинений Омара Хайяма в переводе на карачаевский язык, которые осуществили в 1990-е гг. И. И. Алиев и А. М. Батчаев.

Религиозная тематика отражается и в художественных произведениях. Карачаевские поэты И. Я. Акбаев и И. У. Семенов написали поэму о жизни и деятельности пророка Мухаммеда.

Молодой поэт Б. Батчаев создал поэму «Паломничество» и стихотворения «Коран», «Курбанбайрам», «В мечети».

***

Совершенно очевидно, что в основе кризиса современной идеологии легла смена государственного строя в целом в стране и всех сопутствующих этому процессу обстоятельств. Становление основ российской государственности в 1990-е гг. в РФ явилось главной причиной необходимости и формирования новой идеологии.

На Северном Кавказе эти процессы приняли обостренную и своеобразную форму в силу сложного исторического и геополитического положения региона. Известно, что именно народы Северо-Западного и Центрального Кавказа стали в прежние века объектами конкурентной борьбы крупных империй, узлом противоречий имперских держав. Т. И. Афасижев совершенно справедливо отмечал, что в Республике Адыгея происходит становление государственности «на фоне сложных мировых и общероссийских процессов. В условиях глобализации западный либерализм стал утверждаться как единственная альтернатива в переустройстве российского общества.

По мысли западных технологов, только западный образец социального устройства обеспечит всему человечеству благодатную жизнь. Сторонники этих идей пошли по пути механического заимствования парламентской демократии, рыночной экономики, западного образа жизни. Но отрицание национальных корней и высокая экономическая зависимость от Запада не могли не привести к внутренней напряженности, нестабильности и разрушению духовной среды российского социума. При всей такой сложной обстановке в мире Адыгее нужно выработать свою формулу вхождения через Россию в современный мир с учетом, конечно, своей историко-геополитической и социокультурной уникальности»⁸².

По мнению авторов данной статьи, происходящие в современных горских обществах процессы намного глубже и имеют целый комплекс аспектов, которые должны быть учтены при исследовании такого сложного вопроса, как процесс формирования современной идеологии на Кавказе.

Безусловно, одной из ключевых причин формирования нового общества без твердых моральных принципов, идей и ценностей стали новые экономические условия, в которых Кабардино-Балкария, Адыгея и Карачаево-Черкесия наряду с другими регионами РФ оказались в начале 1990-х гг. Тяжелое экономическое состояние, бедность, безработица привели к тому, что в обществе главной ценно-

стью стали деньги, возможность их заработать, что способствовало развитию мощных миграционных процессов — выезда северокавказских народов за пределы республик на короткое или длительное время на заработки.

Другой причиной стала проводившаяся федеральным центром в 1990-е гг. на Северном Кавказе национальная политика. С одной стороны, власти, используя все средства, удерживала регион в составе РФ, а с другой — не обращала никакого внимания на необходимость формирования у горских народов «российских» настроений, часто совершала действия, которые во многом развивали у населения негативное отношение к федеральному центру и, соответственно, ко всему тому, что исходит из России.

Одной из таких ошибок, по мнению Т. И. Афасижева, было установление властями на Причерноморском Северном Кавказе памятников «самым одиозным фигурам, авторам геноцида горских народов Зассу и Лазареву». Другой пример — проведение празднования «450-летнего добровольного присоединения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии к России». Федеральным центром были выделены огромные средства на утверждение того, что с исторической точки зрения довольно спорно. «Добровольное» присоединение сопровождалось такими значительными для народов Северного Кавказа потерями, что не приходится говорить о том, что для их потомков это событие было «праздником». Более того, как уже указывалось, в Республике Адыгея установлен день траура — 21 мая, который связан именно с этими событиями. На этом фоне широкое празднование 450-летнего добровольного присоединения способствовало росту антироссийских настроений. Не случайно именно в среде адыгских ученых распространено негативное отношение к России. Так, упоминавшийся выше Т. И. Афасижев подчеркивает, что деградация и кризис культуры в Республике Адыгея идет исключительно из России. «Реформаторы России 90-х годов на словах... декларировали патриотизм, призывали к труду во имя Отечества, на деле открывали широко путь всему тому, что разрушало их: с экранов исчезли отечественные фильмы, с книжных полок — классики русской литературы и других народов. На смену им пришли западные боевики, открыто порнографические фильмы, книги, пропагандирующие насилие, ненависть к старшему поколению, культ доллара, проституция и т. д. И все они преподносились как общечеловеческие ценности и предоставление свободы народу, защиты его интересов, тем самым маскируя разрушение национально-исторических корней государственности России»⁸³.

Из приведенного в данной статье анализа формирования современных ценностей в горских обществах республик Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии видно, что местные, республиканские власти и, соответственно, министерства культуры, печати и образования всячески стремятся поддерживать, пропагандировать и возрождать национальные традиции, национальные вокальные и хореографические коллективы, надеясь на этом фундаменте построить новое общество.

Хотя религиозность связана большей частью с определением этнической идентичности и не всегда сопряжена с наличием соответствующего мировоззрения и соблюдением религиозных норм, можно констатировать: ислам прочно вошел в быт проживающих здесь народов, его глубокое влияние на генезис этнических культур бесспорно.

Важной чертой распространенного в республиках отношения мусульманского населения к религии следует признать умеренность: здесь не приветствовалась богоборческая политика советской власти, но и призывы салафитов — умеренных, а тем более радикальных — не находили широкого отклика. На этом фоне трансформация культуры местных народов в постсоветский период проис-

ходила под сильным, но далеко не абсолютным воздействием исламского фактора. Результатом стало формирование оригинального культурного комплекса, в котором сочетаются этническая и религиозная составляющие.

Можно уверенно говорить о серьезном влиянии ислама на общественную и повседневную жизнь людей, на формирование облика современного города и села. Религиозные мотивы прослеживаются в творчестве местных деятелей культуры и искусства.

Ни национальные, ни исламские традиции не в состоянии оказать сопротивление мощным процессам культурной глобализации. Думается, что в этом направлении большие надежды можно возложить на местную интеллигенцию — писателей, художников, руководителей местных теле- и радиоканалов, театральных деятелей — все тех, кто должен сформировать современное мультикультурное пространство, в котором и история народов Северного Кавказа, и горские традиции, и исламские ценности могут найти свою нишу наряду с процессами, связанными с особенностями современной социально-экономической и политической жизнью народов Северного Кавказа.

Капустина Е. Л.

СЕЗОННЫЕ ТРУДОВЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕСУРС (НА ПРИМЕРЕ СЕЛЕНИЯ ХУШТАДА ЦУМАДИНСКОГО РАЙОНА, ДАГЕСТАН)

Цумадинский р-н Дагестана считается одним из самых отдаленных в республике. Экономическая ситуация здесь достаточно непростая: в горных селениях, население которых колеблется от нескольких сотен до нескольких тысяч человек, существует весьма ограниченное количество бюджетных рабочих мест — это прежде всего учителя, фельдшер, работники сельской администрации, детского сада. Колхозы в большинстве селений фактически не функционируют, уцелевшие хозяйства, реорганизованные в МУП (муниципальное унитарное предприятие) и ГУП (государственное унитарное предприятие), трудоустраивают в лучшем случае лишь несколько десятков человек. В этой ситуации многие жители района вынуждены зарабатывать вне пределов своего постоянного места проживания, т. е. становиться трудовыми мигрантами. «Трудовая миграция, в отличие от переселения, не предполагает смены постоянного места жительства, по крайней мере на первоначальном этапе. В случае

трудовой миграции речь идет о заработках на стороне и о выезде на короткое время, причем выезд предполагает возвращение в страну исхода»⁸⁴.

Таким образом, специфика жизни трудового мигранта состоит в том, что по окончании определенной временной работы он планирует вернуться на постоянное место жительства, где у него остались семья, основное имущество, а нередко и постоянная работа. Зачастую трудовые мигранты отправляются на заработки всего на несколько месяцев в году, т. е. на определенный сезон. Такой вид трудовой миграции для современного Дагестана наиболее характерен.

Одним из самых популярных среди жителей Цумадинского р-на видов сезонных заработков стали сельскохозяйственные работы (выращивание овощей, главным образом лука) на равнинах Северного Кавказа — в основном в Ростовской обл., Ставропольском и Краснодарском краях, в равнинных р-нах Дагестана, а также в Астраханской обл.

и Калмыкии. К сожалению, учет временных мигрантов внутри страны на государственном уровне почти не ведется. По сведениям, предоставленным одним из информантов, участником этого промысла, в 2004 г. выращиванием лука на равнинах занималось около 8 тыс. жителей Цумадинского, Цунтинского и Ботлихского р-нов Дагестана. «А сейчас выезжаем все, можно сказать — весь Цумадинский район на луке в Ростовской области»⁸⁵.

В Цумадинском р-не в луковую индустрию вовлечены многие селения. Первыми массово начали заниматься этим бизнесом жители с. Тинди, одного из самых крупных населенных пунктов в районе. Даже районный центр Агвали, располагающий немного большими ресурсами рабочих мест, участвует в луковом промысле. Здесь более подробно будет рассмотрен опыт «луксменов» (термин взят из реплики одного из участников форума на одном из дагестанских сайтов) с. Хуштада Цумадинского р-на.

В данной местности луковый промысел (выращивание и продажа лука) среди сельскохозяйственных занятий, очевидно, занимает лидирующую позицию. Его история насчитывает уже более 20 лет. С конца 1970-х гг. хуштадинцы уезжали в Калмыкию и Астраханскую обл., где нанимались к корейским предпринимателям, занимавшимся выращиванием лука, в период уборки урожая в качестве наемных рабочих. С 1990-х гг. они начали осваивать этот бизнес самостоятельно. Если в советское время «на лук» выезжало 2–3 семьи, то, по данным В. Бобровникова, к началу 1990-х гг. сезонное летне-осеннее отходничество охватывало уже 40 % населения⁸⁶.

Сейчас не занятых в этом бизнесе в селении немного. Выбор именно лука в качестве основной выращиваемой культуры неслучаен — вследствие специфики его выращивания хуштадинцам не требуется постоянно находиться на поле в течение полугода: большинство участников промысла проводят на поле по 1,5–2 месяца летом и во время уборки, в остальное время уезжая к себе домой. Лук может долго храниться в специальных амбарах до весны, поэтому нет необходимости в его немедленной реализации после уборки. Это позволяет большинству хуштадинцев осенью опять же возвращаться в Дагестан, оставляя продукцию до удобного случая для ее реализации. Исходя из этого, можно предположить, что для сезонного сельскохозяйственного промысла лук является оптимальной культурой.

По окончании осенней уборки лука большинство хуштадинцев на зиму возвращается в родное селение. Временный характер проживания на месте промысла отражается на особенностях быта. Как правило, работники живут в балаганах — бараках из фанеры, которые строят прямо на поле. В бала-

гане часто есть газовая печь, топчан, где спит семья, а также посуда, постель. Балаган на зиму оставляют у местных жителей с тем, чтобы построить его на новом месте работы на будущий год. Подобное хранение временного жилища, а также самой продукции до момента реализации оплачивается луком или деньгами.

Социальные роли

Для ведения промысла сельчане объединяются в бригады. Бригада — сезонное образование, коллектив, существующий лишь на время промысла. Одна бригада арендует у ростовских колхозов землю от нескольких десятков до 200 га. Состав бригады может меняться ежегодно, однако, как правило, в ней есть ядро — группа пайщиков, из года в год в ней состоящих. При этом бригада может распасться на несколько более мелких как в силу производственной необходимости, так и из-за внутренних конфликтов (например, в 2007 г. одна из хуштадинских бригад разделилась на 4 новые, поскольку стала слишком многочисленной и вследствие этого трудно управляемой).

Как правило, в одну бригаду объединяются родственники, что является определенной гарантией добросовестного ведения дела. Также в случае неудачи с родственниками легче решить вопросы о долгах, которые нередко возникают. Однако можно сказать, что хотя членство в бригаде и основано на родственном принципе, но это не единственный критерий (родственниками и родственниками в селении являются практически все). Помимо этого важны личные отношения, дружба, общие взгляды (например, степень религиозности). Финансовая состоятельность также не определяющий фактор, ибо своим часто дают деньги для того, чтобы начать промысел. Тем не менее зачастую в рамках одной бригады собираются жители одного селения.

Отличительной особенностью бригад сезонников является неспециализированность ее членов. Рядовые пайщики-луководы имеют равные права (здесь не берутся в расчет наемные рабочие), их трудовые усилия в основном сосредоточены на своих участках. Однако в луковых бригадах можно выделить некоторые определенные роли.

Во всех бригадах есть человек, на которого ложится основная ответственность за организацию промысла — бригадир. Бригадир — невыборное лицо, он является инициатором и организатором промысла. Его функции касаются общей организации промысла: например, договориться с совхозами об аренде земли, закупить семена, организовать полив, сбыт, обеспечить пайщиков ядохимикатами против вредителей⁸⁷.

Бригадир — единственная оплачиваемая должность в бригаде. В качестве платы за его работу каждый пайщик отдает ему несколько тонн лука. Количество тонн зависит от установившейся цены на лук, а также от величины урожая.

В круг обязанностей бригадира входит и урегулирование споров и конфликтов с местными жителями, партнерами.

Бригадир формирует бригаду — решает, кого он возьмет в пайщики. Это его основной административный ресурс: в случае неповиновения можно угрожать не дать гектар человеку на следующий год.

Как правило, у бригадира есть некий стартовый капитал для того, чтобы начать дело. В целом для организации лукового промысла в Ростовской обл. на площади в 100 га у бригадира уходит 300–400 тыс. рублей только своих денег, не считая средств других участников, но при удачном урожае и цене на лук эти деньги возвращаются в двойном, тройном и более размере (бригадир может получить до 2 млн рублей). При урожае 20 тонн с 1 га чистая прибыль рядового участника — 50 тыс. рублей, но порой она доходит до 100–400 тыс. (цены 2005 г.)⁸⁸.

Хороший бригадир несет ответственность за рядовых пайщиков. В 2004 г. после неудачного сезона лукового промысла, когда все пайщики погорели, не выручив денег даже на покрытие текущих расходов, некоторые люди порой не имели средств, чтобы вернуться домой, в Дагестан; тогда один из бригадиров роздал каждой из семей по 3 тыс. рублей компенсации на обратную дорогу. Провал 2004 г. вывел из игры многие бригады, которые информантами определялись как слабые (без опыта работы, без связей, без хорошего знания русского языка). Остались лишь группы, руководимые сильными бригадирами, работавшими в Ростовской обл. не один год⁸⁹. Поэтому состоятельность и наличие у бригадира влиятельных связей в регионе ведения бизнеса определяют степень его авторитета среди пайщиков.

Бригадир — единственная обязательная и практически официальная должность в бригадах. Однако есть люди, также осуществляющие некоторые функции по организации дела, стоящие высоко в бригадной иерархии, играющие в промысле значительную роль. Их деятельность может и не оплачиваться, они даже могут совсем не входить в состав бригады, однако они неизбежно обладают большим авторитетом для членов бригад.

Интересен пример из одной хуштадинской бригады. Кроме самого бригадира в ней есть «директор» — так, отчасти в шутку, в бригаде называют хуштадинца Абдулла, местного патриарха лукового дела. Абдулла работает на луке с детства, с 1980-х гг., сначала как наемник у корейцев, затем как пайщик в хуштадинской бригаде. Он не бригадир, но

имеет непререкаемый авторитет в своей бригаде. Его функции официально не оговорены, но тем не менее заметны. Абдулла — основной эксперт промысла, критик действий бригадира, новатор, человек, совершающий некоторые обряды, идущие на пользу промыслу, заведующий «культмассовым сектором» — по его инициативе часто устраивались посиделки у костра, песни, танцы.

Про Абдулла говорят, что он «старший», «что он говорит — все его слушают». В случае нарушения негласных правил бригады он также обладает административным ресурсом отчисления: «Мы ему говорим: “Ты вот такой, вот такой человек. Если в этом году не будешь слушать, в следующем будешь дома, в Хуштаде, сидеть”»⁹⁰. В селении же Абдулла не занимает никаких постов, хотя находится в родственных отношениях с главой администрации селения.

Хуштада пользуется в районе славой селения с достаточно религиозным населением. Отчасти подтверждением этого является тот факт, что в некоторых хуштадинских бригадах избирается человек, ответственный за исполнение религиозных обрядов — «мулла». Бригада строит на поле временную «мечеть» — молитвенный дом из фанеры. Там члены бригады совершают намаз под руководством «муллы»; он также контролирует порядок исполнения религиозных норм: делает замечания тем, кто не пришел на молитву. «Муллу» назначает само общество — бригада; он должен обладать необходимым набором знаний для исполнения религиозных обязанностей, например иметь четкое произношение на арабском языке. «Ему сказали: “Тебе придется возглавить это общество”. Он согласился, куда ему отказаться. И он не отказался»⁹¹.

Часто в бригаде выделяется должность химика — пайщика, который отвечает за обработку полей химическими веществами против сорняков и вредителей.

Все вышеназванные «специалисты» входят в актив бригады, который решает основные вопросы, старается урегулировать конфликты внутри бригады, обеспечивает социальное страхование членов (выдает аванс на аренду земли при нехватке средств, помогает в экстраординарных случаях — свадьба, похороны, проблемы с милицией). Активные члены бригады фактически формулируют основные негласные правила поведения в бригаде, новым членам остается принять эти правила и подчиняться им. Так, в некоторых бригадах не одобряется употребление спиртных напитков: желающие выпить вынуждены скрываться и уезжать с поля в окрестные кафе.

Пайщиками чаще всего выступают не отдельные люди, а целые семьи. В среднем каждая семья берет 1–2 га и обрабатывает своими силами.

Некоторые сельчане, не имеющие возможности выезжать на работы сами, нанимают жителей соседних сел и даже районов, чтобы они работали у них на участке. Наемные рабочие не входят в бригаду, а лишь в определенное время выполняют некоторые работы. Если арендатор нанимает людей для работы на своем участке, то он должен построить им балаган, а также обеспечить минимальным набором продуктов — макароны, сахар, соль, масло, мука. Остальное рабочий покупает сам. Дагестанским наемным рабочим арендатор оплачивает дорогу в один конец, обратно они возвращаются самостоятельно. Местных (ростовских) работников практически не нанимают. Объясняют это тем, что местные зачастую работают до первой бутылки водки, заработав на которую уходят в загул. Наниматели предпочитают привозить работников из Дагестана — не только из своего и соседних районов, но и с предгорий и плоскости, из городов республики — Буйнакск, Хасавюрта. Здесь следует отметить, что широкое привлечение кого-либо со стороны не приводит к размыванию родственно-общинного принципа комплектования бригады. В бригаду наемные рабочие не входят, хотя живут рядом с семьями пайщиков, участвуют в вечерних посиделках бригады. Приезжают наемники примерно на месяц 2 раза за сезон — на прополку и уборку урожая. В результате они не являются полноправными участниками бизнеса и получают не такую внушительную прибыль.

Следует обратить внимание и на тот факт, что в Хуштаде нет никого, кто бы работал наемным рабочим у своих односельчан. Одна из причин подобного, безусловно, невысокая заработная плата рабочих (10–15 тыс. рублей за уборку и чуть меньше за прополку), особенно по сравнению с возможными прибылями пайщиков. Однако возможность взять в аренду гектар есть не у всех — для этого нужен определенный стартовый капитал и место в бригаде, поскольку бригадир арендует ограниченное количество гектаров. В условиях безработицы и низких зарплат в самом селении возможность подзаработать на полях многими должна была бы восприниматься как оптимальная. Причем у хуштадинцев в 1980-х гг. был опыт найма на луковые работы к корейцам. В чем же причина подобного поведения?

Ответ стоит искать опять же в специфике социальных отношений внутри селения. В условиях сложившейся социальной иерархии ситуация, когда член знатного родового объединения (*тухума*) работает на потомка *лага* или даже тухума, стоящего ниже его на социальной лестнице, становится в определенной мере невозможной. К тому же осознание себя равным всем членам общины не позволяет входить в зависимые отношения от односельчанина. Именно поэтому даже фигура бригадира

воспринимается сельчанами в контексте «первый среди равных».

Во-первых, большинство пайщиков так или иначе являются родственниками бригадиру. К тому же бригадир — власть временная, обусловленная производственной необходимостью. Подобное отношение к бригадиру как к равному хорошо видно на следующем примере. Один из пайщиков, описывая луковые бригады турок-месхетинцев, также занимающихся этим промыслом в Ростовской области, подчеркивал их «слабость» и «униженность» — «турки кланяются своему бригадиру, во всем его слушают, поклон дают даже хозяину поля. Они азиаты, у них почтение к начальству, покорность. Они платят столько, сколько хозяин поля скажет. А мы не такие, мы никому не кланяемся, т. к. кланяются только Богу»⁹².

К тому же на современном этапе развития промысла бригадир хотя и имеет ресурс влияния на пайщика (выдача гектаров), однако находится в условиях некоторой конкуренции (в селении существует более десятка бригад). Его власть в настоящий момент не отмечена даже формальными знаками внимания: «Раньше бригадир — почетная работа считалась, его очень уважали, он был очень уважаемый, больше, чем мулла. Бригадир, когда входил, люди вставали. Только бы гектар попросить, чтоб взял в бригаду. А сейчас их много развелось и уважение потерялось. Просто люди раньше жили бедно. А сейчас же люди больше зарабатывают, он может сказать: да пошел ты, я сам свою бригаду создам... Все уже разобрались, могут и сами быть бригадирами»⁹³.

Интересным представляется и ситуация с участием женщин и детей в системе луководства. В Хуштаде женщины активно задействованы в луковом промысле. Именно они в основном живут на полях Ростовской обл. на протяжении всего сезона и занимаются плановыми работами. Мужчины же (не батраки) часто приезжают на поле лишь во время самой страды — при посеве и уборке, а в остальное время они или находятся в селении, или занимаются сбытом продукции, ищут клиентов, улаживают спорные вопросы. Зачастую они просто занимают некоторые должности в селении, поэтому вынуждены приезжать домой и исполнять свои служебные обязанности (особенно в сентябре, когда становятся востребованными все учителя).

Можно заметить, что основное отличие женского участия в сезонных работах от подобной практики у мужчин в том, что женщины выступают лишь в качестве батраков и практически никогда самостоятельных арендаторов земли.

Что касается участия детей в луковом бизнесе, то следует отметить, что в постсоветский период, когда учеба в школе фактически перестала быть обяза-

тельной, дети активно принимают участие в сельскохозяйственных работах и вместе с женщинами остаются на весь период полевых работ. Например, в сентябре в классах Хуштады учатся примерно треть учеников, большинство появляется к ноябрю, а в апреле опять начинают разъезжаться⁹⁴. По этой причине учебный год для учеников 5–11-го классов в селении начинается не 1 сентября, а в конце сентября или начале октября. Например, в 1992 г. школа в селении открылась 21 сентября⁹⁵.

Позиции юношей и девушек в луковом бизнесе неоднозначны. Юноши, повзрослев, начинают активно ездить в соседние станицы и города, иногда ввязываются в конфликты с местным населением и вообще доставляют много хлопот взрослым членам бригады. Поэтому молодых людей берут в бригаду только с родителями, «чтоб не загуляли».

Девушек неудобно брать в Ростовскую обл. по другим причинам — есть опасность, что в такой открытой обстановке могут родиться компрометирующие девушку слухи, что может сильно ей повредить, вплоть до невозможности выйти замуж. Если девушку берут на поле, то чаще всего вместе с матерью (с отцом не отправляют)⁹⁶. Несмотря на это, в Хуштаде есть семейные пары, познакомившиеся именно на промысле.

Сейчас тенденция развития промысла такова, что луком занимаются семейные люди средних лет; строительные работы в больших городах, которыми хуштадинцы занялись лишь несколько лет назад, оттягивают от лукового промысла в основном неженатую мужскую молодежь.

Существует и структура, объединяющая луководов, но уже имеющая надбригадный характер. Например, пайщики-хуштадинцы, работающие в Волгодонском р-не Ростовской обл., по пятницам собираются в определенном месте в лесополосе, где, зарезав нескольких баранов и приготовив угощение, проводят совещания по разным вопросам. На повестке дня на таких собраниях могут оказаться не только связанные с луковым бизнесом вопросы. Однако то, что обсуждается на этом сходе, так или иначе связано с функционированием хуштадинского сельского сообщества (*джамаата*) — политические, экономические, религиозные темы. Например, на одном из таких собраний, где автору удалось побывать, обсуждалась тема целесообразности многоженства для сельчан.

Структуры, участвующие в судьбе хуштадинских бригад на месте промысла, в Ростовской обл. — это прежде всего дагестанские диаспоры. Они не связаны с бригадами никакими производственными отношениями, однако в определенных случаях имеют с последними тесные контакты.

Самая близкая к хуштадинским бригадам диаспора располагается в с. Большая Мартыновка

Мартыновского р-на Ростовской обл. Эта диаспора позиционирует себя как общедагестанская: в ней имеется правление, состоящее из 7 дагестанцев разных национальностей, постоянно живущих в районе. Один из членов правления, заместитель председателя диаспоры — выходец из Цумадинского р-на — Асадулла, уроженец Хуштады. Асадулла живет в Б. Мартыновке с 1985 г. и является одним из первых дагестанцев, кто начал заниматься луком в районе. Начав, как и многие цумадинцы, с работы на полях у корейцев, позднее он сам надолго стал бригадиром. В последнее время он лишь пайщик в одной из цумадинских бригад.

Основные функции Асадуллы в диаспоре — улаживать конфликты, в т. ч. «межнациональные», на уровне района (например, конфликт 2000 г., когда произошли столкновения отходников-цумадинцев с жителями Б. Мартыновки). Он дружит со многими членами хуштадинских бригад, неизменно участвует в пятничном сходе хуштадицев. Также Асадулла ездит по бригадам, проводит с молодежью разъяснительную работу, чтоб не хулиганили. В его доме фактически расположено нечто вроде цумадинского и шире дагестанского штаба: все приезжающие в Б. Мартыновку по луковым делам жители Цумадинского р-на остаются ночевать у него. Его дом также исполняет роль молитвенного дома, поскольку мечети в Б. Мартыновке нет.

Кроме этого, Асадулла отвечает за уголок дагестанской культуры в местном краеведческом музее, организывает выступления цумадинцев на спортивных и культурных мероприятиях в районе и области, держит кассу взаимопомощи. Вместе с руководителями других диаспор района он участвует в некоторых заседаниях администрации, проводит встречи с местной властью.

Интересно, что Асадулла — единственный за 20 лет истории промысла хуштадинец, оставшийся на постоянное жительство в районе. Поэтому его роль состоит в лоббировании интересов луководов-земляков. При этом то, что Асадулла постоянно принимает в своем доме приезжих земляков, воспринимается односельчанами как само собой разумеющееся поведение. На него, так же как и на любого другого соотечественника на чужбине, ложится эта ответственность — быть помощником и выразителем интересов приехавших к нему соотечественников.

Подобная практика характерна для всего горного Дагестана, многими общинами горного Дагестана, в частности, издаются брошюры с адресами и телефонами всех выходцев из того или иного селения, будь они в Москве или Владивостоке. Активное одобрение односельчан вызывает не сам факт гостеприимства, а лишь то, в каких масштабах Асадулла выполняет свой «долг»: «У него столько народу!

Бедным детям места не было спать... Со всех бригад, не только с его, приходили ночевать. И жена его постоянно на кухне, постоянно перед газовой плитой на кухне стояла. Столько народу там было — мыться даже иногда места не было. У него иногда получалось так... 6-метровый зал им постелят, человек 20, 30 человек. Один раз 2 автобуса!..»⁹⁷

Мартыновская диаспора — важный, но не высший защитник интересов луководческих бригад. Наиболее весомый покровитель хуштадинцев в Ростовской области — диаспора г. Сальска, самая сильная дагестанская диаспора в области, до недавнего времени активно защищавшая интересы цумадинцев. В этой диаспоре есть дагестанец, имеющий большое влияние в уголовном мире всего Юга России. Он отвечает за невмешательство в дела дагестанцев крупных уголовных группировок. Также в диаспоре состоит цумадинец Мухаммад-Хаджи, уроженец Тинди. Он сам начинал свою деятельность в области как бригадир и имеет большое влияние как в Ростовской области, так и в Цумадинском р-не: его двоюродный брат сейчас — глава Цумадинской районной администрации. Мухаммад-Хаджи ввел следующую практику среди участников промысла: каждый год перед уборкой собирал всех цумадинских бригадиров на совещание: там обсуждали и устанавливали фиксированные цены на лук, заработную плату наемникам за уборку. По словам информантов, под эгидой сальской диаспоры была создана боевая сальская бригада, целью которой стала защита интересов цумадинцев от криминала и недобросовестных партнеров. «Так как, если наши дагестанцы приезжают на уборку к корейцам, их там ущемляют. И они часто (сальская бригада)... выезжали на разборки с корейцами. Сальская бригада, они много кому помогли: когда корейцы заработанные деньги не отдавали, их выбивали. Сейчас слышали, он (Мухаммад-Хаджи) уезжает отсюда, ему в районе (в Цумадинском) предложили работу. Это большая потеря... Проблемы с армянами были у меня, взяли лук на реализацию. А деньги не отдавали. Приехали сальские и забрали дом, продали дом и отдали мне»⁹⁸.

Таким образом, диаспоры играют заметную роль в организации работы бригады, исполняя роль негласных покровителей как на правовой (мартыновская и сальская диаспоры), так и на неправовой (сальская бригада) основе.

Влияние трудовых мигрантов на политическую и социальную жизнь в селении

Государственное управление районами построено по следующей схеме: исполнительная власть

представлена районной администрацией, законодательная — депутатами районного собрания. И те, и другие избираются жителями района. В каждом селении избирается глава сельской администрации. Однако кроме главы администрации, государственного чиновника, как правило, существует и так называемый совет старейшин, или «двадцатка».

До недавнего времени «двадцатка» была и в Хуштаде и представляла собой 20 наиболее уважаемых и авторитетных членов джамаата — мусульманской, сейчас по сути сельской общины⁹⁹. Глава администрации есть руководство со стороны государства, «двадцатка» же работала согласно нормам обычного права, решая вопросы функционирования сельского сообщества в целом. По последним данным, вместо «двадцатки» в селении сейчас работает координационный совет, уполномоченный решать наиболее острые вопросы в селении, но его по старинке называют «двадцаткой».

Глава администрации, безусловно, самая престижная и выгодная должность в селении. В связи с этим неудивительно, что вокруг последних выборов сельского главы в начале 2007 г. разгорелись нешуточные страсти. И поскольку нельзя переоценить важность лукового промысла для современной Хуштады, здесь правомерным является вопрос, оказывает ли влияние луковый бизнес влияние на политическую жизнь в селении.

Стоит обратить внимание на упомянутые выше последние выборы главы администрации селения. Выборы проходили в 2 тура, после первого тура лидер опережал своего конкурента на 4 голоса. В этой критической ситуации шла тяжелая борьба за решающие голоса, в ходе которой пытались использовать все ресурсы, в т. ч. и луковый бизнес. В частности, на выборы из Ростова бригадиры, лоббировавшие интересы того или иного кандидата, привезли всех находившихся там пайщиков: по словам одного из жителей селения, те проголосовали и их в тот же день отвезли обратно. «С Ростова с полей 2 маршрутки привезли, они проголосовали и их обратно увезли. Это оплачивал заинтересованный человек, будь то кандидат или его родственник. Если я вот, а у меня есть брат бригадир, то он привозит их, сам оплачивает все»¹⁰⁰.

Таким образом, бригадиры могли так или иначе, используя имеющиеся у них ресурсы, оказывать влияние на выборы. Однако были случаи и обратного — попыток торговать своим голосом, выдвигая бригадирам свои условия: «Дай мне гектар, тогда я проголосую за твоего родственника»¹⁰¹.

В этой ситуации основным рычагом давления бригадира мог быть заветный гектар, т. е. место в бригаде. Но справедливости ради следует заметить, что большую роль на выборах все же играют родственные отношения — голосование за того или

ино кандидата на кресло главы администрации напрямую определяется родственным признаком, и этот ресурс фактически дублирует ресурс бригадира, поскольку многие из пайщиков и так являются его родственниками. В результате с помощью своего статуса бригадир может реально повлиять лишь на небольшой процент не родственников в бригаде и на тех, кто состоит в родстве с обоими кандидатами, т. е. власть бригадира являлась не столь значительным ресурсом для привлечения голосов, хотя в некоторых случаях и сыграла свою роль.

Люди, занятые в луковом бизнесе, при удачном его течении привозят в селения очень большие суммы денег, значительно превышающие официальные доходы любого государственного служащего Хуштады. И здесь можно было бы ожидать традиционного слияния бизнеса и властных структур. Однако в Хуштаде этого пока не происходит. Например, в координационном совете селения, по словам одного из информантов, не состоит ни одного бригадира¹⁰². Нынешний глава администрации, даже став высшим представителем власти в селении, взял несколько гектаров (на них работала его жена и дети) в бригаде родственника. В этой бригаде он не занимает никаких общественных постов, не имеет льгот и привилегий, полностью подчиняясь бригадиру в основных хозяйственных вопросах.

С другой стороны, некоторые из сельских бригадиров не только не занимают ответственных постов в селении, но и зачастую практически не появляются в Хуштаде. Отчасти такое положение дел может объясняться тем, что бригадиры большую часть времени проводят на местах промысла вдали от селения и вследствие этого практически не имеют возможности уделять много времени внутренним политическим делам Хуштады. Также следует напомнить, что на современном этапе развития промысла власть бригадира проявляется лишь в сугубо производственной сфере, в остальных случаях он является равным всем остальным односельчанам.

Можно сказать, что власть главы администрации в селении и бригадира на промысле существуют параллельно, каждая в своих плоскостях, не перекрывающая сферы влияния друг друга.

Трудовая миграция оказывает определенное влияние и на социальные отношения в селении.

Большинство информантов заявляло, что решение заняться луковым промыслом возникло у них в связи с необходимостью в ближайшем будущем совершить большие траты денег: жениться (или сыграть свадьбу детям), построить дом, купить автомобиль, устроить детей в университеты. Эту специфику трудовой миграции, определяемой как «кавказская», отмечает и М. Шабанова: так, по ее данным, только около 20 % трудовых мигрантов из Кавказского региона вынуждены участвовать в се-

зонных заработках, чтобы прокормить семью. Но, например, столько же информантов планировали купить автомобиль, 15 % — мебель, бытовую технику, 16 % — модную одежду, 15 % зарабатывали на собственную свадьбу¹⁰³. Таким образом, сезонные работы прежде всего служат механизмом выполнения всех статусных установок сельчан.

Как уже было отмечено выше, в удачный год луксмены могут привести в Хуштаду значительные средства — от нескольких сот тысяч до нескольких миллионов рублей каждый. Это провоцирует жителей вступать в негласные соревнования престижа: сельчане конкурируют друг с другом в дороговизне подарков невесте или величине построенного дома. Из-за этих завышенных финансовых планок те, кто до этого не участвовал в промысле и работал в селении, уже не могут угнаться за луководами и фактически вынуждены пополнять их ряды, чтобы не отстать в гонке домостроительства и автомобилизации своего селения. Таким образом, трудовая миграция есть и источник получения благ, и провоцирующий фактор, фактически порождающий необходимость в этой миграции.

Драматизм ситуации состоит в том, что в случае неудачи в промысле его участники остаются ни с чем, но согласно неписаным правилам снизить цену, например, на подарки жениха невесте фактически не представляется возможным — сила прецедента велика. Это приводит к тому, что в неудачный год свадеб в селении играется меньше.

Участники промысла, на несколько месяцев покидающие свои селения и уезжающие жить в далекие районы, населенные преимущественно русскими, не могут не подвергаться влиянию новой внешней среды. Но в сельской общине Хуштады еще есть силы для противостояния приносимым с ростовщины новациям, неодобряемым ее влиятельными членами. В результате можно говорить о двойных стандартах поведения, существующих у участников трудовой миграции: то, что может встречаться на промысле, недопустимо по возвращении в родное селение. Например, в Хуштаде в последнее время происходит значительный религиозный подъем, что, например, позволило имаму запретить пить спиртные напитки в селении, а также устраивать танцы на свадьбах. Этот запрет так или иначе соблюдается в пределах селения, но молодые люди признаются, что, выезжая на заработки в Ростовскую обл., они могут себе позволить выпить или сходить на танцы. Несколько лет назад в селении один из молодых людей поставил непременным условием на своей свадьбе наличие «эстрады» — современной дагестанской музыки. Джамаат формально осудил его решение, но свадьба состоялась именно в таком виде. Нельзя, конечно, сразу же говорить о значительном влия-

нии на этого молодого дагестанца опыта сезонных работ вне общины, но если учесть, что подавляющее большинство мужской молодежи проходит через школу лукового промысла, особенно те, кто планирует жениться, то о косвенном влиянии говорить правомерно.

Другой пример переключения привычных для сельчан поведенческих кодов на новые, в условиях лукового бизнеса, — отношение к понятию женской и мужской работы. Работа в огородах — копать в земле — издавна считалась в горном Дагестане женским делом. И сейчас мужчина, выполняющий какие-то женские работы, подвергается насмешкам и осуждается общественным мнением. Однако на промысле в Ростовской обл. отношение к этому меняется. «Когда наши поехали в Ростов, там все мужчины на поле работают тяпкой. Чуть ли не целый день. А почему здесь не работают — здесь это считается позором, это женская работа. Здесь нельзя, там можно. Там Аллах не видит (*смеется*). Там Магомед не видит... Если я увижу, что в селении Магомед прополку делает, я скажу: “Э, Магомед, тебя жена бьет, что ли? Боишься жену, что ли?” А там не только он, но и я делаю, все делают. Там как можно издеваться, если и ты там должен работать...»¹⁰⁴.

В итоге под воздействием экономической необходимости, а главным образом из-за выпадения из сельской системы, принцип мужских и жен-

ских работ на месте промысла размывается. Подкрепляет это явление и своеобразная круговая порука — не будешь критиковать, т. к. этим занимаешься и ты сам. Дополнительный пример — недопустимость в Хуштаде мужчине принести воды от родника и исполнение мужчинами этой работы в Ростовской обл.

***

Подводя итоги, можно отметить, что практика трудовой миграции порождает вне сельского общества новые виды социальных связей между его членами. Порой эти социальные связи и роли дублируют устоявшиеся сельские связи и в целом не противоречат основным законам функционирования джамаата. Однако было выявлено, что источники власти в селении и на промысле могут быть различны и не связаны между собой.

Также было отмечено влияние практики лукового промысла хуштадинцев на регулирование их социального поведения в родном селении. За счет переключения поведенческих кодов в двух разных сферах жизни хуштадинцев, участвующих в луковом промысле, уход на заработки становится оптимальным компромиссным вариантом между новыми экономическими потребностями и установками, диктуемыми спецификой социального устройства дагестанского сельского общества.

Шелегина О. Н., Мамсик Т. С., Комлева Е. В.

АДАПТАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ СРЕДИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В XVI — НАЧАЛЕ XX В.

Изучение процессов адаптации русского населения на территории Сибири в исторической динамике имеет непреходящее теоретическое, научно-практическое и социокультурное значение, актуализируется в эпоху глобализации¹⁰⁵. Адаптационные процессы осуществляются в результате взаимодействия практик уходящих поколений и опыта новых, протекающего в ходе повседневной жизнедеятельности. Механизмы обновления действуют как в традиционных обществах, на первый взгляд кажущихся неизменными, так и в современных, с их мощными, ярко выраженными тенденциями социальных трансформаций, с одной стороны, и унификаций — с другой.

Адаптация русского населения в Сибири в конце XVI — начале XX в. являлась системной (супер-

адаптацией), влекущей за собой максимально высокую адаптивную нагрузку. Состояние или процесс приспособительного реагирования охватывал все структурные элементы адаптирующейся социальной системы и одновременно все сферы жизнедеятельности субъектов адаптации¹⁰⁶.

При проведении анализа по выявлению микро- и макротрансформаций адаптивного характера в повседневной жизнедеятельности разных групп населения, определения параметров адаптационных процессов в ходе историко-этнографического изучения русского населения в Сибирском регионе не был использован междисциплинарный подход, синтезированы современные достижения в области истории, этнологии и этнографии, адаптологии, социологии адаптаций.

В адаптационных процессах выделялись и исследовались следующие составляющие:

- 1) *факторная* — экологические, социально-экономические, этнокультурные адаптогенные (адаптивные, адаптирующие) факторы, государственная политика;
- 2) *хронологическая* — индивидуальные ступени, стадии, этапы: преадаптация (начальный этап адаптации с использованием уже «готовых» элементов внутренней структуры адаптанта и приспособленных заранее форм при внезапных изменениях среды); инадаптация (собственно адаптация с соответствующими средствами, способами, формами и другими характеристиками); постадаптация (частное совершенствование приобретенной адаптации);
- 3) *сущностно-содержательная* — императивность, характер, системность, реактивность, уровень, форма, способы адаптации;
- 4) *критериальная* — адекватность, глубина, конструктивность, полнота и прогрессивность адаптаций;
- 5) *результатирующая* — индивидуальные и групповые модели адаптации; локальные варианты культуры жизнеобеспечения, культура субэтноса¹⁰⁷.

На раннем этапе освоения Сибири важное значение в многоаспектном адаптационном процессе имели этнокультурные трансформации. Они реализовывались в судьбах и новоприходцев, и аборигенов, и тех, кто со временем считал себя русскими старожилками. Взаимная адаптация имела своим следствием формирование не только элементарной системы жизнеобеспечения, но также единого этнического самосознания и общего социокультурного пространства. Представляя структурную составляющую общеимперского, оно тем не менее обладало региональными особенностями. Об этом, в частности, можно судить по характеру и типу поселений, вполне определившихся к началу массовых переселений¹⁰⁸, а также по наличию в системе жизнеобеспечения земледельцев аграрного хозяйства, организованного на едином принципе — комплексности¹⁰⁹. Вследствие постоянного притока нового и перемещения старожильского населения хозяйственная и социокультурная сферы его жизнедеятельности находились в состоянии динамичной трансформации даже после приобретения, казалось бы, устойчивых форм.

До недавнего времени приходившее из-за Урала население противопоставлялось сибирским «иностранцам» как преимущественно «русское» — этнически однородное. Утверждалось априори, что оно приносило в места переселения свою, т.е. вполне этнически определившуюся культуру: в сферах хо-

зяйства (орудия труда, навыки земледелия, систему аграрного хозяйствования), социальной организации (большую семью и общину), политического и религиозного сознания, по преимуществу устойчиво диссидентского («русский раскол» в разных его вариациях). Предполагалось, что между новоприходцами и аборигенами происходил частичный обмен элементами культуры, но в целом сохранялась сословно-социальная дистанция, обусловленная разницей в степени цивилизованности и стремлением властей к сохранению «первобытного» состояния аборигенов как источника пушного ясака для государства.

Примером устойчивости историографического мифа служит, в частности, история некоторых групп юга Алтая. Одну из них, общину бухтарминских каменщиков-староверов, историки длительное время считали славяно-русской по происхождению, «забежавшей» (в поисках Беловодья) на самую окраину Российской империи. При ближайшем изучении состава фамилий, истории появления «в Камне» (в горах) этих беглецов, в 1792 г. поступивших в имперское подданство и получивших для своего сообщества статус ясачной волости, обнаружилось, что названная группа представляла обрусевшее по преимуществу зырянно-пермское население. Это были потомки колонистов, в течение полутора столетий прошедших Западную Сибирь, оставившие на ее карте десятки селений с характерными этнонимическими названиями. К моменту побегов в Камень они были жителями окрестных селений — крестьянами и мастеровыми алтайских заводов.

Уход в горы был обусловлен наличием у каждого из них адаптивного потенциала — навыков промысловой охоты и артельной жизни, прирожденных свойств первопроходцев: умения ориентироваться не только в природной, но и в иноязычной среде¹¹⁰. Этим переселенцам присущ был особый механизм освоения новых территорий: выбросы в неосвоенное пространство промысловых форпостов (в частности, в виде скитов, считавшихся обычно колонизационным инструментом адептов православия), перемещения в новые локусы небольшими родственными и соседскими группами и в то же время сохранение связей с оставленными в тылу фронтами колонистами. Они держали в сфере своего внимания огромные пространства, неоднозначные в природно-климатическом отношении, и втягивали в свое социокультурное поле последующие отряды мигрантов, выступая в роли хозяев ситуации. Благодаря удачным адаптивным практикам, представляли для них пример успешной жизнедеятельности и модель формирования (с нуля) ее базиса — комплексного аграрного хозяйства.

При изучении фамильного состава «русских» волостей¹¹¹, определения мест выхода, этнического и сословного происхождения предков переселенцев выяснилось, что каждая волость имела свои этнокультурные доминанты, свое соотношение отраслей в хозяйстве (при сохранении принципа комплексности); места выбора поселений, характер внутриобщинных (и семейных) отношений в существенной степени детерминировались этнолокальными традициями прежних мест жительства. Путем сравнения исходных информативных баз сибирских окладных книг первой половины XIX в. с данными списков населенных мест, подворных описей, списков военнотрудового населения и прочих статистических документов XVII в. найдено подтверждение тезиса о том, что первый массовый миграционный поток за Урал во времени совпал с интенсивным процессом формирования русского субэтноса на окраинных — восточных территориях России¹¹².

В Сибирь уходили группы, которых русскими можно называть только по языку, политической принадлежности и формальному вероисповеданию. В психокультурном отношении они оставались ориентированы на этнолокальные культурные традиции, существенно разнившиеся в границах одного этноса. Так, если Подвинье и земли Великого Новгорода с определенной долей условности можно считать источником, давшим Сибири русских переселенцев, то другой район Русского Севера — Яренский уезд, с XVII в. страдавший от недостатка промысловых угодий и неурожаев, отпуская за Урал преимущественно зырянский этнический компонент.

Ко времени массовых переселений в Сибирь зыряне прошли этап миграционно-адаптивных практик в различных районах Поволжья, Урала и Предуралья. Зыряне-охотники, знатоки природы, активно участвовали в промысловом освоении Сибири с конца XVI в. Значительная их масса оказалась в сибирских войсках (томском, кузнецком, тарском, тюменском, енисейском) на казачьей службе. Эти люди являлись своего рода разведчиками-первопроходцами, вслед за которыми шли в Сибирь их родственники как из Зырянки, так и из Поволжья¹¹³.

Поволжский контингент будущих колонистов Сибири включал в себя по преимуществу мордву, вотяков (удмуртов), черемисов (мари), принадлежащих, так же как пермяки и зыряне, к финно-угорской языковой группе этносов. Волжские тюрки — татары, чуваша, башкиры, а также приобские угры (ханты, селькупы, кеты, вогулы-манси) хотя и не столь массово, но вместе с зырянами и пермяками также несли сибирскую военную службу.

Перемещалась в Сибирь и определенная доля подданных Речи Посполитой как добровольно, так и принудительно (в период русско-польско-литовских кампаний XVII в.), селившихся в Поволжье. Значительная часть служилых поляков-литвы оставалась в Сибири после репатриаций. Единственный военный быт способствовал взаимной культурной интеграции представителей финно-угров, тюрков (в лице местных татар) и «иноземцев», по преимуществу восточных славян — носителей модифицированной западноевропейской культуры с будущих западных границ России (белорусов, поляков, литовцев, украинцев, а также немцев, греков и т. д.)¹¹⁴. Процессу их социокультурной консолидации способствовал как язык общения, а им был, естественно, русский, так и профессия защитников рубежей Московского царства. В ходе петровских военных и сословных реформ все их потомство оказалось вначале в промежуточном статусе — разночинцев, а затем — приписных и казенных крестьян, мещан и даже ясачных инородцев.

В течение XVIII в. Каинская Бараба была заполнена бывшими крепостными людьми, ссылаемыми помещиками по указам «в счет рекрут». Эти ссыльные, будущие казенные крестьяне, представляли собой, по существу, все этнокультурные локальные сообщества Центральной и Южной России. К середине XIX в. они считали себя уже сибирскими русскими старожилками и по большей части, по свидетельствам путешественников, имели зажиточные дворы.

В Восточной Сибири процессы этногенеза русских практически не изучены. Можно лишь предположить, что здесь он протекал в менее естественных условиях: основная масса переселенцев перемещалась сюда принудительно, в казенные поселения, под присмотр администрации. Партии ссыльных формировались ситуативно, расселялись без учета географического, сословного и этнического происхождения, что, несомненно, осложняло и замедляло процессы как этнокультурной, так и социальной адаптации «посельщиков» на новом месте.

Таким образом, ранних переселенцев в Сибирь по характеру преадаптивного состояния нельзя квалифицировать иначе как маргиналов, которым предстояло адаптироваться в единое «русское» общество. Между тем и в общественном сознании своего времени, и в будущих трудах сибиреведов эта «русскость» мыслится как бы уже присутствующей в Сибири. Параметры этого виртуала в свое время были заданы политическим представительством Москвы в лице светской и церковной бюрократии.

Ссыльные западноевропейского происхождения, остававшиеся в Сибири после репатриаций,

зачислялись в состав «русских» после крещения. Эта процедура сопровождалась принятием православных имен и фамилий, под которыми эти первопоселенцы в массе и вошли в состав сибиряков-старожилов. Занимавшая в сибирских войсках статус детей боярских шляхта сохранила свои фамилии, и они послужили маркерами для определения «гнезд» расселения ее потомства по приобским сибирским волостям. По этому же признаку бывшие дети боярские обнаружались и в составе групп, «торгующих ясачных людей»¹¹⁵.

Государственная политика эпохи екатерининских реформ не препятствовала подобного рода сословным миксациям. На этом фоне парадоксом выглядит тот факт, что определенная доля местных сибирских «инородцев» адаптировалась в обратном направлении: из сословного статуса ясачных в состав крестьян. Обычно такому переходу также предшествовала процедура принятия православия и приобретение отыменных фамилий. После такой метаморфозы отыскать семьи бывших «сибирских инородцев» в окладных книгах «русских» волостей достаточно сложно. Но вот что любопытно: подобно польской шляхте, элита инородцев, меняя статус, стремилась сохранить в качестве фамилий прозвища-этнонимы. В приписной Кайлинской волости самый богатый крестьянин-скотовод, телеут по происхождению, носил фамилию Боенов (Баенов)¹¹⁶, а в среде крестьян казенной Новоселовской волости проживал целый клан (из местных инородцев) Ерлыковых (Ярлыковых)¹¹⁷.

Письменные источники на этническом прошлом как «поляков», так и аборигенов, менявших сословный статус, не акцентировали внимания. Между тем выясняется, что этнический микс, аналог каменщиков — «русских инородцев», имел место и в других районах Сибири¹¹⁸. Надо думать, что и процесс адаптации аборигенов в «русскую» среду был более интенсивен, чем это представлялось до настоящего времени.

Можно констатировать, что на начальном, преадаптивном этапе (XVI–XVIII вв.) русские мигранты, переселявшиеся в Сибирь как добровольно, так и принудительно, представляли полиэтничную массу самого разного по географическому и сословному происхождению населения. В течение названного периода, и особенно интенсивно в течение первой половины XIX в., этот маргинальный в этнокультурном отношении демос эволюционировал в старожилов — реальную общность (субэтнос), структурную часть русского этноса, которая к началу массовых переселений вполне осознавала себя «настоящими сибирскими русскими»¹¹⁹.

Успешная этноадаптивная интеграция и консолидация поликультурной массы переселенцев

в относительно единое региональное сообщество были обусловлены рядом факторов:

- 1) весьма благоприятной этнической ситуацией в среде мигрантов (наличием в ней ведущей группы зырянно-пермского происхождения, умело ориентировавшейся на новых территориях благодаря накопленным адаптивным практикам на предыдущем витке колонизации Сибири);
- 2) эффективной правительственной политикой (использованием культурного потенциала переселенцев зырянно-пермского происхождения для «трансфера» (переноса) русской культуры на окраины;
- 3) совмещением в сибирском войске представителей финно-угров, тюрков и принудительных европейских мигрантов в виде военнопленных «поляков» («литвы»), занимавших командные военно-административные посты в армии и объективно способствовавших внедрению опыта европейских цивилизационных практик в сфере социальных и общеправовых отношений.

Юридическое признание правительством соседских сообществ (несмотря на наличие в них остатков локальных этнокультурных особенностей) в качестве административной единицы низового звена крестьянского управления и коллективного владельца земли (с 80-х гг. XVIII в.) явилось решающим фактором, задавшим ускорение процессу создания единого социокультурного пространства и формирования русского субэтноса в Сибири. Элита старожилого крестьянства вполне осознала себя представителем русской государственности на окраине¹²⁰. Правительственный курс на сохранение в Сибири преимущественно крестьянского землевладения (а не помещичьего, как в центре страны) способствовал развитию товарного аграрного производства доиндустриального типа. Сибирское крестьянство в политических проектах мыслилось правящими кругами в качестве одного из гарантов определенной независимости их от дворянства в своей политике, приобретающей национальный характер¹²¹.

Для дальнейшего осмысления предпосылок и причин формирования на территории Сибири общего социокультурного пространства как преимущественно «русского», адаптационных процессов, происходящих во всех сферах жизнедеятельности населения значительный интерес представляет впервые выполненная (в условно завершённом виде) Т. С. Мамсик реконструкция модели пригородной зоны (конец XVIII — середина XIX в.) на примере девяти селений Заледеевской волости, располагавшейся на тракте в 30 верстах от г. Красноярска.

Результаты исследования, проведенного на основе анализа материалов Заледеевского волостного правления¹²², показывают, что адаптация потомства служилых людей к новым условиям проходила с использованием накопленных в преадаптационный период практического опыта, знаний (о ближней и дальней географии Сибири, природно-климатических особенностях отдельных локусов, психологии населявших их аборигенов), а также специфики социального характера, сложившегося в условиях военного освоения Сибири. Старожилое народонаселение красноярского пригорода формировалось не случайно и не спонтанно. Вблизи города осела группа, предки которой освоили данную территорию в предыдущий (преадаптационный) период. В составе ее лидерство на себя приняло предприимчивое потомство красноярских служилых людей. Несмотря на полученный ими более низкий сословный статус государственного крестьянина, они не утратили накопленный их отцами адаптивный потенциал, приобретенный в эпоху первичного освоения края, и активно и успешно реализовали психологическую закалку и ментальный опыт военных людей в новых жизненных обстоятельствах.

Воздействие города как адаптивного фактора на его сельскую округу находило свое выражение на разных уровнях процесса жизнедеятельности. Население пригорода прирастало ускоренными темпами, чему (кроме близости к городу) способствовало расположение его на тракте, обеспечивавшее постоянный приток в сельские поселения принудительных мигрантов, находивших применение своим рабочим рукам (особо были востребованы лица, обладавшие навыками городских ремесленников), социализировавшихся и интегрировавшихся в среду сельских сообществ и со временем становящимися самостоятельными хозяевами. Под влиянием города более интенсивно (в сравнении с отдаленными поселениями) проходила дифференциация крестьянства по буржуазному принципу, т. е. население более органично адаптировалось к инновациям, связанным с трансформацией общества по пути доиндустриального капиталистического развития.

В повседневной жизни сельского пригорода наблюдался, с одной стороны, достаточно интенсивный объективный процесс социальной поляризации традиционного общества, с другой — очевидное воздействие субъективных факторов, унифицирующих его новую модель, прежде всего через сферу сознания при посредничестве бюрократии.

Унификация происходивших трансформаций проявлялась прежде всего путем обновления структуры хозяйственной деятельности и модернизации во внешних проявлениях бытовой культуры.

По мере усложнения структуры хозяйства, включения в нее отхожих промыслов, заметно менялся характер социокультурного пространства деревни, приближаясь по своим характеристикам к модели протогородского типа. Свидетельством этого являются значительный уровень элементарной грамотности крестьянства, наличие в его среде определенных знаний о необходимости оформления правовых документов; тяготение крестьянской верхушки к одежде, украшениям и другим предметам быта городского типа; стремления придерживаться определенного этикета во взаимоотношениях с трактовыми пассажирами.

Наряду с положительными в структуре повседневного быта накапливались и деструктивные элементы, особенно заметные на фоне традиционной культуры отдаленных от тракта и города селений: присвоение чужого имущества, индифферентное отношение к религиозному долгу, нарушение семейных норм. Объяснять их только внедрением в среду старожилов большого числа принудительных мигрантов, как, к примеру, пытались это делать областники, было не вполне справедливо. Совокупность факторов, порождавших данные явления, представляла продукт естественного противоборства адаптивных и дезадаптивных процессов, характерных для переходных эпох.

Город и его сельская округа несли на себе наиболее яркий отпечаток этого конфликта. Совершенно очевидно, что жители пригорода не только активно использовали опыт горожан в различных сферах жизнедеятельности, а в некоторых случаях и успешно с ними конкурировали. В силу родственных отношений и прежних связей по служебной линии жители пригорода выступали трансляторами и этого опыта и своих наработок (в сфере хозяйственных, социальных практик, культурных достижений) в более отдаленные от городского культурного центра селения.

Во всех случаях, связанных с переходом субъектов адаптации из одной среды в другую, возникали адаптивные ситуации, включались адапционные механизмы. Анализ выходцев из крестьян в составе енисейского купечества, проведенный Е. В. Комлевой, показал, что для этой категории населения в конце XVIII—XIX вв. главную роль играл социально-экономический фактор адаптации. К адаптационным механизмам, помогающим вчерашним крестьянам успешнее адаптироваться в купеческой среде, относились быстрое обогащение, щедрые благотворительные пожертвования, определенный уровень грамотности, наличие больших семей и восприятие бизнеса как семейного дела. При этом в качестве стимулятора выступал такой психологический фактор, как стремление всеми возможными средствами быстро завоевать авто-

ритет в новой, далеко не всегда благожелательно настроенной социальной среде. Из 56 купцов, имевших крестьянское происхождение в первом поколении и записывавшихся в купечество Приенисейского края (конец XVIII — конец XIX в.), повысили либо закрепили на долгое время новый социальный статус 43 %.

Наиболее успешно адаптировалась группа уроженцев Владимирской губернии (вязниковцев), крупного центра разносной офенской торговли в России. Традиции мест выхода, активная реализация личного адаптивного потенциала позволили им эффективно инкорпорироваться в экономическое и социокультурное пространство Сибирского региона.

Одним из показателей успешного освоения территории Сибири являлось поэтапное формирование относительного высокого уровня культуры жизнеобеспечения русского населения¹²³. Принесенные в конце XVI в. первыми переселенцами за Урал культурно-бытовые традиции послужили базой для создания и функционирования региональной системы жизнеобеспечения. Преадаптация базировалась на использовании высокого адаптивного потенциала русского этноса и опыта, накопленного в результате предыдущих миграций и адаптаций. На стадии мобилизации адаптивных ресурсов и ответа на вызов среды русские переселенцы использовали активную стратегию адаптационного поведения, ее инновационную форму, в первую очередь при организации системы питания.

Жилищно-хозяйственный комплекс адаптировался прежде всего к природным факторам (породы древесины, рельеф местности, преобладающее направление розы ветров). Алгоритм развития планировки жилищ, заключавшийся в различном сочетании срубов (приблокировка новых клеток по горизонтали, возведение подклетов и надстроек по вертикали), успешно апробированный на первом этапе адаптации, широко использовался в дальнейшем.

Зональные различия в преобладании типов вертикальной и горизонтальной планировки, как результат адаптации к природно-климатическим и социально-экономическим условиям края, выявились к концу XVIII в. В лесной зоне для переселенцев индивидуальные отрезки времени, необходимые для возведения комфортного рубленого жилища, обеспечивающего нормальные бытовые условия, были в несколько раз короче, чем в степной зоне. В районах тундры и степи наблюдались депривационные (снижающие качество жизни) адаптации, обусловленные отсутствием или дефицитом качественных строительных материалов. Паллиативные формы (следствие адаптации спо-

собом компромисса) в устройстве жилых помещений возникали, как правило, в районах с более суровым климатом и значительным иноэтничным влиянием.

Новации проявлялись в ситуативном заимствовании с утилитарными целями видов отопления и жилищ, присущих аборигенному населению. В костюме сибиряков доминировали традиционные элементы. Их развитие шло в том же направлении, что и в европейской части страны. Это было связано с функциональным соответствием используемой ранее одежды. Дополнение и совершенствование костюма осуществлялось путем инновационных адаптаций. Иноэтничные элементы в гардеробе русских сибиряков носили преимущественно утилитарный, а не престижно-знаковый характер. Со временем они превратились в традиции, и переселенцы использовали одежду, уже адаптированную старожилками.

На этапе инадаптации определяющее значение имело сбалансированное и динамичное соотношение традиционных (использование и трансляция адаптированных форм материальной культуры) и инновационных (адаптация иноэтничных и городских элементов к культуре русского сельского населения) адаптаций¹²⁴. Их темпы и результаты зависели от адаптивного потенциала и ментальных особенностей старообрядцев, переселенцев и старожилов.

Ведущей тенденцией в развитии жилищно-хозяйственного комплекса являлось усиление влияния социального фактора, инновационная стратегия адаптивного поведения значительной части населения. Были унифицированы варианты планировки жилища. В качестве наиболее адекватного и максимально соответствующего условиям жизнедеятельности и менталитету крестьян был выбран тип горизонтальной планировки — «связь» с вариантом «изба — сени — горница». Оптимальными для конструктивных адаптаций на протяжении всего изучаемого периода являлись двухкамерный тип планировки, «связь» и крестовик.

На формирование внешнего облика сибирской деревни оказали влияние следующие адаптогенные факторы: 1) природно-климатические условия; 2) миграционные процессы; 3) социально-экономическое положение в регионе; 4) ментальные характеристики сибиряков (в частности, представление о социальном идеале старожильческой жизни); 5) развитие городской архитектуры и народного зодчества, политика местной администрации.

В сельской местности наблюдались модели инновационного (использование новейших достижений строительной техники) и гиперинновационного (подражание богатыми крестьянами

архитектурным формам, используемым в дворянской среде, купцами — архитектуре и планировке жилищ столичных городов, а также европейским архитектурным стилям) поведения у лиц с ярко выраженным внутренним locus-контролем.

Наиболее адекватной для периода инадаптации следует считать систему питания жителей земледельческой полосы Сибири. Из входящих в нее компонентов к витальным и знаковым одновременно можно отнести пельмени и чай (в различных вариантах, в т. ч. и с иноэтническими заимствованиями). Эти блюда можно расценивать как своеобразные конструктивные адаптации, несущие в себе элементы созидательности, рациональности и широкого использования в различных жизненных ситуациях. О глубине адаптации названных элементов традиционной культуры жизнеобеспечения представителей русского этноса свидетельствует то, что до настоящего времени они активно используются и подчеркивают своеобразие локальной сибирской кухни.

Влияние на процесс развития костюма оказывали традиции, новые стереотипы поведения, мода. Своеобразной защитной формой адаптации являлось сохранение переселенцами локальных форм одежды и головных уборов, играющих для них в сибирской деревне одновременно интегрирующую и дифференцирующую роль. В результате конструктивных адаптаций в одежде появились новации по отношению к традиционной русской культуре в целом: головной убор стеганец, шуба с краганом (капюшоном), обувь — чарки, ишимы и войлочные пимы.

Как проявление креативности можно рассматривать щегольство сибиряков (независимо от материального положения, пола и возраста), предприимчивость для проявления индивидуального вкуса в составлении костюма, оформлении парадных жилых помещений. Нашедшие непосредственное материальное воплощение в знаковых элементах культуры духовные ценности русского населения Сибири отражали систему мировосприятия с преобладающим жизнеутверждающим началом. У новоселов под влиянием старожилов вырабатывались актуальные поведенческие реакции. Об адаптации культуры жизнеобеспечения на ментальном уровне свидетельствовали бытовавшие в регионе пословицы, поговорки, в т. ч. своеобразный резюмирующий афоризм: «Страшна Сибирь слухом, а люди лучше всех живут».

В целом в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири доминировала генерационная адаптация, выражавшаяся в усложнении и совершенствовании системы питания, народного костюма и жилищно-хозяйственного комплекса, в опережающих (по сравнению с европейской ча-

стью страны) темпах развития культуры русских сибиряков.

К середине XIX в. можно констатировать наступление у русских сибиряков стадии адаптированности: наличие высокоразвитых внутрирегиональных (локальных) комплексов культуры жизнеобеспечения, эффективное использования механизмов адаптации (институализированных, нормативно-регулятивных, личностных средств), выработка надежного набора адаптивных практик. К числу последних относились приемы дублирования и даже трехкратного усиления адаптирующих свойств элементов материальной культуры. Для обеспечения тепла в жилищах устраивались двойные полы, двойное и даже тройное остекление окон. По всей Сибири использовалась двухслойная зимняя меховая дорожная одежда (шуба — доха, тулуп, яга), а в районах Крайнего Севера трехслойная (малица — парка — гусь). Калорийность популярного в регионе чая повсеместно повышалась за счет добавления в него молока, локально — обжаренной в животном или рыбьем жире муки.

Адаптивная активность русских активизировалась с началом массовых переселений в Сибирь в начале XX в., начался процесс постадаптации, совершенствования имеющихся адаптированных форм культуры жизнеобеспечения к модернизирующимся условиям. Характерным явлением стала перестройка сибиряками-старожилами под влиянием городской архитектуры более простых планировочных форм в крестовые дома с последующей их модификацией к планировке квартир городского типа.

Система питания, достаточно хорошо адаптированная к пространственному фактору и специфическим сибирским ситуациям (длительным переездам, пребыванию вне дома), дополнилась полуфабрикатами быстрого приготовления. Новоселы активно и эффективно адаптировали свою кухню к местным условиям, учитывали опыт старожилов, предлагали варианты разнообразия пищевого рациона.

Российские переселенцы способствовали распространению в сибирском регионе этнически нейтрального городского костюма. В целом темпы и глубина адаптации городского костюма в деревне зависели от ряда факторов: социокультурного (мода, инновационные и гиперинновационные модели поведения некоторых слоев населения), половозрастного, географического (близость к городу и тракту), конфессионального (принадлежность к старообрядческим группам), а также практик создания паллиативных форм.

Благодаря институционализированным и нормативно-регулятивным средствам адаптации в Си-

бири осуществлялось региональное перераспределение продуктов и привозных товаров, что объективно способствовало развитию культуры жизнеобеспечения. Прогрессивной адаптации способствовала деятельность Томской губернской строительной комиссии, созданной решением Сената. Она стремилась распространять в деревенской среде передовые строительные приемы. В некоторых случаях (например, при необходимости воспроизводства леса, пригодного для строительства) община выступала как нормативно-регулятивное средство адаптации к экологическим условиям.

Под воздействием местной администрации общины формировалось адаптивное поведение переселенцев. Из арсенала личностных средств адаптации наряду с так называемой адаптивной биографией (опытом предыдущих адаптаций) активно использовалась передача от одного поколения другому знаний и навыков, необходимых во всех сферах жизни и деятельности, достаточно высокий уровень коммуникативности сибиряков, знание языков аборигенных народов Сибири, мотивация на достижение жизненного успеха. Прогрессивность адаптации заключалась в создании на территории Сибири и распространении в Европейской России новых, по отношению к культуре русского этноса в целом, элементов культуры жизнеобеспечения.

***

Таким образом, на каждом этапе адаптации русского населения Сибири, в целом совпадающими с общепринятыми периодами заселения и освоения Сибири в XVI–XX вв., можно выделить доминирующее содержание. На начальном, преадаптивном этапе (XVI–XVIII вв.), и особенно в течение первой половины XIX в., интенсивно шел процесс формирования старожиллов структурной части русского этноса, которая к концу XIX — началу XX в. (периоду массовых переселений, постадаптивному для них адаптационному периоду) осознавала себя «настоящими сибирскими русскими».

Можно отметить, что разные группы русских в Сибири в рассматриваемый период могли одновременно находиться на разных этапах адаптации: переселенцы — на этапе преадаптации, а затем инадаптации; старожилы — на этапах преадаптации, инадаптации и постадаптации.

Для этапа преадаптации в целом характерны различные по продолжительности и глубине адаптации: депривационные, защитные, иногда принудительные, переходящие в добровольные.

Индивиды и социальные группы применяли как традиционные, так и новационные модели адаптации. На этапе инадаптации важное значение имело поддержание старожиллами сбалансированного соотношения адаптаций традиционных и новационных, а также апробация адаптаций гиперинновационного характера. Это придавало устойчивость системе жизнеобеспечения, способствовало дальнейшему накоплению адаптивного потенциала для последующих изменений в природе и обществе.

В ходе постадаптации (при глубокой степени адаптации традиционной культуры) ведущими стали новации, реализующиеся посредством компромисса и приводящие к появлению значительного числа паллиативных форм. Роль гиперинновационных моделей адаптивного поведения при модернизации общества увеличилась. Целенаправленное использование институционализированных (государство, община, церковь), нормативно-регулятивных (нормы культуры, традиции, ритуалы, официальные предписания) и личностных средств (миграция, социализация, ценностные ориентации, мотивы, действия, навыки, привычки, подражание) обеспечивало эффективное действие адаптационных механизмов.

Адаптивные практики представляли собой своеобразные алгоритмы формирования жизненного пространства (от выбора места поселений до интерьеров жилых помещений), способов создания адекватных условиям климата костюма, вариативного набора способов заготовки, использования в пищевом рационе местных ресурсов; трансляцию жизнеутверждающих ментальных установок посредством малых фольклорных форм; накопление и актуализацию личного и группового адаптивного потенциала.

Адаптация русских в Сибири являлась одновременно и процессом, и результатом. Для успешной реализации и совершенствования адаптационных механизмов и практик следует с учетом исторического опыта сохранять баланс традиционных и инновационных адаптаций; использовать накопленный адаптивный потенциал, осуществлять его наращивание и трансгенерационную передачу, рассматривать культурное наследие Сибири как стратегический ресурс России.

ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В 1835 г. в российской истории произошло событие, на многие десятилетия предопределившее судьбы евреев: учреждена черта оседлости, сельские поселения евреев отныне существовали отдельно от поселян другой веры и т. д. Запрет покидать отведенные для евреев территории Российского государства не распространялся лишь на купцов первой гильдии, лиц с высшим образованием, средний медицинский персонал, ремесленников особой квалификации¹²⁵. Архангельская, Вологодская и Олонецкая губ. находились вне черты оседлости.

Поэтому условием проживания евреев на Европейском Севере России становилось наличие у них образования, опыта работы, востребованной местным населением специальности. Пребывание евреев в Петрозаводске, Вологде, Архангельске, ряде других городов Европейского Севера связывалось с постоянным контролем над их деятельностью, требованиями доказать (главным образом успехами на профессиональном поприще) необходимость своего пребывания на севере России, настороженным отношением к ним местного населения, антисемитской кампанией в прессе.

В статье представлены результаты исследования, посвященного анализу путей, способов и форм адаптации еврейских общин на Европейском Севере России. Территорией исследования стал Европейский Север России — особая часть культурного пространства Евразии, характеризующаяся длительным мирным сосуществованием финно-угорских и русского этносов. Появление на этом пространстве евреев стало следствием ряда случайностей, небольших послаблений в российском законодательстве, настойчивости некоторых представителей еврейского народа. В целом в России оказалось больше половины всех евреев Европы¹²⁶.

На рубеже XIX–XX в. (по данным переписи 1897 г.) в России насчитывалось 5,3 млн евреев, или 4,15 % всего населения. Евреи занимали пятое место по численности среди народов Российской империи. Подавляющее большинство евреев (99,6 %) составляли ашкенази, жившие в западных губерниях России и в Польше¹²⁷. Однако размещение евреев на территории страны оставалось специфичным. Известно, что все пространство России вне черты оседлости, открытое для иностранцев всего мира, было по-прежнему закрыто (в XIX — начале XX в.) для русских евреев.

По данным на начало XX в., их численность составляла в Архангельской губ. 252 чел. (0,08 % от общей численности населения), в Вологодской губ. — 425 чел. (0,03 %), в Новгородской губ. — 4740 чел. (0,35 %), в Олонецкой губ. — 403 чел. (0,11 %). Значительно большей была численность евреев в Санкт-Петербургской губ. — 21 270 чел., или 1,02 % от общей численности населения обоего пола¹²⁸.

Определение точного числа проживающих на той или иной территории евреев сильно затруднено. Одни евреи изо всех сил стремились закрепиться в городах Европейского Севера, но местные власти, руководствуясь законом, всячески им препятствовали. Другие евреи попадали на эту же территорию не по своей воле, а по приговору суда и жили на этой же территории в принудительном порядке.

Во-первых, в статистику не попадали евреи, сосланные на Европейский Север за участие в революционной деятельности. Имеющиеся источники указывают: ряд северных губерний, в частности Архангельская и Вологодская, стали в конце XIX — начале XX в. местом ссылки многих десятков революционеров, среди которых процент евреев был довольно высок. Во-вторых, многие евреи находились на Европейском Севере временно, без права постоянного проживания, на полуполюгальном положении.

Правовой статус евреев

Правовой статус евреев самым непосредственным образом влиял на их образ жизни, способы ведения хозяйства, восприятие окружающего мира. Положение большинства евреев за чертой оседлости наиболее подробно определял закон, датированный 28 июня 1865 г. В соответствии с ним евреям — механикам, винокурам, пивоварам и «вообще мастерам и ремесленникам» — дозволялось проживать «повсеместно вне черты, для постоянной оседлости евреев назначенной». Кроме того, этот же закон позволял молодым евреям (не старше 18 лет) приезжать в местности, «лежащие вне упомянутой черты, для обучения мастерствам»¹²⁹.

Как указывал один из современников, сложилась такая ситуация, при которой «еврей живет только милостью начальствующих лиц»¹³⁰. Последствия дискриминационной политики в отношении евреев противоречивы. С одной стороны, в России

появилась группа евреев, которые воспользовались плодами политики выборочной интеграции евреев. Столица империи стала «местом самой большой и наиболее влиятельной еврейской общины собственно в самой России»¹³¹. С другой стороны, политика российской власти, вызывая «крайнюю скученность еврейского населения в городах оседлости», создала «класс озлобленного <...> еврейского пролетариата», включающегося в революционное движение¹³².

В циркуляре Министерства внутренних дел России, датированном мартом 1904 г., указывалось, что правительственные меры, принимаемые для выселения евреев за черту оседлости, привели к активизации деятельности местных властей в этом же направлении. Тут же на правительственные инстанции обрушился поток жалоб евреев. Они писали, что меры губернских властей «иногда сопровождаются тяжелыми последствиями для выселяемых». Причиной проживания евреев там, где их нахождение запрещено, стало «неудовлетворительное состояние нашего законодательства о евреях». Вся тяжесть последствий неверного понимания законов легла на евреев, что «представляется не вполне справедливым». Циркуляр предписывал «приостановиться выселением евреев, неправильно поселившихся в местах их настоящего жительства». Условием при выполнении данного предписания становилась уверенность губернаторов в том, что «еврей, оставляемый на жительство в местности, ему запрещенной, не вреден для общественного порядка и не вызывает неудовольствия со стороны населения, среди которого он проживает»¹³³. Для оценки положения министерство не смогло разработать четкие критерии. Как говорилось в циркуляре, «давность незаконного поселения не может создавать для евреев никакого права». Но «факт этот сам по себе есть явление жизненное, реальное, создающее известные последствия».

В этой связи решение стало вполне ожидаемым. Губернаторам предписывалось «приостановить впредь до пересмотра в законодательном порядке общего вопроса о праве жительства евреев», выселение всех тех, кто имел право проживания за чертой, но затем утратил его, а также тех, кто «имеют семью и домообзаводство»¹³⁴. В то же время циркуляр предписывал ужесточить контроль за вновь прибывающими евреями¹³⁵.

Неразбериха в ограничении прав евреев сохранялась и на местах. Так, согласно уставу о паспортах, на полицейские управления возлагалось решение вопроса о временном пребывании евреев за чертой оседлости. Разрешение постоянного проживания евреев в городах Европейского Севера и Сибири, а также выселение их за черту законодатель отнес к числу обязанностей губернских

правлений. Однако в Архангельской губ. в начале XX в. обнаружилось, что «полицейские управления разрешают не только временное пребывание, но и постоянное жительство евреям» и при этом «дают разрешение лицам или не имеющим на то никакого права, или же не предоставившим всех требуемых законом документов»¹³⁶. Архангельский губернатор распорядился требовать от каждого прибывающего в губернию еврея документы, «удостоверяющие его право на оставление черты оседлости». Незаконно проживающие за чертой оседлости евреи подлежали немедленной высылке «в место приписки»¹³⁷.

Запреты и ограничения в профессиональной сфере

В органах власти (губернском правлении, полиции) накапливались сведения о занятиях евреев. Их профессии на севере России были сходными с источниками дохода евреев по всей Восточной Европе, где значительный процент городского еврейского населения составляли портные и сапожники, а также представители свободных профессий — врачи, фармацевты, адвокаты¹³⁸. Сибирские материалы показывают, что высоким к началу XX в. оставался процент евреев среди ремесленников, «занятых изготовлением инструментов, часов, а также всяких драгоценностей»¹³⁹. Материалы Европейского Севера подтверждают эту закономерность.

Особенно ценным источником сведений здесь стали материалы переписи населения 1897 г., в ходе которой изучалось положение еврейского народа. Эти данные отложились в фонде губернского правления в виде особого дела¹⁴⁰. Торговлей занималось большинство евреев, в основном из числа отставных солдат и их родственников. И те и другие имели право, согласно закону, жить за чертой оседлости. Одной из популярных профессий среди евреев стало портняжное мастерство, значительная часть евреев были сапожниками, часовщиками, занимались шляпным и шапочным, чулочным мастерством. Реже евреи жили за счет красивого ремесла, парикмахерского искусства, слесарного дела, починки резиновых вещей. Один еврей работал адвокатом. Спичечной фабрикой в Петрозаводске также владел еврей. Все евреи жили на съемных квартирах, не обзаводясь собственным жильем. Торговля повсеместно становилась типичным занятием еврейского населения. Аналогичная ситуация сложилась в Сибири. Здесь процент евреев, работающих в добывающей промышленности, оказался ничтожным. «Но их участие в торговле превышало в 11 раз их относительную численность среди населения губ.»¹⁴¹.

Местное население, пользуясь услугами евреев — ремесленников и торговцев, обращаясь к скупщикам, за небольшими исключениями, не поддерживало антисемитские настроения. По мнению современника событий, известного деятеля либерального направления в социологии и экономике М. И. Туган-Барановского, «в глазах крестьян, только по религиозным соображениям, еврей не земляк, а чужак, но вовсе не враг»¹⁴². Проблемы возникали из-за действий местной администрации. Об этом свидетельствуют материалы дела о выселении еврея А. Штензата из Петрозаводска в 1864 г. Пребывание А. Штензата в Петрозаводске началось в 1862 г. В губернском городе он приступил к торговле «разными галантерейными вещами», уплатил все сборы и надеялся на успешное развитие своей коммерции. Несчастный не подозревал, какая ему уготована участь. Впоследствии он писал: «Торговля производилась по большей части на доверии, и кредиты окончательно меня разорили, так что я в нынешнем 1862 году собирал долги, но всех не успел собрать, между тем петрозаводская полиция выгнала меня насильно из города Петрозаводска»¹⁴³.

Трудности возникали и других евреев-торговцев. Так, в 1891 г. податной инспектор Петрозаводского участка совместно с членами торговой депутации представил в Олонецкую казенную палату протокол. В документе указывалось, что один из евреев — мещанин И. К. Свирский занимается торговлей часами и другими изделиями. Этот факт был установлен при осмотре мастерской, когда в ней, помимо сданных в ремонт часов, обнаружались «совершенно новые разного рода часы, а также стекла и оправы часов». Как выяснилось, «означенные вещи носят характер фабричного производства». Обвиняемый в незаконной торговле заявил, что все найденные у него в мастерской часы ему не принадлежат, а «приняты им в починку от разных лиц». Члены депутации, сами занимающиеся коммерцией, настаивали на виновности Свирского¹⁴⁴. Осмотр мастерской Свирского подтвердил обвинения, однако губернское правление смогло это дело закрыть¹⁴⁵.

В начале XX в. продолжились попытки евреев закрепиться на рынке услуг в городах Европейского Севера. Так, в 1913 г. Олонецкое губернское правление рассматривало дело о прибывшей в Петрозаводск из Гродно мещанке Б. Роговской. При рассмотрении дела выяснилось, что она владеет профессией модистки, три года работала в варшавской мастерской дамских шляп «и знает ремесло отлично». Решение, вынесенное губернским начальством, оказалось неблагоприятным: «Прибывшая в город Петрозаводск еврейка Роговская на предмет приобретения права жительства обязана

была представить полиции ремесленное свидетельство от цехового управления о получении ею звания подмастерицы». Между тем необходимых документов у Роговской не имелось. Поэтому губернское правление потребовало предъявить «законные документы», а при их отсутствии покинуть Петрозаводск¹⁴⁶. В конечном итоге Роговской пришлось уехать из города¹⁴⁷.

Ряд приведенных дел позволяет сделать вывод: присущая еврейскому населению инициатива сдерживалась местными чиновниками, которые опирались, с одной стороны, на закон, а с другой — на нежелание местных торговцев мириться с присутствием конкурентов на небольшом местном рынке. Евреи быстро осваивали новые виды деятельности, опережая своих потенциальных конкурентов. Отдельные должностные лица не жалели сил для создания атмосферы подозрительности вокруг еврейских сообществ, то и дело выдвигая обвинения в адрес евреев, разными путями оказавшихся в городах Европейского Севера, и в частности в Петрозаводске.

Так, в 1877 г. начальник Олонецкой губернской жандармерии обратился в губернское правление с отношением о тех евреях, которые, как он полагал, незаконно проживают в городах губ.. Речь шла о двух братьях Раскиных, Моисее и Янкеле, имеющих цеховые свидетельства и выполняющих заказы местных жителей по пошиву обуви. Как писали они в своем прошении, «Вытегра для них родная отчизна, так как они там родились, выросли, сжились с русскими как родные»¹⁴⁸. Решение губернского правления оказалось не в пользу братьев. Выяснилось, что в их паспортах имеются неточности, которые не позволяют им находиться за чертой оседлости, о чем и было сообщено вытегорскому правлению¹⁴⁹.

В 1892 г. вологодская ремесленная управа занялась изучением профессиональных занятий евреев-ремесленников, «чтобы удостовериться, действительно ли евреи занимаются предоставленными им ремеслами». При посещении мастерских оказалось, что многие евреи не только не занимаются своими ремеслами, но и торгуют «готовыми привозными товарами». Члены ремесленной управы «внушали, чтобы еврей-ремесленники занимались ремеслом», но, как утверждалось в документе, все эти «внушения» евреи «оставляли безо всякого внимания». Итогом рассмотрения дела в губернском правлении стало предписание о выселении нескольких евреев с семьями из Вологды «как не занимающихся своим ремеслом»¹⁵⁰.

Исключение из общих правил оставались редкими. Так, в 1888 г. отстояли свое право жить в Архангельске братья Айзенберги. Оказалось, что все они сыновья «отставного рядового, отбывшего военную

службу по прежнему рекрутскому уставу» и по закону свободны в выборе места жительства¹⁵¹.

В начале XX в. ситуация вокруг евреев-переселенцев из-за черты оседлости постепенно менялась, становясь значительно менее жесткой. Так, в 1908 г. в Вологде полицейское управление обнаружило двух евреев-приказчиков, действующих от имени купцов 1-й и 2-й гильдий, живущих в черте оседлости. Отмечая этот факт, управление подчеркивало, что нарушения действующих законов не происходит. Евреи — купцы 1-й и 2-й гильдий имеют право приезжать во все города «внутренних губерний» для торговли и промыслов. В случае «невозможности лично отправиться во внутренние губ. империи» евреи могли присылать своих приказчиков¹⁵².

Случаи выселения евреев становятся более редкими. Так, в 1909 г. вологодское губернское правление рассматривало дело о праве проживания за чертой оседлости еврея Мордуха Дыкшмана «в качестве учителя математики». Изучив обстоятельства дела, губернское правление пришло к заключению, что учителя не упоминаются в законах среди лиц, «которые могут проживать вне черты еврейской оседлости». Поэтому губернское правление «не может признать за последним права на проживание в городе Вологде»¹⁵³.

В 1914–1915 гг. ряд абсурдных историй связан с запретами, касающимися еврейского населения и его участия в строительстве железной дороги, проходящей через Олонецкую губернию. Все они связаны с подрядами на поставки материалов для срочного и важного дела. Так, в 1914 г. к олонецкому губернатору обратился купец 1-й гильдии Д. Мезель. Заготовку шпал, писал купец, «приходится производить в пределах Олонецкой губ., которая хотя и является по преимуществу губернией лесной», но «для предстоящих работ нет возможности найти опытных инструкторов». Поэтому Давид Мезель «находил крайне необходимым» привлечь к работам его собственных подчиненных: «людей, специально подготовленных к производству шпал». Затруднение состояло в их национальности. Помощники Мезеля, «как лица иудейского вероисповедания, могут не быть допускаемы хотя бы к временному проживанию в пределах Олонецкой губ.». Поэтому Давид Мезель просил губернатора «во внимание вышеуказанных, весьма важных для успеха дела обстоятельств», разрешить «сим лицам беспрепятственно проживать в местах производства и обработки шпал, в пределах Олонецкой губ., на время производства сих работ»¹⁵⁴.

Ответ олонецкого губернского правления оказался незамедлительным. В нем указывалось, что евреи могут прибывать в города за чертой оседлости

лишь для «производства торговли и промыслов». Следовательно, указанные евреи «не могут быть употребляемы для наблюдения за подрядами и поставками». Здесь губернское правление опиралось на закон: евреи, являющиеся приказчиками купца 1-й гильдии Мезеля, могут находиться при своем хозяине, но существующие нормы не позволяют использовать евреев-приказчиков «для наблюдения за подрядами, взятыми во внутренних губерниях или для управления этими подрядами». Поэтому прошение «оставлено без удовлетворения»¹⁵⁵.

Практика принудительного выселения вновь распространилась лишь незадолго до и сразу после начала Первой мировой войны. Судя по сохранившимся документам, местная администрация решала все вопросы, связанные с пребыванием евреев за чертой оседлости, предельно жестко и в ускоренном порядке, всеми силами стараясь избавиться от тех, кто по действующему законодательству не имел права проживать за пределами черты оседлости. Так, в 1915 г. в губернское правление обратился прибывший из города Владивослова еврей М. Гурвич. Он обратился к губернатору с просьбой о разрешении временно, на 2–3 месяца, остаться в Архангельске, поскольку родной город разрушен неприятельскими войсками. Ответ оказался столь же скорым, сколь и беспощадным: выселить Гурвича «в выбранную им местность в черте оседлости»¹⁵⁶.

Подводя итоги, можно отметить, что одним из основных направлений деятельности власти в вопросе о хозяйственной деятельности евреев стало сдерживание их предпринимательской инициативы. Это сдерживание определило облик еврея, уровень его успехов на хозяйственном поприще, его отношение к российской власти. Анализируя ситуацию начала XX в., Туган-Барановский писал: «На сегодняшний день в обыденном представлении насаждается вера в то, что вражда к евреям разжигается с согласия правительства»¹⁵⁷. В современной литературе высказывается мнение о том, что таким образом устранялся самый опасный и эффективный конкурент местного купечества¹⁵⁸.

На основании имеющегося материала можно увидеть иной аспект данной проблемы: еврейское население в XIX — начале XX в. стало объектом масштабного социального эксперимента. Царское правительство заставило данную группу населения в максимальной мере служить интересам коренного населения империи. Таким образом, с одной стороны, снижалась напряженность, неизбежно возникающая при появлении новой этнической группы. С другой стороны, сами евреи были поставлены в такие условия, когда учет интересов большинства населения становился решающим фактором адаптации.

Иудаизм как основа идентичности

Еврейские переселенцы столкнулись в городах Европейского Севера России с необходимостью создания своих общинных институтов с нуля, «будучи удалены от вековых традиций, стоявших за старыми еврейскими центрами, такими как Вильна, Люблин и Бердичев»¹⁵⁹. Но и в этих условиях подавляющее большинство евреев сохраняло религию своих предков. Это вполне объяснимо. «Инстинкт выживания в чуждом окружении заставлял консолидироваться вокруг некоего центра, роль которого выполняли общинные институты: молитвенные дома, духовные и хозяйственные правления»¹⁶⁰. Повсеместно за чертой оседлости небольшие группы евреев стремились создавать религиозные общины. Так, во второй половине 1860-х гг. в большинстве сибирских губерний (Томской, Иркутской, Енисейской) уже были открыты синагоги и молитвенные дома, где состояли «казенные» раввины¹⁶¹.

Религиозная жизнь быстро растущих еврейских сообществ стала объектом законодательной регламентации. Устав духовных дел иностранных исповеданий позволял евреям «отправлять общественные молитвы и богомолие» исключительно «в особых зданиях, для сего определенных». Каждое «молитвенное сообщество» евреев обязывалось избирать правление, состоящее из раввина, старосты и казначея. В обязанности раввина входило «объяснять в известных случаях сомнения, касающиеся богомоления и обрядов веры», «совершать обряды обрезания и наречения имен младенцам, бракосочетания и расторжения браков». Он являлся «блюстителем и толкователем еврейского закона» и в то же время был обязан «направлять евреев к соблюдению нравственных обязанностей, к повиновению общим государственным законам и установленным властям». Староста наблюдал за порядком в синагоге, собирал пожертвования. Казначей вел приходо-расходные книги. Там, где бедность евреев не позволяла им иметь особого раввина, по закону разрешалось «причисляться к ведомству раввина ближайшего города»¹⁶².

Наиболее ранние свидетельства о формировании еврейской общины связаны с Архангельском. Упоминание о местной еврейской молитвенной общине, судя по документам полицейского управления, относится к 1828 г.¹⁶³ До 1857 г. в городе существовало два еврейских общества и два раввина из числа военнослужащих — в морском и сухопутном ведомствах. Раввинов в этот период избирали из числа военнослужащих по приказу командира и с учетом мнений верующих: «по желанию всех евреев нижних чинов»¹⁶⁴.

Дальнейшее развитие еврейских общин в городах Европейского Севера России связано со

сходными судьбами евреев-военнослужащих, для которых из их же среды периодически избирали казенного раввина. Можно сказать, что, негативно относясь к еврейским сообществам, выдвигая в их адрес обвинения в ритуальных убийствах, власти тем не менее заботились о формировании еврейских религиозных общин. Эта забота связана с судьбами евреев-военнослужащих, отправленных для прохождения службы в гарнизоны северных городов. Лишь в дальнейшем, в 1880–1890 гг., иудейские общины стали пополняться приезжими евреями, имеющими разрешение на проживание за пределами черты оседлости и намеревающимися сохранять в новых условиях веру своих отцов. Так, в Архангельске синагога появилась лишь в 1899 г.: она была возведена на средства купца И. Биндера¹⁶⁵.

Религиозная жизнь еврейских сообществ сталкивалась с препятствиями. Отсутствовала подготовка раввинов, возникали трудности при открытии синагог, непростой задачей стало сохранение языка. Доказательством тому служит ряд дел.

Первое из них связано с Петрозаводском и датировано 1860 г. — временем, когда местная еврейская община начала отстаивать свои права. В этом году по просьбе подчиненных командир петрозаводского гарнизонного батальона подполковник Харитонов составил рапорт, в котором указывал, что во вверенном ему батальоне число евреев составляет около 200 человек. Они по закону, за отсутствием синагоги, могут собираться для молитвы «под наблюдением надежного товарища, избранного ими для исправления должности раввина»¹⁶⁶. Такой порядок некоторое время соблюдался: «место для их молитвенных собраний было указано в казарме второй роты». Но в марте 1858 г. по распоряжению корпусного командира евреи потеряли возможность собираться для молитвы и теперь «совершенно лишены возможности собраться в одно место для совершения обрядов их веры и молитв не только в дни суббот, но даже и в главные годовые их семь праздников» и поэтому просили «об отводе им места для общего собрания»¹⁶⁷.

Губернское правление, рассмотрев дело, вынесло негативное заключение. В Петрозаводске, указывалось в журнале правления, «помещений для молитвенных собраний евреев не назначено, а также никаких сумм для сего не ассигновано», поскольку устройство синагог, молитвенных школ допускается только в местах оседлости евреев»¹⁶⁸. В то же время гарнизонному начальству разрешалось «сделать распоряжение об отводе особого дома», где можно «допустить временное молитвенное собрание»¹⁶⁹. Проблему удалось преодолеть лишь в 1868 г. Служащие евреи в петрозаводском батальоне «приобрели покупкою дом с землею», который передали в

собственность своего подразделения для того, чтобы вести богослужение¹⁷⁰.

Евреи, служащие в городских гарнизонах, нередко становились основой для еврейских общин в городах Европейского Севера. Так, в документах Вологодского губернского правления сохранились свидетельства о существовании в Вологде еврейской общины начиная с 1840-х гг. При этом известно, что местное начальство в течение ряда лет выдавало военным служащим иудеям деньги «на наем отдельного помещения для молитвословий на время двух праздников: Пасхи и Куци»¹⁷¹. Религиозные обряды, в частности обрезание, с 1857 по 1873 г. исполнял, «за неимением казенного раввина», местный еврей мещанин Я. Т. Куперштейн; он же вел метрические книги. Судя по прошению евреев отставных солдат вологодского батальона, составленному в 1892 г., еврейские обряды «отправлялись при молитвенном еврейском доме исправно»¹⁷². Однако в дальнейшем богослужение и исполнение треб по невыясненным причинам прервалось.

Примером возникновения сложностей в деле исполнения иудейских обрядов может послужить дело Ицко Гуревича, некоторое время исполнявшего обязанности раввина и учителя еврейской грамоты в Петрозаводске. Для богослужений евреи, имеющие право проживания в Петрозаводске, приобрели дом, в котором разместились молельня. Из-за отсутствия казенного раввина они избрали на эту должность виленского мещанина Ицко Гуревича, которого считали «по образу жизни и способностям своим» «вполне достойным этого звания». Критерием выбора стало наличие у него квалификации: у Гуревича имелось «на право исполнения духовных треб по еврейскому закону от казенного раввина свидетельство»¹⁷³. В течение 9 лет Гуревич совершал бракосочетания, обрезания младенцев и другие обряды не только в губернном городе, но и в других городах Олонецкой губ., «где в уездных командах состоят на службе женатые нижние чины из евреев и у которых рождаются дети»¹⁷⁴. Все это время Гуревич жил за счет «еврейского общества». В 1872 г. ситуация изменилась в худшую сторону: Гуревичу пришлось покинуть Петрозаводск. Как говорилось в документах губернского правления, высылка необходима «по поводу того, что он не занимается здесь никаким мастерством, хотя он и знает точильное мастерство, но как будучи избранным к исполнению обязанностей раввина и к обучению детей еврейской грамоте, то потому оставил означенное занятие»¹⁷⁵.

Новые подробности, связанные с религиозной жизнью в Петрозаводске, известны из прошения проживающих в Петрозаводске евреев, составленного в 1877 г. Как говорилось в документе, в Петро-

заводске «находится всех нас обоего пола на настоящем жительстве до 150 человек, кроме воинских нижних чинов, евреев же, служащих в губернном батальоне, и до 150 человек в городах и в уездах Олонецкой губ.». Раввина в губ. нет, «и средств для содержания раввина тоже». Ранее все необходимые обряды исполнялись «из нашей среды человеком, знающем в теоретическом и практическом отношениях» (имелся в виду Гуревич), но теперь такая возможность утрачена. Между тем необходимость в раввине или его помощнике назрела. Евреи указывали на те обстоятельства, которые подстегивали решение вопроса. Во-первых, это метрические книги, вести которые должен еврейский священнослужитель: «В настоящее время у некоторых из нас родились дети мужеского пола, над которыми обряд обрезания, как бы следовало по закону Моисееву, на восьмой день не исполнен» и даже «имена им не наречены». Во-вторых, «может встретиться важный случай, например кто-либо умрет; кто же тогда исполнит последний долг погребения над умершим?». В ответ губернное правление указало на принятые ранее решения: прошение о проживании И. Гуревича рассматривалось губернным правлением, и по делу было вынесено негативное заключение. Численность евреев, проживающих в Петрозаводске, недостаточна для того, чтобы местное начальство могло позволить избрание раввина: согласно закону, количество евреев должно достигать 1000 человек. При этом многие из просителей проживали в городе временно¹⁷⁶.

В конце 1870–1890-х гг. в городах Европейского Севера начали формироваться еврейские общины, которые активно отстаивали права на регулярное отправление религиозных обрядов. Из-за большого числа евреев — политических ссыльных, длительное время проживающих в Архангельской губ., иудейские общины появлялись даже в малых городах. Так, в 1870 г. пинежский уездный исправник установил, что во вверенном ему городе состоит «частью под надзором полиции, частью на жительстве» 28 евреев обоего пола. Исправник ходатайствовал перед губернатором о разрешении пинежским евреям избрать раввина и собираться для богослужений. Ответ, полученный из Архангельска, оказался положительным. Как видно из журнала Архангельского губернского правления, евреям разрешили «собираться в одном из домов, занимаемых ими», «под наблюдением благонадежного товарища, которого представить им избрать для отправления должности раввина»¹⁷⁷.

Избрание раввина и начало богослужений в Пинеже проложило путь для формирования иудейских общин в других малых городах Архангельской губ.. В 1875 г. евреи, проживающие в Онеге, избрали раввином местного ссыльного Цигеля Фишера

«для исполнения им религиозных обрядов» и ведения метрических книг. В Холмогорах обязанности раввина исполнял Хаим Либерман, в Шенкурске на эту должность «избран из среды евреев Лейба Надецкий, в Кемии вел метрические книги, совершал обряды и выполнял прочие обязанности раввина П. Лейдервудер¹⁷⁸. В г. Коле раввина не было, и единственный проживающий в ней еврей Савич со своим семейством «исполнял молитвословие» в своей квартире¹⁷⁹. В 1874 г. при избрании раввина в г. Мезени «еврейское общество» раскололось на две партии, каждая из которых предлагала собственного кандидата. В итоге вопрос решило губернское правление, избрав из двух претендентов того, которого поддержало большинство местных евреев¹⁸⁰. В 1888 г. наступил черед губернского города: архангельские евреи, собравшись в молитвенном доме, приняли решение найти законного раввина. Для оплаты его услуг евреи обязывались ежемесячно собирать 60 рублей. Обращение евреев к петербургскому раввину Драпкину принесло желаемый результат: готовность стать архангельским раввином изъявил С. Х. Бейлин, купеческий сын, бывший студент Харьковского университета¹⁸¹.

В 1905 г. «архангельское еврейское общество» без особых проблем избрало на должность раввина другого своего представителя — помощника провизора Ю. З. Трейваса. Новоявленный раввин обязывался заниматься совершением обрядов, ведением метрических книг «без особой платы», а община евреев обязывалась ежемесячно платить ему вознаграждение и «по вознаграждению его не злоупотреблять»¹⁸². После этого религиозная жизнь евреев в Архангельске стабилизировалась. Сохранились свидетельства об уважительном отношении властей к еврейским религиозным праздникам. Так, в 1915 г., в соответствии с телеграммой МВД, губернатор распорядился «разрешить евреям оставаться в городе Архангельске на двое суток ввиду наступающего еврейского праздника»¹⁸³.

Видя успешное решение проблемы поиска раввина в соседней губ., вологодские евреи возлагали надежды на архангельскую общину. Новое рассмотрение вопроса о религиозной жизни еврейской общины Вологды относится к 1893 г. Проживающие в Вологде евреи подали в губернское правление прошение, в котором, «ссылаясь на малочисленность и бедность еврейского общества», ходатайствовали о причислении их к ведению архангельского раввина. Вологодское начальство, рассмотрев документ, вынесло отрицательное заключение. Как выяснилось, в числе подающих прошение имелись и те евреи, которые проживали за чертой оседлости временно. Второй причиной для отказа стали дальние расстояния: город Архангельск находится слишком далеко от Вологды. Следовательно, «для архангельско-

го раввина представляется видимая невозможность за дальностью расстояния в особенности в зимнее время в делах веры удовлетворять потребностям вологодского еврейского общества и лично совершать их религиозные обряды»¹⁸⁴.

В 1894 г. вологодское губернское начальство вновь обратилось к проблеме существования еврейского молитвенного дома. Вопрос на этот раз решился положительно. Как говорилось в адресованном губернатору предписании департамента духовных дел, вологодским евреям разрешалось «с тем, чтобы проживающие в городе Вологде евреи, не имеющие возможности по малочисленности и бедности содержать раввина, для исполнения духовных треб и исполнения обрядов веры приглашали раввина из еврейской молельни в городе Рыбинске». В соответствии с этим предписанием в Вологде появился еврейский молитвенный дом, и начальство озабочилось формированием еврейского «особого правления» в соответствии с российским законом¹⁸⁵.

К 1908 г. относится первое упоминание в материалах делопроизводства об избрании раввина для Вологды и Вологодской губ.¹⁸⁶. Петрозаводская еврейская община также начала обустроиваться. В 1900 г. строительное отделение олонечского губернского правления утвердило план строительства молитвенного дома для местных евреев¹⁸⁷.

***

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что адаптация евреев к условиям Европейского Севера носила комплексный характер. Основной причиной и стимулом для адаптации стало противоречие между нормами законодательства и практическими потребностями жизни. Очевидно, что потребность в еврейском населении возрастала по мере усиления капиталистического элемента в хозяйственном укладе территорий Европейского Севера России. Другим противоречием стали жесткие нормы законов и степень психологической готовности чиновников применять их на практике. Переселение многих евреев обратно за черту оседлости тормозилось по не вполне доступным для изучения причинам, в числе которых предположительно можно назвать низкую эффективность бюрократического аппарата, невнятность требований законодательства, которые к тому же постоянно менялись, а также коррупцию.

Обратной стороной процесса адаптации стало сохранение всех важнейших элементов еврейской культуры. Территории, на которых селились евреи, не имели еврейского прошлого, в них еврейская религиозная жизнь и хозяйственная практика формировалась с нуля. Приспосабливаясь к нелегким экономическим, правовым и не в последнюю оче-

редь климатическим условиям, еврейское население заботилось о поддержании своей идентичности. Евреи четко представляли себе цель, к которой следовало стремиться: максимальная адаптация в российском обществе. Для них непременным условием самосохранения оставалось поддержание как деловых, так и дружественных отношений с местным населением.

Отношение губернских администраций и местных жителей к еврейскому населению оставалось двойственным. В отличие от еврейского населения, точно знающего свои цели и настойчиво стремящегося к ним, чиновничий аппарат не смог разработать четкую линию поведения в отношении евреев. С одной стороны, местные жители были заинтере-

сованы в энергичных переселенцах, которые быстро осваивали местный потребительский рынок. С другой стороны, местные предприниматели не без оснований опасались конкуренции со стороны евреев и ревниво следили за их успехами. Российское законодательство о евреях оставляло местной власти широкое поле деятельности. Степень жесткости мер, принимаемых против евреев, в значительной степени зависела от инициативы тех или иных губернаторов, министров или даже рядовых чиновников. Неудачливые конкуренты евреев стремились использовать возможности репрессивного аппарата для реванша. Это резко обостряло обстановку вокруг и внутри еврейских общин, но не могло помешать росту их численности и влияния.

Крылов П. В.

«УШЕДШАЯ ИНГРИЯ» И ИНГЕРМАНЛАНДСКИЕ ФИННЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990–2000-е гг.

Сегодня свершившимся фактом стала языковая ассимиляция ингерманландских финнов Ленинградской области. Для старших возрастных категорий характерно стопроцентное двуязычие, люди среднего и младшего поколений, как правило, не знают финский язык. Некоторые изучают его уже в качестве иностранного с весьма разнообразными целями — от эмиграции в Финляндию, профессионального роста и установления личных или деловых контактов с финскими партнерами до удовлетворения частного интереса к истории, языку и культуре страны Суоми, восстановления семейной генеалогии и т. п.

Впрочем, и среди представителей старшего поколения немногие предпочитают финский язык в разговоре, который тем не менее включает инородную, с точки зрения литературной нормы, лексику, главным образом названия болезней, лекарств, социальной терминологии: «пенсия», «сельсовет», «телефон», «почта», «магазин», «операция», «больница», «автобус» и т. д., наряду с наличием давно проникших в ингерманландский диалект «вунукат», «пичкат», «очкат» и т. п.

С другой стороны, слова финского происхождения нередко проникают в используемый в обиходе русский язык. Среди них приветствия: *terve! iltaa! päivää! huomenta!*, а также конфессиональная терминология: *ehtollinen* (причастие), *rippi* (конфирмация), *rippikoulu* (воскресная школа), *hautajaiset* (похоронный обряд — проводы в последний путь), *seurat* (духовное собрание в частном доме, проводи-

мое в дружеской обстановке), *kolehti* (церковные пожертвования), *kirkonkahvi* (церковный кофе после богослужения), *juhannuskokko* (костер, зажигаемый в Иванов день), *joulupukki* (Дед Мороз), *joulukortti* (рождественская открытка), *viirsi* (духовное песнопение), *viirsikirja* (сборник духовных песнопений).

По-фински предпочитают называть некоторые церковные праздники: *Kynttilänpäivä* (День свечей), *Marianpäivä* (День Марии — Благовещение) *Laskiainen* (Масленица), *Helatorstai* (Вознесение Господне), *Helluntai* (Пятидесятница), *Juhannus* (Иванов день), *Pyhäinmiesten päivä* (День Всех Святых).

В то же время такие названия, как Пасха, Троица и Рождество, используются преимущественно в их русскоязычном варианте. При этом если термин *Joulu* (Рождество) хорошо известен и может быть использован в речи, то термины *Pääsiäinen* (Пасха) и *Pyhän Kolminaisuuden päivä* (День Святой Троицы) полностью неведомы и вытесняются их русскими аналогами. Последнее в особенности интересно, поскольку для заключительного праздника рождественского периода, Богоявления, известно лишь финское название — *Loppiainen*.

Кроме того, более или менее сохраняется практика использования в повседневном общении финских аналогов общераспространенных в России имен: Юха или Юсси (Иван), Мари (Мария), Тойво (Анатолий), Катри (Екатерина), Симо (Семен), Лемпи (Любовь), Анти (Андрей), Лююли (Людмила), Пааво (Павел). В среднем и младшем поколении довольно часто встречаются женские

имена, имеющие хождение как в России, так и Финляндии: Алина, Кристина, Эльвира и Элеонора (чаще в уменьшительно-ласкательной форме Эля), Лилия, Нина.

Отношение собеседников к утрате языка отчетливо и однозначно негативное. Впрочем, рассуждая о ее причинах, они не указывают только лишь на репрессивную политику советских властей в отношении финского языка, прессинг со стороны невладеющих финским членов семьи или сверстников («Бабы, по-своему не лопотать!»), проявляя способность к самокритике: «Почему мы не хотели учить финский? Почему не научили наших детей?» — могут поставить они риторический вопрос, вспоминая, что в раннем детстве говорили только по-фински. Иногда слышна фраза: «Мои родители были финнами?» — что выступает проявлением затруднений с этнической самоидентификацией. Характерный пример: собеседница-ингерманландка, сравнивая застолье в Финляндии и России, произнесла: «У нас, у рус... у нас в России даже займешь, а стол сделаешь...»

Некоторые собеседники, впрочем, признаются, что хотели бы больше и чаще слышать финскую речь, однако редко проявляют готовность каким-то образом реализовать свой интерес, за исключением разве что чтения книг, журналов и газет на финском языке, доставляемых из Финляндии родственниками и друзьями. Во время семейных праздников представителями старшего поколения иногда исполняются песни на финском языке, записанные по памяти и хранящиеся в рукописных сборниках. Среди этих песен встречаются народные «*Omal maal*» («На своей земле»), «*Vanha kirkko*» («Старая церковь»), финские эстрадные «*Kultaiset vuodet*» («Годы золотые»), «*Mustalaisen laulu*» («Цыганская песня») или переводы на финский язык русских песен, таких как «Карельская Катюша», песенка Крокодила Гены или «Стенька Разин».

Владение финским языком продолжает оставаться для собеседников-ингерманландцев основным критерием этнической идентификации. «Выход финского языка из употребления даже в быту» назван А. В. Крюковым первым в списке показателей размывания этнического самосознания. При этом изучение финской литературной нормы, по его мнению, не способно качественным образом изменить положение вещей: «...Выученный язык не становится для людей ни основным, ни вторым языком, и даже не воспринимается как национальный язык. Для тех, кто слышал и понимал финский язык в детстве, весьма значительна разница между литературным и народным языком. Люди рассказывают, что они испытывают разочарование, приходя на курсы и слыша вместо родного языка нечто совершенно чужое. Для тех, кто на курсах впервые

слышит финский язык, сложность его изучения делает невозможным полноценное освоение языка в отсутствие языковой среды. Даже освоив кое-какую лексику и штампы из фразеологии, эти люди, говоря по-фински, применяют русский синтаксис, интонацию, кальки русских идиом.

Мы должны признать, что с практической точки зрения изучение финского языка имеет один смысл — эмиграцию в Финляндию. Обучая людей финскому языку, в «ИЛ» («Инкерин Лиитто». — *Примеч. авт.*) либо готовят будущих граждан Финляндии, либо занимаются вовсе бессмысленным делом — поскольку те, кто не уедут, не смогут и не будут говорить по-фински. Факты таковы, что в «ИЛ» говорят по-русски и обучают членов общества иностранному языку. Для большинства учащихся интерес представляет лишь Финляндия, а Ингрия — пустой звук. Стоит ли тратить силы на обучение их языку? Они могут уехать в Финляндию (или еще куда-нибудь) и без помощи «Инкерин Лиитто». Хотя в последнее время отток ингерманландских финнов в Финляндию замедлился, думается, что отъезд всех, кто стоит в очереди, — это лишь вопрос времени. Обучая потенциальных мигрантов финскому языку, мы энергично рою яму будущему своему народу. Таким образом, благое дело приносит пагубные плоды.

Проблема еще и в другом: финская языковая среда в Ингрии почти исчезла. Даже знающие финский язык родители говорят с детьми (да и между собой) по-русски. Сегодня в естественных условиях мы еще слышим смешанный язык. По-фински будут говорить с гостем из Финляндии, но не между собой. Дома финский язык как бы не нужен, поскольку по-русски понятнее. Повсеместный выход из употребления финского языка ставит перед нами непростой вопрос: возможно ли сохранение народа или этнической группы, почти полностью утратившей свой язык?¹⁸⁸

Впрочем, не все собеседники соглашались с высокой оценкой ингерманландского диалекта. Некоторые называют его «чухонским», «неправильным» по отношению и к финскому, и к русскому, считая желательным учить «правильные» (литературные) языки. В данном случае мы сталкиваемся с проявлением того самого негативного языкового мифа, который обрекает на исчезновение малые или локальные языки или наречия: «Почти каждая нация считает свой язык красивым, совершенным и полезным... хотя нам известны и исключения. Например, жители Раротонги на островах Кука, а также население американского Самоа считают английский язык намного более полезным, чем их родной»¹⁸⁹. Оказывается, чтобы увидеть негативный языковой миф в действии, вовсе не требуется отправляться на далекие острова.

Повседневная жизнь ингерманландских финнов сегодня также практически ничем не отличается от повседневной жизни большинства населения российской деревни. Одежда фабричного производства полностью соответствует общепринятым в современной России стандартам. Сельские дома в очень редких случаях красят популярной в Финляндии коричнево-красной краской с белыми оконными рамами. Впрочем, в качестве украшения интерьера часто используются привезенные из Финляндии календари на финском языке, фигуры ангелов из соломы, дерева или бумаги, над межкомнатными или входными дверями могут быть расположены адвентские венки из искусственной хвои. Настенные репродукции с видами Финляндии или библейскими историями в украшении комнат иногда соседствуют с православными календарями и иконами. При этом последние далеко не всегда располагаются в красном углу, но могут помещаться между двух окон.

Отметим и то, что собеседники практически не могут вспомнить, существуют ли какие-то традиционные блюда местной кухни, которые готовились бы сегодня даже в праздничные дни, за исключением, пожалуй, *perunan kansikka* — большой дрожжевой ватрушки с картофельным пюре, про которую говорят: «Чисто ингерманландское блюдо».

В последнее время сбором традиционных рецептов занимаются создатели и участники «Форума ингерманландских финнов», живущие в основном в Финляндии, хотя, прямо скажем, пока нельзя говорить об успехе этого предприятия. Свидетельство одного из участников: «Спросил сегодня у своей бабули: “Помнишь ли ты какой-нибудь ингерманландский рецепт?” Она отвечала, что не помнит. Родилась она в 22-м году, и все ее детство прошло в *köyhä aika* (как она сама сказала) (бедное время. — *Примеч. авт.*), но кое что вытянуть из нее удалось. Овсяный кисель помнит. Говорит, что папа нальет нам его по тарелкам, а мы бежим на улицу скорей с этими тарелками — остужать его. Также рассказала, что папа научил ее, как правильно есть этот кисель. Надо, когда кисель уже подостынет (станет как студень), ложкой вынуть из тарелки середину и в эту ямку налить (самое лучшее) сливочного масла (если есть, конечно). Ели кисель без хлеба и каждый кусочек надо было обмакнуть в это самое масло»¹⁹⁰.

Тем не менее языковые и культурно-бытовые аспекты не охватывают всей полноты ассимиляционных процессов, важнейшей составляющей которых является «мемориальная ассимиляция», обл. которой — культурная память того или иного этноса. Именно она является источником базовых метафор, позволяющих отдельным индивидам опознавать друг друга в качестве представителей определенного сообщества, в данном случае сообщества

этнического, в сознании которых сформировался весьма четко определенный взгляд на прошлое как народа в целом, так и каждого его представителя по отдельности¹⁹¹.

И может оказаться совершенно несущественным, какой язык будет использован для фиксации культурной памяти народа и ее трансляции будущим поколениям. Более важную роль может приобрести наличие или отсутствие символических маркеров, отделяющих память меньшинства от памяти большинства, несмотря на идентичность прочих характеристик лингвистического, материального и даже мировоззренческого свойства. В настоящее время именно историческая память является важнейшим элементом в фундаменте ингерманландско-финской идентичности в России.

Память о собственном прошлом ингерманландских финнов испытывает многосторонние и разнонаправленные влияния и формируется с участием:

- 1) собственной традиции коммуникативной памяти, передающейся в семье от поколения к поколению;
- 2) установок, воспринимаемых от большинства как в России, так и в Финляндии;
- 3) официальной памятью, транслирующейся в российских и финских СМИ;
- 4) групповых представлений о прошлом¹⁹².

Поскольку образы целого ряда событий общего для России и Финляндии прошлого бывают окрашены в диаметрально противоположные краски, поле боя, с которой сравнил историческую память Алистер Томсон, может оказаться в одной голове¹⁹³. В то же самое время потребность в «правдоподобных» рассказах о минувшем довольно сильна, что приводит к индивидуальным попыткам каким-то образом связать разные элементы в подобие непротиворечивой картины, необходимые структурные элементы которой красочно изобразил С. Н. Зенкин: «Идеи общества получают свою убедительную силу не только благодаря логической связности и доказуемости, но и благодаря опоре на традицию; они представляют собой смешанный по природе логико-нарративный объект, это одновременно и идеи, и мифы. По сути, здесь впервые четко сформулирован парадоксальный статус исторических идей, которые могут быть абстрактно-логическими по форме. Но своей основой всегда имеют некую конкретно социальную конвенцию»¹⁹⁴.

На сегодняшний день основными средствами для написания этой картины являются публикации воспоминаний, выходящих отдельными книгами, сборниками, а также в виде отдельных статей. Последние чаще и регулярнее всего появляются в газете «Inkeri — Ингрия», принадлежащей Союзу ингерманландских финнов, и профессиональном

журнале «Inkerin Kirkko — Церковь Ингрии», выходящих соответственно с 1998 и 1991 г. на финском и русском языках и насчитывающих 66 и 64 выпуска.

Кроме того, иногда воспоминания попадают на страницы местных и районных газет или литературных альманахов, таких как «Колтушские вести», «Гатчинская правда» или «Оредеж». Большинство авторов и собирателей воспоминаний выбирают названия, в которых сквозит глубокое чувство горечи и обиды от пережитого лично или их друзьями и родственниками: «Elettiin pä ennen Inkeris» («Когда-то прежде в Ингрии»), «Siihen maahan jonka minä sinulle osoitan» («В ту страну, которую я тебе укажу»), «Kohtalot — Судьбы», «Беда народа», «Расстрелы, ссылки, мученья», «Свидетели прошлого», «Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры», «Прощение освобождает», «Ингерманландский излом». При этом авторы отчетливо осознают свое дело как общественно значимое: «Народ не должен исчезнуть», — именно эта мысль побуждает М. А. Михневича заниматься сбором воспоминаний¹⁹⁵.

Воспоминания, да и исследования, посвященные конкретным историческим сюжетам, начинаются от Адама, в данном случае от появления финно-угорских племен в Приневье или переселенцев савакот и евремёйсет в Ингрии после заключения Столбовского мира 1617 г. Наличие такого введения объясняют тем, что «большинство людей нашего поколения, даже те, корни которых уходят в Ингрию, не знают историю этой земли»¹⁹⁶. Впрочем, от введения, довольно схематичного, несмотря на наличие объемных научных трудов, посвященных истории Приневья и финно-угорских народов России, они переходят быстро и не всегда очень плавно к истории собственной семьи или к личным воспоминаниям, что роднит их сочинения со средневековыми хрониками, открывавшимися пересказом библейской истории о сотворении мира и происхождения современных народов от сыновей Ноя. По всей видимости, это результат сходного устремления — вписать собственную память о прошлом в более широкий контекст уже не столько памяти, сколько истории.

Прошлое являет собой идеальную картину страны сказок — *Satumaa*: «Была некогда страна, которая была обширна, как небесный свод, жители которой жили счастливой, достойной и самостоятельной жизнью, они пахали землю и растили скот. Они чтит Господа и по воскресеньям ходили в церковь»¹⁹⁷. Гибель «страны сказок» пришла извне, она оказалась полной и бесповоротной, без какой-либо надежды на возрождение. Отсюда используемые эпитеты: *kadonnut Inkeri, mennyt Inkeri* — «погибшая Ингрия», «ушедшая Ингрия». Если что и

может возродиться, то лишь церковь и то во многом перестав быть церковью финской.

Примечательно, что издания, посвященные Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии носят многим более оптимистические названия: «Inkerin ihme. Kirkko kohosi Keltoon» («Ингерманландское чудо. В Колтушах строится церковь»), «Inkerin kirkon nousu kommunistivallan päätyttyä» («Подъем Церкви Ингрии в конце коммунистического режима»), «Todistuksena toivosta» («Свидетельство надежды»).

Единственным утешением может служить лишь то, что удалось выжить, сохранив «честность, трудолюбие и веру» — своеобразную триаду положительных качеств. Один собеседник вспоминал, что «лучшая бригада вахтеров была наша, чухонская. Когда мы дежурили, никто и ничто не мог с завода вынести». Другая собеседница вспоминала, что ее мать никогда не говорила по телефону, что дочери нет дома: «Подходи к телефону и сама разбирайся». Третий собеседник отмечал, что его родители считали самым главным, чтобы дети выросли честными и трудолюбивыми, карьера и достижения в их системе ценностей не являлись чем-то значимым.

Память о перенесенных страданиях, которые, впрочем, являются уже в большей степени страданиями родителей, как считает исследователь О. Давыдова, задала рамки для формирования этнического кода¹⁹⁸ «финскости» бывшего СССР¹⁹⁹. Впрочем, удобная в качестве средства этнической мобилизации, подобная картина прошлого подвержена размыванию конкурирующими воспоминаниями о периоде 1970-х гг., что особенно заметно проявляется в поколении 1940–1950-х гг. рождения в форме «ностальгии по застою». Собеседники довольно охотно вспоминают походы на танцы или фильмы в клуб, организованный в бывшей церкви, о пионерском детстве и комсомольской юности, намекая на конфликты со старшим поколением²⁰⁰. Советский Союз в представлении этого поколения являлся страной, с которой они себя идентифицировали: «Это было в дружественном нам тогда народном Китае», — рассказывает Б. П. Тикка о своей военной службе²⁰¹.

Недоверие поколения родителей к советским средствам массовой информации («Мать говорила, что они всегда врут»), по словам собеседников, вызывало их сопротивление. Представления молодого поколения о прошлом сегодня могут быть еще более причудливыми: одни могут недвусмысленно высказываться в поддержку позиции СССР в Зимней войне 1939–1940 гг. («Да их (жителей Финляндии. — *Примеч. авт.*) всех надо было разбомбить»), другие увлекаются жизнью и деятельностью К. Г. Э. Маннергейма и иных финских офицеров, отличившимися в боях с РККА

(«А ведь мы черно-синие!» — намек на цвета финского национал-патриотического движения).

Таким образом, можно констатировать, что память о репрессиях в настоящее время переживает трансформацию из личной и коммуникативной в культурную память российских финнов. Наряду с публикацией воспоминаний инструментами ее сохранения и формирования канона являются поминальные церемонии на Левашовской пустоши под Санкт-Петербургом и траурные богослужения в День Всех Святых. Тем не менее эта культурная память все чаще актуализируется лишь в случае ее заинтересованного использования, будучи вытесняема коммуникативной памятью новых поколений, для которых все большее значение приобретают образы «застойного благоденствия», «лихих 1990-х», «первого Юханнуса», «возрождения Церкви» и иных значимых событий времени, более приближенного к настоящему моменту, нежели время репрессий.

Дальнейшее размывание ингерманландско-финской идентичности будет связано с тем, что дифференцирующая память о репрессиях уходящих поколений будет замещаться интегрирующей памятью поколений, приходящих им на смену, не имеющего личного травматического опыта, вполне вписанных в советский народ и разделявших его образ жизни, поведенческие стереотипы и ценности.

Вторая половина 2000-х гг. с ее ростом жизненного уровня на фоне благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры не оказалась отмеченной сколько-нибудь серьезным снижением темпов выезда ингерманландских финнов на постоянное жительство в Финляндию, продолжается естественная убыль за счет ухода из жизни старшего поколения, владеющего финским языком. Последнее заставляет руководство «Инкерин Лиитто» задуматься о переосмыслении стихийно-примордиалистских представлений о «современной ингерманландской идентичности», иными словами, задаться вопросом: «Можно ли остаться финном, окончательно утратив финский язык?»²⁰²

Другим вызовом стало появление внеэтнической региональной ингерманландской идентичности, в центре которой находятся идеи так называемой русской Ингерманландии. В манифесте, автором которого является журналист Виктор Шаву, можно прочесть следующее: «Так уж сложилось, что именно в Ингерманландии, а вовсе не в Великом Новгороде с его историческими традициями, не в территориально близкой к Евросоюзу Калининградской области (Восточной Пруссии) и не в максимально удаленном от Москвы Приморском крае, наиболее мощное развитие получил процесс региональной самоидентификации (*identity*). Этот процесс детально исследовался многими петербургскими учеными, общественными деятелями,

журналистам... Стоит, однако, подробнее остановиться на русском аспекте этого процесса, дабы опровергнуть обвинения в “иностранный”, “немецком” и “финском” происхождении этой *identity* (автор не видит ничего плохого в “иностранный” происхождении подобной самоидентификации, но объективности ради стоит подчеркнуть ее русские корни). Начать следует с того, что региональная самоидентификация в этом регионе всегда была своего рода смесью между “национальным” (живущие здесь, местные, аналог белорусского “тутейшие”) и “интернациональным”. Последнее понятие следует расшифровать подробнее — в связи с неоднозначностью его трактовки в современных российских условиях. Стоит вспомнить, что именно на территории Приневского края бок о бок проживали славяне и угро-финны, представляя собой уникальный образец симбиоза: жили черезполосно (славянская деревня — угро-финская, снова славянская и снова — угро-финская). Все жители края — и эта традиция сохранялась не только при Новгородской республике, но частично и при Российской империи — знали язык друг друга, могли свободно общаться, торговать, ходили друг к другу в гости, вместе отмечали праздники — особенно дохристианские (Юханнус, он же Иванов день и пр.), брали жен из соседних народов. Однако при этом народы не смешивались, не ассимилировали, сохраняя свою самобытность, уклад и традиции — именно этот факт следует признать уникальным»²⁰³.

Петербург с этой точки зрения воплощает в себе все лучшее, что было в финской Ингрии и русской России, воскрешая образ «страны сказок»:

*С давних пор люди слышали в песнях,
Что поют у костра рыбаки,
Про невиданный город чудесный
У изгиба могучей реки.
Здесь, под северным небом холодным,
Жил отважный и честный народ.
Занимался трудом благородным,
Не боялся судьбы и невзгод.
Лучший хлеб, лучший мед и печенье
Увозили отсюда купцы,
И художников лучших творенья
Уплывали в чужие дворцы...
...Много лет с этих пор пролетело,
Новый город разросся вокруг,
Но историю крепости смелой²⁰⁴
Сохраняет в себе Петербург...*

Политическая активность «русских ингерманландцев», в мировоззрении которых проявляется тот самый «местечковый патриотизм», на отсутствие которого у финнов так сетует А. В. Крюков, постоянное участие «русских ингерманландцев» в акциях протеста против уплотнительной застрой-

ки и строительства небоскреба «Охта-центра» на месте шведского Ниеншанца вызвало неприятие со стороны этноактивистов: «Вы можете считать себя кем угодно, но мы, ингерманландские финны, требуем прекратить использование национального флага ингерманландских финнов (а именно таковым он является). Использование его в качестве некоего политического символа участники прошедшего 24 марта съезда общества «Инкерин Лиитто» воспринимают как провокацию. Вопрос этот достаточно серьезно обсуждался. Произошедшее вызвало у людей искреннее возмущение. Я не хочу вступать в политические дискуссии, но это флаг не может и не должен быть символом какой-либо политической организации. Появление нашего флага рядом с флагами нацболов (еще год назад скандировавших «Сталин, Берия, ГУЛАГ») воспринимаю как оскорбление памяти ингерманландских финнов, уничтоженных коммунистическим режимом, а также умерших в нацистском концлагере Клоога (флаг нацболов вызывает недвусмысленные ассоциации)... Ингерманландские финны — особый этнос, говорящий на финском, но сформировавшийся здесь, на этой земле. Это и еврейсет, и савакот, и принявшие лютеранство ижоры, и приемные дети, воспитывавшиеся в финских семьях. В культурном плане и финны испытывали влияние также и со стороны русских и эстонцев... Ваше же стремление провозгласить флаг ингерманландско-финских отрядов

неким общим территориальным символом можно объяснить лишь бесплодными попытками найти в истории прямое обоснование вашей идее. Если вы пришли с этим флагом на Юханнус или рыцарский турнир в Выборге — одно дело. Но не надо размахивать им на политических акциях достаточно сомнительного толка»²⁰⁵.

***

Как сложатся взаимоотношения между двумя группами, претендующими на ингерманландское наследство, спрогнозировать невозможно, однако можно констатировать, что «ушедшая Ингрия» сохраняет свою привлекательность не только для ингерманландских финнов.

Трагическая судьба небольшого народа, романтические образы руин старинных церквей, печальные и веселые народные напевы притягивают к себе людей самого разного этнического происхождения, укрепляя фундамент позитивного отношения ингерманландских финнов к собственной культуре, которое, таким образом, приходит, по сути дела, извне.

С другой стороны, формируется основание для трансформации политической активности регионалистов в активность культурную, что послужит обогащению общероссийского культурного фонда за счет самобытной и привлекательной культуры российских финнов Ингерманландии.

Разумова И. А.

МИГРАЦИОННЫЙ ОПЫТ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

Старые и новые северяне

Кольский Север как социокультурное пространство по ряду признаков схож с рядом других северных территорий. Во многом единообразны процессы заселения и индустриализации северов в XX в. Можно проследить некоторые общие тенденции, касающиеся демографического развития разных северных регионов, межэтнических коммуникаций: взаимоотношений аборигенного населения (финно-угорского, самодийского и пр.) и пришлого смешанного русскоязычного. Типологически сходны северные промышленные города.

Вместе с тем Кольский Север имеет и ярко выраженные отличия от прочих северов, связанные прежде всего с его геополитическим положением, а также с ролью научного фактора в развитии края.

Регион может быть рассмотрен как относительно цельный потому, что в данном случае почти совпадают границы географические (Кольский п-ов), административно-территориальные (Мурманская обл.) и до известной степени этнокультурные. В силу геополитического положения и социально-исторических причин население его постоянно вовлечено в интенсивные миграционные процессы. Регион считается показательным с точки зрения опыта длительного относительно бесконфликтного сосуществования этнических групп (если не иметь в виду локальные латентные конфликты на микроуровнях).

Аборигенные жители Кольского п-ова — саамы. Представляя коренной малочисленный народ Севера, они являются этнокультурным символом края. По данным последней переписи, численность

кольских саамов — 1991 чел. (0,18 % от общей численности населения области). Саамы в подавляющем большинстве (около 75 %) сельские жители, причем на сегодняшний день лишь несколько населенных пунктов, где они проживают, расположены в пределах традиционных мест их расселения и хозяйствования. По мнению исследователей, для кольских саамов характерным является низкий уровень миграций. Наиболее мобильный сегмент саамского населения — женщины и молодежь, меняющие место жительства для учебы или работы в более престижных местах²⁰⁶.

К старожильческому населению Кольского Севера можно отнести русских поморов, расселенных на Кандалакшском и Терском берегах Белого моря (терских поморов), а в относительно недавнем прошлом — и на Баренцевом (Мурманском) берегу²⁰⁷. В настоящее время проблемы поморского населения связаны с характером протекания процессов урбанизации и субурбанизации (например, использование местности в качестве дачной), а также с экономическими инициативами в отношении данной территории. По их словам, поморов выжидают с побережья экономически. Адаптируясь к ситуации, часть населения переходит на сезонный образ жизни²⁰⁸.

Особое и значимое место в этнической структуре Кольского Севера занимают ижемские коми. Первые упоминания о появлении их на Кольском п-ове относятся к 1887 г. Малонаселенность новой территории, отличия хозяйственных практик ижемцев, сложности во взаимоотношениях с местными жителями способствовали частичному обособлению группы²⁰⁹. По мнению исследователей, группа кольских ижемцев представляется стабильной, уровень ее этнического самосознания обеспечивает процесс культурной преемственности²¹⁰.

К более позднему, пришлому населению — при всей условности данной дефиниции — можно отнести тех, кем заселялся Кольский край в процессе научно-промышленного освоения территории в XX в. Это численно преобладающие русские, а также представители самых разных народов России и республик бывшего СССР, включая этнических мигрантов последних лет. По данным переписи 2002 г.²¹¹, в Мурманской обл. проживало 892 534 чел. — представители 126 национальностей. Самой многочисленной группой являются русские (85,2 %). Причем более тысячи из тех, кто считает себя русскими, не владеют русским языком. На втором месте по численности находятся украинцы, на третьем — белорусы.

В настоящее время большинство населения области проживает в индустриальных городах, которые созданы в советский период. По итогам переписи 2002 г., городское население состави-

ло 824 тыс., сельское — 69 тыс. чел. Мурманская обл. является одной из самых урбанизированных в стране. Все города, за исключением областного центра, можно отнести к типу малых индустриальных. Второй по размерам город Апатиты является научно-образовательным центром. Подавляющее большинство населения — прямые потомки тех, кто переселялся на Крайний Север, начиная с первых десятилетий XX в., и особенно с конца 1920-х до 1980-х гг., а также сами мигранты.

Несмотря на то что Мурманский край постепенно включался в пространство общенациональной культуры, начиная с первых веков колонизации, более или менее цельный образ территории сформировался в XX в. Этот образ не мог бы сложиться при отсутствии относительно устойчивой идентификации и самоидентификации регионального сообщества: в более широком значении и чаще используется обозначение северяне, в суженном — мурманчане. Функционирование и достаточно высокая частотность таких обозначений указывают на то, что существует ряд признаков, которые основываются на определении и самоопределении жителей при всем различии их этнических культур, социальных характеристик, индивидуальных биографий.

К северянам относят очень разные категории людей. Во-первых, тех, кого принято называть представителями коренных народов Севера. Во-вторых, русских и нерусских старожил, которые давно признали Север своей малой родиной, но сохранили память о землях предков. В-третьих, тех, кто может быть причислен к северянам формально — по факту своего рождения. Наконец, вынужденных и добровольных переселенцев, волею судеб оказавшихся на Севере в течение последних десятилетий.

Региональная (локальная) идентичность самих северян весьма неоднозначно соотносится с другими формами идентичности, что соответствует современной социальной ситуации: «распад современной политической идентичности, которая рассматривает гражданина как члена политического сообщества, ведет к быстрому распространению коллективных идентичностей, основанных отчасти на точно определенных условиях участия в организации общества, отчасти на экзистенциальных особенностях условий жизни, личного характера и экспрессивных и эклективных свойств»²¹².

Идентичность все более основывается на специфике жизненного мира, структурах повседневного опыта, т. е. на характерном образе жизни, включающем пространственные и временные показатели. Идентификация себя с местом и локальным типом является одной из таких форм. Признание себя северянином строго не детерминировано ни

этнической принадлежностью, ни длительностью проживания на Севере, ни фактом рождения, ни иными социально-демографическими или биографическими факторами.

Локальная идентичность изменчива и ситуативна, как и любая другая. Она ассоциирована с осознанием и переживанием своей связи с данным местом, и, соответственно, может быть рассмотрена как высокая степень адаптации к нему. Речь идет в первую очередь о социокультурной адаптации индивидов и различных групп мигрантов к новым условиям, а также об осознании и переживании ими данного процесса: «Самоотождествление с местом, равно как и его организованность в мысленную структуру, не только обеспечивают эффективное действие и взаимодействие, но и служат источником чувства эмоциональной безопасности, понимания и удовлетворения»²¹³.

Не вдаваясь здесь в существо различных подходов к определению понятий «культурная адаптация» и «социальная адаптация»²¹⁴, примем определение, на сегодняшний день приемлемое и достаточное. В соответствии с ним, культурная адаптация представляет приспособление социальных групп и отдельных индивидов к изменяющимся природно-климатическим, социальным, экономическим условиям посредством изменения стереотипов сознания и поведения, форм социальной организации и регуляции, норм и ценностей, образа жизни, а также механизмов трансляции социального опыта (культурная адаптация). Адаптация сопутствует любому социальному изменению, в т. ч. она составляет важнейший и итоговый этап миграционного процесса.

При территориальных перемещениях людей даже в пределах одной страны на их адаптацию, как известно, влияет множество факторов: расстояние, статус переселенцев, территорий и конкретных населенных пунктов, обстоятельства и тип миграции и т. д. Исследования показывают, что в каждом отдельном случае складывается специфическая ситуация, определяемая совокупностью условий, их соотношением и взаимодействием.

Соответственно различаются проблемы мигрантов, включающие и проблему культурного самоопределения. Для разных категорий переселенцев на разных территориях прибытия может существенно варьировать соотношение между природно-экологическими, экономическими и социокультурными факторами по силе их воздействия на адаптируемых. Эти факторы, оцениваемые положительно или негативно, могут поддерживать друг друга, тогда либо очень усложняется, либо, напротив, чрезвычайно облегчается процесс приспособления. В иных случаях влияние одних (например, наличие экономических преимуществ) может

уравновешивать действие других (неблагоприятные климатические условия).

Субъективные факторы адаптации изучены недостаточно. А между тем они нередко играют ведущую роль на всех его стадиях. В частности, восприятие переселенцами новых территорий, отношение их к месту являются важными условиями социальных трансформаций и определяют культурный облик новых поселенческих сообществ. Об этом убедительно свидетельствуют данные исследований, которые проводились в Приладожской Карелии и на некоторых других территориях России²¹⁵.

Миграционный опыт северян

Демографическое развитие Мурманской обл. до конца 1980-х гг. являлось самым динамичным среди регионов Европейского Севера, в период с 1926 по 1989 г. население области выросло в 36,3 раза. Отток населения с северных территорий России, который наблюдается с конца 1980-х гг., сказался и на демографии Кольского Севера. За 1993–2002 гг. он значительно, в 8,6 раза, превысил естественную убыль населения Мурманской обл. За 1991–1999 гг. Мурманская обл. потеряла около 40 % того миграционного прироста, который она приобрела за 1951–1990 гг. Однако начиная с 2003 г. миграционный отток значительно сократился: среднегодовые масштабы миграционной убыли за 2003–2006 гг. в 3,7 раза снизились по сравнению с соответствующими в 1993–2002 гг.²¹⁶ Свидетельствует ли данная статистика о том, что население области стабилизировалось? Ответить на этот вопрос можно будет лишь после углубленного изучения миграционной ситуации.

Региональное самосознание большей части северян опирается среди прочего на осмысление миграционного опыта. Крайний Север — это место, куда приезжают и откуда выезжают, потому что «дальше ехать некуда». У многих жителей Кольского Севера есть очевидный навык рассказывания о переезде на Север их самих или их родителей и прародителей. Нередко рассказ рождается спонтанно. Газетные интервью, биографические очерки о жителях Кольского Заполярья также непременно включают этот сюжет. А вместе с ним возникают и закономерные вопросы о том, как воспринимают мигранты и их ближайшие потомки свою вторую родину, собираются или нет покинуть ее. Популярны социологические опросы на эту тему, обсуждения ее в СМИ.

Рассказы о переезде и обустройстве новоселов-северян, которые приехали на Кольский п-ов в 1950–1980-е гг., стали предметом специального рассмотрения автором данной статьи. В исследованиях миграционного поведения северян использовалось биографическое нарративное и полуструк-

турированное интервью. Этот метод более всего подходит для понимания мотивов конкретного выбора мигрантов, миграционных настроений, установок, тактик переезда, оценок, касающихся общей и региональной социально-экономической, этнокультурной ситуаций тех или иных территорий и т. п.

В воспоминания включаются опыт и впечатления не только самого респондента, но многих других людей, поэтому они являются источником и основой построения аргументации относительно разных моделей миграционного поведения. В результате переезда и процесса адаптации индивид или группа накапливают миграционный опыт, который воспроизводится в соответствующих текстах и передается следующим поколениям.

Определить успешность или неуспешность переезда потомки мигрантов могут на основании семейной истории и собственных оценок жизни родителей или прародителей, которые по своей или чужой воле оказались на Севере. Главную же роль играет автобиографический опыт интериоризации места, привыкания к нему. Излагая обстоятельства переезда, его мотивы, последствия и т. д., сами переселенцы проецируют прошлое в настоящее, оценивают прошлый миграционный опыт.

Согласно принятому социологическому подходу, миграция включает три стадии:

- 1) подготовительную — процесс формирования территориальной подвижности населения;
- 2) основную — собственно процесс переселения;
- 3) заключительную — приживаемость мигрантов на новом месте (адаптацию)²¹⁷.

Период обустройства, в течение которого новоселы достигают уровня старожилов, занимает порой значительное время и сопряжен с разнообразными проблемами²¹⁸. Адаптационный процесс можно условно разделить на приспособление к природно-климатическим условиям (физиологическую адаптацию), экономическую адаптацию, социальную, этнокультурную, психологическую. Одним из показателей адаптированности мигрантов может служить локальная самоидентификация.

На первом этапе исследования все респонденты были разделены в самом общем виде на две группы: собственно мигранты и их потомки, родившиеся на Севере. С одной стороны, многие переселенцы, особенно те, которых привезли на Север детьми, склонны считать Крайний Север или конкретное место проживания своей родиной. С другой стороны, среди их потомков, родившихся на Севере, есть такие, которые идентифицируют себя с родиной родителей или даже прародителей, т. е. имеют самосознание мигрантов. Тем не менее наблюдается тенденция к переопределению родины у молодого поколения²¹⁹.

Урбанизация Севера, как известно, на начальных этапах осуществлялась преимущественно путем насильственной и регулируемой миграции: за счет спецпереселенцев, заключенных, репрессированных²²⁰. В целом же массовое заселение и индустриализация происходили всеми возможными способами: посредством депортаций этнических групп, вербовок, привлечения рабочих и научно-технических кадров с помощью материальных и идеологических стимулов, административных рычагов (распределений и направлений). Микромиграции осуществлялись за счет воссоединения семей и индивидуальных переездов по различным мотивам — от экономических и профессиональных до сугубо романтических. Для жителей села переезд на Север был особенно многозначен²²¹. Он позволял не просто улучшить материальные условия, изменить образ жизни, но физически выжить и обрести личную свободу.

В России и в условиях известной либерализации общественной жизни (с середины 1950-х гг.), помимо прописки, сохранялась практика распределений на работу после окончания высших и средних учебных заведений, а также другие формы прямого или косвенного воздействия государства на миграционные практики. Большая часть респондентов, приехавших на Север в 1960–1970-е гг., переезжали по направлениям. В подобных случаях переезд был вызван внешними обстоятельствами, но, несмотря на это, респонденты воспринимают его сейчас скорее нейтрально, как должное, а иногда и положительное событие.

С ростом возможностей свободного выбора местожительства усиливается действие субъективных факторов. Согласно мнению респондентов, первостепенное значение имело стремление улучшить уровень жизни. Среди экономических стимулов респонденты выделяют наличие работы, уровень доходов, перспективы решения жилищной проблемы. К важнейшим факторам, повышающим уровень жизни, относят размеры заработной платы и возможность профессиональной самореализации. Для молодой семьи особенно важно было решить жилищную проблему. Во всех подобных случаях доминирует материальный прагматизм в мотивах переезда. Стимулирующим условием формирования тех или иных миграционных установок можно считать также и биографические события (чаще брак).

Важным фактором, оказывающим непосредственное воздействие на принятие решения о миграции, является наличие жизненного стандарта, сформировавшиеся особенности личности, представления о том, что является нормой. Так, например, часть респондентов убеждены, что молодая семья должна жить отдельно от родителей, и един-

ственный выход достижения этой цели они видели в смене места жительства. Это свидетельствует о связи переезда с идеей эмансипации молодых людей и молодых семей. Наконец, есть особая категория переселенцев, которые называют себя (или считаются, если речь идет не о себе) романтиками Севера.

В целом характер протекания адаптационного процесса, особенно к природно-географическим условиям, зависит от того, из каких мест и в какие места переселяются мигранты. Большинство наших респондентов прибыли, с их точки зрения, из климатически благоприятных районов. Трудности адаптации они связывают в первую очередь с холодом. На втором месте — сезонный фактор, причем отрицательно оценивается не столько полярная ночь, сколько «вход» и «выход» из нее (осень и весна). Используются для аргументации и экологические мифы, например о разреженности воздуха. Одновременно положительное влияние на переселенцев оказывали те или иные особо привлекательные, в силу отличия от привычных для них, природные реалии. Кольский Север в целом и отдельные его ландшафты очень высоко оцениваются эстетически.

Практически все переселенцы утверждают, что Север предоставил им возможность комфортного материального существования. Для кого-то этот процесс был поэтапным, кто-то сразу оказался в оазисе материального благополучия — в сравнении с условиями на прежнем месте жительства. Особое внимание респонденты в рассказах уделяют своей профессиональной реализации на Севере. Именно данное обстоятельство, по мнению очень большого числа северян, является показателем успешности переезда. Это касается представителей рабочих профессий (прежде всего строительных), которые практически своими руками возводили города и промышленные объекты и сейчас фактически идентифицируют себя с ними. Такое осмысление адаптации свойственно также инженерно-техническим работникам, ученым КНЦ РАН, учителям. Процесс социальной адаптации носит двусторонний характер. С одной стороны, происходит постепенное ослабевание старых коллегальных, соседских, дружеских и даже родственных связей, с другой стороны — процесс приспособления к новой социально-демографической среде. В результате эффективной адаптации чужой мир стал для большинства новых северян родным местом, местом своей семьи.

Индикаторами адаптации для одних респондентов является наличие квартиры и работы, для других приоритетным становится семья и близкое окружение, для третьих — самореализация и т. д. Самым же благоприятным фактором, который по-

могает, по массовому убеждению, преодолевать физический дискомфорт северных условий, оказываются социальные связи. По мнению респондентов, жители старались поддерживать друг друга в решении физических, психологических, бытовых, материальных проблем, в результате чего и сформировалось особое северное сообщество. Наивысшую оценку получают такие качества этого сообщества, как солидарность, этническая толерантность, демократичность. Этим качествам соответствуют личные свойства: открытость, дружелюбие, культурность (выражается в уровне интеллекта, образованности, внешней сдержанности), приоритет духовного начала над материальным. Все эти свойства северян аргументируются жизненными историями или логическими рассуждениями и часто противопоставляются социальным характеристикам «среднеполосных» или «южных» (без этнических коннотаций) людей.

Суммируя имеющиеся в настоящее время материалы, можно сделать предварительные выводы о том, что большинство мигрантов, независимо от обстоятельств переезда, повысили свой социальный, экономический статус и реализовались в личном отношении, переехав на Крайний Север. Тем не менее у определенных категорий населения, прежде всего среднего и младшего поколений, есть миграционные установки и мотивы к перемене места жительства. Самый частотный мотив у представителей всех поколений — неблагоприятные климатические условия, которые, по распространенному мнению, вредят здоровью человека, тоска по теплу, солнцу и т. п. Эти условия, также по общему мнению, в доперестроечный период компенсировались экономическими преимуществами жизни на Севере, заботой государства, льготами. Многие северяне старшего и среднего поколений считают, что в пореформенный период они как минимум лишились своих преимуществ. Некоторые признают, что не смогли адаптироваться к жизни на Севере, потому что их тянет на родину, которая жива в воспоминаниях детства и юности.

Иные основания к переезду у молодежи. Те из них, кто хочет покинуть Север, объясняют свои намерения, во-первых, невозможностью профессиональной реализации, во-вторых, все теми же климатическими условиями и, наконец, желанием посмотреть мир, столь характерным для данной возрастной группы. При этом молодежь в первую очередь склоняется к такой модели поведения, при которой возможны постоянные перемещения, включая периодические возвращения на Север.

Самую немногочисленную группу составляют те, кто утверждает неприятие Севера по тем или иным основаниям. По самым предварительным данным, среди них дети репрессированных и пред-

ставители молодежи, которые либо являются недавними мигрантами, либо проживают в самых престижных (провинциальных) городах области.

Большинство северян разных поколений считают наиболее приемлемым часть года жить на севере, а часть — в теплых местах или на исторической родине. Север, таким образом, включается в сферу своего расширенного пространства.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди мотивов переезда с Севера практически отсутствуют социальные и этнокультурные. Более того, основной барьер на пути к перемене места жительства — социальный комфорт, достигнутый на Севере. По этой причине многие из тех, кто покинул Север, не приживаются в других местах, в ином социальном окружении. Данная ситуация в настоящее время фиксируется вполне определенно, и случаи возвращения северян, уехавших по программе переселения, не являются редкостью.

Кольский Север как место и время

Для формирования локальной идентичности любого уровня принципиальное значение имеет историческая зрелость или же устойчивость политико-административных границ, определяемая давностью и длительностью существования этих границ. В обычных условиях она проявляется в формировании определенной системы ценностей и норм поведения жителей региона. Ее можно обнаружить в местном фольклоре, преданиях, мифах, местной интерпретации истории страны и т. п.²²² Важны также границы историко-культурные, этнические, географические — при наличии известной традиции их осмысления и соответствующей символики.

Материалом для исследования данного феномена являются устные и письменные высказывания жителей, полученные в ходе интервьюирования, опросов, спонтанных бесед: оценочные суждения о местности, городе с их объяснением; презентующие тексты, в т. ч. в форме спонтанной экскурсии; автобиографические повествования с включением рассуждений респондента о восприятии города, места в разные периоды его жизни. Ценный источник представляют литературные произведения, краеведческие и экскурсионные тексты, документы частного происхождения и многое другое.

Существует устойчивая традиция репрезентации Севера в текстах разного рода, которая поддерживает групповое самосознание. Используя анализ текстов, можно условно выделить историческую и пространственную символику края. Та и другая функционируют на нескольких уровнях: Север, Заполярье, Кольский Север, город или ценностно отмеченный ареал (Хибины, Мурман, Монче-тундра

и пр.). При этом одни и те же знаки и символы могут маркировать и Север как таковой и, например, г. Кировск.

Укреплению символической границы с материком способствовало образование в 1938 г. Мурманской обл. До этого территория в разное время входила в более крупные административные единицы: в состав Архангельской губ. или Карело-Мурманского края. Полуостровное положение Кольского Севера, отделенного от материка еще и символической границей Полярного круга, способствует восприятию данной территории как противопоставленной всем южнее расположенным территориям в качестве края земли.

Большинство жителей России особым образом относятся к Крайнему Северу — неведомому как реальность, но хорошо знакомому по сказочным и мифологическим образам. По воспоминаниям переселенцев, таково было и их изначальное отношение: «Эта территория казалась такой загадочной и неведомой, и это еще сыграло свое, что я решила ехать сюда, хотелось новых ощущений» (ж., 1945 г. р.); «Моя сестра <...> воспринимает север, как сказку, где сплошные снега, елки. Кто вообще ничего не знает о Севере, считает, как и я раньше, что мы здесь ездим на санях, на оленях, что нас постоянно засыпает снегом, что мы разводим оленей и собак» (ж., 1960 г. р.) и т. п.

Полуфантастические представления о Севере, с точки зрения самих северян, отличают непосвященных: тех, кто живет южнее. При этом вполне естественно «южанами» оказываются жители самых разных территорий, исключая разве что сопредельные Карелию и Архангельскую обл. Невсведущий «южанин» (реже «среднеполосный» или столичный житель) — анекдотический персонаж в фольклоре Заполярья. Он думает, что северяне ездят на оленях, живут в чумах, отбиваются от белых медведей и т. п., либо вообще не знает, где находится Мурманская обл. Рассказывание таких историй служит средством самоутверждения и демонстрации идентичности новых северян.

Полярный круг — главная символическая граница. Все полярное эксклюзивно — полярное сияние, полярные день и ночь, Полярная звезда — и широко представлено в топонимии, включая имена городов Полярные Зори и Полярный Мурманской обл, а также наименования многочисленных кафе, магазинов, кинотеатров и т. п.

Основными составляющими образов Севера и Заполярья являются природно-климатические и ландшафтные атрибуты. Среди них общие и наиболее частотные: положение на краю земли, полярные день и ночь, полярное сияние, снега и вьюги, горы, море, скалы, тундра, недра. Географическое положение дает Кольскому Северу особый статус,

характерный для всех маргинальных и обособленных территорий и сопряженный со свойствами инобытийности²²³.

Есть специфические природные объекты у каждого из городов и микроареалов. У многих из них экзотические для русских переселенцев саамские названия: Кукисвумчорр, Расвумчорр, Айкуайвенч, Большой Вудьявр, Ниттис и др. Собственно северная атрибутика — природно-географическая, метеорологическая объединяется свойством экстремальности. Судя по многочисленным высказываниям, клишированным литературным текстам, поэтической риторике, Север принимают и любят не столько за что-то, сколько вопреки чему-то, что неблагоприятно для человека. Традиция восприятия края мигрантами поддерживается и транслируется потомкам. Примечательно, что заполярная символика индифферентна по отношению к социальным характеристикам субъектов высказываний — переселенцев и их потомков 2–3-го поколений (полу, возрасту, социальному и профессиональному статусу) и не зависит от времени проживания их на Севере.

Со спецификой природно-географических условий, которые предъявляют особые требования к человеку и обществу, связан высокий культурный статус территории и жителей. При этом для представителей автохтонного и старожильческого, преимущественно сельского населения Севера — саамов, русских поморов — тема специфики Севера не актуальна, поскольку те же условия воспринимаются ими как естественная среда жизнедеятельности. В частности, поморы Терского берега Белого моря даже не очень понимают вопрос, отличаются ли жители севера и юга России, тогда как горожане безо всяких дополнительных вопросов, в спонтанной беседе легко развивают эту тему.

Существенны и временные показатели адаптации. Во-первых, данный процесс, развертывается во времени, и он имеет соответствующее измерение. Во-вторых, известная переорганизация ритма жизни — неотъемлемая часть адаптационного процесса. Условием его успешности являются синхронизация и скоординированность времени до и после критического момента. Отметим несколько аспектов, связанных с субъективным восприятием времени, которые сопутствуют процессу адаптации к Северу, формированию идентичности северян, влияют на поведенческие модели и образ жизни.

Выявляются особые временные характеристики конкретного места и символического региона — Севера. С первым ассоциированы показатели времени линейного, представляющего собой биографию, например, города от рождения до современного состояния. Со вторым связаны атрибуты преимущественно циклического времени (сезонного, суточного), которое основано на биологических ритмах. Север

имеет свое начало в истории, если рассматривать его сквозь призму колониационного процесса, глазами мигрантов, которые осознают себя одновременно свидетелями и участниками его развития.

Время Севера имеет и биографический ракурс, поскольку для собственно мигрантов оно представляет этап жизни, проекцию жизненного пути. В случае добровольности переезда Север ассоциируется с выбором, во временном плане — с перспективой. Современность и молодость — главные временные определители Севера. Молодость связана с особым характером протекания времени, его ритмами. Ей свойственны такие качества, как активность, трудоспособность, предрасположенность к определенным видам занятий (спорту, туризму), мобильность. Все эти атрибуты включаются в образ северянина, причудливо сочетаясь с пресловутой замороженностью (экстраполяция особенностей климата на характер человека).

С одной стороны, существует идея, которая соответствует известным государственным инициативам в отношении жителей Севера и опирается на представление, что здесь можно жить до тех пор, пока ты молод и здоров. С другой стороны, по распространенному убеждению, пребывание на Севере продлевает молодость и период жизненной активности в целом. Происходит это в силу двух, казалось бы, противоречивых, обстоятельств. Во-первых, Север «замораживает» и, следовательно, выполняет консервирующую функцию. Во-вторых, он стимулирует активность, вызванную, в частности, необходимостью постоянно противостоять природным условиям.

В целом в биографии переселенцев время Севера — это время становления, духовного развития, самореализации и достижения материального, семейного, социального благополучия. Это сказалось на положительном отношении к новому месту жительства. Иначе приспособлялись к жизни на Севере спецпоселенцы, для которых перемещение было связано с понижением статуса. С местом вынужденного пребывания их могли постепенно примирить и даже сроднить обретение новых социальных связей и результаты коллективной деятельности по строительству городов. Эта деятельность одухотворялась идеей созидания новой жизни на такой земле, которая, казалось бы, не подходит для человеческого существования.

С разработки недр, строительства дорог, промышленных объектов, городов начинается новый отсчет времени Севера. Все первое, что создано здесь человеком, акцентировано в автобиографиях жителей, их рассказах о переезде на Север, в историях о городах и поселках, а также в спонтанных высказываниях, которые возникают при беседах, особенно с приезжими.

Из рассказа об истории г. Кировска: «И тогда вроде люди сразу разделились на тех, кто только хотел ограбить Хибинские горы, и тех, кто хотел здесь создавать жизнь, строить железную дорогу, сооружать новый город. Но, насколько я знаю, это сначала казалось утопией. Ведь никто не мог сказать, кто здесь будет создавать новое производство, кто будет бороться с болотами, и никто не знал, где на все на это добыть денег. <...> Отец говорил, что апатитовая промышленность была возведена на пустом месте» (ж., 1940 г. р.).

Подчеркнутая этиологичность во многом определяет мироощущение новых северян, причем не только поколения первопроходцев, но и их потомков. В самосознании северян закреплены такие автостереотипы, как предрасположенность к созидательной, культуротворческой деятельности, активному образу жизни, предприимчивость и выносливость, жизнестойкость и жизнелюбие.

В новом пространстве оказывается иным культурное отражение реальностей времени: продолжительность, темпы, ритмы, членение на отрезки. Не оправдываются «социально ожидаемые длительности» (Р. Мертон) — свойственные людям «множественные нормативные ожидания, рассчитанные на скорость определенных процессов <...> нормы, предписывающие ритмы и интервалы процессов»²²⁴.

Большинство информантов, рассказывая о первом впечатлении по приезде, дружно отмечают несоответствие состояния природы и времени года, например: «В 1963 году мы всей семьей приехали сюда, на Север, в апреле, да, наверное, да, в апреле <...> тогда была весна, но здесь особенно весны не было» (ж., 1947 г. р.). Источником еще большего удивления, по утверждениям практически всех респондентов, явилось отсутствие суточного ритма в его привычном виде: «Поразило то, что в июле солнце не садится <...> было как-то непонятно, что не приходит ночь, но потом мы удивились, что не приходит день» (ж., 1954 г. р.).

Привычные индикаторы времени утрачивали определенность, и мигрантам приходилось учиться жить в ином временном измерении. Обращает на себя внимание деление суточного и годового циклов на основе дихотомии: ночь/день, зима/лето. По признаку деления годового цикла более по полугодиям, чем по сезонам, мигранты иногда сравнивают место своего прежнего жительства с Севером: «Там вот так: три месяца лето, три месяца весна, все по три месяца. Конечно, там хорошо было» (ж., 1955 г. р.).

Привыкание к Северу происходит вопреки природно-климатическим условиям, которые устойчиво характеризуются как суровые. Мигрант-северянин постоянно пребывает в двойственной позиции. С одной стороны, он привязан к своей

малой родине, откуда уехал. Там ему было дискомфортно во многих отношениях (экономическом, социальном и пр.), но привычно физически. Пытаясь приспособить к себе климат, переселенец находит компромиссный вариант, имеющий свои преимущества: «Север у меня — это зима. Здесь хорошо зимой, а у нас хорошо летом. Я хотела бы жить здесь зимой, а там летом. Летом я здесь не представляю, летом отсюда лучше уезжать» (ж., 1947 г. р.).

У жителей Крайнего Севера сформировался особый образ жизни, в соответствии с которым предписывается обязательно лето (отпуск) проводить на юге. Если, например, для петербуржцев или многих жителей Карелии в советский период вполне естественным и даже престижным считался отдых в Прибалтике, то для северян приемлемой была только такая компенсирующая форма организации годового цикла, которая позволяла переменить место и климат на противоположные: теплые, южные, отдаленные от Севера. Экономические преимущества и продолжительность отпуска этому способствовали.

Изменение ситуации в постперестроечный период одновременно выявило различные категории северян по степени и характеру их адаптированности к месту жительства. Одними нарушение привычного образа жизни воспринимается болезненно. Жители другой категории, экономически более независимые, изменили годовой алгоритм в соответствии с восприятием и оценкой сезонов: зима и лето оказываются для них равно временем Севера, а в периоды, оцениваемые по погодным условиям негативно (весна и ноябрь — переход к полярной ночи), они стараются выезжать. Для адаптированных жителей северное лето представляется уже не карикатурой южных зим, но сезоном, у которого есть свои преимущества. Становление и развитие дачных практик в условиях Крайнего Севера служит показателем достаточной степени адаптации недавних мигрантов к природно-климатическим условиям и новой среде. Многие считают, что на Севере можно жить в любое время года.

Одним из показателей адаптированности к Северу можно считать убеждение многих жителей в том, что если социально-экономические условия жизни в регионе изменились в худшую сторону, то северный климат, напротив, меняется к лучшему. При этом, отмечая известные объективные обстоятельства, респонденты подчеркивают, что на Севере стало так, как везде, в других регионах (плохо), а всегда было иначе (качественно лучше). Климатические же изменения как будто уравнивают положение, но также указывают на то, что Север стал похож на прочие местности. Таким образом, он утрачивает свойство исключительности, оказывается опривыченным в пространстве и во времени.

ЮЖНАЯ СИБИРЬ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Проблема адаптации основных этнических групп Южной Сибири к кардинальным социально-экономическим трансформациям постсоветского времени, которые в силу ряда причин наиболее остро ощутили негативные последствия проводимых реформ, несмотря на ее актуальность, до сих пор не была предметом исследования специалистов. Между тем по прошествии почти двадцати лет кардинальных преобразований российского общества назрела реальная необходимость в изучении этой важнейшей проблемы с учетом этнорегиональных особенностей его жителей. Значимость подобных исследований обусловлена практическим использованием полученных результатов при решении социальных проблем населения не только Южной Сибири, но и других этнически смешанных регионов РФ.

Данная работа основана на результатах этносоциологического опроса, осуществленного летом 2006 г. в трех республиках Южной Сибири — в Республике Алтай, Республике Тува и Республике Хакасия в рамках исследовательского проекта «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни».

Цель исследования — изучение степени адаптации основных этнических групп названных республик к новым социально-экономическим условиям, а одна из важнейших задач — изучение адаптационных возможностей представителей титульной национальности данных республик.

В качестве основного метода сбора информации использован выборочный опрос общественного мнения, который позволил собрать ценный и необходимый материал по исследуемой проблеме. В частности, анкета исследования, включавшая 62 вопроса, нацелена на выявление мнения опрошенных относительно их социального самочувствия и мобильности в период радикальных преобразований российского общества. Вопросы анкеты направлены на изучение уровня и масштабов адаптации населения в основных сферах жизнедеятельности — политической, трудовой, семейной. Специальный блок вопросов ориентирован на изучение степени адаптивности и адаптационных возможностей жителей названных республик в сфере культуры. Это вопросы, измеряющие готовность населения к этнокультурной адаптации, их отношение к трансформационным культурным процессам в регионе, а также направленные на изучение этнической идентифи-

кации, этноязыковой и религиозной ситуаций на местах и т. д.

Опрос проведен в трех заявленных республиках. Эти районы исследования отличаются неодинаковыми условиями проживания этнических групп по таким показателям, как: 1) различия в плотности населения; 2) удельный вес титульной национальности; 3) занятости в сферах экономики. Для эмпирического исследования в каждой республике выбраны представители двух основных этнических групп — титульная национальность и русские. Согласно выборке в каждой республике опрошено по 400 городских и сельских жителей (200 представителей титульной национальности и 200 русских). Таким образом, общий объем выборки, построенный на квотных принципах, составил 1200 чел. Опрос в Туве осуществлен среди населения г. Кызыла и Пий-Хемского р-на, в Хакасии — в столице республики (г. Абакан) и Ширинском районе, в Республике Алтай — в столице (г. Горно-Алтайск), а также Шебалинском и Онгудайском р-нах.

Анализ материалов проведенного исследования показал, что процесс приспособления населения Южной Сибири к социально-экономическим преобразованиям был достаточно сложным. Прежде всего необходимо отметить, что примерно каждый десятый из числа опрошенных во всех трех республиках признает, что «жизнь очень тяжелая», и высказал сомнения по поводу собственных возможностей по улучшению положения. Почти треть занимает пассивно-выжидательную позицию, основываясь на убеждении, что «жизнь полосатая и надо спокойно принимать и плохое, и хорошее» и что «все устроится само собой». В среднем только четверть опрошенных приспособились к новой социально-экономической ситуации, и такая жизнь их полностью устраивает. В данном случае больше позитивных установок выявлено у жителей Хакасии и заметно меньше у жителей Тувы (табл. 1). Важно отметить, что среди приспособившихся к новым условиям жизни доля титульной национальности во всех трех республиках примерно вдвое меньше, чем местных русских. С другой стороны, по сравнению с последними представителей титульной национальности значительно больше (почти в 2 раза) среди тех, кто считает, что, несмотря на то что «жизнь тяжелая, но я приложу все силы, чтобы она стала лучше».

Показатели оценки жизни населения Южной Сибири, %

Варианты ответов	Республика Алтай	Республика Тува	Республика Хакасия
1. Жизнь интересная, меня полностью устраивает	9,6	10,0	11,6
2. Жизнь полна трудностей, но я уже к ним приспособился и не хочу ничего менять	12,7	11,1	16,1
3. Жизнь тяжелая, но я приложу все силы, чтобы она стала лучше	32,5	34,2	22,6
4. Жизнь очень тяжелая, и я вряд ли смогу в ней что-нибудь изменить к лучшему	9,6	12,1	12,6
5. Жизнь полосатая, надо спокойно принимать и плохое, и хорошее	25,9	18,4	28,6
6. Все устроится само собой	4,1	5,8	1,5
7. Затрудняюсь ответить	5,6	8,4	7,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Вместе с тем, несмотря на все тяготы и сложности переходного периода, приведшие население России к массовому обнищанию, в настоящее время практически повсеместно наблюдается тенденция некоторого улучшения социальной ситуации. Об этом свидетельствует сравнение результатов исследований предыдущих лет и последнего времени. Доля самых обездоленных, тех, кому денег не хватает на самое необходимое, составила по всем республикам относительно небольшое число — от 6 до 19 %. С другой стороны, по сравнению с этим показателем численность тех, кто признал, что могут ни в чем себе не отказывать, еще меньше. Примерно две трети опрошенных ответили, что денег хватает только на питание и предметы первой необходимости (табл. 2). Сказанное в равной мере относится ко всем этническим группам.

Кроме того, во всех опрошенных этнических группах немало тех, кто признал, что за период реформ их материальный уровень возрос. При этом среди положительно ответивших наиболее высокая доля русских Хакасии и представителей титульной национальности Алтая (по 36 %). Во всех других группах этот показатель колеблется от 17 до 25 %, что также не так уж мало. Однако следует помнить, что при оценке своего материального положения каждый исходил из своих представлений об уровне социального благополучия. Кроме того, имеются отличия в ценностных ориентациях и материальных запросах и претензиях. Между тем известно, что в доперестроечные годы материальное положение русских, живущих в национальных регионах РФ, по многим объективным и субъективным причинам было значительно лучше, чем местного на-

Распределение ответов опрошенных о возможностях семейного бюджета, %

Варианты ответов	Регионы					
	Республика Алтай		Республика Тува		Республика Хакасия	
	алтайцы	русские	тувинцы	русские	хакасы	русские
1. Денег не хватает на самое необходимое, в т. ч. на питание	6	19	13	13	7	6
2. Денег хватает только на питание	16	20	19	9	17	13
3. Денег хватает на питание и предметы первой необходимости	45	35	41	45	54	42
4. У нас есть определенные накопления, но покупка дорогих вещей вызывает	23	16	21	17	18	28
5. Мы имеем возможность ни в чем себе не отказывать	5	1	5	14	0	7
6. Затрудняюсь ответить	5	9	2	2	4	4
Итого	100	100	100	100	100	100

селения. Важно также сказать, что в среднем треть респондентов убеждены, что их материальное положение значительно ухудшилось. Среди тувинцев и местных русских Тувы численность таковых заметно больше, чем в Хакасии и на Алтае (соответственно 41 и 42 %).

Среди опрошенных также немногочисленна группа критически настроенных на трудности переходного периода. Так, отвечая на вопрос: «Каково ваше мнение относительно сложившейся современной ситуации?» — из всего числа опрошенных в трех республиках только около 15 % выбрали вариант: «Терпеть наше бедственное положение совершенно невозможно». Правда, доля тувинцев и русских в Туве, давших негативную оценку современной жизни, составила примерно четверть, что значительно выше, чем у алтайцев и русских на Алтае, а также у русских и хакасов в Хакасии. Можно предположить, что подобное положение обусловлено сложившимися на данный момент более худшими социальными условиями, в которых оказались жители Тувы, в первую очередь сельчане. Между тем во всех трех республиках численность крайне недовольных сегодняшней жизнью больше все же среди русских, нежели представителей титульного этноса. По-видимому, это объясняется в целом повышенными запросами и установками русского населения на местах.

В общей сложности около половины всех опрошенных в Туве и более двух третей в Хакасии и на Алтае ответили, что «все не так плохо, а скоро будет лучше» и что «жить трудно, но терпеть можно». При этом во всех республиках, независимо от национальности, доля тех, кто выбрал первую позицию, составила примерно треть всей численности опрошенных. В Туве указавших, «что жить трудно, но терпеть можно», вдвое меньше, чем в двух других республиках. Как видим, наиболее терпимыми к сложившейся ситуации оказались жители Алтая и Хакасии. Хочется верить, что полученные нами позитивные ответы свидетельствуют о действительном улучшении жизни населения и в целом более благополучной социальной ситуации, чем это было несколько лет назад.

Немаловажно и то, что основная часть населения как Алтая, так Тувы и Хакасии при всех проблемах и сложностях переходного периода не утратила жизненную активность, проявляет социальную мобильность и позитивный настрой на адаптацию к современным социально-экономическим условиям. Сказанное характерно для всех этнических групп.

В целях улучшения своего материального положения в общей сложности около 85 % опрошенных выразили готовность на принятие каких-либо мер. Среди этих мер во всех этнических группах, независимо от региона проживания, доминируют

такие как «очень много работать», «повысить квалификацию, профессиональную подготовку, сменить профессию, специальность» (от 57 до 62 %), что и является свидетельством активной жизненной позиции большинства опрошенных. При этом если русское население этих республик чаще выбирали вариант «очень много работать», то титульная национальность — «повысить квалификацию, профессиональную подготовку». Наблюдаемая в данном случае некоторая дифференциация в установках основных этнических групп скорее всего объясняется социально-экономическими различиями, существовавшими между ними в предыдущий период. Иными словами, исходя из сложившихся на данный момент требований рынка и условий конкуренции, местное население осознает реальную необходимость в повышении своих профессиональных навыков.

Для улучшения своего материального положения, кроме заработка на своей основной работе, многие пытаются найти дополнительный доход. Правда, в большинстве своем эти подработки носят эпизодический характер: «да, сезонно», «да, от случая к случаю». В данном случае гораздо важнее то, что в период радикальных преобразований, ломки привычных устоев, трансформации сложившегося уклада жизни одним из способов выживания для многих россиян стало ведение подсобного хозяйства. В этой связи в анкете был сформулирован специальный вопрос, нацеленный на выявление мнения жителей относительно возрождения народных промыслов и изучения их оценок по поводу роли этого вида деятельности как средства выживания. Важным подспорьем, помогающим выжить в создавшихся сложных условиях, у представителей титульной национальности всех трех республик является в абсолютном большинстве «разведение скота на личном подворье», у местных русских в той же мере — «занятие садоводством и огородничеством». Во всех этнических группах в числе возрождающихся ремесел, которые в то же время помогали бы выжить, фактически единицы назвали такие виды, как «пошив традиционной национальной одежды», «возрождение народных промыслов».

Хотя во всех этих регионах на протяжении 1990-х гг. предпринимались и предпринимаются до сих пор меры по возрождению отдельных видов народного ремесленничества. Так, например, в национальных алтайских школах даже было введено обязательное обучение навыкам народных ремесел — пошиву национальных головных уборов или войлочных ковров²²⁵. Однако, как отмечают исследователи, несмотря на ставшую уже хорошей традицией организацию выставки народных промыслов, тем не менее качество выставляемых изделий остается очень низким уровнем²²⁶. Отсюда неболь-

шой спрос на такой товар. Поскольку, как известно, спрос рождает предложение, то ни в одной из исследуемых республик этот вид деятельности не снижал популярности, тем более как средство выживания.

Для населения Южной Сибири, впрочем, как и для многих других регионов, главным источником существования остается заработная плата по основному месту работы. При этом более трети опрошенных в Туве и на Алтае (38 и 42 % соответственно), а также почти половина опрошенных в Хакасии (48 %) признали, что их не устраивает размер оплаты труда. Среди них самый высокий процент недовольных среди хакасов — 56 %. При этом во всех группах значительное большинство (от 55 до 60 %), независимо от места проживания и этнической принадлежности, так или иначе были удовлетворены работой. По-видимому, данное обстоятельство сопряжено невысокими претензиями и требованиями к сфере труда, когда основным мотивом трудовой деятельности становится лишь ее оплата.

С другой стороны, в целом 15 % из числа опрошенных готовы сменить работу в ближайшее время и около трети (30 %) могут это сделать в перспективе, что свидетельствует, особенно в сравнении с 1990-ми гг., о возросшей в наши дни социальной мобильности населения. В свою очередь, это является признаком улучшения социально-экономической ситуации как в регионах, так и в стране в целом, появлением реальных возможностей выбора рабочего места.

Уровень удовлетворенности различными аспектами жизни является важным показателем адаптации населения к современным условиям. Достаточно позитивно оценили респонденты климат межэтнического взаимодействия в своих регионах, независимо от этнической принадлежности. Численность оценивших межнациональные отношения как напряженные составила в исследуемых республиках от 3 до 10 %. Для населения этих республик характерен относительно высокий уровень удовлетворенности своей работой (более 50 % в каждой группе), уровнем своей профессиональной подготовки (около 60 %), своим образованием (чуть больше 50 %), своим положением в обществе (более 60 %). В целом в этих ответах нет заметных этнических различий, разве что в последнем случае показатели титульной национальности чуть ниже.

Среди опрошенных достаточно высока доля недовольных условиями жизни в их городе (селе). Так, респонденты хуже других оценили работу местных медицинских учреждений. Численность таковых составляет во всех трех республиках подавляющее большинство (от 62 до 85 %). Несколько лучше обстоят дела в сфере снабжения, транспорта и культурно-бытовых условий, хотя и здесь уровень

предоставляемых услуг далек от желаемого. Среди опрошенных меньше всего претензий к снабжению у жителей Хакасии (здесь позитивные оценки дали 52 % хакасов и 67 % русских) и у алтайцев и русских жителей Алтая (40 и 60 % соответственно), тогда как у тувинцев эти показатели намного ниже (28 и 26 % соответственно). Среди довольных культурно-бытовыми условиями города (села) наибольший процент составляют опять же хакасы (39 %) и русские Хакасии (42 %), наименьший — тувинцы и русское население Тувы (12 и 18 % соответственно). Если на Алтае и в Хакасии работой транспорта не удовлетворены примерно треть всех опрошенных (31 %), то в Туве численность таковых более чем вдвое больше (69 %). В этой связи, конечно, следует учесть, что негативные оценки по большей части давались сельскими жителями, где в отдельных случаях положение действительно удручающее и, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

Известно, что для подавляющего большинства населения нашей страны процесс перехода к рынку, к его новым социально-экономическим отношениям был трудным и даже драматичным. Отношение многих к этим переменам, особенно на первых этапах, было далеко неоднозначно. Тем не менее по результатам данного опроса большая часть опрошенных продемонстрировала в целом позитивное отношение к рыночным реформам. Пожалуй, некоторое исключение в этом ряду составляют жители Тувы, у которых эти показатели заметно ниже, нежели на Алтае и в Хакасии. В отношении к переходу к рынку именно среди русских жителей Тувы меньше всего положительных оценок и, соответственно, больше отрицательных, хотя численность негативно настроенных среди тувинцев ненамного меньше (табл. 3). Возможно, наблюдаемые различные рыночные ориентации населения есть в какой-то мере следствие стартовых возможностей, в которых находились исследуемые регионы к началу реформ. Жители районов с тяжелой экономической ситуацией оказались менее других готовыми к преобразованиям, отсюда неприятие всего нового и неизведанного по принципу: «Как бы не было хуже».

Степень удовлетворенности населения проводимыми реформами далеко не везде одинакова. Больше всего довольных социально-экономическими преобразованиями среди титульной национальности и русских жителей Алтая (44 и 51 % соответственно) и, как и ожидалось, заметно меньше — среди тувинцев и русских жителей Тувы (26 и 12 % соответственно). Половина респондентов Тувы и Хакасии выразила недовольство реформами. При этом удельный вес таковых, а именно давших отрицательную оценку реформам, в группе титульного этноса и в группе русских практически совпадал (табл. 4). Фиксируемые в данном случае отличия

Отношение опрошенных к переходу России к рыночной экономике, %

Варианты ответов	Регионы					
	Республика Алтай		Республика Тува		Республика Хакасия	
	алтайцы	русские	тувинцы	русские	хакасы	русские
1. Полностью положительно	27	26	10	5	18	14
2. Больше положительно, чем отрицательно	45	36	34	20	37	48
3. Больше отрицательно, чем положительно	6	11	30	34	23	16
4. Полностью отрицательно	4	8	10	11	8	9
5. Затрудняюсь ответить	18	19	17	30	14	13
Итого	100	100	100	100	100	100

Таблица 4

Степень удовлетворенности населения Южной Сибири социально-экономическими реформами, %

Варианты ответов	Регионы					
	Республика Алтай		Республика Тува		Республика Хакасия	
	алтайцы	русские	тувинцы	русские	хакасы	русские
1. Полностью доволен	7	9	6	0	4	7
2. Скорее доволен	37	43	20	12	17	31
3. Скорее недоволен	32	17	31	29	36	36
4. Полностью недоволен	8	8	21	21	19	17
5. Затрудняюсь ответить	16	23	24	38	24	9
Итого	100	100	100	100	100	100

носят в большей степени региональный характер, нежели этнический. Следует также обратить внимание на то, что многие при ответах на данный вопрос проявили определенное замешательство и «затруднились с ответом», что может, кроме всего прочего, говорить и о некотором непонимании происходящих процессов как таковых, в особенности касающихся проблем рынка.

В свете обсуждаемой проблематики важно отметить, что при весьма значительном разбросе мнений относительно преобразовательных процессов большинство населения в конечном счете настроено позитивно и с оптимизмом смотрит в будущее. В общей сложности лишь от 2 до 10 % опрошенных к происходящим изменениям испытывают раздражение и агрессию. Примерно столько же тех, кто ощущает беспокойство, страх и беспомощность. Правда, в последнем случае некоторое исключение составляют тувинцы и хакасы, доля которых существенно выше — по 20 % в каждой группе.

С переходом на новые рыночные отношения, естественно, происходят изменения в ценностных ориентациях и предпочтениях. Так, например, су-

щественная часть населения постепенно приходит к осознанию того, что улучшение их жизни зависит прежде всего от них самих (такое мнение высказали около половины всех опрошенных). С другой стороны, все еще немало тех, кто рассчитывает на поддержку властей, в частности на помощь республиканского руководства (примерно каждый пятый). Из числа опрошенных больше всего уповают на это хакасы (29 %), тувинцы (31 %) и русские жители Тувы (34 %). Как можно предположить, подавляющему большинству населения помогает преодолеть житейские невзгоды в первую очередь семья и ближайшее окружение. Многим чувство уверенности в завтрашнем дне дает именно поддержка семьи, родственников, а также собственный оптимизм и возможность заработать. Заметим, что в этих установках нет выраженной этнической специфики.

Этнокультурная адаптация касается совокупности внешних поведенческих следствий связи адаптантов с новым этнокультурным окружением, включая их способность решать повседневные социально-экономические проблемы (в семейной, бытовой, образовательной, профессиональной и

других сферах)²²⁷. Следует особо отметить, что роль этнического фактора в жизни того или иного этноса, а также его значимость в процессах адаптации к радикальным переменам довольно заметна. Прежде всего это касается титульной национальности названных республик. Так, для подавляющего большинства алтайцев, тувинцев и хакасов национальная принадлежность «значима» и «очень значима» (89, 72 и 77 % соответственно). Среди русских жителей этих республик этот показатель заметно ниже. Правда, в этом ряду несколько выделяются русские Тувы: среди них на значимость этнической принадлежности указали 69 % опрошенных.

В числе вариантов наиболее важных для успешного развития своего народа респонденты — как представители титульной национальности, так и русские — чаще называли «экономическое процветание», «сохранение культуры, традиций, обычаев моего народа». Алтайцы и хакасы, по понятным причинам, в большей мере, чем остальные озабочены сохранением языка своей национальности (14 и 19 % соответственно). 23 % русских жителей Тувы считают важным для представителей своей национальности, когда есть «возможность спокойно работать и жить в республике». По-видимому, это своего рода отголоски и реакция на известные события, связанные с межэтническим конфликтом, имевшим место в Туве более 10 лет назад.

Актуализация этнической идентификации в период социально-экономических преобразований объясняется и тем, что она возникла одновременно с процессами национального возрождения, начавшимися в 1990-х гг. в разных регионах РФ. Не удивительно, что в создавшихся сложных условиях выживания значимость этнического фактора во многих аспектах жизни у народов Южной Сибири выражена гораздо сильнее, чем у русских этого региона. Такие позитивные явления у сибирских на-

родов, как взаимопомощь и взаимовыручка, особо проявившаяся в сложное трансформационное время, исходят из национальных традиций, когда, например, по местному обычаю осиротевшего ребенка обязательно должны были усыновить ближайшие родственники. Не случайно в настоящее время наиболее ярко заявили о себе из всех имеющихся на Алтае, в Туве и Хакасии национальных объединений и движений именно национальные женские объединения. О них знают в регионе в первую очередь благодаря их активной деятельности по оказанию помощи нуждающимся.

Период национального возрождения сопровождался также ростом религиозного самосознания. Причина этого в том, что многим в эти трудные годы помогало выжить именно обращение к религии. Этнорелигиозная ситуация в названных регионах не совсем одинакова и имеет свою специфику. Так, во всех трех республиках считают себя верующими более половины опрошенных, неверующими — около четверти. В этом ряду несколько выделяется группа русских Тувы и хакасская группа, где удельный вес атеистов заметно выше (соответственно 37 и 30 %). При этом, как и ожидалось, если из числа верующих русских во всех трех регионах подавляющее большинство считают себя православными (от 82 % в Хакасии до 93 % в Туве), то среди титульной национальности не все так однозначно. К примеру, 80 % тувинцев являются буддистами, 77 % хакасов и 23 % алтайцев считают себя православными, а более половины алтайцев «веруют в своего бога» (58 %). Кстати, во всех других этнических группах удельный вес тех, кто, будучи верующим, не соотносит себя ни с одним известным религиозным учением и «верит в своего бога», невелик. Численность проповедующих шаманизм среди верующих алтайцев составляет 7 %, среди тувинцев — 6 %, среди хакасов — 10 % (табл. 5).

Таблица 5

Данные о конфессиональной принадлежности опрошенных, %

Варианты ответов	Регионы					
	Республика Алтай		Республика Тува		Республика Хакасия	
	алтайцы	русские	тувинцы	русские	хакасы	русские
1. Буддизм (ламаизм)	7	—	80	2	—	—
2. Шаманизм	7	—	6	—	10	—
3. Православие	23	88	1	93	77	82
4. Верю в своего бога	58	12	10	5	10	16
5. Другое	5	—	4	—	3	2
Итого	100	100	100	100	100	100

При этом примерно две трети опрошенных алтайцев и тувинцев, около половины хакасов знают и исполняют традиционные обычаи и обряды своего народа. В данном случае среди русских жителей эти показатели заметно ниже. Между тем почти пятая часть из числа титульной национальности и более трети русских все же признают, что знают их, но не исполняют. Доля тех, кто не знает и не исполняет национальные обычаи и обряды, составила во всех группах от 10 до 20 %.

Важным аспектом культурной жизни любого народа является языковая сфера. О значимости и возрастающей роли языка в период российских реформ писали многие исследователи. Так, например, Л. М. Дробижева в своей не так давно вышедшей в свет монографии, посвященной социальным проблемам межнациональных отношений в постсоветской России, говоря о том, что удалось и не удалось сделать власти и обществу за десятилетие трансформаций, в числе несомненных достижений отмечает и то, что «...люди перестали скрывать или стыдиться своей этнической идентичности, стали свободно говорить между собой на родном языке»²²⁸.

В развитии этноязыковых процессов в республиках Южной Сибири — Горном Алтае, Туве и Хакасии много общего, вместе с тем немало и различий. В числе основных проблем, обозначившихся в настоящее время в языковой жизни титульных национальностей названных регионов, следует назвать проблему владения тувинцами русским языком в Туве и проблему сохранения и развития родного языка титульной национальности в Республике Алтай и Республике Хакасия. Понятно, что данное обстоятельство так или иначе сказывается и на адаптационных процессах.

Прежде всего это обусловлено спецификой этнического состава населения этих республик: если численность тувинцев в Туве существенно преобладает, то алтайцы и хакасы живут в явном иноэтническом окружении. Естественно, данное обстоятельство сказалось на языковой ситуации в этих регионах. В итоге если алтайцы и в большей степени хакасы, находящиеся в своей республике в этническом меньшинстве, встревожены возможной языковой ассимиляцией и утратой родного языка, то тувинцы, особенно сельские жители, живя практически в моноэтнической среде, озабочены заметным снижением роли и функций русского языка в Туве.

Подтверждением тому служат результаты данного исследования. Так, свободно владеют русским языком среди тувинцев 53 %, среди алтайцев — 88 %, среди хакасов — 97 %. При этом у тувинцев степень владения родным языком достигает 98 %, у алтайцев и хакасов 87 и 48 % соответственно.

В Туве среди представителей титульной национальности 41 % опрошенных «говорит на рус-

ском языке с некоторыми затруднениями» и 6 % «говорит с большим трудом». Из них совершенно свободно владеет русским языком немногим более половины опрошенных. В Горном Алтае и Хакасии, наоборот, непростое положение сложилось в первую очередь с родным языком титульной национальности. Несмотря на то что подавляющее большинство (82 %) опрошенных хакасов считают родным языком язык своей национальности, более четверти «говорит на хакасском языке с некоторыми затруднениями» (28 %) и 15 % «вообще не говорит на своем языке». Из них совершенно свободно владеет родным языком только менее половины. Среди алтайцев 92 % опрошенных считают родным языком язык своей национальности. Вместе с тем примерно каждый десятый «говорит на алтайском языке с некоторыми затруднениями» (9 %), «вообще не говорит на своем языке» 4 % и совершенно свободно владеет родным языком 87 % опрошенных.

Говоря о языковой ситуации в Южной Сибири, следует сказать, что в этой сфере наиболее существенные различия между титульной национальностью и русскими обозначились в их ориентациях на язык обучения детей в школе. Если в большинстве своем как алтайцы, так и тувинцы и хакасы убеждены, что детей в школе следует обучать на двух языках — родном и русском, то среди русских эту точку зрения поддерживает треть опрошенных в Хакасии (37 %), пятая часть опрошенных в Республике Алтай (20 %), еще меньше в Туве (15 %). Об обучении детей только на русском языке высказались на Алтае 77 % опрошенных русских и всего 12 % алтайцев, в Туве — 84 % русских и 24 % тувинцев, в Хакасии — 63 % русских и 18 % хакасов. Численность тех, кто считает, что школьников желательно учить только на родном языке, составила среди алтайцев и хакасов по 15 %, среди тувинцев немного больше — 22%.

***

Итак, народы Южной Сибири, несмотря на невысокую в целом степень адаптации и относительно небольшую численность приспособившихся к условиям изменяющегося общества, все же продемонстрировали, с одной стороны, позитивный настрой и относительно высокий уровень готовности к адаптации, с другой — довольно неоднозначное отношение к различным аспектам преобразовательных процессов. В числе основных факторов, способствующих более успешному приспособлению к новым реалиям жизни, следует назвать в целом благоприятное отношение со стороны населения исследуемых республик к трансформационным процессам как таковым. Оптимизации адаптационных

процессов в немалой мере способствует и отмечаемая в этих регионах межэтническая толерантность, а также степень удовлетворенности населения отдельными аспектами жизни: положением в обществе, работой, уровнем образования. К факторам, так или иначе препятствующим адаптационным процессам, прежде всего относятся низкий уровень жизни значительной части населения, в особенности представителей титульной национальности, проживающих главным образом в сельской местности, и в какой-то мере некомфортные условия жизни в данном населенном пункте (неудовлетворенность работой транспорта, медицинским обслуживанием, снабжением).

Необходимо отметить еще одну, общероссийскую особенность. На первых порах казалось, что более быстрая и успешная адаптация будет присуща наиболее трудоспособным и образованным членам общества. Однако, как показал опыт, высокий уровень образования и квалификации не ведет автоматически к успешной адаптации. Исходя из реалий нашей российской действительности, можно утверждать, что зачастую быстрее к новым условиям жизни, независимо от региона проживания, приспособлялись те, кто не имел ни соответствующего образования, ни должной квалификации, но был, во-первых, достаточно молод, во-вторых, обладал определенной мобильностью и житейской смекалкой и, в-третьих, не боялся рисковать.

Можно констатировать, что в адаптационных процессах в Республике Алтай, Республике Тува и Республике Хакасия не наблюдается существенных этнических отличий. Выявленные различия скорее обусловлены особенностями и спецификой уровня социально-экономического развития этих республик. Вместе с тем у титульной национальности исследуемых республик, по сравнению с

местными русскими, например, в приспособлении к современной ситуации роль этнической принадлежности более существенна. Среди первых более активную жизненную позицию в создавшихся новых условиях занимают те, кто чаще других указал на сравнительно высокую для них значимость этнического фактора.

На темпы и масштабы адаптационных процессов в определенной степени влияют и особенности национального характера того или иного народа. В данном случае местные жители по своей ментальности очень спокойные, бесконфликтные, в связи с традиционным кочевническим укладом жизни неспешны в своих начинаниях, не склонны к радикальным переменам жизни. Это обстоятельство не всегда в должной мере способствует процессам более быстрого и активного восприятия новых реалий. Кроме того, в век кардинальных перемен стали, увы, совершенно непопулярны столь характерные до сих пор для большинства местных жителей стандарты нашей прошлой жизни, такие как привычка обходиться малым, довольствоваться тем, что есть.

В этой связи хотелось бы также обратить внимание еще на одну черту, которая в большей степени присуща титульным этносам исследуемых республик и которая особенно явственно обозначилась в период проводимых преобразований — это покорность судьбе. К сожалению, среди них все еще велика доля тех, кто полагает, что следует молча и терпеливо переносить все невзгоды и трудности, нежели тех, кто не мирится со сложившимися обстоятельствами и пытается активно воспрепятствовать превращениям судьбы. Именно эти факторы, негативно отражаясь на социальной мобильности и инициативе населения, понижая их притязания и запросы, в целом служат серьезным тормозом активизации адаптационных процессов в этих регионах.

Винокурова Л. И., Филиппова В. В.

АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЯКУТИИ

Изучение направлений миграции и проблем адаптации мигрантов в Якутии актуализируется в свете объективных тенденций развития региона и РФ. Внешние миграционные связи Якутии в постсоветское время имели принципиально иной характер, чем в предшествовавший период. С распадом Советского Союза в новых государствах на бывшей его территории возникли предпосылки для миграционных процессов: резкое ухудшение экономической ситуации в большинстве постсоветских государств, возрастание социально-политической

напряженности и обострение конфликтов на межэтнической почве.

По результатам социодемографических исследований на материалах Якутии миграционный оборот в республике с начала политической и экономической перестройки непрерывно снижается²²⁹. К началу 2000 г. объем миграции сократился почти вдвое по сравнению с 1988 г. и на четверть по сравнению с 1990 г.

Как видно из *табл. 6*, к 2005 г. в Якутии по-прежнему сохранялась тенденция миграционной

убыли, которая складывается в результате превышения числа выбывших над числом прибывших. При этом следует отметить, что объем общей миграции (сумма всех прибывших и выбывших) с 1990 по 2005 г. сократился в 2,8 раза.

Таблица 6

Динамика механического движения населения, тыс. чел.²³⁰

Год	Прибыло	Выбыло	Сальдо	Миграционный оборот
1990	59,2	62,5	-3,3	121,7
1995	30,9	47,0	-31,3	77,9
2000	28,7	35,1	-6,4	63,8
2005	19,1	24,2	-5,1	43,3

В общем объеме миграции сокращается доля внешней миграции. Так, если в 1990 г. она составляла 62,6 %, в 1995 г. — 60,6 %, в 2000 г. — 43,4 %, то в 2005 г. ее доля составляла 39,8 %²³¹. Соответственно наблюдается рост доли внутренней миграции. Нужно подчеркнуть, что уменьшение объема миграции связано с утратой притягательности Якутии ввиду уменьшения инвестирования из государственного бюджета крупных объектов из внешних по отношению к республике источников.

Внешняя для республики миграция подразделяется на следующие виды, характерные для всей России: межрегиональная внутрироссийская миграция, миграция с ближним зарубежьем (страны СНГ и Балтии), миграция с дальним зарубежьем. Как и в других сибирских регионах, в частности в Иркутской области²³², эти направления очень неравнозначны по своим размерам, соотношению противоположно направленных потоков, значению для Якутии и самих внешних территорий (табл. 7).

Общие итоги миграции населения Республики Саха (Якутия) за 2005 г., тыс. чел.²³³

Направление миграционных связей	Город и село		Село		Город	
	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло
Внутрирегиональная	13,0	13,0	5,0	6,8	8,0	6,2
Межрегиональная	5,3	10,6	0,2	1,0	5,1	9,6
Со странами СНГ и Балтии	0,7	0,6	0	0,1	0,7	0,5
Дальнее зарубежье	0,01	0,05	0	0,01	0,01	0,04

Традиционная для советского времени структура внешней миграции была достаточно стабильной: подавляющую часть внешнего миграционного оборота составляли связи с районами СССР. Для

мигрантов из районов Якутии наиболее привлекательными были приарктические районы (улусы), где предоставлялись дополнительные социальные льготы. Впоследствии, в 1990-е гг., основной поток мигрантов хлынул из северных районов, в результате численность населения некоторых северных районов сократилась почти в 2 раза (например, в Усть-Янском улусе — с 42,9 тыс. чел. в 1990 г. до 21,9 тыс. чел. в 1995 г.). Причинами массового выезда мигрантов из северных улусов послужили сокращение добычи полезных ископаемых и закрытие горнодобывающих предприятий.

По данным официальной статистики, в последний период в Республике Саха (Якутия) отмечается прирост миграции, в первую очередь численности прибывающих извне. Увеличение прибывающих мигрантов после 2005 г. связано с реализацией мегапроектов, в частности со строительством нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВС — ТО). Только за первые семь месяцев 2007 г. на миграционный учет в Якутии поставлено 19 535 чел., что в 1,7 раза больше показателей за аналогичный период 2006 г.

В последние годы миграционная прибыль из дальнего зарубежья представлена приростом граждан КНР. Так, за сопоставимый период 2006 и 2007 гг. китайская иммиграция выросла в 2,3 раза. Понятно, что это связано с разворачивающимися в республике стройками по федеральным национальным проектам. В Южной Якутии на строительство трубопровода ВС — ТО привлечено более тысячи граждан КНР — это новое явление в пополнении иностранной общины. Существующая многие годы в Якутии китайская диаспора (из «советских» китайцев» и новоприбывших) ранее состояла в основном из лиц, занятых в негосударственном секторе экономики.

Китайская община изменилась даже во внешних

Таблица 7

характеристиках поведения; китайцы прочно и уверенно внедряются в местную жизнь, адаптируясь к местным условиям. При этом, в отличие от диаспор из стран СНГ, китайская диаспора не предпринимает видимых шагов к социальному партнерству — в сфере благотворительности, инвестиций в культурное, образовательное пространство. Есть уже прецеденты, например в Южной Якутии, враждебного отношения к китайцам, что заставляет думать о миграцион-

ных процессах, создающих конкуренцию на рынке занятости. Как видно, они могут вызвать резкую реакцию со стороны постоянного населения даже в таком толерантном регионе, как Якутия.

У РФ с 15 января 2007 г. с рядом государств существует безвизовый режим — это страны СНГ, за исключением Грузии и Туркмении. Для граждан, въехавших из этих стран, теперь в миграционном законодательстве действует новый, значительно упрощенный, порядок оформления разрешения на работу и на временное проживание. Им стало проще жить и работать в России, т. к. процедура постановки на учет иностранных граждан по месту пребывания носит не разрешительный, а уведомительный характер.

Именно выходцы из бывших союзных республик остаются наиболее многочисленной категорией мигрантов, прибывающих в регионы РФ. В настоящее время основной рост внешней миграции в Республику Саха (Якутия) происходит за счет выходцев из Средней Азии: Киргизии, Таджикистана, Узбекистана — до 83 %. Почти каждый четвертый мигрант в республике — гражданин Киргизии, далее по численности следуют мигранты из Украины, Таджикистана, Узбекистана и Армении²³⁴. Вступление в силу новых положений миграционного законодательства стабилизировало поток мигрантов из этих стран.

В Якутии давно сложились диаспоры выходцев из бывшего СССР, мигранты из среднеазиатских и кавказских регионов давно обжили не только столицу и промышленно-транспортные центры, но и сельскую местность северной республики. В улусных поселениях Центральной Якутии проживают этнические ингуши, азербайджанцы, армяне, чеченцы; часть из них поселилась еще в советские времена, часть — в последние годы. В настоящее время представители этих южных общин трудятся в основном на строительных, дорожных работах. Именно они заняты на всех крупных новостройках, при этом выполняют заказы и в частном секторе экономики. Кроме прибыльных масштабных транспортных и торговых услуг кавказские общины сохраняют за собой и такие давно освоенные на первый взгляд небольшие ниши, как мелкий автосервис, мастерские по ремонту обуви²³⁵.

Среднеазиатские общины мигрантов также заняты на строительных и ремонтных работах в жилом и производственном секторах. Но значительна их численность на торговых рынках с продуктовым и вещевым ассортиментом. Представители киргизской и казахской диаспор именно в последние годы активно осваивают сферу розничной торговли и бытового обслуживания. Интересно, что для этих двух этнических общин характерно появление ранее незамеченной группы мигрантов — лиц с высшим образованием и достаточно высокой квалификации. В приарктических улусах Якутии, где в постсоветское время усилился дефицит врачей и учителей, практикуется контрактный завоз специа-

листов в учреждения здравоохранения, культуры и образования. Среди этих специалистов с контрактной оплатой труда и предоставлением социальных льгот сегодня много мигрантов из бывших союзных республик.

Отметим, что ранее на якутском материале исследовались в основном русскоязычные мигранты, преимущественно славянских национальностей. Адаптация их происходила в промышленных поселениях с преимущественно русскоязычным пришлоем населением. В эпизодических контактах с местным населением, с его немногочисленными представителями в промышленных поселках особых языковых и культурных проблем (советские люди) не возникало. Довольно активное двуязычие (якутско-русское), культурная и религиозная толерантность коренного населения в атмосфере официальной идеологии равенства народов нивелировали трудности взаимной адаптации.

В сложившейся историографии по региональной миграции отсутствует освещение некоторых ее социокультурных аспектов. Так, проблема мигрантов извне в основном изучалась с точки зрения вселенческой стороны миграции, с уклоном на реакцию принимающего регионального и локального общества Якутии. Практически не освещались источники и сравнительные материалы по мигрантам в разрезе отпускающего их общества. Вопросы об источниках пополнения мигрантов и их приживаемости в республике не затрагивали конфессиональные аспекты. Например, не рассматривались этнокультурные и конфессиональные особенности мусульманского общества, из коего регулярно пополняются диаспоры.

Авторы данной статьи попытались собрать информацию по «правилам игры»: нормам, ограничениям и запретам в складывающихся в постсоветской Якутии иммигрантских общинах. Без подобной информации весьма сложно отслеживать поведение мигранта, как он себя ведет, чтобы внедриться, адаптироваться к новой этнокультурной среде. По результатам анкетирования, проводившегося по проекту среди представителей среднеазиатских и северокавказских диаспор, достаточно активно растущих в численном плане, обнаружили интересные факты. Среди обследованных этнических общин — среднеазиатских и северокавказских — численно преобладают группы мусульманского вероисповедования. При этом они дистанцируются по этому признаку от ближних соседей по региону выхода — мигрантов христианского вероисповедования.

Попадание в новую этнокультурную среду часто приводит к так называемому культурному шоку. Следование прежним нормам и ценностям, принятым в той среде, откуда человек был вынужден уехать, только усугубляет ситуацию. Чем более

жестко человек придерживается привычных для него культурных моделей поведения, социально одобряемых в прежней культуре, тем труднее ему приспособиться в новой среде. Причем существенную роль играют не только этнические, но и культурные различия.

Предпринятый опрос внутри среднеазиатских диаспор выявил следующее: несмотря на языковое и антропологическое сходство, у большинства тюркоязычных азиатских мигрантов именно культурно-религиозный фактор выступает четким маркером, определяющим взаимоотношения как с местным населением, так и с другими общинами мигрантов. Интересно, что часть респондентов указывает на «чрезмерную русифицированность» коренного населения Якутии. Они определяют ее по степени владения русским языком, по стилю и манерам повседневного поведения.

В ходе продвижения проекта накоплен и проанализирован интересный материал по взаимному изучению коренного населения и мигрантов. В частности, выявлялось отношение к местным жителям коренной национальности со стороны мигрантов — выходцев из центральных регионов России. В своих интервью жители российского центра на вопрос об аборигенах Севера, как правило, отвечали: «Мы раньше ничего не знали о них», «В последнее время что-то читаем или слышим, но мы и сейчас мало знаем о них». Иными словами, в усредненном сознании этой группы мигрантов «абориген Севера» остается экзотическим существом, непо-

нятно почему занимающимся до сего дня оленеводством, охотой и другими видами традиционной деятельности (основным и порой единственным источником их жизнеобеспечения). Весьма характерным является недоумение некоторых даже по поводу постановки вопроса о выживании коренных или малочисленных народов.

Среди многих аспектов взаимного узнавания есть еще один малоизученный: отношения между славянского происхождения мигрантами и русскоязычным коренным населением, включая русских старожилов. Здесь также отмечается изучение друг друга и даже некоторое напряжение, в частности по вопросам конкуренции в сфере трудоустройства.

Миграционные процессы в Якутии взаимно переплетены — внешняя миграция идет на фоне непрекращающегося внутреннего движения населения республики. Все это не может не влиять на этнокультурный статус коренных народов, прежде всего малочисленных. В поле адаптации мигрантов к новому месту жительства и адаптации коренного населения к пришлым жителям края есть и области устойчивого позитива.

Традиции толерантности Севера, относительная малолюдность Якутии продолжают играть смягчающую роль в этих процессах, всегда болезненных по всему миру. Но в меняющихся социально-экономических и политических условиях уже видны и проблемы, потенциально угрожающие социальной стабильности края.

Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Потков Ю. В.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ г. ЯКУТСКА)

Современная общественная ситуация в России характеризуется инверсией базовых принципов социальной организации общества, вовлекший все слои населения в адаптивный и дезадаптивный процессы. Результаты комплексного социологического и социально-психологического исследования, проведенного сотрудниками сектора этносоциальных исследований ИФПР СО РАН, позволили проанализировать причины снижения потенциала социокультурной адаптации личности в условиях северного городского полиэтничного сообщества, выявить интегральную систему факторов, влияющих на процесс социокультурной адаптации студенческой молодежи, условия гармонизации интересов и социальных ожиданий адаптанта и окружающего его мира (социального и этнического окружения). Так-

же охарактеризованы этнокультурные особенности стратегий адаптации как представителей коренных малочисленных народов Севера, переехавших и проживающих в Якутске, так и представителей саха из числа сельского и городского населения, а также миграционные намерения русской молодежи, проживающей в данном регионе.

В рамках данной статьи, в связи с невозможностью изложения всех результатов в столь ограниченном формате, рассмотрены следующие факторы социокультурной адаптации личности: 1) этническая и гражданская самоидентификация; 2) выбор аккультурационной стратегии; 3) оценивание межнациональных отношений; 4) отношение к языку и возможности говорить на языке своей этнической группы; 5) влияние типа брака родителей; 6) желае-

мый тип поселения (город/село); 7) миграционные намерения.

В качестве методологической основы изучения процесса адаптации молодежи в городских условиях реализован комплексный подход, позволивший через анализ характеристик антропотока как совокупности взаимообуславливающих социокультурных процессов переноса и трансляции, восстановления и смены, воспроизводства и развития идентичностей, наиболее полно рассмотреть не только условия и факторы адаптации, но и явление адаптированности как психоэмоциональное состояние человека.

В ходе исследования социокультурная адаптация рассмотрена как единство процессов:

- 1) *социальной адаптации* (адаптация к базовым социальным феноменам — власти, ценностям, нормам, аномии, бедности, богатству, образованию);
- 2) *культурологической адаптации* (адаптация человека к материальной, природной и социальной среде);
- 3) *этнической адаптации* (адаптация представителей различных этносов к изменениям социальной среды, а также приспособление социальных групп к этнической среде)²³⁶;
- 4) *социально-психологической адаптации* (социально-психологические изменения модальности личности под влиянием среды).

Апробация, корректировка методики, а также сбор и анализ эмпирических данных проходили с 2006 по 2008 г. Проведены пилотажный, массовый и экспертный опросы по теме исследования. Всего опрошено 1660 студентов, среди которых представители народа саха, русские, представители коренных малочисленных народов, а также некоторых других национальностей, которые в ходе анализа были объединены в группу «Прочие» (табл. 8).

В 2006–2007 гг. анализировались современные тенденции, характерные для морфологического и функционально-деятельностного компонента антропотока Республики Саха (Якутия). Выявлено, что проблемы социокультурной адаптации студенческой молодежи в условиях трансформации городского социума обусловлены особенностями миграционных, демографических и структурно-образовательных процессов региона, которые в существенной мере являются отражением общих тенденций формирования антропотока России.

Так, усиление миграционных процессов в 1990-х гг. обусловлено глубоким кризисом промышленной сферы Республики Саха (Якутия) и вызванным им ростом напряженности на внутреннем рынке труда, поскольку большая часть населения, занятого в данной сфере, была представлена славянским населением, которое активно выезжало за пределы республики в этот период. В результате доля славян в этнической структуре республики сократилась с 58,3 % в 1989 г. до 45,3 % в 2002 г. и продолжает сокращаться в настоящее время. Наблюдается также рост доли внутренней миграции, характеризующейся явно выраженной тенденцией перемещения сельского населения республики в городскую местность. При этом наиболее привлекательной, по мнению молодежи, является столица Республики Саха — Якутск.

Согласно оценке респондентов, наибольшие трудности в процессе адаптации сельских мигрантов к жизни в городских условиях связаны с экономическими проблемами (обеспеченность жильем, работой) и проблемами психологического характера (фактор ролевого напряжения, противостояние по принципу село — город, недостаточная социализация). Одним из решающих факторов переселения в Якутск является поступление ребенка в республиканские вузы (62,4 % респондентов не имели городской прописки до поступления на учебу).

Таблица 8

Распределение этнической идентичности респондентов по типам браков родителей

Национальность респондента	Тип брака родителей							
	этнически однородный		этнически смешанный		нет записи о национальности родителей		все	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Саха (якуты)	1047	91,0	77	6,7	27	2,3	1151	69,3
Русские	250	74,0	81	24,0	7	2,1	338	20,4
Народы Севера	11	21,2	40	76,9	1	1,9	52	3,1
Прочие	32	26,9	85	71,4	2	1,7	119	7,2
Всего	1340	80,7	283	17,0	37	2,2	1660	100

Однако на вопрос о предпочитаемом для себя типе поселения уже 81 % от всей массы студентов выбрали город и лишь 10,5 % хотят вернуться в село. Интерес представляет тот факт, что из числа респондентов русских 68 % ранее проживали в городе, в то время как всего лишь 18,4 % студентов саха и 8,1 % представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС) являлись городскими жителями. Усиливающаяся тенденция переезда сельского населения в город обусловлена потребностью улучшения социально-экономического положения семьи, отсутствием перспектив развития в селе и в целом отражает характерную для всей России картину миграции.

В ходе опроса на вопрос: «Хотели бы вы уехать из данного населенного пункта после окончания учебного заведения?» — «нет» ответили 61,6 % студентов саха, 40,6 % русских, 61,2 % КМНС. Среди учащейся молодежи высказали пожелание жить в пределах Якутии 12,9 % саха, 3,6 % русских, 13,9 % КМНС; задумываются о переезде в другие регионы России 7,5 % саха, 38,5 % русских, 16,9 % КМНС; за границу — 5,8 % саха, 6,6 % русских, 2,8 % КМНС; на время выехать из Якутии захотели 15,1 % саха, 14,8 % русских и 11,1 % КМНС. Таким образом, очевидно, что склонностью к потенциальной миграции в большей степени обладают русские и некоторые предпочтения высказывают представители коренных малочисленных народов Севера, постоянно проживающие в Якутске.

Изучение этнической и гражданской идентификации саха и русских позволило сделать вывод о том, что высокий уровень мотивации к переезду у русских во многом обуславливается доминированием российской идентификации над республиканской. Респондентами из числа саха продемонстрирована обратная картина: на первом месте — этническая идентификация, на втором — республиканская. Результаты исследования оценки будущего своего этноса показали, что наименьшим оптимизмом обладают представители КМНС (32,4%), а наиболь-

шим — русские студенты (68,7 %). Этнопессимизм чаще проявляется у метисов (20,9 %), хотя предположить, что этот факт как-то связан с интерпретацией термина «народ» в силу сложности этнической идентификации данной группы нельзя. Поскольку из ответов по второму вопросу видно, что на фоне скепсиса (50 % от опрошенных) по поводу результативности проводимых в стране реформ ярко выраженного пессимизма у них все-таки не наблюдается (6,5 %). Показатели социального оптимизма примерно одинаковы для всех групп этносов. Этноугрозу и одновременно социальную угрозу ощущают 29,7 % КМНС, 21,7 % саха и 15,3 % русских.

Анализ собранных эмпирических сведений позволил сделать вывод о том, что существующие традиционные модели социокультурной адаптации студенческой молодежи к условиям проживания в Якутске оказались недостаточно эффективными в ситуации новой социальной реальности, что порождает многообразные формы ее дезадаптации.

С целью выявления причин формирования дезадаптационного поведения личности были исследованы субъективные и объективные факторы социокультурной адаптации молодежи Севера в условиях трансформаций современного городского социума. Одним из важнейших является выбор *аккультурационной стратегии*.

Для анализа выбора аккультурационной стратегии (по теории Камилъери) респондентам предлагалось ответить на вопрос «Насколько важно для вас осознавать себя: 1) представителем своего этноса (своей национальности); 2) гражданином России; 3) гражданином мира?» (табл. 9).

Результаты опроса показали, что этническая идентификация в равной степени важна (ответы «очень важно» и «важно») для респондентов якутской, русской национальности и представителей коренных малочисленных народов. В меньшей степени — для представителей прочих национальностей. Ощущение себя гражданами России также имеет высокое значение для всех опрошенных групп.

Таблица 9

Этническая и гражданская самоидентификация молодежи Республики Саха (Якутия), %

Этнические группы	Значение этнической идентификации			Значение гражданской (русской) идентификации			Гражданин мира		
	очень важно	важно	не важно	очень важно	важно	не важно	очень важно	важно	не важно
Якуты	40,3	46,4	13,3	46,4	45,0	8,6	29,9	39,6	30,5
Русские	36,2	39,0	24,8	70,1	23,6	6,3	40,1	30,9	28,7
Народы Севера	31,4	47,1	21,6	52,0	46,0	2,0	32,0	52,0	16,0
Прочие народы	20,0	40,0	40,0	59,1	36,5	4,3	46,1	33,0	20,9

Полученные результаты позволили выявить доминантные виды аккультурационных стратегий на основе соотнесения на индивидуальном уровне ранжирования этнической и гражданской самоидентификаций (теория Камилъери) (табл. 10). Анализ аккультурационных стратегий позволил выявить высокие показатели декларирования стратегии *интеграции* у саха (70,4 %) и у представителей коренных малочисленных народов (69,2 %). Ниже данный показатель у русских (60,1 %), еще ниже — у группы «Прочие» (52,1 %). Небольшая группа (9,2 %) саха задекларировала себя как избравшие путь сепарации. Самый низкий показатель по данной стратегии у группы «Прочие народы» — 0,8 %. Однако необходимо отметить, что и самый высокий показатель по ассимиляционной стратегии показала также данная группа — 38,7 %. *Маргинализация* как стратегия аккультурации была одобрена крайне малым числом респондентов.

Полученные данные свидетельствуют о высоком уровне намерения респондентов к межкультурному взаимодействию (*интеграции* и *ассимиляции*), что позволило в качестве приоритетных факторов, повышающих миграционную подвижность населения, выделить экономические. Необходимо отметить, что анализ избираемых стратегий был бы неполон, если бы мы остановились только на уровне декларирования выбора. При предположении, что теория Камилъери позволяет получить результаты только по восприятию респондентами самих себя, для более точной диагностики доминантной стратегии аккультурации у различных этнических групп необходимо соотнести предполагаемую идентификацию с прожективным поведением индивида. Поэтому для перепроверки полученных результатов необходимо было обратиться к теории Дж. В. Берри, описывающей признаки, отличающие интеграционную стратегию, основанную на психологических посылках,

Таблица 10

Тип выбора аккультурационной стратегии представителями разных этнических групп, %

Тип стратегии	Этнические группы			
	саха	русские	народы Севера	прочие народы
Интеграция	70,4	60,1	69,2	52,1
Сепарация	9,2	4,4	3,8	0,8
Ассимиляция	14,8	26,6	21,2	38,7
Маргинализация	2,7	3,8	1,9	4,2

среди которых — принятие культурного разнообразия, низкий уровень предубеждений, позитивное восприятие и осуществление межкультурного взаимодействия и др.

Для определения стратегии взаимодействия на уровне ближнего круга респондентам предлагалось ответить на вопрос о желаемой национальности друга (табл. 11).

Таблица 11

Мнение молодежи о предпочитаемой национальности друга, партнера и руководителя по работе, %

Предпочтение национальности		Стратегия этнокультурных групп							
		интеграция		ассимиляция		сепарация		маргинализация	
		саха	русские	саха	русские	саха	русские	саха	русские
При выборе друга	саха	57,9	0,0	35,3	3,3	67,0	6,7	51,6	0,0
	русского	1,7	54,2	6,5	38,9	3,8	66,7	9,7	7,7
	не важно	29,0	37,9	38,8	48,9	18,9	26,7	22,6	84,6
	и русского, и саха	8,4	3,0	12,9	1,1	6,6	0,0	0,0	0,0

Предпочтение национальности		Стратегия этнокультурных групп							
		интеграция		ассимиляция		сепарация		маргинализация	
		саха	русские	саха	русские	саха	русские	саха	русские
При выборе партнера по работе	саха	42,5	1,0	31,8	2,2	53,8	0,0	29,0	0,0
	русского	9,1	46,8	11,2	32,2	8,5	66,7	12,9	7,7
	не важно	33,1	39,9	40,6	55,6	26,4	26,7	38,7	84,6
	и русского, и саха	11,1	3,4	12,9	1,1	5,7	0,0	0,0	0,0
При выборе руководителя по работе	саха	52,6	0,5	39,4	2,2	60,4	6,7	32,3	0,0
	русского	8,1	62,1	10,0	46,7	7,5	60,0	12,9	23,1
	не важно	28,9	27,6	35,9	42,2	23,6	26,7	35,5	76,9
	и русского, и саха	6,4	2,0	10,0	1,1	1,9	0,0	3,2	0,0
При выборе сотрудников органов власти	саха	49,8	2,0	35,3	2,2	60,4	0,0	35,5	0,0
	русского	7,8	56,2	9,4	37,8	8,5	60,0	12,9	23,1
	не важно	29,4	31,0	38,2	48,9	21,7	33,3	32,3	76,9
	и русского, и саха	8,4	2,5	12,4	2,2	4,7	0,0	0,0	0,0
При выборе руководителя республики	саха	68,0	4,4	50,6	8,9	74,5	6,7	51,6	0,0
	русского	4,2	53,2	4,1	34,4	5,7	66,7	12,9	23,1
	не важно	19,5	31,0	32,9	45,6	13,2	26,7	22,6	76,9
	и русского, и саха	5,1	2,0	9,4	3,3	2,8	0,0	3,2	0,0

Из числа респондентов, декларирующих себя как мультикультураллисты, лишь 29 % саха и 37,9 % русских подтвердили ориентацию на интеграционную стратегию (ответили, что национальность друга для них не имеет значения).

В то же время при декларировании стратегии интеграции 57,9 % саха, 54,2 % русских реализуют в межличностном взаимодействии сепарационную стратегию (т. е. ограничивают выбор друга рамками своей этнической группы). Совсем небольшое количество (8,4 % саха, 3 % русских) используют смешанную стратегию. Молодежь, выбравшая ассимиляционную стратегию, оказалась даже более мультикультураллистичной при выборе национальности друга, чем та, которая декларировала мультикультурность. Так, 35,3 % саха и 38,9 % русских хотели бы иметь в качестве друга человека их национальности (в то время как среди декларировавших мультикультурность — 57,9 и 54,2 % соответственно). Самый высокий процент тех, кому не важна национальность друга, был в группе русских, выбравших стратегию маргинализации — 84,6 %. И самый низкий (18,9 %) — в группе саха, выбравшей стратегию сепарации.

Следующая дистанция, на которой проверено соотношение декларируемой идентификации с поведенческими установками аккультурации, стал выбор партнера по работе (табл. 11).

Данную дистанцию невозможно однозначно отнести только к социальному или только к ближне-му кругу общения, поскольку для респондентов, предпочитающих выстраивать близкие, дружеские отношения на работе, данный тип взаимодействия можно отнести к личному кругу. Для индивидов, воспринимающих термин «партнер» в первую очередь как необходимость выстраивания профессиональных взаимоотношений, — к более «длинной» социальной дистанции.

Увеличение социальной дистанции сокращает численность тех респондентов, которые при декларировании стратегии интеграции все же в быту прибегают к сепарационной стратегии: 42,5 % из числа саха и 46,8 % русских респондентов при выборе коллеги по работе предпочли представителей своей национальности, в то время как при выборе друга — 57,9 и 54,2 % соответственно.

Причины несовпадения декларируемой и реализуемой стратегий, по всей вероятности, связаны

не только с переходом от абстрактного восприятия ситуации к конкретным действиям в реальности, но и с ценностно-нормативной системой, которая обусловлена этносоциокультурной средой формирования индивида. По мнению Т. Парсонса, элементами, из которых складывается акт взаимодействия, являются: деятель, «другой», нормы, ценности, ситуация. При самоидентификации в воображаемой реальности респондент чаще всего исходит из норм, ценностей и социальных установок, усвоенных под влиянием социокультурной среды, воспроизводя, таким образом, формализованную модель поведения. Но в процессе опроса, где необходимо сделать выбор, т. е. совершить некое реальное действие, хотя и относительно воображаемой среды, приоритетное значение уже имеют характеристики респондента (деятели), «другого» и ситуации.

Ответы респондентов, избравших в качестве доминантной стратегии ассимиляционную, также свидетельствуют о том, что доля тех, кто был бы склонен выбирать партнера по этническому признаку, тоже меньше, чем при выборе друга: 31,8 % — саха, 32,2 % — русские. И доля тех, кому не важна национальность партнера, значительно больше (саха — 40,6 % и русских — 55,6 %). То есть выбор партнера по работе менее этноцентричен и, соответственно, более интегративен, чем выбор друга, и степень совпадения декларируемой и реальной стратегии поведения при выборе партнера выше.

Казалось бы, что выбор руководителя по работе находится по шкале социальной дистанции дальше, чем выбор партнера по работе. Однако в определенных ситуациях для людей руководитель более значим (или ближе), чем партнер, что и следует из схемы взаимодействия Т. Парсонса.

Так, при выборе руководителя 52,6 % молодежи саха и 62,1 % русской молодежи, выбравшей стратегию интеграции, предпочли бы работать под руководством человека своей национальности (*табл. 11*). Для молодежи саха, избравшей стратегию сепарации, этот процент несколько выше — 60,4 %, в то время как у аналогичной группы русских респондентов он незначительно снизился — с 62,1 до 60 %. Представители данных групп (саха и русские), избравшие стратегии ассимиляции или маргинализации, продемонстрировали в целом более толерантное отношение к национальности предполагаемого руководителя.

Последний уровень социальной дистанции, на котором можно проследить реализацию выбираемых стратегий аккультурации, является структура власти: сотрудники органов власти и руководитель республики (*табл. 11*). Самым ярким противостоянием мнений стало представление респондентов о национальности руководителя Республики Саха

(Якутия). Так, 74,5 % саха, вошедших в группу сепаратистов, указали на то, что главой республики должен быть саха; это же мнение высказали 68 % саха из числа мультикультуралистов, 50,6 % — из числа выбравших стратегию ассимиляции, 51,6 % — маргиналов. Предпочли русского руководителя 66,7 % русских респондентов из числа русских сепаратистов, 53,2 % — из мультикультуралистов, 34,4 % — из ассимилирующихся и 23,1 % — из маргиналов.

Достаточно высок процент русских, кто оказался безразличен к этнической принадлежности руководителя республики: так ответили 31 % русских мультикультуралистов и 45,6 % сторонников ассимиляционной стратегии.

Данные о предпочтениях в отношении рядовых сотрудников власти свидетельствуют о несколько более равнодушном, чем при выборе руководителя республики, отношении респондентов к их национальности. Так, 60,4% саха и 60% русских с доминантной стратегией сепарации предпочитают выбирать сотрудников органов власти из своей этнической группы. Практически таким же был ответ русских мультикультуралистов — 56,2 %.

Для подтверждения полученных результатов в анкету был включен вопрос: «В какой мере для вас важно жить среди людей своей национальности?» (*табл. 12*). Ответ на него позволил более четко провести грань между теми, кто прошел путь психологической аккультурации и действительно интегрировался в поликультурное сообщество Республики Саха (Якутия), и теми кто, усвоив формально норму о ценности межкультурного взаимодействия, воспроизводит ее лишь в абстрактной ситуации и не реализует в конкретной.

Самый высокий процент желающих жить среди людей своей национальности (ответы «очень важно»), показали, как и ожидалось, респонденты, избравшие стратегию сепарации: 37,7 % саха и 40 % русских (*табл. 12*).

Но и среди тех, кто продекларировал себя как мультикультуралисты (интеграция) достаточное количество предпочитающих общество своей этнической группы (почти каждый третий — среди русских, каждый четвертый — среди саха), т. е. фактически это доля тех, кто в каких-то ситуациях предпочитает ограничивать круг своего межкультурного общения, возможно, в силу этностереотипов, а возможно, руководствуясь нежеланием осваивать инокультурные модели поведения.

С изменением доминантной стратегии аккультурации заметно сокращается доля сепаратистов — 60,9 % респондентов из группы «Прочие» выразили индифферентное отношение к этничности тех, с кем будут общаться. В этой связи интересна позиция респондентов из числа коренных малочисленных народов Севера, декларирующих

Мнение молодежи о характере межнациональных проблем, о желании жить среди людей своей национальности, %

Мнение о состоянии и характере межнациональных отношений и желание жить среди людей своей национальности		Стратегия этнокультурных групп							
		интеграция		ассимиляция		сепарация		маргинализация	
		саха	русские	саха	русские	саха	русские	саха	русские
Жить среди людей своей национальности	очень важно	23,1	31,0	11,2	11,1	37,7	40,0	0,0	0,0
	не очень важно	58,9	49,3	50,6	47,8	47,2	26,7	48,4	23,1
	не важно	17,8	18,2	38,2	41,1	14,2	33,3	51,6	76,9
Оценка межнациональных отношений	стабильные, без напряжения	54,8	26,1	46,5	26,7	55,7	13,3	45,2	23,1
	присутствует скрытое напряжение	38,0	52,7	44,7	53,3	37,7	46,7	45,2	61,5
	чувствуется сильное напряжение	3,8	19,2	5,9	16,7	4,7	40,0	9,7	15,4
Характер межнациональных проблем	не очень хорошо относятся к якутам	25,8	37,4	28,8	35,6	31,1	60,0	25,8	38,5
	не очень хорошо относятся к русским	13,2	59,1	21,8	48,9	12,3	46,7	25,8	61,5
	не очень хорошо относятся к КМНС	7,0	6,4	11,8	6,7	11,3	6,7	19,4	15,4
	проблем нет	51,1	17,2	39,4	20,0	40,6	6,7	35,5	23,1

ассимиляционную стратегию. Для них, как показывают данные, общение с представителями своей этнической группы большой важности не представляет. По всей вероятности, этот ответ связан с тем, что доля коренных малочисленных народов в общей численности населения Якутии незначительна, и в силу естественных причин они уже практически не стремятся жить только в среде своих.

Поскольку группы декларирующих мультикультурность при оценивании каких-то реальных ситуаций заметно сокращаются с завидной постоянностью, было выяснено, как оценивает молодежь состояние межнациональных отношений в пункте своего проживания (табл. 12). Самая большая доля (40 %) тех, кто ощущает сильное напряжение в межнациональных отношениях, среди русских респондентов группы «Сепарация» (напомним, что это выбравшие стратегию сохранения своей культуры и ограничения межкультурного взаимодействия). В группе избравших стратегию интеграции 55,6 % КМНС, 52,7 % русских и 38 % саха признают присутствие скрытого напряжения в межнациональных взаимоотношениях, а 19,2 % русских говорят о сильном напряжении. В группе, выбравшей преимущественно активное межкультурное взаимодействие даже в ущерб своей культуре (ассимиляция), количество респондентов, ответивших, что напряжения нет или что оно присутствует как скрытое, немного перераспределилось. Так, 53,3 % русских, 44,7 % саха, 37 % из группы «Прочие» и 36,4 %

КМНС ощущают скрытое напряжение, а 46,5 % саха, 45,5 % КМНС, 37 % «Прочих» и только 26,7 % русских высказались о том, что межнациональные отношения стабильные, без напряжения.

Для оценки характера ощущаемого респондентами напряжения в межнациональных отношениях был задан вопрос: «Как вы считаете, какие проблемы существуют в отношении к представителям разных национальностей в том населенном пункте, где вы проживаете сейчас?» (табл. 12). Межнациональные отношения оценивают как стабильные 51,1 % саха, избравших стратегию интеграции; остальные настроены не так радужно и у них этот показатель несколько ниже. Так, лишь 38,9 % представителей народов Севера, 27,4 % прочих народов, 26,1 % русских считают, что проблем нет. По мнению половины русских респондентов из групп со стратегиями интеграции и ассимиляции (59,1 и 48,9 % соответственно), к ним не очень хорошо относятся. Народы Севера с ассимиляционной стратегией считают, что в их местах проживания не очень хорошо относятся к якутам (54,5 %).

Наиболее интересным результатом проведенного опроса является тот факт, что 60 % респондентов русской национальности из числа декларирующих себя как сепаратисты отметили случаи проявления не очень хорошего отношения к саха в населенном пункте, где они сейчас проживают. Этот факт позволяет высказать предположение о том, что модель Камилъери по выявлению домини-

нантной стратегии аккультурации основывается не только на приоритетности этнической или гражданской самоидентификации, но и, по всей вероятности, обусловлена индивидуальными психологическими особенностями респондентов, в т. ч. характеристиками коммуникабельности. В этой связи теория Т. Парсонса, учитывающая при анализе социального взаимодействия следующие факторы — деятеля, «другого», нормы, ценности и восприятие деятелем ситуации — является более состоятельной при определении доминантной стратегии аккультурации.

Характеристика же реальной ситуации и существования, по восприятию респондентов, проблем межнациональных отношений в регионах Якутии, во многом зависит от типа этнической самоидентификации отвечавших. Так, 61,5 % русских респондентов из числа маргиналов ощущают скрытое негативное отношение к своей этнической группе; этот же факт подчеркнули 59,1 % русских мультикультураллистов, 48,9 % из числа русской ассимилирующейся молодежи и 46,7 % русских из числа сепаратистов. На существование проблем межнационального характера в отношении русского населения указала и молодежь из группы «Прочие» (33,9 % от числа выбравших стратегию интеграции, 28,3 % — стратегию ассимиляции), а также 21,8 % саха из группы молодежи, избравшей стратегию ассимиляции.

Таким образом, по оценке характера межнациональных отношений можно сделать вывод о том, что и русской молодежью, и молодежью саха ощущается скрытое напряжение в межнациональных отношениях. В то же время растет степень восприятия существования проблем у представителей другого этноса, оказывающихся в поле межэтнического взаимодействия. Одним из факторов формирования толерантного отношения к представителям других этнических групп является формирование личности в этнически смешанной семье. Поскольку этническая картина региона с 1990-х гг. несколько изменилась в основном за счет оттока славянского населения, а также привлечения дешевой рабочей силы из стран СНГ и Китая, то создание этнически смешанных браков является уже не такой редкостью.

По данным Д. Г. Брагиной, до конца 1950-х гг. среди смешанных браков преобладали браки, где муж — якут, а жена — русская. С 1970-х гг. мужчины-якуты стали реже жениться на русских женщинах, а женщины-якутки, напротив, стали чаще выходить замуж как за русских мужчин, так и за лиц других национальностей. В частности, возрастает число браков с эвенками и эвенками. Различия в уровнях образования, ценностных ориентациях мужчин и женщин из числа коренных малочисленных наро-

дов Севера приводят к тому, что более 80 % женщин в возрасте до 40 лет с высшим и средним специальным образованием либо не замужем, либо состоят в национально-смешанных, гетерогенных браках. В некоторых поселениях смешанные браки женщин-северянок достигают 90 % и более²³⁷.

По мнению ряда исследователей, одной из причин увеличения числа межэтнических браков является распространение процесса обмена статусами, когда, например, мужчина из «не престижной» этнической или расовой группы, добившись относительно высокого экономического, образовательного или профессионального статуса, вступает в брак с женщиной из «престижной» этнической группы, но с более низким социальным статусом²³⁸.

Косвенно о количестве смешанных браков можно сказать по данным о рождении детей, у которых отец другой национальности. Доля таких детей у всех народов в среднем, живущих в Республике Саха (Якутия), увеличилась с 22,7 % в 1990 г. до 32,9 % в 2005 г. от числа всех родившихся. Увеличение доли рожденных детей, у которых отец другой национальности, составляло в 2005 г. у русских — 39,4 % и у якутов — 28,5 %²³⁹.

Эти данные показывают, что вопрос о рассмотрении адаптационного потенциала этнически смешанных и этнически однородных семей актуален.

По данным опроса, из общего количества участвующих в опросе (1660 респондентов) было выявлено 283 респондента, у которых родители состоят (ли) в этнически смешанном браке (табл. 12). Как отмечают Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижина, А. А. Сусоколов, в новых социально-политических и экономических условиях вчерашние мигранты начинают искать психологическую, деловую опору в поддержании или возобновлении внутриэтнических межличностных связей. Закономерность такова, что первое поколение стремится еще сохранить этническую культуру и идентичность, второе (дети мигрантов) тяготеет к отказу от культуры предков и восприятию культуры доминирующего большинства, третье же поколение (внуки) нередко стремится к обретению прежней идентичности, не теряя, однако, при этом и вновь приобретенной. Этим в какой-то мере можно объяснить неоднозначное отношение детей и их родителей, высказывающих свое мнение по поводу выбора супруга(и) другой национальности.

Для большинства респондентов знание культуры и языка стало определяющим для отражения смысла понятия «национальная принадлежность». И, возможно, на формирование индифферентного отношения к значимости этнической идентификации у коренных народов Севера влияет именно плохое владение молодежью языком и недостаточное знание своей культуры, что на морально-этическом

уровне не позволяет им в полной мере быть удовлетворенными своей национальной принадлежностью. В то же время необходимо отметить высокий процент русских респондентов, рожденных в моноэтническом браке и считающих, что для современных процессов трансформации российского общества осознание человеком своей национальной принадлежности, знание национального языка и культуры особого значения не имеет — 23,3 %. Более высоким показателем оказался результат группы «Прочие». По всей вероятности, для потомков детей, рожденных в смешанных браках и не являющихся представителями титульного этноса, коренных малочисленных народов Севера и пока еще многочисленного русского населения в Якутии тип участия в аккультурационных процессах можно определить не как интеграционный, а скорее как ассимиляционный. Одним из признаков усиливающихся ассимиляционных процессов является утрата своего языка. Для оценивания степени значимости владения родным языком был задан отдельный вопрос: «Насколько значимо для вас разговаривать на языке своей национальности?» (табл. 13).

Как видно, наивысшую степень значимости возможности разговаривать на родном языке про-

демонстрировали русские респонденты — 64,6 % из этнически однородных семей и 43,6 % из смешанных семей. Для сравнения группа респондентов якутской национальности имеет следующие показатели — 35,7 и 24,7 % соответственно. Еще меньший результат продемонстрировали представители коренных малочисленных народов Севера, что также подтверждает вывод о влиянии степени владения родным языком на этническую самоидентификацию.

Связано ли так ярко продемонстрированное русскими желание говорить на родном языке с социально-политической ситуацией в регионе? Не является ли этого своего рода отражением идеи русификации местного населения? По всей вероятности, необходимость в общении на родном языке, высказанная респондентами русской национальности, обусловлена увеличением численности городских якутов из числа сельских мигрантов, которые имеют языковые проблемы при общении с представителями не своей этнической группы, и в первые годы адаптации в городских условиях предпочитают общаться на родном языке, независимо от знания этого языка людьми, находящимися в их окружении.

Таблица 13

Распределение ответов молодежи на вопрос о значимости возможности разговаривать на языке своей национальности, %

Тип брака родителей	Национальность респондента	Разговаривать на языке своей национальности		
		очень важно	не очень важно	не важно
Этнически однородный брак	саха (якуты)	35,7	48,4	15,9
	русские	64,6	22,8	12,6
	народы Севера	18,2	27,3	54,5
	прочие	22,6	48,4	29,0
Этнически смешанный брак	саха (якуты)	24,7	49,4	26,0
	русские	43,6	35,9	20,5
	народы Севера	20,0	52,5	27,5
	прочие	12,0	55,4	32,5

Выявление доминирующих стратегий аккультурации показало также, что тип брака родителей имеет значительное влияние. Так, если из числа русских, рожденных в этнически однородном браке, выбрали ассимиляционную стратегию только 23,6 %, то для русских из этнически смешанных браков эта цифра уже увеличилась до 37 %. Подобная взаимообусловленность наблюдается и у молодежи саха и группы «Прочие». Хотелось бы отметить, что для последней группы молодежи из этнически смешанных семей вообще характерна ассимиляционная стратегия, как вторая по частоте встречаемости.

В то же время для молодежи народов Севера из числа этнически смешанных браков более характерно избрание стратегии интеграции, в то время как 45,5 % молодежи из числа этнически однородных семей выбрала ассимиляционную стратегию. Рассмотрим, как влияют выбранные стратегии на уровень психологической адаптации молодежи (табл. 14). Все респонденты были разделены по степени их позитивного отношения к настоящему и будущему на три группы: хорошо, средне и плохо адаптированных. Для последней группы более характерны заострение внимания на негативных моментах, более частое обнаружение труднопре-

долимым проблем, пессимизм в отношении своего настоящего и будущего.

Большее количество плохо адаптированных оказалось в группе «Прочие». В то же время для молодежи данной группы, рожденной в этнически однородном браке, характерен и самый высокий показатель адаптированных — 54,8 %.

Таким образом, можно предположить, что сохранение своих этнокультурных особенностей в рамках этнически однородной семьи будет оказывать положительное влияние на адаптационные навыки детей даже в иноэтничной среде. Для молодежи якутской национальности, рожденной в этнически однородном браке, также характерен высокий пока-

Таблица 14

Результат адаптации респондентов, %

Тип брака родителей	Национальность респондента	Качество адаптации		
		хорошо адаптирован	средне адаптирован	плохо адаптирован
Этнически однородный брак	саха (якуты)	41,0	37,2	21,9
	русские	42,8	37,0	20,2
	народы Севера	45,5	36,4	18,2
	прочие	54,8	19,4	25,8
Этнически смешанный брак	саха (якуты)	28,9	50,0	21,1
	русские	39,7	33,3	26,9
	народы Севера	40,0	35,0	25,0
	прочие	44,6	25,3	30,1

затель хорошо адаптированных — 41 %, в то время как для потомков этнически смешанных браков этот показатель несколько ниже — 28,9 %. Однако если рассматривать показатель средне и хорошо адаптированных в совокупности, то результаты практически не отличаются. Небольшие расхождения продемонстрировала русская молодежь, поскольку отличие между потомками этнически однородных и этнически смешанных семей все-таки очевидны. Та же тенденция характерна и для молодежи из числа коренных малочисленных народов. В целом можно отметить, что респонденты продемонстрировали довольно высокие показатели психологической адаптированности к условиям трансформации жизни в городской среде.

Важно рассмотреть и еще один показатель адаптированности — миграционные намерения, связанные с возможным выездом за пределы

Якутии (табл. 15). Эти намерения можно рассматривать, с одной стороны, как показатель уверенности молодежи в своих способностях приспособиться в иной среде, на новом месте, что отражает их представления о своих адаптационных возможностях, с другой стороны — как свидетельство не очень удачной адаптационной ситуации в данном городе для индивида. Именно с этими обстоятельствами могут возникать и укрепляться миграционные намерения. Так, на вопрос о потенциальном желании уехать из Якутии для временного или постоянного проживания в России или даже за рубежом положительно ответили 50 % молодежи из группы «Прочие», представляющие этнически однородные семьи. В то же время такой ответ дали лишь 38,1 % из данной группы, но уже представляющей молодежь из этнически смешанных браков.

Таблица 15

Миграционные намерения учащейся молодежи, %

Тип брака родителей	Национальность респондента	Хотели бы вы уехать из Якутии после окончания учебного заведения?	
		нет	да
Этнически однородный брак	саха (якуты)	88,3	11,7
	русские	55,5	44,5
	народы Севера	81,8	18,2
	прочие	50,0	50,0

Тип брака родителей	Национальность респондента	Хотели бы вы уехать из Якутии после окончания учебного заведения?	
		нет	да
Этнически смешанный брак	саха (якуты)	82,7	17,3
	русские	58,2	41,8
	народы Севера	79,5	20,5
	прочие	61,9	38,1

Потребность к переезду высказали также 44,5 % русских из числа этнически однородных браков, а также 41,8 % из этнически смешанных, что скорее свидетельствует о существовании некоего общего настроения славянских этносов, проживающих на территории северных регионов. Для представителей титульного этноса и коренных малочисленных народов Севера в меньшей степени характерно стремление к смене места проживания. Однако небольшую разницу между количеством высказавшей свое миграционное намерение молодежи из числа этнически смешанных и однородных семей все же стоит отметить. Данный факт свидетельствует, что тип брака родителей будет иметь влияние как на выбор аккультурационной стратегии, так и на уровень психологической адаптации личности, что может проявиться и в формировании ее миграционных намерений.

Таким образом, полученные материалы социологического и социально-психологического опроса молодежи в Республике Саха (Якутия) позволили сделать вывод о том, что потомки этнически смешанных браков обладают более высокой миграционной подвижностью, тяготеют к осуществлению ассимиляционной стратегии аккультурации, что повышает уровень их адаптационных навыков.

В то же время необходимо отметить латентную бинарность этнической идентификации данных респондентов, обуславливающую снижение значимости воспроизведения какой-то определенной модели этнической культуры. Для молодежи из этнически смешанных семей, избравших в качестве основной аккультурационной стратегии интеграцию, более характерно воспроизведение определенной этнокультурной модели поведения с проявлением уважения и познавательного интереса к культуре окружающих этносов, что позитивно влияет на их адаптационный потенциал.

***

Анализ проблем социокультурной адаптации студенческой молодежи в Якутске, обусловленной трансформацией этнической и социальной структуры населения, различиями в социально-

экономическом положении студентов, позволил сделать вывод о том, что существующие традиционные модели социокультурной адаптации студенческой молодежи к условиям проживания в Якутске оказались недостаточно эффективными в ситуации новой социальной реальности, что породило многообразные формы дезадаптации личности (таких как anomia, повышенная конфликтность, проблемы с трудоустройством, высокая миграционная подвижность, внутриличностные конфликты, инфантилизм, патерналистские настроения и пр.).

Применение теорий Дж. Берри и Камилери к анализу декларируемого и реализуемого выбора аккультурационных стратегий студенческой молодежью показало, что предпочтение личностью того или иного типа аккультурации во многом определяется ценностно-нормативной системой, которая обусловлена этносоциокультурной средой формирования индивида.

Изучение причин формирования дезадаптивного поведения личности актуализировало разработку интегральной системы субъективных и объективных факторов социокультурной адаптации молодежи Севера в условиях трансформаций современного городского социума. Наиболее важными из них являются следующие объективные факторы:

- 1) микросреда: семья (ценности и их влияние на процесс воспитания подрастающего поколения, определение типа взаимодействия поколений, формирование навыков ролевого поведения, позитивность психоэмоционального фона) и ближнее окружение (состав, система ценностей, особенности взаимоотношений со сверстниками, учителями и преподавателями, возможности эмоциональной самореализации);
- 2) мезосреда: этнокультурные ценности социума, обуславливающие самоидентификацию молодежи и выбор ею аккультурационных стратегий;
- 3) мегасреда: система ценностей общества, которая транслируется через СМИ, система образования, формирование рынка труда, осуществление экономических и политических реформ.

Конкретный анализ субъективных факторов социокультурной адаптации студентов показал, что доминирующими из них являются система ценностей и психоэмоциональная установка личности, обуславливающие процесс самоидентификации и выбор стратегии адаптации.

Выявлено, что одним из механизмов снятия существующих противоречий этнокультурных тра-

диций и социокультурных новаций, особенно в процессе социокультурной адаптации студентов коренных малочисленных народов Севера к городской среде, является социокультурный неотрадиционализм, который строится в т. ч. и на основе либерализации нравственно-этических критериев для оценки личностного поведения, взаимодействия в семейно-брачной сфере и социуме.

Хаховская Л. Н.

АДАПТАЦИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ В XX в.

В настоящее время большое внимание уделяется изучению этнокультурных, экономических и социальных трансформаций у коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Внимание к этой теме обусловлено осознанием важности изучения специфики этнической культуры аборигенных народов, особенностей ее эволюции в периоды, когда происходила смена политических и социально-экономических основ устройства общества. В данной работе рассматривается эволюция коренных народов Магаданской обл., прослеживается динамика этнической картины края, трансформации аборигенного хозяйствования, изменения в системе жизнеобеспечения и занятости.

Динамика численности и расселения

На территории будущей Магаданской обл. (в ее современных границах) к началу XX в. кочевали не менее 3,5 тыс. тунгусоязычных оленеводов. Юкагиры (не более 200 чел.) кочевали в бассейнах р. Нелемная, Ясачная и Коркодон. Численность кочевых коряков, осваивавших п-ов Тайгонос, междуречье Вархалама и Пенжины, а также бассейн р. Гижига, составляла не менее 750 чел. Якуты, проживавшие в районе Верхней Колымы, насчитывали примерно 500 чел. В 1910–1920-х гг. состоялась миграция якутов на Охотском побережье с целью заработка на извозе и рыбных промыслах. Численность их не превышала 150 чел. Старожильческое русскоязычное население со смешанными этническими корнями (будущие камчадалы) составляли основное население с. Тауйск, Армань, Ола, Ямск и Гижига, их число достигало 1,3 тыс. чел.²⁴⁰

В целом, согласно имеющимся данным, в начале XX в. в регионе проживали до 6,5 тыс. жителей, из них примерно 4,5 тыс. составляли кочевники-олeneводы. На протяжении первой четверти XX в. на охотско-колымских территориях, позднее во-

шедших в состав Магаданской обл., ареал проживания и хозяйственного освоения коренных жителей практически не изменился, численность аборигенного населения в регионе в первоначальный советский период оставалась на уровне начала века.

В 1930–1940-х гг. на рассматриваемой территории, в основном вошедшей в сферу деятельности треста «Дальстрой», происходит снижение численности аборигенов, однако динамика численности отдельных этносов была неодинакова (табл. 16).

Таблица 16

**Динамика численности коренных жителей
Охотско-Колымского края²⁴¹**

Этническая принадлежность	Численность на начало года, чел.			
	1932	1936	1944	1949
Эвены	3523	3612	2139	1888
Камчадалы	1057	514	784	741
Якуты	784	631	592	541
Юкагиры	136	150	175	141
Итого	5500	4907	3690	3311

Численность эвенов, устойчивая в 1930-х гг., в следующем десятилетии резко уменьшается. Связано это в первую очередь с коллективизацией оленеводческих хозяйств. В этот период у части оленеводов имели место вынужденные миграции в глухие места, а также на территорию соседней Якутии с целью избежать коллективизации. Для большей части эвенов в рассматриваемый период характерной являлась передислокация населения и тяготение его к приморской зоне, а не к глубинным колымским районам, что было связано с оживлением экономики на Охотском побережье.

Резкое (более чем в 2 раза) уменьшение численности камчадалов в первой половине 1930-х гг. объясняется прежде всего выпадением из учета жителей селения Гижига, а также переменной этнической идентичности. Метисированные жители Охотского побережья проживали в тех же населенных пунктах, однако уже не являлись их преобладающим населением. Для камчадалов уже в это время становятся характерными браки с пришлым населением и активное восприятие российской культуры в ее советском варианте, что повлекло перемену самосознания. Поэтому численность этнической группы с конца 1940-х гг. имела тенденцию к снижению. Незначительное уменьшение числа якутов происходило вследствие тяготения верхнеколымской группировки к основному этносу и переселения в смежные районы автономной республики. У юкагиров, напротив, наблюдалась положительная динамика. Уменьшение численности юкагиров во второй половине 1940-х гг. произошло вследствие переселения части жителей ликвидированного поселения Коркодон на территорию соседней Якутии. Кроме того, переписью 1939 г. в границах современной Магаданской области учтены 1092 коряка-оленевода, которые осваивали правобережье р. Гижиги, верховья р. Омолон, п-ов Тайгонос²⁴².

Во второй половине 1930-х гг. начала осуществляться прогрессивная с точки зрения советской администрации политика перевода кочевников на оседлый образ жизни. Основой создания оленеводческих колхозов становились так называемые

национальные центры: некоторые из них представляли собой традиционные оседлые поселения, где предполагалось выстроить дома для оседающих кочевников, другие прежде являлись местами их сезонного проживания. До конца десятилетия перевод оленеводов на оседлость шел медленно, однако после передачи руководства национальными колхозами непосредственно «Дальстрою» административный пресс в отношении аборигенов усиливается, социальные и этнокультурные перемены в жизни оленеводческих народов региона активизируются²⁴³. В целом адаптация коренного населения в период первоначальных советских преобразований происходила болезненно и с большими социальными затратами. У кочевников переход к жизни в поселках зачастую приводил к негативным последствиям. Жилищная ситуация у аборигенов в период 1930-х — начала 1950-х гг. оценивается специалистами как сложная, однако не следует выпускать из виду, что примерно такие же жилищные трудности отмечались на ряде приисков, в поселках геологоразведчиков, т. е. у так называемого пришлого населения.

С 1950-х гг. численность коренного населения имеет тенденцию к возрастанию, однако существенной ее чертой является волнообразная динамика (табл. 17). Основными факторами, влияющими на эти «волны жизни», является, во-первых, демографическое поведение аборигенов и, во-вторых, процессы этнической идентификации, проходящие как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Таблица 17

Динамика численности КМНС в Магаданской обл. (в границах 1992–2002 гг.)²⁴⁴

Наименование КМНС	Численность, чел. (на момент проведения переписей)				
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Эвены	1960	2219	2105	2433	2527
Коряки	617	757	710	918	888
Чукчи	127	623	655	649	248
Орочи	—	107	125	36	126
Юкагиры	31	40	55	68	79
Ительмены	Не учитыв.	Не учитыв.	Не учитыв.	370	643
Чуванцы	Не учитыв.	Не учитыв.	Не учитыв.	41	39
Камчадалы	Не учитыв.	Не учитыв.	Не учитыв.	Не учитыв.	314
Якуты (ессейские)	710	905	768	643	469
Другие	—	175	274	347	133
Итого	3445	4826	4692	5505	5466

Миграционная активность этносов сильно различается. Если эвены и в особенности коряки в большей степени ориентированы на постоянное проживание в регионе, то этого нельзя сказать по отношению к камчадалам/ительменам, якутам и тем представителям КМНС, которые входят в рубрику «Другие». Эта часть аборигенов достаточно мобильна. К тому же социально-экономические потрясения последних десятилетий вызвали «демографический резонанс» в форме массовых выездов с северных территорий не только у так называемых пришлых жителей, но и у той части населения, которую принято относить к аборигенам. Нельзя, например, сомневаться в том, что представители нехарактерных для области коренных этносов поспешили покинуть ее территорию в 1990-х гг., чем и вызвано зафиксированное их уменьшение.

Другой важный момент связан с административно-территориальной реформой 1992 г., влияние которой обычно во внимание не принимается. Между тем отделение Чукотки заметным образом сказалось на динамике численности этносов, а именно чукчей, численность которых уменьшилась более чем в 2,5 раза. Опять же не приходится сомневаться, что разрыв экономических связей заставил многих представителей этого этноса вернуться на свою малую родину.

Далее весьма существенное и неоднозначное влияние на количественные показатели оказывает процедура идентификации по этническому признаку. Из номинаций, представленных в рассматриваемом регионе, относительно свободными от административно контролируемой процессуальности в XX в. следует признать лишь коряков, чукчей и юкагиров. Другие же этносы и этнические группы испытали на себе перипетии нормотворчества властей в сфере этнонимии. Так, номенклатурная перемена идентичности тунгусоязычного и метисированного обруселого населения привела к существованию «параллельных» этнических рубрик (эвены/орочи/ламуты; камчадалы/ительмены), официальное «признание» целого ряда подразделений еще больше усложнило этническую картину в крае и повлияло на учетные данные. Так, если рост численности аборигенов в период между переписями 1959 и 1970 г. шел «внутри» уже существовавших этнических позиций, то на следующем «позитивном» этапе (между переписями 1979 и 1989 г.) увеличение состоялось, в т. ч. и за счет появления таких номинаций, как чуванцы и ительмены (из общего прироста в 813 чел. эти группы дали 411 чел., т. е. более 50 %).

Наконец, необходимо иметь в виду и вариативность индивидуального самоотнесения аборигенов. И рост, и снижение численности этносов и этнических групп не в последнюю очередь зависят от

некоей «пульсации» индивидуальной этничности, которая часто бывает обусловлена не только личными, но и внешними обстоятельствами. Так, прословутый рост национального самосознания второй половины 1980-х гг., несомненно, сказался на статистических данных. В целом же можно видеть, что флуктуация численности аборигенов — явление сложное, контролируемое многими факторами, и часто встречающиеся риторические высказывания о том, что коренные народы вымирают, являются неверными. Анализ динамики численности коренных жителей Магаданской обл. позволяет сделать вывод о том, что произошла определенная ее стабилизация, достигнутая как за счет естественного движения населения, так и за счет внедемографических причин, или даже вопреки демографии. Речь в последнем случае идет о высоком уровне физической ассимиляции с окружающим населением, активно протекающей по крайней мере с 1960-х гг.

По данным демографов, в настоящее время у 80–90 % аборигенов региона отцы имеют некоренную этническую принадлежность. К сожалению, в литературе, посвященной проблемам аборигенов, крайне мало значения придается тому факту, что уже с середины 1930-х гг. магаданские аборигены стали составлять лишь небольшую часть населения региона. К началу XXI в. их доля в общей массе жителей области составила примерно 3,5 %.

На самом же деле, несмотря на распространенность межэтнических браков, коренные жители не только не подверглись растворению в преобладающем населении, как это можно было бы ожидать в сложившейся ситуации, но, напротив, статистически стабилизировались. Причина, как это многократно отмечено в этнографической литературе, заключается в том, что родители «удерживают» за детьми-метисами коренную принадлежность. Такие стратегии, чем бы они ни диктовались, ведут к стабилизации или даже увеличению коренных этносов, живущих в Магаданской обл., и, кроме того, компенсируют численные потери этносов, происходящие из-за уменьшения рождаемости и миграций за пределы области.

Расселение коренных жителей по районам Магаданской обл. во второй половине XX в. не претерпело существенных изменений. Основным субрегионом проживания коряков был и остается Северо-Эвенский р-н. Понемногу, но все же представители данного этноса переезжали и переезжают в областной центр, немного их живет в Ольском р-не. Эвены населяют практически все районы области, но больше всего их в Ольском и Северо-Эвенском р-нах. В последние годы на третью позицию по численности эвенов вышел Магадан, что говорит об интенсивном их переселении в областной центр. Основным местопребыванием юкагиров

остаются Среднеканский р-н, проживают они в Магадане. Представители таких этнических подразделений, как неучитывавшиеся прежде камчадалы/ительмены, якуты, также концентрируются в центрах тех районов, где расселялись традиционно, и в областном центре.

Гораздо более существенные сдвиги происходили внутри районов. Важной тенденцией в районах проживания коренных малочисленных народов Севера стало преимущественное развитие районных центров в ущерб национальным селам, которые так и оставались малочисленными и неблагоустроенными. Попытки модернизировать их даже в условиях дотационной северной экономики советского периода привели лишь к частичным улучшениям. С 1960-х гг., как следствие укрупнения хозяйств и концентрации производства на центральных усадьбах колхозов, мелкие населенные пункты начинают постепенно опустевать. Следует отметить, что эти процессы шли не только в результате целенаправленной государственной политики, но и отражали стремление самих аборигенов иметь более широкий спектр социальных возможностей — доступ к образованию, медицинскому обслуживанию, трудовой занятости. Особенно это процесс усилился в период экономических реформ.

В последние десятилетия на расселение аборигенов оказывают влияние такие общие факторы, как стагнация экономики, ликвидация большинства сельскохозяйственных предприятий, в т. ч. оленеводческих, закрытие ряда мелких населенных пунктов. Отток аборигенного населения из области незначителен, миграции в основном носят внутриобластной характер, при котором происходит перераспределение населения в пользу районов и поселений с более развитой инфраструктурой и транспортной сетью. География современного проживания магаданских аборигенов характеризуется локализацией большей их части в приморской зоне.

Согласно данным на начало 2008 г., здесь проживает 81 % аборигенов, из них в областном центре — 27,9 %. Из восьми районов области местами преимущественного проживания аборигенов являются два — Ольский и Северо-Эвенский, а также Магадан. В двух районах — Среднеканском и Омсукчанском проживает около 300 аборигенов (в каждом). В остальных районах численность коренных жителей незначительна, за исключением Хасынского р-на, куда аборигены активно переселяются из-за его близости к областному центру²⁴⁵.

Для коренных народов Магаданской обл. характерно этнодисперсное проживание в преобладающем иноэтническом окружающем обществе. Границы между этническими общностями, про-

живающими в Магаданской обл., размыты. Динамика расселения представителей различных этносов характеризуется возрастанием дисперсности, неуклонным процессом урбанизации населения. Межэтнические контакты у коренных жителей преобладают над внутриэтническими, а это является ключевым фактором их этнокультурного развития.

Трансформации в системе природопользования

Аборигенная экономика основывалась на традиционных отраслях, основными из которых являлись оленеводство, рыболовство, охотничий и морской зверобойный промысел. Исторически на рассматриваемой территории оказались представленными два типа ведения оленеводства. Хозяйство эвенов было в основном комплексным, оленеводство в нем подчинялось нуждам других отраслей — мясной и пушной охоты. Крупностадное оленеводство в пределах рассматриваемого региона практиковали гижигинские, пареньские и тайгоносские коряки, а также контактировавшие с ними эвены.

До начала 1930-х гг. взаимоотношения органов власти с местным населением базировалось на экономических принципах, в основу которых была заложена концепция кооперирования. В ходе коллективизации (1930-е — первая половина 1940-х гг.) в регионе была создана социалистическая колхозно-совхозная система хозяйствования, которая характеризовалась директивными методами управления. Большинство оленеводов оказалось вовлеченным в общественное аграрное производство, утратило значительную часть собственности, перешло на оседлый или близкий к оседлому образ жизни. Традиционное общество испытало модернизационные процессы, вызванные социалистическим реформированием экономики. Социалистические преобразования оленеводческих хозяйств были нацелены на внедрение более рациональной техники выпаса: разделение труда, укрупнение стад, сокращение числа кочевков, выпас оленей в течение всего года с выделением постоянных пастухов, освобожденных от занятий рыболовством и охотой. Были приняты меры к ликвидации маломощных, карликовых коллективных хозяйств путем слияния их с экономически более развитыми.

В начале 1940-х гг. рыболовецкие и оленеводческие хозяйства объединяются (в 1940-х гг. 11 колхозов из 21 занимались оленеводством в сочетании с рыболовством). К середине 1940-х гг. коллективизация кочевников была в основном завершена, и дальнейшее увеличение числа животных уже шло на собственной основе. За так называемый дальстроевский период (до 1953 г.) численность

обобществленных животных в колхозах выросла во много раз (в Ольском р-не — в 4 раза, в Северо-Эвенском — в 11, в Среднеканском — в 24). Кроме того, порядка 30 тыс. голов продолжало находиться в совхозах «Дальстроя»²⁴⁶.

В 1950–1960-х гг. продукция оленеводства играла весомую роль в продовольственном обеспечении жителей региона, однако с 1970-х гг. на первый план выдвигаются альтернативные животноводческие отрасли. Перемена экономических приоритетов сыграла значимую роль в уменьшении поголовья домашних оленей (рис. 1). Кроме того, резкий рост затрат в 1970–1980-х гг. в связи с начавшимся процессом механизации привел к фактической убыточности отрасли. Развитие горной промышленности и выведение из оборота оленьих пастбищ также негативно сказались на положении дел в оленеводстве. Однако определяющим в характере дальнейшего развития отрасли стал человеческий фактор. На рубеже 1960–1970-х гг. произошел разрыв связи поколений оленеводческих народов, в значительной мере ускоривший упадок оленеводческой отрасли²⁴⁷.

За советское время оленепоголовье увеличилось более чем в 3 раза, тогда как возрастание численности традиционно оленеводческих народов было крайне незначительным. В отрасли, постоянно ощущавшей кадровый голод, люди были вынуждены работать с большим напряжением сил, которое далеко не в полной мере компенсировалось заработной платой. Оленеводство развивалось в производственном плане, оснащалось технически, а уклад жизни и быт оленеводов на многие десятилетия оказались законсервированными в виде своеобразного сочетания архаичных и модернизированных элементов. В сохранявшихся оленеводческих хозяйствах накапливалась социальная и культурная архаика, что, с одной стороны, законсервировало многие традиционные черты производства и быта, с другой — препятствовало социальной мобильности аборигенов.

Немаловажно, что постоянное стимулирование повышения эффективности производства в оленеводческих хозяйствах шло вразрез с этнокультурными навыками и традициями оленеводческих народов. Однако, с другой стороны, следует учитывать тот факт, что если бы развитие оленеводства не форсировалось государством, то его крах произошел бы гораздо раньше. Несмотря на существенные издержки социалистического способа хозяйствования, оленеводческие хозяйства области обеспечивали постоянную трудовую занятость значительной части коренного населения (эвенов и коряков), а также, по сути, сохраняли их традиционную культуру, поскольку именно оленеводческая среда в советское время являлась

«консерватором» этнических признаков (язык, материальная культура и т. д.), быстро утрачиваемых коренными жителями при занятости в других хозяйственных сферах, что и показал переход к рыночной экономике.

Распад общественного производства колхозно-совхозного типа и возврат к частному хозяйствованию оказались для магаданского оленеводства угрожающими самому существованию данной отрасли. Дотационность, а в некоторых субрегионах и депрессивность экономики не позволяли осуществлять весомую поддержку оленеводов-частников. Реформирование организационных форм в оленеводстве и передача животных в частные руки привели к резкому снижению, а впоследствии и исчезновению поголовья во многих районах области. К настоящему времени основное поголовье сохраняется в Северо-Эвенском р-не благодаря муниципальной (т. е., по сути, той же коллективизации). Положение дел в отрасли несколько стабилизировалось, хотя негативные тенденции время от времени проявляются (рис. 2).

Кроме того, небольшие стада животных — осколки крупного совхозного поголовья — выпасаются в частных хозяйствах (родовых общинах) Среднеканского р-на. Однако самостоятельное ведение хозяйства не обеспечивает сколько-нибудь стабильное социально-экономическое положение общинников. Численность поголовья в общинах является нестабильной (табл. 18). Поэтому частное оленеводство — это в основном удел тех, кто имеет уже постоянный источник дохода (пенсионеры) и их родственники.

Таблица 18

Численность оленепоголовья Среднеканского р-на Магаданской обл. в постперестроечный период²⁴⁸

Наименование родовых общин	Численность домашних оленей на начало года, тыс. голов		
	2004	2006	2008
Рассоха	894	975	890
Алы-Юрях	1000	1519	948
Каньон	410	557	800
Итого	2304	3051	2638

В настоящее время оленеводство в Магаданской обл. утратило экономическое значение и, по сути, сохраняется как некий этнографический памятник, обеспечивающий трудовую занятость и традиционный образ жизни лишь малой части коренных жителей.

Совсем иначе обстоит дело с рыболовецкой отраслью. Добыча рыбы вплоть до начала XX в. велась

только для потребления внутри хозяйства. Значение рыболовства резко возросло в начале XX в., когда аборигенное хозяйство стало вовлекаться в сферу рыночных отношений. На Охотском побережье появляются иностранные и отечественные рыбопромышленники, открываются рыбоприемные пункты.

Во второй половине 1920-х гг., в период нэпа, в регионе активно развивалось промышленное рыболовство, организуемое предпринимателями-частниками на условиях аренды, а также индивидуальный пушной промысел и извоз. Промышленное рыболовство в первоначальный советский период составляло главный заработок всех оседлых и значительной части кочевых жителей рассматриваемого региона²⁴⁹. Основным этносом, занимавшимся рыбодобычей, были камчадалы. Вместе с тем активно занялись выловом рыбы лососевых пород и якуты-мигранты, первоначально прибывавшие в край для занятий извозом. Большой интерес к товарной рыбодобыче стали проявлять и кочевники, что явилось следствием кризиса оленеводческих хозяйств из-за уменьшения поголовья домашних оленей. Адаптация эвенов-кочевников к изменившимся условиям заключалась в их активном включении в рыбодобычу, позднее (с 1930-е гг.) — занятии каюрным извозом на оленях. Оленеводы-коряки, в отличие от эвенов, в меньшей степени были вовлечены в товарную рыбодобычу, их крупностадное оленеводческое хозяйство носило замкнутый натуральный характер.

Быстрое развитие рыбодобычи негативно сказывалось на состоянии оленеводства, и, если бы рыночная экономика в этот период не была свернута, можно прогнозировать, что «олень был бы съеден лососем». В начале 1930-х гг., с окончанием периода нэпа, в Охотско-Колымском крае идет инициированное государством реформирование аборигенной экономики путем объединения индивидуальных хозяйств и последующего их включения в государственный аграрный сектор. Большинство артелей, которые оформились в регионе в этот период, были рыболовецкими. Наряду с коллективным рыболовством оседлые жители продолжали и индивидуальные занятия: извоз на собачьих упряжках, меновую торговлю с оленеводами, охоту и др. С 1934 г. на базе национальных колхозов Ольского и Северо-Эвенского р-нов шло становление рыбной промышленности в Охотско-Колымском крае. Развитию рыболовства, морского зверобойного и пушного промысла органы власти в 1930–1940-х гг. уделяют первоочередное внимание. В 1940–1950-х гг. рыболовство было ведущей отраслью колхозов прибрежных районов Охотско-Колымского края²⁵⁰.

Постановлением правительства СССР № 300 от 16.03.1957 г. оленеводство было определено основной сферой занятости коренного населения. Это было верно для многих районов Чукотки и Камчатки, тогда как в Магаданской обл. ситуация к тому времени сложилась иная: значительная часть аборигенов уже работала в других отраслях. К тому же более выгодным для многих хозяйств региона было развитие рыболовства, а не оленеводства, что в дальнейшем и показали рыночные отношения. Однако экономическая эффективность отступила перед идеологической установкой. В начале 1960-х гг. для поднятия эффективности рыбодобычи охотским колхозам был передан весь добывающий флот, объединенный в межколхозное объединение активного морского рыболовства (МОАМР). Это позволило увеличить объемы рыбодобычи, расширить ее видовой состав и в конечном счете добиться повышения доходности колхозов. К середине 1970-х гг. МОАМР было ликвидировано, вследствие чего промышленное рыболовство в колхозах Магаданской обл. свернуто.

В 1990-х гг. в связи со сменой модели социально-экономического развития общества и введением рыночных отношений в регионе начали возникать множество частных рыбодобывающих предприятий. Поскольку сельская экономика оказалась подорванной, а коллективные предприятия разваленными, коренные жители вновь, как и во времена рыночной экономики начала XX в. и периода нэпа, связывают свои надежды с рыбодобычей, создают национальные предприятия. В начале 1990-х гг. основной формой национальных предприятий были хозяйствующие субъекты аборигенов (ХСА), с 2000 г. — общины, в основном родовые (рис. 3). Целью и тех, и других является освоение природных ресурсов в целях извлечения прибыли. Создание национальных предприятий стимулировалось появлением специального законодательства, защищающего права коренных малочисленных народов Севера. Реализация этих дополнительных прав является важным механизмом адаптации аборигенов к современной социально-экономической и политической ситуации.

Развитие этнического предпринимательства в сфере рыбодобычи обуславливалось не столько тем, что эта деятельность входила в круг привычных практик аборигенов, сколько тем обстоятельством, что рыболовство являлось прибыльной отраслью.

Рыболовецкие ХСА и общины, нацеленные на получение прибыли, в меру своих возможностей модернизируют способы добычи и переработки рыбы, которые к настоящему времени утратили

какие-либо этнодифференцирующие признаки. Поэтому национальные предприятия в настоящее время отличаются от ненациональных лишь кадровым составом. И говорить о традиционности здесь можно в основном косвенным образом, имея в виду именно принадлежность работающих к коренным жителям и как бы обратную «иррадиацию» этничности от ее носителей к сфере их занятости, а также ссылки на историческую приоритетность этих занятий. Следовательно, этнический фактор в сфере современных экономических отношений в рыболовстве является элементом новаторским, а не консервативным, организующим хозяйствование как бизнес, а не как образ жизни.

Обобщая изложенное, отметим, что в течение XX в. в хозяйственной деятельности аборигенов прослеживается определенная цикличность. При этом рыночные отрасли, такие как рыболовство и отчасти пушная охота, с точки зрения трансформации форм организации производства и собственности прошли цикл от частной — через государственную — к частной. Аборигенное промышленное рыболовство и товарная пушная охота, изначально вызванные к жизни взаимовыгодным взаимодействием традиционного и европейского обществ, в условиях рынка получили определенный импульс. Развитие этих отраслей — результат достаточно удачного симбиоза различных общественно-экономических систем. Пройдя через социалистическое реформирование, хозяйствование в данных отраслях до известной степени вернулось в рамки рыночности.

Оленеводство же, будучи отраслью, развитие которой изначально базировалось на натуральных, а не рыночных потребностях, не сумело вписаться в современные условия. Интенсивное развитие оленеводства в советское время было навязано сверху, обеспечивалось государственной поддержкой, поэтому в условиях рынка отрасль потерпела крах. В настоящее время оленеводство в регионе поддерживается исключительно вне рыночными методами, напоминающими прежний дотационный механизм. Оленеводство за рассматриваемый период в регионе прошло полный цикл изменения форм собственности и хозяйствования: частная — государственная — частная — государственная (муниципальная). В целом же выявленная цикличность развития традиционных отраслей аборигенной экономики является результатом межэтнических контактов.

Отсюда можно сделать вывод, что в ситуации тесного контакта аборигенных и неаборигенных культур, обладающих различными административными и материальными ресурсами, этническое хозяйствование утрачивает свою самостоя-

тельность и зависит не столько от внутренних, основанных на традиции факторов, сколько от внешних. Об этом говорит и опыт советского периода и тем более практика ведения аборигенного хозяйства в рыночных условиях.

Профессиональная занятость

Важным фактором, влияющим на сохранность этнической культуры, является трудовая занятость аборигенов. Основным их занятием в досоветский период и в первые годы советской власти было традиционное хозяйство — оленеводство, рыболовство и охота. Но постепенно, благодаря введению всеобщего среднего образования, развитию профессионального обучения, открытию средних специальных и высших учебных заведений, молодежь из числа аборигенов стала приобретать профессии, не связанные с традиционным укладом.

Уже в первые годы социалистических преобразований из местного коренного населения постепенно формировался элитный управленческий слой, или, как тогда говорили, «советско-колхозный актив». В пос. Нагаево в 1932 г. была открыта советско-партийная школа, действовавшая до 1940 г., которая стала «первой кузницей национальных кадров»²⁵¹. Некоторые коренные жители приобретали важные в тех условиях специальности бухгалтеров, счетоводов, учетчиков, нарядчиков. Так, в 1939 г. 23 аборигена окончили специализированные курсы счетоводов. В то же время в 1930-х гг. руководителей-аборигенов было крайне мало из-за их неграмотности, слабой вовлеченности в доминирующие социальные процессы²⁵². Руководство «Дальстроя» уже в 1940-х гг. понимало необходимость модернизации профессиональной подготовки коренного населения: «Надо орочей, камчадалов и якутов обучить горному делу, и, если они проявят способности, пусть работают в этой области»²⁵³. В 1940 г. в различные педагогические училища страны были направлены 15 охотско-колымских аборигенов, в которых руководство «Дальстроя» видело «будущие наши кадры из националов»²⁵⁴.

Значимым социальным процессом стал постепенный отход от занятости в сфере оленеводства. Период 1930–1950-х гг. характеризуется сменой приоритетов в трудовой занятости аборигенов: поскольку ведущей товарной отраслью в колхозах было рыболовство и заработки здесь были самые высокие, повсеместно происходил отток коренного населения в эту сферу деятельности, что вело к дефициту оленеводческих кадров. Надо отметить, что численность трудоспособных членов

национальных колхозов вообще была невысока: так, к концу 1940-х гг. их насчитывалось немногим более 2 тыс. чел. (Среднеканский р-н — 444 чел., Северо-Эвенский — 575, Ольский — 1108)²⁵⁵. В колхозах с комплексным направлением хозяйства, а таких было большинство, шло интенсивное перетекание трудовых ресурсов из оленеводства в те отрасли аграрного сектора, где оплата была существенно выше — рыболовство и пушной промысел. Часть аборигенов, особенно проживающих в промышленно развитых районах, переходила на работу в сферы, не связанные с традиционным хозяйством. К концу 1950-х гг. оленеводство поразил кадровый кризис.

Весьма показательным, что побуждающим мотивом занятия оленеводством для некоторых эвенов являлась в большей степени приверженность советской идеологии, а не этническим традициям. Так, эвен, бригадир одной из оленеводческих бригад колхоза «Рассвет», в 1963 г. признавался У. Г. Поповой: «Хотелось и хочется жить в доме, да что делать: я — коммунист, не имеют права отказать от работы, которой занимались мои предки, и сам я в детстве принимал в ней участие».

В последующие десятилетия сфера трудовой занятости коренных жителей региона существенно расширяется. Повышается общий уровень образования аборигенов, из их среды начинает выдвигаться интеллигенция. Эти люди предъявляли уже новые социально-экономические требования к трудовой занятости. Молодые аборигены, получавшие среднее образование в поселках и интернатах, не желали возвращаться в бригады, оленеводство было для них непривлекательно из-за тяжелого труда, отсутствия элементарных удобств, низкой заработной платы, уменьшения оленей в личной собственности. Особенно сильно эти процессы затронули те оленеводческие хозяйства, которые территориально располагались близко к промышленно развитым центрам, крупным населенным пунктам. В отдаленных и потому слабо развитых местностях и районах кадровая проблема стояла не так остро, однако их отсталость негативно сказывалась на социальной обустроенности оленеводов.

В связи с укрупнением колхозов и преобразованием их в совхозы шла структурная перестройка экономики хозяйств. Низкорентабельные отрасли, продукция которых не находила товарного сбыта, были переведены в разряд подсобных и их развитию уделялось второстепенное внимание. Таким образом, на задворках оказались такие традиционные виды деятельности аборигенов, как морской зверобойный промысел, домашние и кустарные промыслы (пошив меховой одежды, изготовление нартов, инструментов и т. д.). Вслед-

ствие этого на центральных усадьбах постепенно начал складываться деградиционный слой трудоспособного, но низкооплачиваемого населения, периодически занятого в производстве на подсобных работах.

В 1950–1960-е гг. трудоспособное коренное население перераспределяется между сферами занятости в пользу нетрадиционных сельскохозяйственных отраслей, а с 1970-х гг. — в пользу несельскохозяйственной занятости. Однако в дорыночный период большинство коренных жителей было все же занято в аграрном секторе экономики.

В настоящее время (данные на 01.03.2005 г.) первое место в ранге профессий магаданских аборигенов занимает позиция «младший обслуживающий персонал» (дворник, уборщик, санитар) — 159 чел., далее следуют рабочие и разнорабочие (без специальности) — 127 чел., почти столько же насчитывается квалифицированных рабочих, занятых промышленным трудом (бульдозерист, слесарь, строительный рабочий, водитель и т. д.). И только третье место занимает профессия оленевод — 123 чел. Таким образом, значительная часть обеспеченных работой коренных жителей занята низкопрофессиональным, а следовательно, и малооплачиваемым трудом. Невысок уровень оплаты и у оленеводов — она колеблется от 2 до 8 тыс. руб. в месяц в зависимости от нагрузки на одного пастуха.

Далее в списке профессиональной деятельности следуют воспитатели — 83 чел., рыбаки и рыбообработчики — 80 чел., средний медицинский персонал — 58 чел., продавцы — 54 чел., специалисты и госслужащие — 47 чел., бухгалтеры — 39 чел., руководители предприятий и административных структур — 36 чел., педагоги — 34 чел., руководители подразделений — 33 чел., сторожа и охранники — 33 чел., инспекторы — 25 чел., врачи — 23 чел., охотники — 21 чел. Другие виды профессиональной деятельности насчитывают менее 20 чел., в т. ч. такая этнически ориентированная занятость, как артист национального ансамбля — 2 чел., косторез — 3 чел. Из 5746 аборигенов Магаданской обл. численность экономически активных лиц составляет 2583 чел., из них в отраслях экономики региона заняты 1463 чел. (56,6 %)²⁵⁶.

К собственно же этническим профессиям, строго говоря, можно отнести лишь оленеводов, численность которых составляет примерно 9 % трудозанятых и 4 % трудоспособных лиц среди коренного населения. Труд рыбаков, рыбообработчиков и охотников, доля которых (в совокупности) еще ниже, давно утратил этническую специфику, но остается традиционно ориентиро-

ванным в силу исторического приоритета этих занятий для коренного населения.

***

Таким образом, под влиянием социально-экономических преобразований, происходивших в стране в течение XX в., особенно в последние десятилетия, профессиональная занятость коренных жителей утрачивает связь с традиционным хозяйством и переносится на другие сферы экономики, а это, в свою очередь, вызывает глубокие этнокультурные трансформации. При этом городские аборигены имеют достаточно высокие шансы трудоустройства, обучения и переобучения. В среде же сельских аборигенов, особенно проживающих в отдаленных населенных пунктах, сформировалась застойная бедность. Работу в сельской местности в основном дают бюджетная сфера и ЖКХ. Особенности положения сельских аборигенов является экономическая, социальная и пространственная изоляция от основных источников жизнеобеспечения. Самостоятельно преодолеть нужду многие из них неспособны. Едва ли не единственным выходом поддержки таких домохозяйств в условиях исключения с рынка труда является включение в систему социальной защиты. Однако социальная помощь, направленная лишь на поддержание достигнутого уровня жизни, не может быть каналом восходящей мобильности для ее получателей.

Особенность современных социальных процессов у аборигенного населения Магаданской обл. заключается в том, что разрушение сельских сообществ происходит не за счет индустриального развития региона, а напротив, вследствие общей стагнации экономики и миграции населения в те немногочисленные местности, которые представляют собой «островки благополучия» хотя бы в бытовом плане. Успешная социально-экономическая адаптация аборигенов в сельской местности чрезвычайно затруднена. Вследствие этого в обиходе сельских жителей сохраняются (или же возникают вновь) архаичные черты образа жизни и элементы культуры, свойственные их предкам. Так, жизнь в сельской местности Северо-Эвенского р-на в настоящее время включает элементы традиционности. Это сушка юколы для собственного потребления и собак, ловля зайцев силками. Некоторые

сельские специально селятся на отдаленных заимках на берегу реки, чтобы у них не было проблем с доставкой воды и дров.

Складывается парадоксальная ситуация: в сельской местности традиционность консервируется из-за объективных причин, независящих от жителей, тогда как в городской — вследствие субъективных, а именно воли и желания самих аборигенов, с одной стороны, и деятельности специальных структур вмещающего сообщества — с другой. Диаметрально различается также локализация традиционности: если для сельских жителей она заключается в повседневно-бытовой сфере, то для городских — в «празднично-репрезентационной».

Действительно, для существования аборигенного сегмента в общекультурном пространстве не меньшее значение имеют мнение и деятельность окружающего общества. На протяжении всего периода межэтнических взаимодействий во вмещающем социуме создаются и работают специальные структуры, задачей которых является поддержание отличительных особенностей вмещаемой культуры. Из этого факта вытекают два важных следствия. Во-первых, культура меньшинства воспринимается не сплошным слоем, а в виде отдельных, дискретных элементов, получающих в силу такого восприятия знаковый характер. Некогда единая ткань культуры, таким образом, распадается на множество составляющих компонентов, и поддерживаемыми оказываются те из них, реализация которых сопряжена с наименьшими социально-экономическими издержками. Во-вторых, в аборигенном обществе возникает социальное движение симметричной направленности, приводящее к формированию элиты, особых специалистов и т. д., что вносит значительный вклад в формирование социальной иерархии аборигенов.

Социальные процессы, протекающие в среде коренных народов, носят необратимый характер, т. к. определяющее влияние на этнокультурные процессы оказывают ведущие тенденции общественного развития. В целом отмечается двойственный характер адаптационных процессов: межэтническое взаимодействие, с одной стороны, приводит к размыванию «объективных» культурных черт этнических меньшинств, с другой — конструированию новых вариантов отличительности.

ЭВЕНКИЙСКОЕ СЕЛО В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

В основу статьи положены результаты этносоциологического исследования, проведенного среди дальневосточных эвенков в рамках реализации проекта по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, техногенным и социальным трансформациям». Опрос проводился по статистически представительной выборке среди взрослых эвенков в национальных селах Нелькан (Хабаровский край), Усть-Нюкжа и Ивановское (Амурская обл.).

Выбранные для исследования села представляют собой три модели хозяйственной и социокультурной адаптации эвенков к новым социально-экономическим условиям. Село Нелькан в известной мере втянуто в рыночную экономику. 51 % занятых жителей работает в частном секторе, 49 % — в государственном. В селе достаточно развитая социальная и производственная инфраструктура: здесь размещаются некоторые службы районной администрации, работают больница, средняя школа-интернат, детский сад, библиотека, Дом культуры, отделение милиции, почта, аэропорт, музей, предпринимательские структуры малого бизнеса. Все это создает более благоприятные условия для обеспечения занятости населения, а следовательно, и протестные настроения, столь характерные в последние годы для российского села, выражены в меньшей степени.

Социальная и производственная инфраструктура с. Усть-Нюкжа сохраняет традиционную направленность. В Усть-Нюкже работает колхоз «Нюкжа», 7 оленеводческих эвенкийских общин. Здесь сосредоточено самое крупное на юге Дальнего Востока стадо оленей — 3531. Усть-нюкжинские эвенки, известные в прошлом как ороконы, в меньшей степени затронуты ассимилятивными процессами, они представляют собой наиболее целостную этнокультурную группу эвенкийского этноса. Промежуточное положение между двумя этими селами занимает с. Ивановское.

В основу исследования положены методики, широко используемые в последние годы в аналогичных исследованиях: «социального термометра»; «идеологемы»; «интеракции» и др. Некоторые результаты проведенных исследований к настоящему времени отражены в серии публикаций²⁵⁷. В рамках настоящей статьи речь пойдет о трех аспектах проведенных исследований: типах производственных отношений, сложившихся у эвенков в последние

годы; характере трудового поведения различных групп коренного населения в новых условиях и изменениях в человеческом потенциале.

Итоги проведенных исследований дают основания говорить, что наиболее сложный и болезненный период адаптации к новым экономическим и социальным условиям остается позади. Люди приспособились к новой ситуации, оценивают свою жизнь не столь трагически как еще несколько лет назад (табл. 19). Заметно растет число тех, кто считает, что «все не так плохо» или «жить трудно, но можно». Этот рост особенно заметен в последние два года.

Таблица 19

Распределение ответов на вопрос:
«Как вы теперь оцениваете свою жизнь?»

Варианты ответов	Нелькан, 2006 г.	Усть-Нюкжа, 2007 г.	Ивановское, 2008 г.
Все не так плохо, можно жить	25,9	36,6	39,1
Жить трудно, но можно терпеть	48,2	56,1	58,5
Терпеть уже невозможно	25,9	7,3	2,4

Социально-экономическое положение эвенков заметно улучшилось в тех селах, куда уже проникли рыночные отношения, где появились частные предприятия, акционерные общества. В таких селах меньше безработица, выше заработная плата, в магазинах есть в достатке все, что 10–15 лет назад непросто было найти в региональных столицах. Социально-экономическое положение коренного населения не стало хуже там, где сохранились природные ресурсы, на которых базируется традиционная экономика народов Севера. Во многих случаях оно даже улучшилось. Ослаб государственный контроль над производственной деятельностью, люди получили возможность, пусть и не совсем законно, больше ловить рыбы, добывать пушнины, копытного зверя. Другое дело, что львиная доля промысловой продукции обогащает лишь небольшую часть наиболее изворотливых дельцов из числа русского-зычного населения. Контрасты между бедностью и богатством, характерные для современной России, в районах проживания народов Севера проявляются особенно.

Основным хозяйствующим субъектом в оленеводстве эвенков в настоящее время является родовая (семейная) община. Иногда это действительно семейный коллектив, чаще объединение семей, далеко не всегда связанных родственными отношениями. По сути своей современная община — переходная форма от социалистического государственного хозяйства к частному. Подобные производственные коллективы у эвенков существовали в первые годы коллективизации. Современная община — такой же производственный коллектив, только с обратным вектором развития: не от индивидуального хозяйства к коллективному, а от коллективного к индивидуальному. Есть и другое отличие. Подобные производственные коллективы всемерно поддерживались государством, которое стремилось к тому, чтобы труд в них был более привлекателен для единоличников. Современные общины представлены сами себе, государственная помощь ограничивается мизерными субсидиями на оленей.

Созданию по настоящему семейных общин (фермерского, а следовательно, и рыночного оленеводческого хозяйства) препятствует то, что далеко не каждая семья в состоянии вести такое хозяйство, поскольку это связано с кардинальной переменой образа жизни. Расстаться с привычной поселковой средой готовы далеко не все члены семьи. Чаще всего оленеводством в семье занимаются один-два человека. Вести самостоятельную жизнь в тайге им сложно, отсюда стремление к объединению с такими же, как они, одиночками из других семей. Созданные по такому принципу общины неустойчивы, интересы семей, составляющих общину, часто приходят в противоречие. Работа в общий котел, а именно этот принцип лежит в основе общин, вызывает обиды и недоразумения и в конечном счете ведет к их распаду.

Олени, переданные общине совхозами и фактически являющиеся собственностью членов общины, в представлениях эвенков и государственных органов сохраняют статус общественных. Это противоречие, заложенное нормативными документами при реорганизации совхозов, и есть, пожалуй, главное препятствие на пути превращения общинного оленеводства в отрасль рыночного хозяйства.

Параллельно с общинным оленеводством функционирует частное, которое государственными и местными органами власти не воспринимается в качестве институционального субъекта. Государственная финансовая поддержка в виде субсидий лишь общинного оленеводства воспринимается оленеводами как хитрый ход государства, не отказавшегося от своего права на оленей, а лишь замаскировавшего его. Оленеводы приняли предло-

женные государством правила игры по принципу «с паршивой овцы хоть шерсти клок». Субсидии используются не для повышения эффективности общинного оленеводства, а для сохранения личного поголовья. Недоверие государству, глубоко укоренившееся в сознании людей, неверие в необратимость социально-экономических перемен стимулируют развитие самых неэффективных форм адаптационных стратегий — изоляцию и пассивную адаптацию.

Руководители местных органов власти рассматривают будущее оленеводства, как правило, пессимистически. По их мнению, оленеводство и рыночные отношения несовместимы, все олени должны быть частными. Действительно, существующая статистика, при всей ее ущербности, свидетельствует, что частное оленеводство в современных условиях более эффективно. Авторы исследования²⁵⁸, проведенного в Институте географии Санкт-Петербургского государственного университета, пришли к такому же выводу.

У общинного оленеводства на юге Дальнего Востока в той форме, как оно сложилось к настоящему времени, нет перспектив для развития. Государству необходимо окончательно определиться в своих отношениях с формой собственности в этой традиционной отрасли. Надо отказаться от деления оленей на личных и общинных. Для этого прежде всего необходимо создать принципиально равные условия для частного (семейного) и коллективного (общинного) хозяйства. Государственные субсидии на развитие оленеводства должны распространяться не только на юридических, но и физических лиц. Помощь частным оленеводческим хозяйствам не должна сводиться только к финансовой помощи. Не менее, а может быть, и более важная задача сегодняшнего дня — восстановить управляемость отраслью хотя бы на региональном и местном уровнях.

Другая отрасль традиционного хозяйства эвенков — охотничий промысел, в отличие от оленеводства, вписалась в рыночные отношения довольно быстро, но эти отношения весьма специфического свойства. Государственная монополия в охотничьем промысле была разрушена в конце 1980-х гг. Появились десятки официально зарегистрированных ЧП (охотпользователей). К этому подталкивала высокая стоимость соболя на пушном международном рынке. При средней закупочной цене в 140 руб. соболиный промысел давал в тот период громадные деньги. Соболиное эльдорадо на основе частной инициативы, однако, длилось недолго. Очень скоро произошло затоваривание рынка, цены сильно упали.

В 1990-е гг. частная деятельность в охотпромысле была запрещена. Промысловую территорию

поделили между общинами и национальными предприятиями, учредителями (охотпользователями) которых в большинстве своем стали русские, причем чаще всего неместные. Чтобы получить статус национального предприятия (общины), пользующегося налоговыми льготами, в него включают эвенков с их охотничьими участками. Промысловая территория предприятия не является собственностью охотпользователя, он не имеет права отобрать участок у охотника, но он вправе устанавливать определенные правила игры — выдавать лимит на участок, требовать от охотника обязательной сдачи определенного количества соболей. Сам он не несет перед охотником никаких обязательств. Главная его задача — как можно дешевле скупить у охотника пушнину. Вся организация промысла (продукты, боеприпасы, заброска на участок и т. п.) лежит на самом охотнике.

Штатных охотников у большинства охотпользователей нет, люди зарплаты не получают, соответственно, и никаких отчислений в бюджет и пенсионный фонд не делается. Существует две формы реализации охотником пушнины: сдача на комиссию и прямая реализация. В первом случае охотник получает реальную стоимость сданной пушнины, но после аукциона. Однако такой формой пользуются немногие. Людям нужны деньги, и чаще всего оговоренное число соболей продают на условиях охотпользователя сразу после промысла. При такой системе закупки охотник теряет более половины реальной стоимости шкурки. Прибыль посредников, через которых пушнина попадает на аукцион, составляет 200–300 %. Значительная часть пушнины, кроме того, уходит на черный рынок, поскольку частник платит чуть дороже охотпользователя. По экспертным оценкам, только в Амурской области у населения эвенкийских сел ежегодно остается на руках в среднем 3500–4000 соболей. Вся эта продукция и поступает на черный рынок.

К сожалению, борьбы с черным рынком пушнины на юге Дальнего Востока никто не ведет. Некоторые попытки в этом отношении известны лишь в Усть-Нюкже и Ивановском, где бывшие совхозы, возродив факторийную систему закупки пушнины, пытаются вытеснить с рынка частных скупщиков. Большинство охотников, специалистов-охотоведов не жаждут возрождения государственной монополии на охотничий промысел, тем не менее все говорят о необходимости серьезной перестройки системы управления охотничьим хозяйством.

Несмотря на трудности, связанные со становлением рыночных отношений, значительная часть эвенков не желает возвращения в советское прошлое (табл. 20). Около трети эвенков во всех селах

не хочет такого возвращения. Потенциальными противниками возвращения можно считать и тех, кто затруднился с ответом на вопрос. Определенная тоска по относительно спокойной советской жизни, безусловно, присутствует, но она характерна для тех респондентов, которые не смогли пока вписаться в рыночные отношения, как бы зависли между прошлым и будущим. В целом ориентированность на прежнюю жизнь у эвенков выражена в меньшей степени, чем у сельского населения ряда русского областей, где число тех, кто хотел бы вернуться к прежней жизни, достигает 70 %²⁵⁹.

Таблица 20

**Распределение ответов на вопрос:
«Хотели бы вы, чтобы страна вернулась к тому,
что было до реформ 1990-х гг.?», %**

Варианты ответов	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Скорее да	43,6	51,2	30,2
Скорее нет	30,8	26,8	27,9
Затруднились с ответом	25,6	22,0	41,8

Новые социально-экономические отношения не могут не отражаться на характере трудового поведения эвенков. Уверенно можно говорить о возросшей социальной мобильности коренного населения. Для улучшения своего экономического положения готовы поменять работу и профессию в Ивановском почти 42 % опрошенных, в Нелькане — 34,1 %, в Усть-Нюкже — около 25 %. Немногим ниже и доля тех, кто ради этого готов сменить место жительства: 23,2; 36,7 и 20 % соответственно. Около 10 % опрошенных во всех селах подумывают о занятии бизнесом, хотя и понимают его рискованность.

Явно рыночные приоритеты просматриваются в ответах эвенков на вопрос: «Какие аспекты труда представляются для вас лично наиболее важными?» Абсолютное большинство опрошенных во всех селах (от 70 до 92 %) на первое место поставили «высокий заработок». Любопытно, что в ряде случаев такой выбор аргументируется дополнительным комментарием — «при нынешних ценах». Среди других важнейших мотиваций — «надежность места работы» (62–67 %) и «интересная работа» (50–52 %). Значимыми факторами (30–35 %) представляются также «продвижение по службе», «самостоятельная работа» и «соответствие работы способностям», что может свидетельствовать о высокой степени прагматизма, на котором и строятся рыночные отношения.

Еще одним показателем серьезных перемен в трудовой мотивации эвенков является оценка ре-

Распределение ответов на вопрос: «В какой мере надо ограничивать частную собственность?», %

Варианты ответов*	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Частную собственность надо строго ограничивать	11,0	17,1	11,6
Частную собственность надо ограничивать в определенной мере	46,3	44,0	44,0
Частная собственность ничем не должна быть ограничена	18,3	14,6	13,9

* В таблице не учтена группа затруднившихся с ответом.

спондентами наиболее важных качеств, присущих современному работнику. В качестве таковых 44,2 % опрошенных во всех селах назвали инициативность, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни. Число тех, для кого уважение к традициям и обычаям представляется более важным, несколько больше — 46,5 %, но среди них преобладают лица старших возрастов.

Опрос выявил еще одну интересную группу. Она немногочисленна (9,3 %), но, видимо, с ней можно связывать зарождение в аборигенной среде тенденции культурно ориентированного многовариантного саморазвития. Для респондентов этой группы наиболее важным качеством в человеке-работнике является инициативность в обязательном сочетании с уважением к этнической традиции.

Чрезвычайно любопытным представляется такой аспект исследований, как изменения в человеческом потенциале эвенков. Появились основания говорить о существенных сдвигах в ментальности коренного населения, что в корне меняет традиционные представления об аборигенных сообществах как глубоко статичных, практически не реформируемых социальных образованиях. При всех сложностях переходного периода достаточно отчетливо фиксируется ориентация эвенков на новые формы жизнедеятельности. Отмечена достаточно неожиданная для коренных народов высокая степень доверия к частной форме собственности (табл. 21).

Как видим, безусловных ее противников, считающих, что ее надо строго ограничивать в любых формах, немного. Немного и откровенных ее сторонников. Большинство занимают в этом вопросе достаточно взвешенную позицию, считая, что частную собственность надо ограничивать лишь в определенной степени.

Отношение к развитию частной собственности в абстрактной постановке вопроса определяется разными факторами, среди которых немаловажную роль играют стереотипы советского периода истории эвенков. Негативное отношение к ней, воспитывавшееся со школьной скамьи, ее полное отсутствие в реальной жизни продолжают оказывать свое воздействие на сознание. Ситуация заметно меняется, когда речь заходит о конкретных формах собственности. Особенно много тех, кто считает целесообразным развивать частную собственность на землю (табл. 22). Число сторонников частной собственности на землю сопоставимо с аналогичными оценками в крупных городах страны и заметно больше, чем у сельских жителей в ряде регионов России²⁶⁰.

Таблица 22

Отношение к развитию частной собственности, %

Оценка	На землю			В промышленности			В сфере обслуживания		
	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Положительная	48	32	51	19	22	26	59	29	65
Отрицательная	31	27	21	45	15	37	16	22	7
Индекс*	+17	+5	+30	-26	+7	-11	+43	+7	+58

* Индекс — разность между числом респондентов, давших положительные и отрицательные ответы.

Для эвенков право собственности на землю ассоциируется прежде всего с правом на промысловые угодья. Пиетет к частной собственности на землю у эвенков может показаться нежиз-

ненным. Хорошо известно, что традиции частной собственности на землю в прошлом у них не было. Промысловые территории, безусловно, имели своих хозяев в лице тех или иных семей,

**Распределение ответов на вопрос:
«К кому вы предпочитаете обращаться за помощью
в трудную минуту жизни?», %**

Варианты ответов*	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
К членам своей семьи и родственникам	54,2	73,2	53,5
Предпочитаю сам решать свои проблемы	50,6	22,0	44,2
К представителям местной власти	12,0	9,7	13,9
К ближайшим соседям	4,8	2,4	16,3
К людям своей национальности	2,4	4,9	4,6

* Сумма показателей не равна 100 %, респонденты могли выбирать несколько вариантов.

кочевых объединений, однако они не воспринимались как собственность. Столь заметная перемена в отношении к земле связана с реальностью социально-политических отношений последнего времени.

Идея территорий традиционного природопользования, столь близкая коренным народам, обернулась сплошной фикцией. Несмотря на то что после принятия соответствующего закона прошло уже несколько лет, до сих пор в стране не закреплено ни одной такой территории. Между тем в национальных селах все громче звучат разговоры о грядущей приватизации лесов. В этих условиях вполне объяснимо желание людей стать реальными собственниками промысловых угодий, которые при массовой сельской безработице становятся, по существу, единственным средством жизнеобеспечения. Налицо и стремление значительной части эвенков приобрести (при разумной цене) другие виды собственности. В Ивановском об этом заявили 41,8 % опрошенных, в Нелькане — 36 %, в Усть-Нюкже — 28 %.

Достаточно высокая степень привлекательности частной формы собственности дает основание говорить о формировании у эвенков принципиально новой формы идентичности — собственнической. Традиционный коллективизм народов Севера ощутимо уступает место индивидуальному творчеству.

Особенно это характерно для Нелькана (табл. 23). Здесь более половины опрошенных предпочитает решать свои проблемы самостоятельно, а не обращаться за помощью к кому-либо. Близкие цифры в Ивановском. Выпадает из этого ряда Усть-Нюкжа. Столь заметные различия в цифрах — результат разной модели общественного развития в последнее десятилетие. В Нелькане и в Ивановском более богатый опыт рыночных отношений. Сразу после ликвидации совхозов (1992) люди здесь были буквально вброшены в «рыночные воды» и вынуждены были надеяться только на себя. В Усть-Нюкже этого не случилось. Совхоз продолжал существовать до 2001 г. Люди до последнего держались за совхозный статус, надеясь, что все вернется в прежнее состояние. Эта надежда оставалась и после того, как на базе совхоза возник колхоз. И только в самые последние годы, когда стало окончательно ясно, что возврата к прошлому не будет, люди стали задумываться о собственной ответственности за свою судьбу. В целом установка на то, что кто-то улучшит твою жизнь, не исчезла у эвенков окончательно, но стремление к самостоятельности, инициативе, личной ответственности за свою судьбу прослеживается достаточно отчетливо.

Переход от коллективизма к индивидуализму предполагает наличие терпимого отношения к богатству. И действительно, свое позитивное отношение к предпринимателям, олицетворяющим в глазах сельских жителей высокий достаток и благополучие, высказало в Нелькане 38 % опрошенных, в Ивановском — более половины. Предпринимательство в этих селах уже имеет свою историю, люди сумели оценить его положительные результаты. Усть-Нюкжа в этом отношении делает лишь первые шаги. К тому же предпринимательство здесь весьма специфического свойства — в селе нет предпринимательской конкуренции. Не случайно и число тех, кто относится к нему положительно, заметно меньше — 17 %. Весьма показательна, однако, что во всех селах число тех, кто относится к предпринимателям хорошо, существенно превышает тех, кто относится к ним плохо.

Вместе с тем отношение к бедности и богатству не так уж однозначно. С суждением «Различия между бедными и богатыми справедливы» согласились от 12 до 28 % респондентов, примерно столько же затруднились ответить. Не согласны с таким суждением от 55 до 73 %. Думается, что в основе преобладающего несогласия лежит не искренняя убежденность в изначальной несправедливости богатства, а скорее всего убежденность, внушенная, с одной стороны, средствами массовой информации, с другой — спецификой формирования богатства в современной России.

Формирование новых форм идентичности, в т. ч. и новое осознание себя как личности, делает весьма актуальным вопрос об иждивенчестве корен-

ных народов. Как показывают результаты опросов (табл. 24), пока эвенки явно не готовы к либеральной модели взаимоотношений государства и человека, но и упрекать их в массовом иждивенчестве, что так любят местные органы власти, нет оснований. В целом около половины опрошенных показали себя сторонниками социального государства, но такой выбор вряд ли можно назвать иждивенчеством.

Вместе с тем респонденты отнюдь не отрицают его наличия у определенной части населения. Иждивенчество как отрицательное качество, присущее современному состоянию этноса, назвало в селах от 26 до 29 % опрошенных. Сторонников «равенства в бедности» в Усть-Нюкже почти в 2 раза больше, чем в других селах, но такая ситуация вообще характерна для людей, брошенных в рыночные отношения. Сторонники уравнилельного распределения преобладают среди лиц старших возрастов и с низким уровнем образования. Именно эти категории населения сталкиваются сегодня с наибольшими проблемами. В целом же надежда на государство не является определяющим мотивом поведения людей.

Таблица 24

Распределение ответов на вопрос:

«С каким из ниже перечисленных суждений вы согласны в наибольшей степени?», %

Варианты ответов*	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Государство дает понемногу, но зато всем поровну	37,8	68,3	23,2
Государство должно помогать только слабым и беспомощным	31,7	9,7	25,6
Государство гарантирует всем только минимум, хочешь большего, добивайся сам	22,0	14,6	34,9
Государство не должно вмешиваться в жизнь граждан, каждый должен рассчитывать на себя	6,1	4,9	11,6

* В таблице не учтена группа затруднившихся с ответом.

В материалах этносоциологического опроса у эвенков не просматривается конфликта гражданской (государственной) и этнической идентичности, речь скорее может идти об их достаточно полном совмещении (табл. 25). Всплеск этнической идентичности, фиксируемый в последние годы у многих российских народов, нехарактерен для большинства эвенков. Процесс разгосударствления со-

знания человека, фиксируемый исследователями в других регионах страны и у других народов, особенно титульных, затронул эвенков в меньшей степени. Этническое самоопределение они дают себе гораздо реже, чем называют себя гражданами России.

Таблица 25

Распределение ответов на вопрос:
«Кем вы себя осознаете в наибольшей степени?», %

Варианты ответов*	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Жителем своего села	55	75,6	76,7
Гражданином РФ	50	78,0	76,7
Дальневосточником	36	14,6	34,9
Представителем своего народа	22	61,1	48,8
Жителем своего района	22	12,2	14,0
Жителем своего края (области)	17	14,6	7,0
Представителем своей профессии	14	19,5	14,0

* Сумма показателей не равна 100 %, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Заметно уступая другим видам идентичности, этническая принадлежность, однако, не потеряла для эвенков своей значимости. В Нелькане почти половина опрошенных никогда не забывает о том, что они являются представителями своего народа (табл. 26), в Усть-Нюкже и Ивановском таких почти две трети. Симптоматично, что во всех селах доля тех, для кого национальность не имеет значения, примерно соответствуют доли смешанных в этническом отношении семей. Для них характерен амбивалентный тип этнической идентичности, присущий обычно этнически смешанной среде.

Таблица 26

Оценка значимости этнической принадлежности для респондентов, %

Варианты ответов	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Для меня не имеют значения моя национальность и национальность окружающих	53,7	36,6	36,6
Я никогда не забываю, что я представитель своего народа	46,3	63,4	63,4

Этничность поддерживает, с одной стороны, государственная политика по отношению к кореным малочисленным народам, с другой — наличие нерешенных вопросов в сфере межэтнических отношений. Этническая идентичность начинает уступать свое место другим формам самоидентификации. Нельзя сказать, что этот процесс проявляется уж очень сильно. Тем не менее общий вектор государственной политики по конструированию новых форм самоидентификации затрагивает и эвенков.

В наборе качеств, присущих в настоящее время эвенкам, очень низкими показателями оценивается этническая солидарность, что может говорить о переходе ассимилятивных процессов на качественно новую ступень. Вместе тем ассимилятивные процессы у дальневосточных эвенков в последние годы хотя и приобретают ускорение, но по-прежнему не приводят к логическому завершению ассимиляции — смене этничности. В этом направлении одновременно действуют две противоположно направленные тенденции — ускорение и торможение ассимиляции.

Ускоряющими факторами являются изменения в образе жизни населения, разрушение сложившегося этнохозяйственного комплекса, серьезная деформация семейно-брачных отношений, повлекшая за собой быструю утрату языка, других элементов традиционной культуры, миграционные процессы. В комплексе этих причин следует особенно выделить изменения в социально-профессиональной однородности этноса. Большинство эвенков в настоящее время работает в государственных организациях и учреждениях, в жилищно-коммунальном хозяйстве. По образу жизни, интересам и устремлениям они уже существенно отличаются от тех, кто занят еще традиционным трудом. Именно эта часть эвенкийского этноса сегодня наиболее многочисленна и наиболее открыта для ассимилятивных процессов.

Среди факторов, тормозящих ассимилятивные процессы, прежде всего следует назвать государственную политику по отношению к кореным народам, во многом направленную на конструирование этничности. Известные коррективы в этой области в 1990-е гг. в чем-то ослабили это воздействие, а в чем-то и укрепили его. В условиях политической либерализации роль этнической принадлежности особенно возросла в части преимуществ в области приватизации природных ресурсов. Правда, они существуют пока на уровне правовой нормы, но и этого оказывается вполне достаточно для устойчивого сохранения и воспроизводства этничности. Нельзя не учитывать и тормозящее воздействие социально-

экономического кризиса. В трудные минуты жизни человек ищет спасение и поддержку в семье, среди родных и близких. Также поступают и этнические общности, для которых своеобразной соломинкой утопающего является этническая солидарность. После распада советской системы, потери устойчивой социальной идентичности людям потребовались новые ориентиры для восстановления стабильности.

Важным фактором торможения ассимилятивных процессов является культурная граница между эвенками и приезжими, которая в последние годы стала более заметной. Идеологическая консолидация на базе общесоветских ценностей, включая антизападные ориентации, в известной мере объединяла коренное и приезжее население. Изменения в политической и идеологической сферах, произошедшие в 1990-е гг., по существу, лишили общего духовного пространства как тех, так и других. На смену «социалистическому патриотизму» пришли этнические и отчасти религиозные чувства. Традиционные коды и символы духовной культуры, казалось бы, давно исчерпавшие свои возможности, вдруг вновь стали важны. Нельзя сказать, что они превратились в некую культурную норму (схожести между приезжим и коренным населением неизмеримо больше, чем различий), но в отличие от прошлых лет они стали восприниматься как существенный жизненный ресурс. Безусловно, культурная граница между коренным и приезжим населением в большей степени воображаемая, чем реальная, но она существует и во многом стабилизирует этническое самосознание.

Еще один тормозящий фактор, который требует особенно пристального внимания общества, — специфическое отношение к кореным малочисленным народам со стороны определенной части окружающего населения и отдельных представителей органов власти. Пренебрежение, демонстрируемое чаще всего скрытно, а иногда и весьма откровенно, упорное нежелание признать их «своими», такими же как «мы», порождает напряженные взаимоотношения коренных народов с местной управленческой и бизнес-элитой, способствует мобилизации этнического самосознания, осложняющей межэтническое взаимодействие. Подобное отношение ведет к формированию диспорной модели образа жизни эвенков, формирует у них чувство особости, повышает этническую солидарность. В этих условиях все другие показатели ассимиляции становятся в высшей степени несущественными.

В заключение необходимо сказать несколько слов о современных политических и ценностных ориентациях. Распад СССР, обращение государ-

**Распределение ответов на вопрос:
«Какой стратегии должно придерживаться правительство
во взаимоотношениях с западными странами»? , %**

Варианты ответов*	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Развивать сотрудничество с Западом, не жертвуя при этом своими интересами	53,0	63,4	60,5
Не распродавать природные богатства	49,4	36,6	37,2
Дистанцироваться от большинства мировых проблем, жить своими интересами	8,4	4,9	4,6
Жить по тем же принципам, что и страны Запада	3,6	4,9	4,60
Вернуться к политике холодной войны	0	0	0

* Сумма показателей не равна 100 %, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

ства к новым ценностям (правовое государство, многопартийность, свобода слова, религия, демократия и т. п.) не может не оказывать своего воздействия и на эвенков. Их отношение к этим ценностям не однозначно. В отношении свободы слова и более тесных отношений с Западом положительные оценки преобладают над отрицательными. К многопартийности отношение в большей степени отрицательное. Обращает внимание большое число затруднившихся с ответом на эти вопросы — от 24 до 44 %. Число тех, кто хорошо относится к коммунистам, в 3–4 раза больше тех, кто относится к ним плохо. По отношению к демократам отрицательных оценок в 2–5 раз больше положительных, однако и к тем, и другим преобладает все же безразличное отношение. Современные разборки между политическими противниками мало интересуют население, озабоченное совсем другими проблемами.

Недовольство современной идеологией государства практически не просматривается в ответах респондентов, устранение от власти КПСС и ее идеологии в качестве существенной потери для государства рассматривает от 10 до 24 % опрошенных, а преобладание негативных оценок над положительными по отношению к демократам обусловлено в основном «протестным сознанием». За неприятием «демократов» стоят не демократические ценности как таковые, а раздражение по поводу демократической риторики, которая никак не приводит к нужным результатам. Что же касается самих демократических ценностей, то весьма показательным в этом смысле отношение респондентов к такой фундаментальной составляющей демократического государства, как права человека. Отвечая на вопрос: «Какие права представляются вам наиболее приоритетными?» — $\frac{4}{5}$ респондентов во всех селах отдали предпочтение правам человека, о приоритетности прав народов заявила соответственно $\frac{1}{5}$ опрошенных. Любопытно, что с ответом на этот вопрос не было затруднившихся.

Патриотические и внешнеполитические ориентации, выявленные в ходе опроса, достаточно прагматичны (табл. 27). «Желаемая Россия» в представлениях большинства эвенков — это страна, развивающая тесное сотрудничество с Западом, не жертвующая при этом своими национальными интересами и не распродающая природные богатства. Желающих дистанцироваться от большинства мировых проблем, жить исключительно своими интересами, очень немного, но жить по тем же принципам, что и страны Запада, и того меньше. Возвращаться к политике холодной войны не хочет никто.

Милитаристская составляющая в патриотическом сознании не исчезла окончательно. С утверждением, что «для сохранения военной мощи России можно идти на снижение уровня жизни населения», согласилось от 10 до 20 % опрошенных. Среди тех, кто готов «еще потерпеть» ради сохранения военной мощи страны, преобладают лица с советской ментальностью «осажденной крепости» — респонденты старших возрастов с достаточно высоким уровнем образования.

В целом можно говорить, что в ментальности эвенков за последние годы произошли существенные сдвиги. Это в корне меняет традиционные представления об аборигенных сообществах как глубоко статичных, практически не реформируемых социальных образованиях. Эвенки оптимистичнее оценивают свою жизнь, адаптируясь к реальному состоянию общества и условиям повседневной жизни. Они демонстрирует высокую жизнеспособность. Характерная для них культурная многослойность, открытость к заимствованиям, наличие богатых природных ресурсов создают благоприятные возможности для дальнейшей трансформации сложившихся форм жизни. Конф-

ликт с реальной жизнью, безусловно, существует, но этот конфликт нельзя назвать отторжением действительности.

Результаты этносоциологических исследований выявляют весьма противоречивые тенденции по целому ряду жизненных ситуаций — сочетание, казалось бы, противоположных позиций. Так, например, весьма безразличное отношение к демократическим институтам страны явно противоречат новым цен-

ностным ориентациям, которые, в свою очередь, являются порождением процесса демократизации и новых отношений собственности. Желание жить лучше, понимание личной ответственности за благополучие семьи не подкрепляется, однако, активными действиями в этом направлении. Эти и подобные противоречия, думается, отражают переходный характер эпохи, когда в сознании причудливо переплетаются старые и новые представления.

Гришкина М. В., Никитина Г. А., ШUTOва Н. И.

ОПЫТ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА К ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНОЙ СРЕДЕ И СОЦИАЛЬНЫМ ТРАНСФОРМАЦИЯМ

В данной статье представлен материал исследований, проводившихся в рамках проекта «Адаптационные ресурсы и практики народов Камско-Вятского региона в условиях российских трансформаций» по трем направлениям. Первое посвящено изучению историко-культурного ландшафта как формы адаптации к условиям среды обитания. Понятие историко-культурного ландшафта предполагает рассмотрение процессов расселения, взаимодействия этнических и социальных групп населения, хозяйственного и духовного освоения в исторической ретроспективе. Основное внимание акцентируется на реконструкции символического обустройства пространства.

Анализ археологических материалов, природных характеристик места расположения культовых и культурных объектов (географические координаты, геоботанические данные, флора, фауна), привлечение исторических свидетельств (письменные документы, сведения краеведов и исследователей XVIII–XIX вв.) и фольклорно-этнографических данных (легенды, предания, опрос информантов) позволили охарактеризовать основные контуры виртуального ландшафта региона в эпоху средневековья²⁶¹, проследить историю заселения и эволюцию культурного пространства Кузубаевской округи (Алнашский р-н Удмуртской Республики) в синхронном и диахронном срезе. Помимо Кузубаевской округи исследовалось состояние локальных форм и путей формирования культурного ландшафта около десятка других местностей в Удмуртии, Татарстане, Кировской обл. Приведем некоторые примеры.

Староучинский куст удмуртских д. Старая Уча, Верхние Шуни, Важашур, Новый и Старый Канисар, Починок-Сутер, Нижняя и Новая Уча, Нижняя Русь в бассейне р. Ши, правого притока р. Вятки

(Кукморский р-н Республики Татарстан) расположены в подзоне широколиственно-хвойных лесов, однако ныне пейзаж этой местности выглядит почти безлесным. Как правило, населенные пункты прилегают к долинам р. и речушек в окружении распаханых полей. Луга и поля перемежаются группами деревьев, оставшихся от оберегаемых местными жителями священных рощ и кладбищ, расчлняются рядами берез, сосен или тополей, высаженных вдоль границ сельских угодий. Рельеф холмистый. На 1989 г. плотность населения в этих краях составляла 9–12 чел./км². Преобладают темно-серые лесные почвы²⁶². Жители округи составляли родственную локальную группу в составе завятских удмуртов (завятские — кукморские и балтасинские — удмурты обитают на правом берегу нижнего течения р. Вятки в изоляции от основного этнического массива в иноэтническом, преимущественно татарском окружении). С точки зрения религиозных и в целом социокультурных традиций центральное структурообразующее положение занимала Старая Уча — самое раннее поселение, отсюда происходило последующее заселение окрестных территорий²⁶³.

Святылища в материнской д. Старая Уча для молений семейно-родовым покровителям (общедеревенская Великая (*Бьдзым*) *куала*, родовые/патронимические *мудор-куалы*) размещались на правом берегу части деревни. С точки зрения топографии и планиграфии общедеревенская святыня была устроена на округлом возвышении правого берега реки посередине деревни. Родовые священные рощи-*луды*, посвященные хозяевам Дикой Природы, наоборот, занимали возвышенные участки противоположного левого берега реки. Они принадлежали четырем родственным объединениям — *Норель-Луд* — «роща Нореля», *Бьжо-*

Луд — «роща Быжо», *Гурьян-Луд* — «роща Гурьяна» и *Эсымбай-Луд* — «роща Эсымбая/Эсембая/Эшембая». В связи с переселением и отделением патронимической группы, почитавшей рощу *Эсымбай-Луд*, от нее отпочковалась и была основана новая священная роща *Эсымбай-Луд* (*Эшембай-Луд*) в соседней д. Новой Уча. Тем не менее моление в староучинской роще *Эсымбай-Луд* продолжали посещать представители родственной группы, ведущей свое происхождение от родоначальника Эсымбая не только из Старой Учи, но и соседних селений.

Напротив д. Старая Уча, на возвышении левого берега Учи, размещалось и окружное (общественное) моление исследуемой группы удмуртов *Мерен куриськон/Мерен куштон*. Прежде это место было покрыто густым лесом, у склона площадки бьет сильный родник. Со святилища открывается широкая панорама окрестных лугов и деревень. Жители выселившихся из Старой Учи деревень продолжали посещать моления, проводимые в материнской деревне, в окружном общественном святилище *Мерен куштон*. Временами староучинские жители совершали жертвенные возлияния на старом заброшенном поселении Четкер (археологический памятник XII–XIV вв.). В округе имелись площадки для проведения аграрных молений — *акашка* (весенний праздник, начало пахотных работ) и *дью курбон инты* (место моления о хорошем урожае). В низинных местах возле елей совершалось приношение даров злым духам, лоящим людей и насылающим на них болезни. До христианизации на окраине каждой деревни, ниже по течению реки от селения, имелось свое кладбище и место совершения поминального обряда *йыр-пыд сётон* — «давание головы и ног».

Наибольшим почитанием среди удмуртов этих мест пользовались сосны, они имели высокий сакральный статус в рощах-*лудах* и на окружном молении *Куриськон*. Почитались и другие породы деревьев — березы, лиственницы, ели. Ель чаще ассоциировали с низшими злыми существами, обитающими в низинных местах. Для определения удобного и счастливого (с точки зрения человека традиционного общества) участка местности для поселения люди использовали женскую интуицию и чутье птиц. Так, благоприятным для проживания людей и строительства дома считалось место, на котором женщина увидит хороший сон, курица удачно высидит птенцов или это место облюбует лебедь. Близкие системы оформления культурного пространства были прослежены в Кузобаевской, Староюмьинской и Нырынской удмуртских округах, а также в окрестностях бесермянской д. Малый Дасос²⁶⁴.

Окрестности русских селений бывшей Вобловицкой волости Слободского уезда (ныне с. По-

лом, Иванцево, Сырьяны, Всехсвятское Белохолуницкого р-на Кировской обл.) располагаются между двумя левыми притоками р. Вятки — Белой и Черной Холуницей. Эти земли покрыты лесами, болотами, испещрены мелкими речушками. Поверхность холмисто-равнинная. Рассматриваемая территория входит в подзону южной тайги и характеризуется высокой степенью лесистости (около 90 %). Преобладают таежные леса на подзолистых и дерново-подзолистых почвах. Сельскохозяйственные земли занимают небольшой процент территории. Плотность населения на 1989 г. составляла на 1 км² 3–6 чел.²⁶⁵

Населенные пункты прилегают к крупным и средним рекам региона — Вятке, ее левым притокам Осетровке, Иванцево, Черной Холунице. Крестьяне занимались земледелием, скотоводством и отхожими промыслами, плотничали, катали валенки, производили кирпичи. Важным подспорьем служили работы на близлежащих Белохолуницком, Чернохолуницком, Климовском и Песковском горных заводах, охота, рыболовство. Многие жители занимались извозом.

Села здесь были основаны во второй половине XVI — начале XVII в.²⁶⁶ В XIX — начале XX в. каждое село с церковью составляло центр округа. Оно было окружено системой мелких деревень и починок, некоторые из них имели свои часовни. Например, в с. Сырьяны имелись каменная церковь и две деревянные часовни. Остальные семь часовен стояли в соседних деревнях Васильковской, Буровской, Васильевской, Коровкинской, Макалдинской, Муйнской, Стерлеговской²⁶⁷. В Сырянах праздновали Николу Вёшного (май) и Николу Зимнего (декабрь), проводили две ярмарки: Семеновскую (3 февраля) и Никольскую престольную (6 декабря). На эти праздники съезжалась вся округа. В прилегающих селениях отмечали Михайловскую (д. Стерляги), Ильинскую (д. Стариковцы), Ивановскую (д. Пашково) и Троицу (д. Вагино). В такие дни в деревню, в которой отмечали праздник, со всей округи, со всех починок собирались гости. Аналогичные способы организации культурного пространства и правила гостевания практиковали и в соседних округах — Иванцевском, Поломском, Всехсвятском²⁶⁸.

«Спасов округ» в бывшем Малмыжском уезде Вятской губернии (ныне Вятскополянский и Малмыжский р-ны Кировской обл.) включал русские деревни Киняусь, Ершовка, Матвеево, Каракули, Чекашево, села Кулыги, Слудка, Мериновщина и Старый Бурец, расположенные на правом берегу р. Вятки. Эти территории входят в подзону широколиственно-хвойных лесов, заняты сельскохозяйственными землями. Рельеф холмистый, развиты эрозионные процессы, которые привели

к образованию глубоких оврагов. Почвы дерново-подзолистые, дерново-карбонатные, серые лесные и пойменные. Плотность населения в 1989 г. составляла на 1 км² более 12 чел.²⁶⁹

По результатам исследования Ю. В. Приказчиковой, здесь выявлена сложная система почитания сакральных объектов, которая включала официальные христианские (церкви, часовни над родниками, кресты) и неофициальные местнотимые святыни (священные деревья, столбы-часовни). Часовни-памятники ставились у разъездов дорог, у ключа, на границе с полем, в деревне у домов, по пути движения крестного хода из Елабуги с чудотворным образом Спасителя, которую «подымали» вверх по течению р. Вятки. Обетные святыни очерчивали в горизонтальном пространстве два сакральных круга: первый ограничивал территорию своей деревни, выделяя ее среди соседних селений, второй маркировал ареал «своих» деревень, входящих в «Спасов округ» — залог стабильности и благополучия, и отделял близкородственное население от «чужого»²⁷⁰.

Характерные черты культурного ландшафта отдельных округов были обусловлены в большей степени этническими и конфессиональными различиями обитавших на них групп населения. На примере рассматриваемых микрорайонов зафиксировано как своеобразие виртуального пространства локальных территорий, так и черты общетипологического свойства в их формировании и эволюции.

Традиционная удмуртская система расселения и формирования культурного ландшафта предполагала существование религиозного центра с окружным святилищем, основными сакральными ценностями в старой материнской деревне, сети более мелких деревень, в каждой из которых имелись своя общедеревенская святыня, группа родовых или патронимических культовых объектов. За пределами каждого селения располагались священные места для почитания хозяев Дикой Природы и умерших предков. Культурный ландшафт удмуртских и бещермянских округов показывает высокую степень взаимосвязанности их обитателей с окружающей природной средой. Выдающиеся элементы ландшафта — возвышения, низины, родники с особыми свойствами, а также старые и сильные деревья активно использовались в ритуальной практике местного населения и в качестве сакральных памятников. Особое значение придавалось системе размещения культовых объектов относительно окультуренного деревенского пространства и речной долины.

Примеры христианской традиции формирования сакрального пространства также свидетельствуют о четкой внутренней структуре в локализации культовых объектов и пространственно-

временной организации заветных и храмовых праздников. Село с храмом являлось главным религиозным центром местности, в нем отмечали окружной церковный праздник, проходили окружные ярмарки. В окружающих деревнях, выселках, починках имелись свои почитаемые часовни. Каждое селение отвечало за проведение календарно приуроченного праздника, на который съезжались знакомые и родственники со всей округи. В сравнении с дохристианскими правилами формирования культурного пространства здесь наблюдается меньшая его соотнесенность с природными характеристиками местности. Как правило, православные сакральные объекты представляют собой искусственные рукотворные сооружения. Система размещения храмов, часовен, памятников на местности демонстрирует их сильную привязанность к поселениям: они маркируют участки заселенной территории (центр поселения, его окраины, сеть дорог, перекрестки и пр.), устроены в память каких-либо особых событий в жизни людей.

Своеобразие виртуального пространства русских деревень «Спасова круга» в бывшем Малмыжском уезде проявилось в существовании нескольких кругов сакральности, движении крестного хода строго вверх по течению реки, в особом оформлении часовен и особенностях их почитания. Перечисленные элементы имеют многочисленные параллели в традиционных удмуртских обрядах и позволяют говорить о причудливом симбиозе христианских идей и реликтов дохристианской культуры в практике и представлениях жителей этой местности.

Хорошо организованная система размещения и функционирования дохристианских и христианских культовых памятников и сакральных локусов, коллективное проведение аграрных и календарных праздников способствовали единению и сплочению людей каждой округи не только в хозяйственном и социальном плане, но и в духовном смысле. В пределах каждой локальной территории происходило регулярное воспроизводство сакральных ценностей и психологическая релаксация людей. Все это способствовало успешной адаптации сельского сообщества к занимаемой природной среде и к социально-экономическим условиям обитания.

Серьезной трансформацией, потребовавшей от удмуртов изменения стратегий адаптации, стало присоединение к Русскому государству. Процесс присоединения занял длительный период и был достаточно сложным. Начался он в последней четверти XV в. покорением Вятской земли, а завершился лишь к 1557 г., когда было окончательно подавлено восстание в завоеванном в 1552 г. Казанском крае. Пережив еще до падения Казани социокультурный шок, вызванный походом на Арскую землю в сентябре 1552 г. русского войска, в течение 10 дней

подвергавшего ее опустошению²⁷¹, арские люди приняли единственно возможное решение, обеспечивавшее выживание: прислали своих представителей бить челом Ивану IV и выразили согласие платить ясак в тех же размерах, что и казанским ханам.

Однако после декабря 1552 г. чаша весов стала склоняться к мятежу, т. е. деструктивному способу адаптации. Как и другие мятежные народы левобережья, удмурты не получили освобождения от уплаты ясака, на три года пожалованное горным марийцам и чувашам. Более того, в ходе восстания удмурты потеряли значительную часть социальной верхушки: в живых остались «убозие земледельцы»²⁷².

На первых порах, продолжая пребывать в состоянии социокультурного и психологического шока, удмурты в качестве механизма адаптации избрали мимикрию и самоизоляцию. Они уходили в лесные дебри верховьев Камы и Вятки, в Северо-Западную Башкирию, предпочитая контактам трудоемкий и затратный процесс разработки под пашню новых лесных массивов²⁷³. Численность удмуртов, попавших под официальный учет, была очень незначительной: даже в 1631 г. разрядные книги отмечали в Казанском уезде всего 983 двора «вотяцких ясашных людей»²⁷⁴. Способность удмуртов быстро исчезать при появлении иноэтничных соседей нашла яркое отражение в оценочных гетеростереотипах русских: удмуртов стали называть «серой мышью», сложились поговорки «вотяк бежит от русского, все равно что мышь от кошки», «вотяк любит прятать, а русский — на готовом стряпать»²⁷⁵.

Правительство не спешило в корне изменить положение новых подданных, в значительной мере сохраняя сложившийся «статус-кво». Каринские арские князья, вывезенные в Москву, в 1490 г. были возвращены назад, им были пожалованы огромные массивы земли в бассейне р. Чепцы, а также податной и судебный иммунитет. Политика заигрывания с «инородческой» социальной верхушкой Вятской земли продолжалась, пока не стабилизировалась обстановка в Казанском крае. После подавления последнего восстания в ходе реформы 1583–1588 гг. власть лишила арских князей тарханских прав и включила в состав черносошных крестьян. Удмурты и бесермяне, отведенные от них «судом и пошлиною», получили право экстерриториальности: вятские воеводы и их помощники не имели права въезжать в Каринскую волость «ни по что», валовой оброк «за все, про все», первоначально составлявший 500 руб., население привозило непосредственно в Москву. Здесь же рассматривались касавшиеся удмуртов судебные дела²⁷⁶.

В конце XVI–XVII вв. московская власть действовала достаточно осмотрительно и в отношении

южных удмуртов. В наказах казанским воеводам декларировалась необходимость «жити с великим бережением, держати ласка и привет, насилства, налогов и продаж и убытков ни в чем не чинить и посулов ни у кого ни от чего не имать». Восстановлению численности, ускорению социокультурной перестройки способствовало освобождение удмуртов от военной службы, поставка даточных людей была заменена денежной компенсацией: «На службу их не посылают, потому что емлетца с них в государеву казну перед черемисою лишней ясак...»²⁷⁷ В 1678 г. взыскание даточных людей с каринских удмуртов и бесермян также было заменено денежной податью в 1 руб. с выти²⁷⁸.

Постепенно удмуртские крестьяне изживали состояние шока и налаживали механизмы самоорганизации и взаимодействия с властью. Формой самоконструирования удмуртского мира стала единица мезоструктуры — крупная община, соответствующая северорусской общине-волости. Как гарант в защите общинной территории и как инстанция, ответственная пред фискальной системой государства, на севере края выступала община-доля, на юге — община-сотня, организованные по иерархическому принципу: внутри них существовали деревенские общины. Объединения с определенной территорией и функциями управления существовали у удмуртов задолго до присоединения²⁷⁹, однако массовые миграции привели к их дезорганизации.

На новых местах расселения общины воссоздавались постепенно. Дозорные книги 1615 г. зафиксировали на севере удмуртов «каринских» и «верх Чепцы реки». В писцовых книгах 1629, 1646 гг. различаются уже удмурты каринские, чепецкие и верхочепецкие. Впервые доли четко фиксируются в переписи 1662 г. приставных дворов удмуртов и бесермян. По мере разрастания территории и возрастания численности населения общины дробились: в 1717 г. выделялись 6 долей, в 1722 г. — 7²⁸⁰. Община-сотня, характерная для южной группы удмуртов, была не менее крупным образованием: в 1710–1716 гг. было зафиксировано 6 сотен, в 1763 г. было отмечено уже 18²⁸¹. Будучи главным адаптивным ресурсом удмуртского крестьянства, община вырабатывала механизмы, обеспечивавшие процесс взаимодействия с внешней средой, прежде всего с властью, выделяла группу лидеров, задачей которой было обеспечение коммуникаций. В северных удмуртских общинах к руководству устремились потомки бывших арских князей, в XVII в. отчаянно боровшиеся за сохранение монопольного права «старостить» и толмачить в удмуртских долях и использовавшие свое положение для захвата общинных угодий, мирских денег и закабаления крестьян²⁸².

Сложность положения выделяющейся удмуртской прослойки лидеров заключалась в том, что сами удмурты воспринимали ее как потенциально опасное явление. Негатив выражается уже в терминологии, используемой для их обозначения: *коштаны, ушники, горланы и ябедники*. Удмуртские крестьяне стремились вести борьбу с «врагом», подтачивавшим, с их точки зрения, устои общины. Так, с битых батогами «ябедников и коштанов Федки Павлова с товарищи» в 1699 г. общинники взяли поручную запись, что «им впредь не ябедничать, не ушничать и не коштанить, и никаких нападков и беды, и разорения никаких на мирских людей не наводить и тягостей в мир не чинить»²⁸³. Здесь невозможно не вспомнить анализ С. В. Лурье консервативных способов адаптации этноса к меняющимся условиям: «Слой общества, на котором лежит тяжесть внешних контактов, создает свой собственный вариант модификации этнической традиции. Из-за своей ценностной системы он неприемлем для большинства народа»²⁸⁴.

Проблема удмуртской общины как формы самоорганизации и механизма адаптации заключалась и в том, что среди удмуртов и бесермян было мало желающих брать на себя исполнение мирских должностей. Избираемый должен был соответствовать огромной ответственности, которая на него налагалась: быть человеком «добрым», т. е. умным, волевым, предприимчивым и здоровым. Поставленные между Сциллой и Харибдой, они должны были проявлять чудеса изворотливости, смекалки, не говоря уже об отличном знании русского языка и основ российского законодательства, не претендуя при этом на вознаграждение. Община обещала материальную поддержку в экстремальных ситуациях, но строго спрашивала за нарушения норм обычного права и общинной морали.

О том, насколько сложной оказывалась судьба общинных руководителей, ярко свидетельствует история Тукташа Юрегова. Будучи обеспеченным и влиятельным, в 1696 г. он был избран на общем мирском совете в старосты. На следующий же год Юрегов начал борьбу за размежевание своей доли с соседней и с Казанским уездом, а также за выселение каринских татар, захвативших здесь земли. Его мужественная борьба за интересы общины вызвала ожесточенное сопротивление каринских богатеев и непонимание удмуртов. По подначке Касимовых в феврале 1698 г. удмурты били челом в Новгородском приказе и просили запретить старостить Тукташу Юрегову, которого предлагали выслать в Москву в оковах. В 1699 г. общинники обвинили его в злоупотреблениях при распоряжении мирскими деньгами и просили выслать в Вятку для расследования на месте²⁸⁵.

Несмотря на все перипетии, удмуртские крестьяне упорно отстаивали свое право на обосо-

бленность в податном отношении. Все попытки вятских воевод и русского населения распространить на них общие для всей Вятской земли сборы и повинности завершались тем, что удмуртам удавалось добиться подтверждения грамоты от 1588 г. каждым новым царем. В конце XVII — начале XVIII в. каринские удмурты инициировали масштабные государственные сыски по поводу злоупотреблений вятских воевод и их приспешников — потомков арских князей²⁸⁶.

Материалы сысков убеждают в том, что удмуртские общины обладали реальной территорией, право на которую признавалось властью. Это резервировало размеры угодий, достаточные для ведения традиционного комплексного хозяйства и облегчало адаптацию удмуртских крестьян к системе государственного феодализма. Важно, что в конфликтах между местной властью и крестьянами центр был склонен больше доверять общине, ибо многочисленные сыски подтверждали правоту челобитчиков. Показательной является и скорость реакции центра: между появлением ходоков и решением приказов не проходило, как правило, и месяца.

В первой четверти XVIII в. удмуртский социум переживает новые резкие трансформации: реформы Петра I в корне меняли сложившиеся отношения. Окончательное уравнение ясачного и черносошного, русского и нерусского крестьянства было осуществлено с введением в подушной подати и с созданием Петровским плакатом от 26 июня 1724 г. единого разряда государственных крестьян. Одновременно с утратой экстерриториальности, означавшей небывалое увеличение злоупотреблений, податные тяготы, сочетавшие общегосударственные сборы и специфические налоги типа пошрины «с иноверческих свадеб», «с домовых бань», «с мечетей и мольбищ», «за винное курение, пивное варение и медовые ставки», возросли настолько, что вятский воевода Чаадаев запрашивал Сенат, как собирать подати с нерусских крестьян, ибо на них «наложен оклад тяжкой, и ежели такие наши денги доправлены будут, то оне разорены будут»²⁸⁷.

Петровская эпоха ознаменовалась ликвидацией еще одной уступки: удмурты отныне привлекались к рекрутской службе и поставке работных людей наравне с остальными податными сословиями²⁸⁸. По-видимому, новая реальность перестала укладываться в сложившуюся картину мира, и традиционное сознание после столь масштабных преобразований, как и в середине XVI в., стало утрачивать необходимые адаптивные свойства. Как отмечают исследователи, в таких обстоятельствах конфликтность этноса по отношению к внешнему миру резко возрастает²⁸⁹. И действительно, ответом на правительственные инновации стали волнения и мятежи. Удмурты поддержали башкирское восстание,

которое развернулось в 1704–1711 гг. Целой серией открытых волнений сопровождалось введение подушной подати²⁹⁰.

Ускоренная насильственная христианизация также вызвала массовое участие удмуртов в восстании под предводительством Е. И. Пугачева. Новокрещенные стали открыто возвращаться к язычеству: отказывались от выполнения христианских обязанностей, некоторые покушались даже на святые иконы и духовенство: в районах, охваченных восстанием, было убито 17 членов причта²⁹¹.

Мятежная попытка избежать крещения не дала результатов. История снова поставила удмуртов перед выбором: адаптироваться, надев на себя личину христианина, или настаивать на «идоляторских заблуждениях», поставив под угрозу будущее. К концу XVIII в. большинство удмуртов, проявив гибкость и рационализм, формально приняло христианство, хотя долго еще продолжало идентифицировать свою этническую сущность с удмуртским языком и язычеством.

В конце XVII — первой половине XIX в. своеобразии удмуртских общин было окончательно ликвидировано; они все более включались в качестве низшего звена в структуру управления. Крестьянское землепользование в ходе генерального межевания было жестко ограничено 15 десятинами на душу мужского пола. В условиях наступавшего малоземелья, которое становилось заметнее по мере роста населения и развития товарно-денежных отношений, в адаптивные процессы все больше включалась семья. В первой половине XIX в. типология семьи претерпела парадоксальные, на первый взгляд, изменения, выражающиеся в сокращении числа и удельного веса малых семей и возрастании числа неразделенных, особенно братских, семей. Многолюдная неразделенная семья располагала большими возможностями разделения труда в пределах семейной кооперации для сочетания земледелия с промыслами, более рационального использования оставшейся в распоряжении крестьянского хозяйства земли.

Социальные трансформации рубежа XX–XXI вв. с новой неизбежностью актуализировали в массовом сознании удмуртского крестьянства проблему поиска ресурсов и выработки моделей адаптационного поведения в условиях изменяющейся социальной среды как следствия либеральной модернизации деревни.

Полевые исследования сельских районов Удмуртии в 2006–2008 гг. показали, что выбор ресурсов жителями деревень осуществляется как на коллективном, так и автономном уровне. При этом виды деятельности, направленной на жизнеобеспечение, варьируют в достаточно широком диапазоне и реализуются, как правило, в комплексе. Труд в

общественном производстве, в личном подсобном хозяйстве, занятие фермерством, различные виды несельскохозяйственной предпринимательской деятельности, поденная, временная, сезонная работа по найму, многозанятость, сетевые ресурсы, эпизодические рейды в рыночную экономику, криминальные/полукриминальные методы добычи средств существования, организация сельского эко- или этнотуризма — это далеко не исчерпывающий перечень адаптационных практик, демонстрируемых современным сельским социумом.

Одним из наиболее крупных ресурсных каналов и объектов приложения адаптационных практик селян стали СПК — сельскохозяйственные производственные кооперативы (по Т. Шанину — крупхозы), КФХ — крестьянские фермерские хозяйства и ЛПХ — личные подсобные хозяйства. Работа в СПК, к примеру, гарантирует селянину заработную плату и ряд социальных выплат, позволяет рассчитывать на определенные льготы и скидки при аренде техники, приобретении строительного материала, фуражного зерна. Даже то, что сегодня в преобладающем большинстве деревень нет нищих и бездомных, брошенных сирот и стариков, заслуга не только конкретных людей или семей, но и местных сельскохозяйственных предприятий и их руководителей.

Преобладающее из состава СПК число успешных, экономически сильных хозяйств (25–30 из 300 с небольшим) является преимущественно удмуртским как по составу рабочих, так и их руководителей²⁹². Это наталкивает на вывод, что в рамках Удмуртии отдельные этнически русские СПК контрастируют с более жизнестойкими и трудоспособными сообществами преимущественно удмуртских хозяйств. Полевые материалы и статистические данные свидетельствуют о том, что в целом высокие общереспубликанские (средние) показатели по надоям молока, количеству поголовья скота, урожайности зерновых культур складываются преимущественно за счет удмуртских товаропроизводителей. Выводы авторов, сделанные в ходе данного исследования, совпадают с мнением известного российского географа Т. Г. Нефедовой: социальная архаика «островных» этнических сообществ в кризисных условиях сельского хозяйства оказалась более устойчивой и даже более гибкой²⁹³.

Ярчайшим примером мобилизации материальных, производственных и иных ресурсов и практик адаптации стало бурное развитие ЛПХ. Современный селянин, даже если он остается в пространстве «крупхоза» институционально, предпочитает вкладываться именно в свое ЛПХ.

Личные подворья селян в современных условиях можно рассматривать как производственную единицу, функционирующую по законам семейной

экономики. Для такого хозяйства характерны не погоня за прибылью, а поддержание обычной жизнедеятельности, сохранение материального и социального статуса. Традиции и культура хозяйствования на земле, которая в рамках личных подворий не прерывалась во все советские годы, стали ресурсом адаптации селян, поиска новых хозяйственных практик, где реальная помощь региональной власти занимает весьма скромное место.

Пример ЛПХ позволяет считать, что самостоятельность крестьянского социума выразилась не там, где предполагалось (не в коллективных и даже не в фермерских хозяйствах). Оценивать подобную адаптационную практику как однозначно позитивную и перспективную едва ли возможно. Выживание семейных хозяйств и демонстрация ими значимого экономического результата происходят за счет самоэксплуатации, которая гарантирует определенную экономическую и материальную независимость, но не уменьшает несвободу — несвободу от тяжелого (преимущественно физического) ежедневного труда, необходимости неотлучного пребывания в рамках собственного мелкотоварного хозяйства. Нельзя не согласиться с П. Великим, назвавшим практику перелива энергии созидания из коллективного производства в личное подворье неорхайкой²⁹⁴.

В то же время ЛПХ как никакая другая форма хозяйствования ярко отражает степень активности/пассивности селян в условиях переходного общества. Если даже основная стратегия их поведения связана с выживанием, то и в таком случае четко просматривается деление сельского социума на индивидов (или семейства), мобилизующих свои ресурсы и реальные действия, и пассивных, не предпринимающих усилий для сохранения статуса. Это, в свою очередь, приводит к формированию в социуме адаптантов и дезадаптантов: первые демонстрируют образцы практик освобождения от патерналистских ожиданий и расчета на собственные силы, вторые — иждивенчества и балансирования на грани маргиналов в ожидании социальной помощи от местного сообщества, органов власти или опеки.

Серьезной ареной адаптационных практик сельских тружеников Удмуртии могло бы стать занятие фермерством, но прошедшее десятилетие показало, что этот ресурс сельским социумом (и не только им, но и идеологами реформ) был явно переоценен. Фермерский сектор Удмуртской Республики с 1997 г. стал сокращаться и постепенно перешел в стадию вялотекущего процесса. Только главы двух фермерских хозяйств из 3 тыс. с лишним организацию производства и работу с персоналом ведут на уровне крупного (по республиканским меркам) бизнеса и сосредоточивают

в руках от 2 до 4 тыс. га земли. Остальное большинство производство и реализацию продукции в основном осуществляет в рамках натурального обмена, практикует формы неэкономического взаимодействия; многие КФХ функционируют в режиме самообеспечения. За годы трансформаций фигура фермера в деревне стала узнаваемой, но фермерский уклад не стал ведущим в сельском хозяйстве республики. По данным органов статистики, в 2004 г. только 1,8 % молока, 0,95 % мяса, 5,8 % картофеля и 2,1 % овощей произведено в фермерских хозяйствах²⁹⁵.

Взаимоотношения фермеров и СПК в последние годы вошли в русло относительно устойчивого партнерства, не исключая, впрочем, элементов соперничества и конкуренции. Конфликтные ситуации, как правило, бывают связаны с земельным вопросом. Отношение сельского сообщества к фермерам также меняется: если 7–8 лет назад для многих работа на фермера воспринималась как неприемлемая форма занятости, то сегодня воспринимается как желаемая в силу стабильной и более высокой заработной платы.

Взаимоотношения ЛПХ с СПК носят симбиотический характер: дворы заинтересованы в получении разных видов услуг и помощи от крупного хозяйства, которое, в свою очередь, в меру возможностей продолжает их оказывать, руководствуясь представлением о социальной ответственности. Но так как удельный вес социальных благ, получаемых легально, имеет тенденцию к сокращению, члены семейных хозяйств не гнушаются добыванием их не правовыми способами. По словам одного из руководителей СПК, «тащат по мелочи — горючее, зерно, запчасти, кормовую подсыпку. Село рядом, тракт — отсюда воровство. Воруют горючее, тут же на трассе продают»²⁹⁶.

Появление новых акторов сельской экономики в лице ООО, ОАО и ЗАО свидетельствует о процессе концентрации производства (а заодно — и собственности) в руках крупных товаропроизводителей, игнорирующих сельский социум в качестве субъекта этого процесса. Подобное становится возможным из-за модернизации экономических отношений преимущественно в технологическом и организационно-правовом направлениях, факторы же развития человеческого потенциала экономики, его нравственная и гуманистическая составляющие остаются в тени, что только усугубляет критические показатели в качественных параметрах демографического ресурса села²⁹⁷.

В ряде хозяйств, сменивших свою организационно-правовую форму по инициативе руководства местного СПК, обычно сохраняется прежняя специализация производства, костяк рабочих, идеология трудовых отношений, ответственность за

социальное развитие села. В других, прошедших реформирование под давлением сверху, события разворачиваются по иному сценарию: меняются руководители, происходит едва ли не массовое сокращение рабочих, ужесточение трудовой дисциплины, вытеснение социальной сферы села на периферию интересов инвесторов.

Как свидетельствуют полевые материалы и данные сельскохозяйственной статистики, процессы перехода/перевода СПК в ООО, ОАО, ЗАО заметно активизируются. В 2005 г., по сравнению с 2004 г., число ООО в республике увеличилось почти в два раза (с 62 до 121), а число СПК сократилось с 346 до 333²⁹⁸. Вытеснение правопреемников вчерашних колхозов и совхозов акционерными обществами (ЗАО, ОАО) или ООО особенно активно происходит в четырех южных, преимущественно русских по этническому составу населения, районах. Здесь процедуру банкротства и укрупнения прошло большинство СПК, и на смену им пришли крупные новые игроки, учредителями которых являются городские бизнес-структуры («Удмуртнефтепродукт», «Удмуртская хлебная компания», «Удмуртагроснаб»).

Традиционализм, здоровый крестьянский консерватизм (нежелание рисковать, осторожное отношение к новшествам), перманентное недоверие к власти как таковой, некоторые другие нюансы социальной ментальности определяют специфику адаптационных практик сельского социума. Деревенский житель, убедившись, что оказался один на один со своими проблемами, в меру возможностей постарался избавиться от патерналистских иллюзий, стал рассчитывать в первую очередь на себя и основные усилия сосредоточил на личном подворье. При всем этом он не стал спешить и с добровольным разрывом отношений с крупным товаропроизводителем, видя в нем не только источник некоторых ресурсов, но и арену приложения своих адаптационных практик. Одним словом, современный крестьянин традиционно продолжает действовать как человек «комплексный».

Сельский (социальный) менталитет во многом определяет и то, что из разнообразия моделей адаптационных практик предпочтение отдается тем, которые позволяют выживать за счет проверенных, привычных и более надежных, с точки зрения селян, ресурсов — самоэксплуатации, натурализации, в чем-то даже примитивизации. Данный выбор позволяет выживать, но редко развиваться, тормозит интегрирование социума в процессы либерализации производственной жизни и отношений. Селяне демонстрируют витальность, упорство и упрямство, пластичность, но при этом основная логика их выживания связана с традиционализмом.

***

Накопленный эмпирический материал и его первичный анализ позволяют считать, что присущие большинству удмуртов качества — неверие в собственные силы, терпеливость, скромность, склонность к мимикрии, нежеле к активному действию, социальная апатия, уход в пассивные формы протеста (алкоголизм, суицид) — вольно или невольно, но ограничили их психологическую и социальную мобильность. Тем самым оказались заблокированными и возможности активного участия в рынке.

Складывается даже впечатление, что в силу низкой самооценки, чрезмерной осторожности и нерешительности сельские удмурты на первых порах и не помышляли об осознанной и мобилизованной включенности в трансформационные процессы. Возможно, поэтому преобладающая часть удмуртов предпочла остаться в привычном пространстве коллективного хозяйства, сочетая работу в нем с трудом в личном подворье.

Примеры производственно-экономической успешности преимущественно удмуртских СПК наталкивают на мысль, что «вписанность» этнических удмуртов в рыночные отношения на коллективном уровне выглядит более яркой, нежели на приватном уровне. В последнем случае сельские удмурты, несомненно, как и весь сельский социум, приспособились жить, будучи плотно окруженными проблемами различного характера, но значительно утратили свой социальный оптимизм, хотя не отказались от попыток преодолеть деструкцию и приспособиться к сложившейся ситуации.

Следует особо отметить то, что на данном этапе переходного периода именно традиционная привязанность удмуртов к сельскому образу жизни, слабая горизонтальная мобильность, а также численный перевес в сообществе сельских тружеников Удмуртской Республики (более 53 %) в целом сыграли стабилизирующую роль в сохранении сельской местности и сельской экономики.

Итак, комплексная разработка проблем адаптации населения Камско-Вятского региона позволила выявить отдельные механизмы, ресурсы и институты адаптации, имеющие трансисторический характер. Мобилизация современным сельским населением традиций деревенского общежития, ценностей семьи и крестьянского мира в качестве механизма адаптации демонстрирует витальность деревенского земледельческого сообщества как носителя одного из базовых форм существования в условиях лесной зоны Восточной Европы и раскрывает его адаптационный потенциал в периоды самых сложных переходных состояний и социальных потрясений как исторического прошлого, так и рубежа XX–XXI вв.

*Коростелев А. Д., Данилко Е. С., Молотова Т. Л., Попова Е. В.,
Садиков Р. Р., Ягафова Е. А.*

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМНОЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ В ЭТНИЧЕСКИ СМЕШАННЫХ СЕЛЕНИЯХ

За последнее время появилось немало работ, в которых межэтнические отношения рассматриваются прежде всего в русле изучения конфликтов, однако к исследованию опыта длительного мирного сосуществования групп населения разной этнической принадлежности ученые обращались гораздо реже. Между тем опыт человечества говорит о том, что между группами людей, которые принадлежат к разным народам и различаются в культурном и языковом отношении, конфликты возникают далеко не всегда. Более того, их мирное сосуществование является скорее правилом, чем исключением. При этом в процессе контактов и взаимодействия они осваивают язык и элементы культуры друг друга, в некоторых случаях изменяют свою этническую идентичность.

Одним из регионов России, где на протяжении долгих веков мирно соседствуют и взаимодействуют между собой представители разных народов, является территория Поволжья и Приуралья. Здесь встречаются как районы с относительно однородным в этническом отношении населением, так и местности, где расселение этнических групп носит дисперсный характер. Крайним случаем такой дисперсности можно считать этнически смешанные поселения. Они представляют собой ту социальную среду, где наиболее интенсивно протекают процессы межэтнического и межкультурного взаимодействия, и поэтому особенно интересны для исследователей, стремящихся увеличить свои знания об этих процессах. Однако, несмотря на то что отдельные сведения об этнически смешанных селениях данного региона встречаются во многих работах, до последнего времени такие селения никогда не были объектом специального исследования.

В 2006–2008 гг. проходила работа по проекту «Этнически смешанные селения в Урало-Поволжском регионе: опыт взаимной социально-культурной адаптации» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»). Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН были организованы три экспедиции, в которых принимали участие специалисты по этнографии различных народов региона, работающие в исследовательских центрах Москвы, Уфы, Самары,

Ижевска, Йошкар-Олы, Казани. В задачи экспедиций входило изучение таких аспектов межэтнического взаимодействия и социально-культурной адаптации, как:

- 1) характер и интенсивность взаимодействия контактирующих групп;
- 2) изменение этнокультурных и этноязыковых характеристик в процессе взаимной адаптации контактирующих групп;
- 3) историческая динамика и перспективы развития процессов межэтнического взаимодействия.

Изучение этнически смешанных селений как специального объекта исследования вообще и данной темы в частности проводится впервые. Поэтому собранный материал носит уникальный характер. В ходе экспедиции собраны статистические материалы (данные похозяйственных книг, социально-экономические показатели), составлены карты-схемы поселений и культовых мест с указанием топонимических названий, велась фото- и видеосъемка, аудиозапись бесед с сотрудниками сельских администраций, работниками учреждений культуры и образования, местными старожилыми и краеведами.

В рамках данного проекта социально-культурная адаптация рассматривалась не только как процесс, но и как состояние, достигнутое в результате многолетнего процесса взаимного приспособления двух (или более) этнических групп. В каждой поселенческой среде адаптация происходит непрерывно, и в связи с постоянно изменяющимися условиями для каждого исторического периода и каждого поколения она имеет свои особенности. Поэтому взаимная групповая адаптированность сельских жителей, принадлежащих к разным этническим группам, в наши дни имеет иной характер, чем несколько поколений назад; такого рода изменения будут происходить и в будущем. Материалы экспедиций касаются как особенностей освоения края и механизмов адаптации на ранних периодах, так и современной ситуации, сформировавшейся в результате новых социально-экономических и культурных изменений последних десятилетий.

Представители разных народов, переселяясь в предыдущие столетия на территорию Башкирии, далеко не всегда сразу оседали на новом месте,

иногда по несколько раз меняли его. Поэтому случается и так, что современные жители какого-либо селения не всегда являются потомками того населения, которое там зафиксировано в исторических источниках или являются не только его потомками. Идет постоянный живой процесс ротации населения между населенными пунктами. И поэтому этнически смешанные селения — это не один раз возникшая и с тех пор неизменная категория населенных пунктов, а постоянно трансформирующаяся среда. Селения, которые были смешанными прежде, могут становиться более однородными по этническому составу, а те, что в прошлом были моноэтническими, наоборот, превращаются в смешанные.

Каждому экспедиционному выезду предшествовало историко-статистическое изучение возникновения и развития этнически смешанных селений по архивным и опубликованным статистическим и иным источникам. В результате этой работы определялось место, которое такие селения занимают в структуре расселения народов региона, выявлялись местности и населенные пункты, представлявшие наиболее перспективными для более детального исследования, и проектировался маршрут экспедиции.

В 2006 г. в связи с разнообразием типов таких селений для изучения на первом этапе исследования были отобраны селения, расположенные на территории Западной и Северной Башкирии и некоторых прилегающих районов Татарстана и сформировавшиеся как этнически смешанные еще до 1917 г. с численностью населения более 100 чел. В этих селениях в разных сочетаниях проживают представители пяти народов — чуваша, удмурты, марийцы, татары и башкиры, накопившие длительный опыт совместного проживания.

С 3 по 16 августа 2006 г. была проведена первая экспедиция, маршрут которой включил 13 таких селений, расположенных на территории 9 районов Республики Башкортостан и Республики Татарстан.

Селения, обследованные экспедицией 2006 г.:

1. Республика Татарстан:

Потапово-Тумбарла Бавлинского р-на — чуваша и удмурты;
Удмуртские Ташлы Бавлинского р-на — удмурты и чуваша.

2. Республика Башкортостан:

Суккулово Ермекеевского р-на — чуваша, татары и башкиры;
Баймурзино Белебеевского р-на — татары и марийцы;
Метевбаш Белебеевского р-на — татары и марийцы;
Юмашево Чекмагушевского р-на — чуваша и марийцы;

Базгиево Шаранского р-на — чуваша и татары (в основном крещеные);
Кучук Шаранского р-на — чуваша и татары;
Старые Маты Бакалинского р-на — чуваша, кряшены и татары-мусульмане;
Ярмино Дюртюлинского р-на — марийцы, татары и башкиры;
Нижний Тыхтем Калтасинского р-на — марийцы и удмурты;
Шавьяды Балтачевского р-на — татары и удмурты;
Асавка Балтачевского р-на — удмурты и татары.

В следующем году по сравнению с предыдущей экспедицией этнографическое поле было расширено как географически (включение некоторых районов юга Башкортостана, северо-востока Татарстана и юга Удмуртии), так и типологически (включение селений, где наряду с этническими группами, изучавшимися в предыдущем году, проживают также русские и мордва, и некоторых селений, которые стали этнически смешанными сравнительно недавно). Маршрут экспедиции, проводившейся с 6 по 20 августа 2007 г., включил 17 таких селений, расположенных на территории 10 районов Республики Башкортостан, Республики Татарстан и Удмуртской Республики.

Селения, обследованные экспедицией 2007 г.:

1. Республика Башкортостан:

Айгулево Стерлитамакского р-на — чуваша и русские;
Кармаскалы Стерлитамакского р-на — татары и мордва;
Наумкино Аургазинского р-на — чуваша и мордва;
Ильтеряково Кармаскалинского р-на — мордва и чуваша;
Малонакаряково Мишкинского р-на — марийцы («язычники»), русские и татары;
Тепляки Бураевского р-на — русские, татары и башкиры;
Асавтамак Бураевского р-на — татары и удмурты («язычники»);
Максимово Янаульского р-на — татары и удмурты («язычники»);
Шушнур Краснокамского р-на — марийцы (православные и «язычники»), русские и татары;
Князь-Елга Илишевского р-на — удмурты (православные) и башкиры.

2. Республика Татарстан:

Куст селений Монашевского сельсовета Менделеевского р-на Республики Татарстан, в т. ч.: Монашево — удмурты (православные), Актазики — марийцы («язычники»), Татарский Кокшан — татары.

3. Удмуртская Республика:

Порым Граховского р-на — удмурты, кряшены и русские;

Благодатное Граховского р-на — чувашы и русские;

Каменное Граховского р-на — русские, маришцы и удмурты;

Мари-Возжай Граховского р-на — маришцы и удмурты.

С 5 по 20 августа 2008 г. была проведена третья, завершающая экспедиция по проекту. Она работала в населенных пунктах, которые отличались от селений, изученных в предыдущие два года, либо по специфике формирования этнокультурной ситуации, либо по географическому положению, либо по иной этнополитической ситуации. Некоторые из исследованных селений, строго говоря, не являются на данный момент этнически смешанными, но их население сформировалось в условиях интенсивного этнокультурного взаимовлияния разных этнических групп. Маршрут экспедиции включал селения, расположенные на территории 11 районов севера и запада Республики Башкортостан, юга Кировской обл., юга Республики Татарстан и севера Самарской обл.

Селения, обследованные экспедицией 2008 г.:

1. Республика Башкортостан:

Гарибашево Татышлинского р-на — татары (башкиры) (потомки отатарившихся удмуртов);

Новоямурзино Балтачевского р-на — маришцы и татары (башкиры);

Кизганбашево Балтачевского р-на — удмурты и татары (возможно, частично потомки отатарившихся удмуртов);

Старобазаново Бирского р-на — русские и маришцы (исторически русское селение);

Бугабашево Бакалинского р-на — чувашы и русские;

Нарат-Чукур Бакалинского р-на — татароязычные маришцы («язычники»), прежде жившие в кряшенском селении.

2. Кировская обл.:

куст селений Новосмаильского сельсовета Малмыжского р-на, в т. ч.: Новая Смаиль и Салкым-Чишма — татары, Каменный Ключ и Алдарово — маришцы, Поречке Китяк и Удмурт-Китяк — удмурты;

куст селений Омгинского сельсовета Вятскополянского р-на, в т. ч.: Дым-Дым-Омга — удмурты, русские и татары, Виноградово — удмурты и русские, Казанка — татары, русские и удмурты.

3. Республика Татарстан:

Верхняя Кондрата Чистопольского р-на — татары (кряшены) и чувашы;

Салдакаево Нурлатского р-на — чувашы и татары.

4. Самарская обл.:

Русская Васильевка Кошкинского р-на — чувашы и русские;

Старое Эштебенькино Челно-Вершинского р-на — русские, чувашы и мордва;

Тимяшево Шенталинского р-на — мордва, чувашы и русские.

Для смешанных в этническом отношении селений характерны, с одной стороны, единство географической среды и хозяйственной деятельности, с другой — сохранение своей идентичности, своего языка и традиционной культуры (обрядов, праздников, пищи, одежды и др.).

Одним из условий, в которых протекают процессы адаптации, выступает сохранение этнических границ между группами, взаимно признаваемых и служащих основой для относительно устойчивого воспроизводства каждой этнической группы. При этом способы взаимной адаптации претерпели изменения в течение второй половины XX в. в сторону повышения коммуникативности этнических групп (межэтническая брачность, формы дружеского и производственного общения и т. д.), что привело к частичному размыванию этнических границ групп.

В обследованных селениях продолжает увеличиваться число этнически смешанных браков. При этом динамика данного процесса имеет различные местные особенности, которые связаны как с характером этнического состава населения деревень, так и с конкретной историей межэтнического взаимодействия в данной местности. Различны и последствия, к которым ведет процесс распространения смешанных браков. Одни деревни продолжают сохраняться как смешанные, в них по-прежнему в полной мере функционируют разные языки и культуры. В других селениях — меньшая по численности этническая группа постепенно размывается за счет смешанных браков или более активного участия в миграционных процессах. Есть деревни, где межэтническое взаимодействие носит более сложный характер.

Так, в с. Базгиево (Шаранский р-н Республики Башкортостан) межэтническое смешение имело место в течение нескольких поколений, и в результате взаимодействия чувашей, крещеных татар, а также мордвы сложился своеобразный локальный этнокультурный тип с преобладанием чувашского самосознания, татарского языка и православной религии. В этом селении проживают также татары-мусульмане.

В с. Старые Маты (Бакалинский р-н Республики Башкортостан), где проживают кряшены,

чуваши, татары-мусульмане, русские и башкиры, большое число браков между кряшенами и чувашами, наряду с другими особенностями взаимодействия этих этнических групп, позволяют говорить о формировании двуязычной надэтнической общности, верующие представители которой в конфессиональном отношении являются православными. В то же время и доля браков между мусульманскими и православными группами, хотя и несколько ниже, но все же достаточно высока.

Постоянный рост межэтнических браков между представителями двух основных национальностей — удмуртами-«язычниками» и татарами-мусульманами шел в течение последних десятилетий в с. Максимова (Янаульский р-н Республики Башкортостан). В деревне даже существует представление о том, что население Максимова можно подразделить на три группы: татары, удмурты и смешанные.

Еще один пример необычной этнической ситуации — с. Князь-Елга (Илишевский р-н Республики Башкортостан), в котором живут крещеные татароязычные удмурты, а число жителей в результате миграции резко сократилось, в последние десятилетия местные юноши в основном заключали браки с татароязычными башкирками-мусульманками из соседней деревни.

Адаптация поведения лиц, состоящих в этнически смешанных браках, к фактору признаваемых данным сообществом этнических границ проявляется, в частности, и при выборе национальности для своих детей, записываемой в книгах хозяйственного учета. Преобладающей формой такой адаптации обычно был выбор одной из двух национальностей родителей, а в некоторых ситуациях — выбор русской идентичности. В современных условиях, когда указание национальности перестало быть обязательным, в некоторых селениях становится распространенным явлением отказ от указания национальности детей от таких браков.

Существуют разные варианты культурной адаптации этнических групп, живущих в смешанных селениях, к процессам распространения современных элементов и форм культуры. В одних случаях наблюдается консервация традиционных элементов культуры в среде лиц старшего поколения при отсутствии интереса к сохранению и воспроизводству этнической культуры у молодых представителей данной этнической группы. В других случаях возникают и даже сознательно создаются новые элементы культуры, воспринимаемые как этнические, причем в этом процессе участвуют и представители молодого поколения.

Выявление действующих в настоящее время механизмов сохранения и бытования традиционных представлений, в т. ч. касающихся культовой практики и обрядов в смешанных селениях, позволяет говорить, что существует некий синкретизм разнородных представлений не только на уровне этнической культуры, но и в сознании отдельного человека. Носитель определенной этнической традиции (удмурт, мариец, татарин) в селениях такого типа включен в разные культурные и конфессиональные традиции. Поэтому, как показывают материалы, адаптация уже вне селения (поступление в вуз, переезд в другое селение, коммуникативные процессы) у выходцев из смешанных селений происходит более мягко, чем у представителей моноэтнических селений.

Полевые исследования, прежде всего материалы общественных организаций, учреждений образования и культуры, позволяют говорить, что в смешанных селениях самими носителями культуры вполне объективно ставятся вопросы сохранения этнической культуры, в т. ч. ее значения в процессах социализации детей в целом. Оказаться включенным в культуру соседнего народа, но при этом сохранить свою собственную — сегодня одна из проблем, которая адекватно понимается и решается представителями соседствующих народов. Она актуальна прежде всего в смешанных селениях, где в ситуации билингвизма, включенности в культуру соседнего народа можно ожидать полной потери собственной этничности. В свою очередь, тип поселения, в данном случае этнически смешанный, накладывает отпечаток на работу этих учреждений культуры (библиотечный фонд, преподавание языков, работа фольклорных коллективов).

Среди лиц, живущих в полиэтнической среде, и прежде всего в смешанных селениях, можно сегодня наблюдать наличие сложного по структуре этнического самосознания. Кроме того, на протяжении жизни одного человека его определение собственной этнической принадлежности может меняться несколько раз.

Для населения этнически смешанных селений характерен билингвизм, а в ряде ситуаций — мультилингвизм. Языки могут быть расположены (по степени социальной значимости и владения ими) в следующей последовательности: русский — татарский (для Татарстана и ряда районов Башкортостана) — язык большинства населения — родной язык. Наблюдается вариативность данной шкалы в зависимости от возраста — для старшего поколения в ряде селений более актуально знание татарского, нежели русского языка.

Исследование выявило разнообразные способы адаптации, связанные с переходом разных групп населения на татарский язык, при которых сохра-

нению прежней идентичности могут способствовать различные факторы в зависимости от конфессиональной принадлежности группы. Так, уже два поколения марийцев в д. Нарат-Чукур Бакалинского р-на Республики Башкортостан не знает марийского языка и говорит по-татарски, что связано с прежним их проживанием в кряшенском с. Старое Азмеево, с которым марийцы поддерживают активные контакты и по сей день. В конфессиональном отношении они были и до сих пор считают себя «язычниками», хотя собственно «языческие» обряды в последние годы перестали соблюдаться. Других марийских селений на расстоянии до 30 км нет, а в ближайших населенных пунктах живут кряшены, татары-мусульмане, башкиры, русские. По-видимому, в этих условиях решающим фактором сохранения марийской идентичности выступают происхождение и конфессиональное самосознание.

В д. Князь-Елга Илишевского р-на Республики Башкортостан живут крещеные (православные) удмурты, также уже в течение жизни двух поколений говорящие по-татарски и не знающие удмуртского языка. Они продолжают называть себя удмуртами, несмотря на то что жители расположенного в том же районе другого удмуртского с. Шидали — в конфессиональном отношении «язычники» — называют их кряшенами и не признают их как удмуртов (подавляющее большинство удмуртов, проживающих в Башкирии, — «язычники»). Таким образом, у князь-елгинцев решающим фактором сохранения удмуртского самосознания оказывается представление о своем происхождении и о языке, на котором раньше говорили их предки.

В с. Гарибашево Татышлинского р-на Республики Башкортостан местное удмуртское население в конце XIX — начале XX в. под влиянием мусульманских проповедников приняло ислам. Переход на татарский язык не составил проблем, т. к. в этой местности издавна быльязыком межэтнического общения. Сейчас жители Гарибашева помнят о своем удмуртском происхождении, но считают себя татарами (в некоторых источниках фигурируют как башкиры). В 1995 г. умер последний носитель удмуртского языка²⁹⁹. Однако жители соседних татарских селений до сих пор иногда называют их удмуртами.

В процессах адаптации важную роль играет конфессиональная принадлежность разных групп населения, причем влияние этого фактора проявляется в нескольких аспектах. В тех случаях, когда межэтническая граница совпадает с межконфессиональной, конфессиональное самосознание не только выступает фактором самосохранения группы, но может стать и средством ее консолидации. В то же время в ряде селений сложились дружественные отношения между группами, представители которых не только хорошо знают праздники и обряды

друг друга, но участвуют в обрядах и молениях другой группы, почитают иноэтнические святилища. Сложились различные формы синкретизма традиционных верований с исламом и православием (использование молитвенных формул и элементов обрядов другой религии, обращение за помощью к служителям других религий, исполнение разных религиозных ритуалов в смешанных семьях и др.). В ряде случаев можно наблюдать формирование надэтнического пласта религиозной культуры (например, открытие женского монастыря в Бугабашево Бакалинского р-на Республики Башкортостан и молебен по этому поводу объединили все православное население окружающих селений — чувашей, кряшен, русских; аналогичные функции постоянно выполняют православные приходы).

Одновременно возрастает влияние православия, ислама и традиционных языческих культов на те этнические группы, которые традиционно их исповедовали. В некоторых случаях это приводит к разногласиям между теми, кто стремится к буквальной трактовке положений религиозных учений, и сторонниками сохранения традиционных форм. Стремление к возрождению наблюдается и среди последователей старообрядчества и групп баптистов. Вместе с тем наблюдается переход некоторой части «язычников», старообрядцев и баптистов в православие. Среди представителей финно-угорских народов, в основном марийцев, под влиянием финских миссионеров в последние годы появились последователи лютеранства.

Отмечая процессы адаптации в сфере материальной культуры необходимо отметить, что переселение и освоение какого-либо селения или данной территории не было связано с кардинальной сменой хозяйственно-культурного типа. Поэтому в сфере хозяйственной деятельности каких-либо принципиальных перемен не произошло, но имели место частичные адаптации к некоторым видам специализации в сфере промыслов и специализации на отдельных сельскохозяйственных культурах. Одним из ярких примеров межкультурного взаимодействия являются селения, где татары проживают с мордвой, а также с другими народами. Здесь соседство с традиционно земледельческими народами имело определенное влияние на культуру хозяйствования татар: более активное внедрение огородничества, некоторых способов хранения и консервации продуктов земледелия. По оценке татар — жителей смешанных селений, их соседи помогли им адаптироваться и познакомиться с этими отраслями хозяйственной деятельности и материальной культуры раньше, чем этот процесс произошел в моноэтнических селениях.

В смешанных селениях идет наиболее активное проникновение в повседневный и празднич-

ный рацион некоторых блюд соседнего народа. При этом перенимается не только технология изготовления блюд, но и термины для их обозначения, правда, последние претерпевают некоторые фонетические изменения. В то же время следует отметить, что блюда, заимствованные из культуры соседей, не входят в состав обрядовой кухни и ритуальной трапезы. В целом «пищевой код» обрядов, несмотря на давние межэтнические контакты, остается неизменным, поскольку он связан с традиционным мировоззрением, составляющим основу обрядовой культуры, и самими носителями воспринимается, а сегодня подается как этнически значимый элемент, тогда как адаптационные механизмы в остальных сферах, имеющих социально-экономическое и хозяйственное значение, оказываются более гибкими.

Важным фактором обособления был и продолжает оставаться по сей день характер расселения представителей этнических групп в отдельных концах деревни. Это относится в первую очередь к тем селениям, где в прошлом совпадали этнические и общинные границы. В некоторых деревнях такая картина расселения постепенно размывается. Это хорошо видно на примере д. Нижний Тыхтем Калтасинского р-на Республики Башкортостан. Здесь все жители входили в прошлом в единую общину, но тем не менее существовали отдельные этнические концы. Первыми жителями деревни были марийцы. Подселившиеся затем русские крестьяне образовали отдельную улицу в южной части деревни, а удмурты селились в ее северо-западной части. В настоящее время почти все русские мигрировали в города. Удмурты вступали в смешанные браки с марийцами, а также переселялись на участки, откуда выехали прежние жители, и в результате расселение приобрело смешанный характер.

Еще один характерный показатель сближения односельчан, относящихся к разным этническим и конфессиональным группам, или же отсутствия такого сближения — организация сельских кладбищ. Хоронят ли односельчане разной веры своих покойников на кладбищах разных деревень, на разных кладбищах той же деревни, на разных участках одного и того же кладбища, на одном кладбище без различия участков — такая градация в определенной степени отражает степень сближения и обособленности групп и в их земной жизни.

Результаты полевого обследования выявили различные формы взаимной адаптации смешанного населения:

- 1) языковая (знание языков соседей, мультилингвизм);
- 2) этнокультурная (заимствования в материальной культуре, варианты синтеза обрядовой

культуры, совместное участие в обрядах разных этнических групп, высокий уровень межкультурной компетентности и др.);

- 3) производственная (трудовая специализация, полиэтнические трудовые коллективы);
- 4) социокультурная (этнические коллективы самодеятельности, школы, музеи — все в равной степени отражают интересы различных этнических групп);
- 5) социальная (межэтнические браки, этнически смешанные семьи, родственные и свойственные отношения, высокий уровень межкультурного взаимодействия);
- 6) территориально-поселенческая (расселение по концам, улицам, частям селения, основание выселков).

Важной чертой взаимной социально-культурной адаптации жителей этнически смешанных селений было то обстоятельство, что она не носила целенаправленного характера. Никто не ставил себе задачу непременно освоить те или иные элементы культуры соседей. Освоение языков друг друга обычно также происходило в бытовых контактах, а не в ходе учебного процесса. Поэтому здесь неприменимы многие подходы к проблемам адаптации, выработанные, скажем, для исследования адаптации мигрантов в чужой стране или адаптации населения к сложным трансформационным процессам в экономике и общественной жизни. Тем не менее, когда представители двух групп, различающихся по языку, культуре, религии, этнической идентичности, ранее проживавшие порознь, оказались в ситуации, когда стало необходимым жить рядом, общаться, решать какие-то вопросы, начался процесс, который вполне можно назвать взаимной адаптацией. Для людей, родившихся в этой смешанной среде, задача стояла уже по-другому, и для каждого нового поколения она ставилась по-новому, но при этом она скорее всего не воспринималась именно как задача. Шел стихийный процесс, породивший разнообразные формы адаптации. По-видимому, можно говорить о четырех теоретически возможных крайних случаях, к которым мог привести этот процесс для каждой группы.

- 1) полная неизменность собственных параметров: языка, материальной культуры, религиозно-обрядовой сферы, самосознания и т. д.;
- 2) полное изменение этих параметров, полное принятие параметров другой группы;
- 3) потеря собственного лица при неумении освоить языковой и культурный багаж другой группы;
- 4) сохранение своих параметров при освоении параметров другой группы.

Конечно, здесь перечислены всего лишь возможные крайние случаи. Во-первых, реальная ситуация соответствует скорее всего каким-то промежуточным состояниям между этими крайностями. Во-вторых, в отношении одних элементов культуры процесс мог развиваться каким-то одним образом, в отношении других — по-другому, в отношении, скажем, языка — по-третьему. Поэтому в действительности мы обычно имеем дело с многоплановыми и неоднозначными ситуациями.

И все же опыт изучения межэтнического взаимодействия в этнически смешанных селениях позволяет считать, что при всей многоплановости можно сделать вывод: в большинстве случаев ситуация оказывается ближе всего к четвертому из этих крайних случаев. Ведь там, где элементы культуры соседей, принадлежащих к иной этнической группе, не освоены на поведенческом уровне, они все же достаточно хорошо известны.

Не случаен тот факт (по признанию информантов данного исследования в некоторых селениях), что немногочисленные случаи недоброжелательного или неуважительного уважения к представителям иной национальности проявляют обычно те лица, которые сравнительно недавно переселились туда из деревень с моноэтническим составом населения и не имели опыта длительного совместного проживания в данной среде.

В процессе длительных контактов у представителей разных этнических групп выработалось то, что одна из участников исследования назвала высоким уровнем взаимной межкультурной компетентности³⁰⁰. Этот уровень будет выступать как фактор хороших отношений между группами и в дальнейшем, ведь если человек знает своих соседей и знает, что от них можно и чего нельзя ожидать, такое знание предостерегает и его самого от необдуманных поступков. Это внушает оптимизм и свидетельствует в пользу того, что выбор темы и объектов исследования как примеров мирного межэтнического и межкультурного взаимодействия сделан правильно.

Важными факторами, влияющими на характер и особенности протекания процесса адаптации и его результаты, следует признать:

- 1) длительность проживания данной группы населения в условиях иноэтнического окружения в данном регионе;
- 2) длительность его проживания непосредственно в данном селении в условиях повседневных контактов с представителями других народов;
- 3) численность группы;
- 4) этноконфессиональную ситуацию в селении и в ближайшем его окружении;
- 5) этноязыковую ситуацию, в т. ч. социальную значимость родного языка в деловой и повседневной сферах;
- 6) стремление основной массы населения к сохранению своей этнической культуры или отсутствие такого стремления;
- 7) степень распространенности этнически смешанных браков;
- 8) административно-политический фактор, в т. ч. языковую политику, проводимую в данном регионе, наличие или отсутствие специальных программ по сохранению этнокультурного наследия;
- 9) наличие или отсутствие связей со «своей» республикой;

другие региональные и локальные особенности.

В целом необходимо еще раз подчеркнуть, что развитие и характер процессов межэтнического взаимодействия в этнически смешанных селениях зависят от численного соотношения контактирующих групп, от их культурных и языковых характеристик и от истории развития межэтнических взаимоотношений в данной конкретной местности. Однако при дружественных отношениях между представителями разных народов и росте числа этнически смешанных браков конфессиональные и культурные отличия все же кое-где остаются важным фактором, препятствующим еще большему сближению.

Жиромская В. Б.

МЛАДЕНЧЕСКАЯ И ДЕТСКАЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Одним из факторов глобальных экологических изменений являются мировые войны. Проблема эта мало изучена в литературе. Однако она актуальна, особенно в настоящее время, поскольку ведет к тяжелейшим демографическим кризисам и катастрофам. Лакмусовой бумагой ухудшения де-

мографической ситуации всегда служат показатели детской и особенно младенческой заболеваемости и смертности.

В результате войн, особенно крупных, мировых, наблюдается значительный и длительный подъем младенческой и детской смертности. Меняется и

характер заболеваемости — обостряются хронические болезни, наблюдаются вспышки разного рода инфекций, появляется ряд новых, прежде редких или практически не встречавшихся заболеваний. Учащаются случаи летальных исходов.

Причины этого многообразны. Прежде всего среди погибших и раненых было немало детей. Выжившие дети длительное время, иногда в течение всей жизни, страдали от последствий тяжелых ранений, не всегда излечимых, и перенесенных в военное время болезней.

На здоровье детей послевоенных лет рождения отражались и перенесенные их родителями ранения и нервные стрессы. Замечено, например, что у тех детей, чьи родители получили контузию, с раннего возраста фиксируются сердечно-сосудистые заболевания; у тех, чьи родители переболели разного рода инфекциями, — болезни крови и обменные нарушения.

Особую опасность представляют нервные стрессы — и не только для детей, испытавших их, но и для детей, у которых нервные и психические расстройства в период войны перенесли родители. В настоящее время эти нервные стрессы получили название синдрома войны.

Но есть и еще одна веская причина роста младенческой и детской заболеваемости и смертности — большое влияние на этот процесс оказывают вызванные войнами нарушения экологической ситуации.

Иными словами, увеличение детской и младенческой заболеваемости и смертности в военное и послевоенное время — это и непосредственное воздействие ран, болезней, стрессов на детский организм, и последствия глубинных генных нарушений, порожденных войнами.

Факты свидетельствуют о прямой связи стихийных, казалось бы, бедствий с крупномасштабными войнами и социально-политическими катаклизмами. Как правило, войны вызывают резкие изменения климатических условий — перепады температур, засухи, неурожай. Природные аномалии — жесточайшие морозы, продолжительные ливневые дожди, беспощадные засухи, по-видимому, связаны с нарушениями движения воздушных масс вследствие мощных взрывов, действий артиллерийских орудий, интенсивных полетов авиации, авиационных бомбежек. Последствия применения ядерного и других видов оружия массового поражения в настоящее время хорошо известны.

Во время мировых войн применялись и отравляющие газы, и бактериологическое оружие. В атмосфере скапливались остатки взрывчатых веществ, продукты горения, в т. ч. токсичные. Образовывались мощные дымовые завесы, связанные с крупными пожарами.

Загрязнение воздушной среды происходило и в результате разложения и гниения не погребенных трупов людей и животных, загрязнения водоемов и рек — в результате военных действий. Не было контроля над выбросами и отходами, попадавшими в водную среду. Появление и развитие во время и сразу после войн новых стратегических производств с неизученными последствиями для экологии еще более ухудшали ситуацию.

Для военного времени характерны также нарушение сельскохозяйственных циклов, ухудшение ухода за плодородными почвами, не осуществлялись охрана лесных угодий, борьба с вредителями полей и лесов, не обрабатывались против вредителей лесные массивы и водоемы.

Мощные миграционные потоки, организованные и неорганизованные (переброска войск, эвакуация, реэвакуация, потоки беженцев), чрезвычайно осложняли экологическую обстановку, способствовали распространению острозаразных заболеваний.

Во время войн нарушалась работа коммуникаций как транспортных, так и осуществляющих жизнеобеспечение населения — водопроводных, канализационных и т. д.

Серьезно ухудшалось питание населения в связи с экономическим кризисом, сопутствующим всякой войне. Наблюдался не только недостаток продуктов питания, но и случаи отравления, часто с летальным исходом, непригодными в пищу продуктами, а также широкое применение суррогатов, часто неапробированных. В результате значительно увеличивалось число отравлений мирного населения, прежде всего детей.

К этому надо добавить напряженность в области медицинского обслуживания в связи с мобилизацией многих врачей в районы военных действий, а также дефицит медикаментов.

Ухудшились жилищные условия населения. В домах не хватало топлива. Скученность усугубляла антисанитарное состояние жилья, способствовала распространению острозаразных заболеваний.

Показательны в этом отношении последствия Второй мировой войны.

Такая крупномасштабная, технически оснащенная война, как Вторая мировая, не могла не сказаться и сказалась на экологической ситуации. Одним из последствий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. были климатические нарушения — засуха, охватившая зерновые районы Центральной России, Молдавии и Украины, и затяжные проливные дожди в Западной Сибири, повлекшие за собой в 1946 г. неурожай и голодание и без того ослабевшего в тяжелые военные годы населения ряда районов страны. Но и в тех районах, где хлеб уродился, его не смогли собрать полностью из-за недостатка

или аварийного состояния сельскохозяйственной техники. По подсчетам ученых, жертвами голода 1947 г. стали в СССР около 1 млн чел., в т. ч. в РСФСР — 0,5 млн³⁰¹.

До конца 1940-х гг. *младенческая смертность* (в возрасте до 1 года) была высокой. Она равнялась в среднем по России 75,5 %.

Значительно выше среднероссийских были эти показатели в Северных и Северо-Западных областях: Новгородская обл. — 89 %; Архангельская — 97 %; Вологодская — 107,9 %; Коми АССР — 87,5 %³⁰². (Подсчеты автора.)

В Центральном р-не обращает на себя внимание высокий уровень детской смертности во Владимирской обл. — 102,7 %.

В большинстве районов Поволжья младенческая смертность хотя и ниже общероссийского показателя, но все же довольно высока: Сталинградская обл. — 67,1 %; Мордовская и Чувашская АССР — 64–65 %; Татарская АССР — 68 % и т. д.

Очаг повышенной младенческой смертности отмечается в Марийской АССР — 90%³⁰³. (Подсчеты автора.)

Показатели младенческой смертности возросли на Урале и в Приуралье: в Свердловской обл. — до 86,1 %, в Кировской — до 112 %.

Особое место принадлежит детской смертности в статистике общей смертности в крупных городах. Безусловно, с медицинским обслуживанием и снабжением медикаментами дело обстояло лучше, чем в глубинке, тем более в сельской местности. Однако в Москве младенческая смертность составляла в 1946 г. 88,2 %, в Ленинграде — 90,4 %, в Свердловске — 113,5 %, в Горьком — 116,9 %. Иными словами, в Москве среди всех умерших в 1946 г. каждый шестой — младенец, в Горьком — каждый пятый, в Ленинграде — каждый четвертый, в Свердловске — каждый третий. Разумеется, городское население в силу скученности жилья и антисанитарии в неналаженном еще после войны городском хозяйстве было очень сильно подвержено эпидемическим заболеваниям, прежде всего детским. Кроме того, матери и отцы были чрезмерно загружены производственной работой, дети в возрасте нескольких месяцев или даже недель попадали в детские учреждения, условия в которых далеко не всегда были благоприятны. Декретные отпуска в тот период были очень коротки, занятость же женщин очень велика. Отсюда высокая детская смертность, в основном из-за простудных и инфекционных заболеваний, особенно опасных для от рождения ослабленных младенцев.

В особо крупных городах Москве и Ленинграде уровень младенческой и детской смертности, как уже отмечалось, был высок по сравнению с городским и сельским населением регионов. Поскольку

общие показатели смертности (по всему населению) были несколько меньше, чем во многих других регионах и городах, то, соответственно, удельный вес умерших детей и младенцев среди умерших всех возрастов очень значителен.

Так, от общего числа умерших умершие младенцы в возрасте до 1 года составляли в Москве в 1945–1946 гг. 16 %, причем умершие младенцы мужского пола среди всех умерших мужчин — 17 %. В Ленинграде же этот показатель вообще достигал астрономической величины — среди умерших всех возрастов младенцы в возрасте до 1 года составили 30 %, умершие мальчики среди всех умерших мужчин — 32,7 %, девочки среди всех умерших женщин — 28,1 %.

Вообще горький вклад детских и младенческих возрастных групп в статистику общей смертности в первые послевоенные годы в столичных городах чрезвычайно значителен. Так, среди всех умерших в Москве умерших в *детском возрасте* — до 4 лет — 18,9 %, мальчиков указанного возраста среди всех умерших мужчин — 20 %, девочек среди всех умерших женщин — 17,7 %; в Ленинграде — 34,7, 37,6, 31,5 % соответственно³⁰⁴. (Подсчеты автора.)

Дети, рожденные в годы войны и в послевоенные годы, были ослаблены, так же как и их матери. Отсюда очень высокие показатели неонатальной и постнеонатальной смертности. Дети появлялись на свет с врожденной слабостью, были чрезвычайно подвержены как инфекционным, так и простудным заболеваниям, расстройствам пищеварительного тракта и пр. Эти данные относятся в основном к коренному населению, не покидавшему города в годы войны.

Смертность была высокой не только у новорожденных и детей в возрасте до 1 года, но и в течение всех первых лет жизни, особенно у мальчиков. Если у девочек смертность во второй половине 1940-х гг. понижалась к 5–6 годам, то у мальчиков только к 9 годам. Новое повышение смертности начиналось у мальчиков очень быстро — с 15 лет, а у девочек — с 18 лет. Это объясняется большей врожденной жизнеспособностью девочек и меньшей задействованностью в детско-подростковом возрасте в военные годы на производстве. Мальчики-подростки из-за работы в оборонной промышленности (что было, как правило, для них непосильным трудом и в плане физических перегрузок, и по причине недостаточной квалификации) имели часто ослабленное здоровье и страдали от травматизма. Так, умершие мальчики 10–14 лет составляли в Москве среди всех умерших мужчин 1,5 %, а 15–19-летние — 3,8 %; в Ленинграде — 2,4 и 4,1 % соответственно. Только за первые годы войны в Москве от травм на предпри-

ятиях погибло 15 тыс. подростков, многие же, выжив, остались инвалидами³⁰⁵. (Подсчеты автора.)

Резкое возрастание младенческой смертности было зафиксировано в связи с голодом 1947 г. В целом по РСФСР коэффициент младенческой смертности поднялся до 127,5‰, т. е. в 1,7 раза по сравнению с 1946 г.³⁰⁶

Если в Восточной Сибири и на Алтае этот печальный показатель был заметно ниже общероссийского — 120 и 112 ‰ соответственно, в Краснодарском крае — 115,6 ‰, то уже на Дальнем Востоке, в Центральной России, на Урале он достигал астрономической высоты (и это несмотря на активную политику по охране детства, которая велась в послевоенные годы): в Хабаровском крае — 171 ‰, в Калининской обл. — 151 ‰, в Ивановской — 164 ‰, в Иркутской — 183 ‰, в Кемеровской — 203 ‰, в Ярославской — 208 ‰, в Сталинградской — 164 ‰, в Астраханской — 275 ‰, в Воронежской — 295 ‰ и т. д.

На этом фоне благополучно выглядели показатели детской смертности в Западных областях, например в Брянской соответствующий коэффициент составил 94 ‰³⁰⁷. (Подсчеты автора.)

Ситуация в автономиях неоднозначна: в Башкирии этот показатель в 1947 г. превысил 135 ‰, т. е. выше общероссийского, а в Дагестане — один из самых низких — 95 ‰. Тем не менее практически повсеместно наблюдалось повышение именно младенческой смертности. Эта экстремальная ситуация с детской и младенческой смертностью являлась одной из основных причин, по которым в России не состоялся так называемый беби-бум, характерный в послевоенное время для ряда стран Западной и Центральной Европы и США. В итоге наша страна оказалась лишена «демографического выигрыша» — многочисленных поколений послевоенных лет рождения, способных на долгий срок обеспечить расширенное воспроизводство населения в стране.

Причины младенческой смертности до 1 года в 1947 г. типичны для голодных лет: диспепсия, дизентерия, гастро- и энтероколиты, воспаление легких. Приведем несколько примеров: в Ростове-на-Дону из 1239 детей, умерших в возрасте до года, от диспепсии погибли 162 ребенка, от гастро- и энтероколита — 413, от воспаления легких — 293, т. е. на эти причины смерти пришлось почти $\frac{3}{4}$ от общего числа случаев младенческой смерти. В Саратове из 1431 умершего ребенка от названных причин умерло 256, 104, 359 детей соответственно; кроме того, от дизентерии — 249. В Свердловске из 2855 умерших младенцев погибли от диспепсии 116, от колита — 297, от воспаления легких — 758, от дизентерии — 702 ребенка. В более благополучных районах — Ставрополье, Западных областях, За-

падной Сибири младенцы умирали в основном от простудных заболеваний. Уже в Туле зафиксировано в 1947 г. довольно много случаев младенческой смерти от диспепсии, нехарактерной в принципе для этой области. В Ярославле из 1562 умерших младенцев от дизентерии погибли 145, от диспепсии — 164, от колита — 182, от воспаления легких — 356, т. е. $\frac{2}{3}$ детей от вышеназванных причин. Ту же ситуацию с младенческой смертностью зафиксировала статистика в Уфе и т. д.³⁰⁸ (Подсчеты автора.)

Следует отметить, что в связи с начавшимися существенными изменениями экологии врожденные пороки развития и смертность от них уже встречались в то время, хотя и редко. Однако они имели тенденцию к нарастанию.

В принципе такой набор причин смерти младенцев чисто экзогенных говорит о незавершенности эпидемиологического перехода, о неблагоприятной экологической и демографической ситуации, что крайне негативно сказалось на протекании процесса демографической компенсации.

Изучение по материалам санитарно-медицинской статистики характера заболеваемости и причин смерти населения показывает, что вследствие войны и нарушений экологической обстановки возникают определенные группы болезней. Кроме того, некоторые из существовавших до войны заболеваний сразу после войны становятся массовыми и протекают в тяжелой форме, часто с летальным исходом.

Загрязнение воздуха, отсутствие правильного питания, нехватка топлива, антисанитарные условия существования способствуют прежде всего распространению заболеваний органов дыхания: пневмонии, плевритов, хронических бронхитов и, наконец, страшного бича — туберкулеза, в т. ч. скоротечного. В 1946 г. практически во всех городах России стоит на первом месте среди причин смерти воспаление легких, в т. ч. крупозное. Среди младенцев в возрасте до 1 года лидирует именно пневмония. Среди младенцев с установленной причиной смерти на нее приходится в Саратове 25,6 %, в Сталинграде — 26,3 %. В Поволжских автономиях пневмония унесла 28 % детских жизней.

Смертность от пневмонии была на Урале выше, чем во многих других районах. Так, в Свердловске от пневмонии умерло 23 % от всех умерших, в Челябинске — 23,8 %. Среди младенцев этот показатель поднимался до 32 и 37 % соответственно, т. е. смертность от пневмонии занимала, как и в Поволжье, первое место среди причин младенческой смертности. В Западных районах абсолютным лидером была также смертность от пневмонии как среди взрослых, так и среди младенцев. На эту причину в Смоленске приходилось в 1946 г. 35,6 %

смертей среди всего населения и 55,1 % среди младенцев, т. е. умирал от пневмонии каждый третий среди умершего населения и каждый второй среди умерших младенцев. На Дальнем Востоке также самой распространенной причиной смерти и среди взрослых, и среди младенцев была пневмония. Среди всех умерших умершие по этой причине составляли около 30 %, а среди детей — 35,6 % соответственно. Чаще, чем во многих других регионах, на Дальнем Востоке и в Сибири фиксируется смерть от крупа³⁰⁹. (Подсчеты автора.)

В городах РСФСР в конце 1940-х гг. 32,9 % детей (в возрасте до 1 года) умирало от воспаления легких.

Особую опасность представлял для детей туберкулез, вспышка которого во время войны и в первые послевоенные годы наблюдалась и среди детей, и среди взрослого населения.

Заболеваемость детей туберкулезом легких долго и упорно держалась на довольно высоком уровне, поскольку на детях дольше и сильнее сказываются последствия пережитого голода и нервных стрессов. Пик ее пришелся на 1949 г. Затем начал наблюдаться спад заболеваемости.

Положение с заболеваемостью населения туберкулезом легких после Великой Отечественной войны было столь серьезно, что в 1947–1948 гг. Совет министров СССР совместно с Министерством здравоохранения СССР приняли специальные документы, содержащие конкретные противотуберкулезные мероприятия³¹⁰. Так, во всех туберкулезных диспансерах были созданы стационарные отделения. Врачи, работающие в этих отделениях, должны были участвовать в диспансерных обследованиях больных и лечить их в стационаре. Одновременно широко вводилось проведение флюорографии населения. При лечении туберкулеза начали широко применять антибиотики: пенициллин, альбомуцин, синтомицин и др.

В 1945 г. в детских туберкулезных больницах содержалось 5,2 тыс. больных. Обращает на себя внимание тот факт, что, хотя в этот период штат медицинского персонала больниц и санаториев был далеко не полностью укомплектован, в детских туберкулезных больницах штат был укомплектован, как правило, более чем на 90 %³¹¹.

Лечение осуществлялось также по месту жительства и учебы. Система санаториев была разветвленной и гибкой — работали круглогодичные и сезонные санатории, круглосуточные, дневные и ночные. Без санаториев, подчиненных отделу курортологии Наркомздрава, в 1945 г. насчитывалось 49 тыс. детей в круглогодичных туберкулезных санаториях, 12 тыс. — в дневных и ночных санаториях, сверх того 7,5 тыс. — в санаториях для детей до 3 лет. Более 7 тыс. детей лечились в санаториях

для больных костным туберкулезом, который был сильно распространен после войны³¹².

В 1946 г. в круглогодичных туберкулезных санаториях лечилось уже 54 тыс. детей, в дневных и ночных — 9 тыс., 16 тыс. — в санаториях до 3 лет. В 1947 г. эти цифры значительно возросли: в круглогодичных туберкулезных санаториях лечилось уже 80 тыс., в санаториях для детей до 3 лет — 13 тыс. В 1948 г. — 66 тыс. и 15 тыс. детей соответственно. В трудные голодные годы система лечения и профилактики туберкулеза велась более интенсивно, что давало положительные результаты³¹³.

Борьба с туберкулезом не ослабевала все 1950-е гг. В конце 1950-х гг. в детских туберкулезных больницах лечилось 4,6 тыс. детей, в детских туберкулезных круглогодичных санаториях — 97 тыс. (ежегодно), в сезонных — 1,3 тыс. детей. В эти годы большое внимание уделялось борьбе с различными формами туберкулеза, например костного, железистого, а не только легочного, в т. ч. у детей раннего возраста. Распространение у детей костного туберкулеза после войны было опасным явлением, связанным прежде всего с нарушениями экологии, питания, формирования младенцев во внутриутробный период и т. д.

Разумеется, туберкулез относится к заразным заболеваниям, однако он поражает людей, в первую очередь ослабленных физически и в результате нервных потрясений. Война непосредственно привела к повышению восприимчивости, в т. ч. у детей, к туберкулезной инфекции. Следует отметить, что активные меры борьбы с туберкулезом дали большой эффект и сохранили жизнь и вернули здоровье тысячам детей и взрослых.

В послевоенное время резко возросла смертность от дизентерии. В медицинской статистике эта болезнь стояла в одном ряду с тяжелейшими инфекционными заболеваниями. В 1945 г. было зафиксировано в России более 70 тыс. случаев заболевания дизентерией. 1946 г. привел к заметным и негативным изменениям в уровне заболеваемости дизентерией. По России было зафиксировано уже более 100 тыс. случаев заболевания, т. е. на 30 % больше, чем в 1945 г. Практически во всех отмеченных в предшествующем году неблагополучием районах случаи дизентерии участились, причем значительно. Особо опасна дизентерия в младенческом и раннем детском возрасте. Учитывая это, отечественная медицинская статистика особо фиксировала сведения по заболеваемости дизентерией в возрасте до 2 лет. В 1946 г. в РСФСР было зафиксировано 26,1 тыс. случаев заболевания, из них в Москве — 5,3 тыс., в Ленинграде — 4 тыс., в Хабаровском крае — 1,6 тыс., в Приморском — 1 тыс., в Горьковской обл. — 0,7 тыс., в Ивановской обл. — 0,5 тыс. Даже в отчетах о за-

болеваемости первых послевоенных лет детская дизентерия выделена как особая группа заболеваний, в отличие от общей дизентерии, и ей присвоен особый шифр в медицинской отчетности³¹⁴. (Подсчеты автора.)

В 1946 г. очень высокая младенческая смертность от дизентерии отмечается в июле, августе, сентябре: так, в Москве, — в июле–августе, в Ленинграде — в августе, в Западных областях и в Среднем и Нижнем Поволжье — в августе–сентябре, в Центральном Черноземье — в июле–августе, в Северных областях, на Урале — в сентябре, в Сибири — в июле–августе. Именно в эти месяцы свирепствовала дизентерия. Распространенность этой причины смерти говорит об эпидемическом характере заболеваемости младенцев дизентерией в 1946 г.

Гастроэнтероколит поражал обычно детей до 2 лет и для них был очень опасен. Как и прочие кишечные заболевания, он был весьма распространен после войны из-за ослабленности населения и нехватки и недоброкачества питания, а начинающийся голод 1947 г. усугубил и без того тревожную ситуацию. Распространялся гастроэнтероколит летом и ранней осенью, поражал в равной степени и городское, и сельское население — на город приходилось, например, в 1946 г. 56 % случаев этого заболевания. В 1945 г. детей, страдающих гастроэнтероколитом, довольно много — 235 тыс., а в 1946 г. отмечается очень заметный рост — в 1,5 раза. Число больных превышает 340 тыс.³¹⁵ (Подсчеты автора.)

Смертность от диспепсии среди причин младенческой смертности уступает только пневмонии. От 11 до 27 % от всех случаев младенческой смертности приходился на эту причину.

Во многих регионах России фиксировались вспышки и отдельные случаи заболеваемости разными формами тифа, прежде всего брюшным и сыпным.

Особой проблемой после войны были детские инфекции, с которыми медицина вела упорную борьбу. Детские инфекционные клиники обслуживали ежегодно сотни тысяч детей. В 1946 г. — 96 тыс. детей, в 1947 г. — 113 тыс., в 1948 г. — 119 тыс. Наряду с распространением желудочно-кишечных инфекций детей определяли в больницы в связи с голодным истощением, в частности с так называемыми голодными поносами³¹⁶.

На рубеже 1950-х гг. система детских инфекционных больниц продолжала увеличиваться и обслуживать все большее число детей, например в 1950 г. — 137 тыс. детей. Последствия войны и голода, особенно длительного и латентного, приводили к ослаблению организма, понижая его сопротивляемость, что усиливало подверженность детей инфекциям. Понижалась сопротивляемость.

В итоге такие детские заболевания, как корь, скарлатина, приходилось лечить стационарно. У детей с ослабленным от недоедания и нервного стресса организмом очень часто развивались осложнения на печень, почки, зрение, слух. К концу 1950-х гг. ситуация переменялась мало (так, в 1957 г. в инфекционные больницы поступило 208 тыс. детей)³¹⁷.

Многочисленнее стали детские когорты в связи с повышением рождаемости на рубеже 1950-х гг., но и больше пациентов в детских инфекционных клиниках. Новые поколения также не отличались крепким здоровьем.

Борясь за жизнь каждого ребенка после войны, медики старались снизить смертность и тяжелые последствия от перенесенных инфекций до минимума. Сельские больницы также обслуживали, особенно в первые послевоенные годы, тысячи инфекционных больных. Хронически больные дети получали медицинскую помощь в детских специализированных больницах и санаториях.

Следует отметить мобильность и быстрое реагирование органов здравоохранения на распространение тех или иных групп заболеваний. Так, в связи с опасностью распространения инфекционных болезней стабильно растет число инфекционных больниц от 1945 г. к 1948 г. — соответственно с 97 учреждений до 112. Особенно большое число больниц было открыто в 1948 г. в связи с голоданием населения и увеличением, соответственно, желудочных инфекций. Выросло и число поступающих в них больных (и детей, и взрослых): если в 1946 г. — 16,6 тыс., то в 1948 г. — 190,9 тыс. Рост числа поступивших в больницы продолжается и в 1949 г. — 245 тыс. В целях более активного их обслуживания на фоне некоторого уменьшения числа инфекционных больниц значительно, почти в 1,5 раза увеличивается количество работающих в инфекционных больницах врачей.

К 1950 г. при столь же большом числе врачей несколько уменьшается наплыв больных — до 228 тыс. Однако это понижение было нестабильным. В стране упорно проявлялись вспышки то малярии, то желудочно-кишечных, то легочных, то менинго-энцефалитных инфекций, поражавших все население, в т. ч. детское. Во второй половине 1950-х гг. число инфекционных больниц пришлось поднять до 145, а врачей в них — почти до 2 тыс. чел. (в 1946 г. врачей было менее 600 чел.), поступило же только за 1957 г. 435 тыс. больных.

Проблема борьбы с инфекциями остро стояла все послевоенное десятилетие. При этом на государственном уровне тратились немалые средства для ее разрешения. Особо сложные случаи лечились в инфекционных клинических больницах. В 1946 г. в них прошли лечение 68 тыс. чел.; в 1947–1948 гг. еще больше — 69 и 73 тыс. соответственно.

Если на рубеже 1950-х гг. в обычных больницах стало несколько меньше инфекционных больных, то в специализированных клиниках число их даже увеличивалось. В частности, в 1950 г. больных в инфекционные клиники поступило свыше 90 тыс. На клиники, как и на диспансеры, обращено было тогда особое внимание, полагали, и не без оснований, что клиники результативнее оказывают помощь при инфекционных заболеваниях³¹⁸.

В войну и после войны наблюдается возрастание в структуре причин младенческой смертности удельного веса причин смерти, связанных с ослаблением организма матери и ребенка: врожденная слабость, преждевременное рождение, выкидыши, болезни новорожденных, нарушения внутриутробного развития. Эти причины смерти в благополучные периоды встречаются редко, и их массовое появление обычно бывает связано с голодными или военными годами. Например, в первые послевоенные годы в разных регионах России ежегодно 15–20 % умерших младенцев погибали от этих причин³¹⁹.

Причины столь сложной и неблагоприятной картины с младенческой смертностью были разнообразны. На одном из первых мест стояло ослабление организма женщин во время войны, недостаток питания, последствия психической и физической перегрузки и матерей, и отцов во время войны, недостаточность лекарств и медицинской помощи и т. д. Ситуация осложнялась тем, что система ухода за слабыми новорожденными, за теми, кого в настоящее время относят к группе риска, еще не была разработана и налажена. До войны рождались более крепкие и жизнеспособные младенцы, меньше было недоношенных и врожденно слабых детей. Соответственно, не было и потребности в сложном и длительном выхаживании новорожденных, что стало после войны одной из главных задач преодоления высокой младенческой смертности. К сожалению, условий для подобного выхаживания было мало.

Большую роль среди причин детской смертности играли тяжелые условия быта и труда, неблагоприятные климатические условия, которым ослабленное войной потомство противостояло с трудом. Забегая вперед, надо сказать, что у женщин, рожденных в 1942 г., смертность детей была на 55 % выше довоенной нормы, у женщин 1943 г. рождения — уже на 10 % выше, а у женщин, рожденных в 1944 г., — на 3 %³²⁰.

В РСФСР в 1945 г. родилось живыми 84,5 тыс. младенцев, из них недоношенными 37,5 тыс., или 4,8 %. Мертворожденных было почти 8 тыс., 14 тыс. детей умерли вскоре после рождения, среди них преобладали недоношенные — 9 тыс., или 64 %. Кроме того, в течение ряда послевоенных лет, уже после окончания голода 1946–1947 гг., сохранялась

высокая младенческая смертность. Во многих регионах она превышала 100 %, т. е. более 105 детей умирало на первом году жизни.

Высокая смертность среди недоношенных младенцев сохранялась и в первой половине 1950-х гг. Она составляла ежегодно около 20 % от их числа. Кроме того, в 1954 г. по сравнению с 1953 г. число мертворожденных выросло более чем на 2 %³²¹.

В послевоенный период заметен рост онкологических заболеваний, в т. ч. у детей. В 1946 г. в онкологических клиниках проходило лечение 4,9 тыс. больных, еще около 1 тыс. лечилось в диспансерах. В 1947 г. число больных резко увеличилось, в больницах их уже насчитывалось 10,5 тыс. чел., в 1948 г. — до 17,8 тыс., причем около половины больных из сельской местности, т. е. уже нельзя было назвать онкологию болезнью городов. Около 2 тыс. чел., в т. ч. молодого возраста, лечилось в диспансерах. В медицинской статистике графа «Онкозаболевания» из скромной строчки превратилась в длинный и подробный перечень разновидностей раковых заболеваний: рак губы, гортани, пищевода, желудка, прямой кишки, печени, мозга, костей, легких, кожи. Среди причин увеличения онкозаболеваний все большее значение приобретает неблагоприятная послевоенная экология. Несмотря на активизацию усилий медицины, не только отечественной, но и зарубежной, результативных методов лечения онкологических заболеваний (кроме отдельных видов) еще не было в тот период. В результате от рака погибали и взрослые, и подростки (в чисто детском возрасте рак еще был тогда редкостью, хотя уже встречался). Для тех взрослых людей, которые сумели выздороветь или продлить свою жизнь, последствием рака было обычно бесплодие. Число онкозаболеваний было в рассматриваемый период значительно больше зарегистрированного, т. к. диагностика раковых заболеваний еще была очень несовершенна.

Следует сказать об одной из основных причин ухудшения экологической обстановки. В послевоенный период многие города стали крупнейшими центрами промышленности, в т. ч. оборонной. Быстро развивались химические производства и смежные — химико-биологические и пр. Разрабатывалось ядерное оружие. Производились новые виды техники. Эти производства нередко находились на окраинах городов или же в ближайших пригородах. Техника безопасности была слаба, да и сама степень вредности производств и система мер безопасности были еще во многом неизвестны и не разработаны. Жилые корпуса для рабочих и служащих, детские учреждения, дачные и приусадебные участки, как правило, находились в непосредственной близости от предприятий, в т. ч. с высокой степенью вредности. При застройке в целях скорости

и прочности и наличия новых технических возможностей порой использовались непроверенные на вредность материалы. Например, «вечным» гранитом (в противовес использовавшимся ранее в качестве декоративно-отделочных и строительных материалов «мягких» мрамора, песчаника, известняка, дерева) отделялись жилые дома, здания, где находились аптеки и магазины продовольственных товаров и пр. Печальное лидерство Москвы и Ленинграда по онкологическим заболеваниям не случайно.

Кроме онкологических, выросло число, в т. ч. детей, страдающих от нарушений функции щитовидной железы. Увеличилось число больных обменными нарушениями. Особую проблему составляли нейропсихические заболевания и у детей, и у взрослых. Основными причинами их распростра-

нения были полученные во время войны ранения и контузии, пережитые нервные стрессы и нервное истощение. Не случайно после войны расширяется сеть психдиспансеров, в т. ч. детских.

Все эти и другие заболевания, порожденные последствиями войны и связанными с ней глобальными нарушениями экологической ситуации, долгие годы оказывали негативное влияние на генофонд нации. Безусловно, с повышенными смертностью и заболеваемостью в послевоенные годы велась упорная борьба, были увеличены ассигнования из государственного бюджета на нужды здравоохранения населения в 2 раза по сравнению с довоенным периодом. Однако последствия войны для здоровья населения были глубокими и длительными. Демографическое эхо войны мы ощущаем и по сей день.

Харитонова В. И.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СФЕРЕ МАГИКО-МИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

В одну реку нельзя войти дважды.

Гераклит

Трансформации, происходившие на этапе перестройки и в постперестроечный период в российской культурной и религиозной жизни, значимо менявшие психоментальность россиян, заставили этнологов, изучающих народы Севера и Сибири, заговорить о возрождении, ренессансе, модернизации, эволюции шаманизма, появлении неошаманизма в Сибири и на Крайнем Севере³²².

Шаманский вопрос по-разному рассматривался исследователями, что, очевидно, определялось их знанием российской жизни, а иногда и политическими установками. Многие работы, к сожалению, писались по горячим следам, выводы делались поспешно. Активизация шаманской деятельности связывалась авторами в первую очередь с тем, что лежало на поверхности — со снятием государственного запрета на религии.

За два последних десятилетия многое изменилось в ситуации с шаманизмом и тем, что было порождено идеей шаманизма в эти годы. Теперь о происшедшем проще говорить уже более спокойно и объективно, без излишнего публицистического пафоса.

Оценивая современный шаманизм, исследователи учитывают в лучшем случае значимую разницу ситуаций в городах и сельской местности. Это важно, поскольку в отдаленных районах до середины 1980-х гг. в некоторой степени сохранялось *тради-*

ционное шаманство и даже *профессиональный шаманизм*³²³. В анализируемый период там, где были остатки традиции, она несколько активизировалась; поводом к тому стали известные политические и культурно-религиозные события. В отношении таких локусов можно говорить даже об *эволюции шаманской традиции*. Иная ситуация в городах и поселках, особенно в республиканских центрах.

Географический аспект вместе с политико-экономическим и культурно-религиозным определяют многие процессы, но далеко не все. Возможности возрождения различны внутри самого шаманизма (если использовать данный термин как общий для нескольких явлений, что делают большинство исследователей). В этом контексте напомним о периодически вспыхивающей в российской науке дискуссии о шаманстве и шаманизме³²⁴, которая для многих ученых, к сожалению, всего лишь спор о словах³²⁵. Однако речь идет о значимо различающихся явлениях, определяемых конкретными понятиями, которые не всегда удачно выражены терминологически. Их разграничение особенно важно для понимания современных процессов «возрождения».

Для объективного исследования необходимо выделять по меньшей мере четыре смежных явления³²⁶, это: ритуальная магико-мистическая практика и знания шаманов — *шаманизм*; семейно-обрядовая

и лекарская деятельность, а также соответствующие знания иных членов шаманствующих социумов (не шаманов) — *бытовой шаманизм*; мировоззренческий комплекс представлений и верований, утвердившийся в социуме на основе сакрального знания шаманов, но изрядно трансформированный в среде шаманистов, в т. ч. под воздействием дошаманских культов и представлений, что отражено в первую очередь в фольклоре — *шаманство*; деятельность лиц, владеющих элементами традиционной религиозно-магической практики и востребованных социумом в таковой роли — *культовое жречество*, которое в отдельных традициях перекликается и пересекается с *практикой белых шаманов*.

В советский период в различной степени изменились все названные сферы. Наиболее значительно пострадало культовое жречество и профессиональный шаманизм как предельно ярко выраженные проявления религиозно-магической и магики-мистической практик. Запреты на жреческие обряды и шаманские камлания появились с началом борьбы с мировыми религиями в 1920-е гг. Формирующаяся коммунистическая идеология, борьба с суевериями, просвещение и распространение санитарно-медицинских знаний вели к передаче функций жрецов, по сути дела, партийным идеологам, а шаманов — представителям медицины. Жрецы и шаманы как наиболее яркие фигуры традиционной жизни притеснялись при этом вплоть до репрессий (правда, обычно их репрессировали как представителей наиболее зажиточной части населения, т. е. они попадали под статьи о кулаках и лишенцах³²⁷).

В ситуации преследования жрецы прекратили проведение больших обрядов, заменив их на тайные купированные действия; в результате со временем эта сфера нивелировалась в большинстве регионов полностью, а ее функции частично перешли в сферу бытового шаманизма. Шаманы, практика которых была связана с принятием шаманского дара и посвящениями, вынужденно деформировали ее, поскольку большинство их старались избежать своей участи, оставаясь без посвящения (следовательно, и обучения наставником); они превратились в «шаманов без бубнов»³²⁸, т. е. фактически профессиональный шаманизм также нивелировался и предельно сблизился с бытовым шаманизмом. К концу XX в. почти на всей территории Сибири и Крайнего Севера профессиональный шаманизм перестал существовать за отсутствием посвященных шаманов.

Бытовой шаманизм в варианте традиционного лекарства, гаданий и предсказаний как менее заметное явление продолжал жить своей жизнью почти повсеместно в сельской местности, в значительной степени сохранялся в поселках и городах, в среде

тех, кто был с детства приобщен к традиционным верованиям.

В регионах с массовой шаманской практикой, которая часто именуется *семейно-бытовым шаманизмом* (чукчи, коряки, ительмены, обско-угорские народы и др.), где «больших шаманов» либо не было вообще, либо они исчезли еще при введении монотеистических религий³²⁹, а к практике погружения в измененное состояние сознания (ИСС) (например, с помощью приема мухоморов и иных средств) были приобщены все, процесс шел сглажено, как в сфере бытового шаманизма.

Шаманство медленно, но верно трансформировалось и переставало быть общепринятым мировоззрением. Несколько поколений людей, взращенных в условиях интернатов и советских школ, в отрыве от семейных и родовых традиций, начинали отторгать знание предков. Однако связь с родными местами поддерживалась даже теми, кто уехал жить в города и крупные поселки; общение с родными вело к естественному усвоению фольклора, традиционного суеверного знания. Верования и представления — сфера шаманства — неплохо передаются от поколения к поколению до сих пор³³⁰, невзирая на исчезновение шаманов и даже отход от бытового шаманизма. При всеобщей атеизации оказалось проще избавить людей от веры в монотеистических богов, нежели чем от шаманистских суеверий.

Сохранение шаманства связано с исторической памятью народа³³¹. Однако проблема этим не исчерпывается. За суеверными представлениями кроются глубинные психобиологические и психофизиологические механизмы адаптации человека в природной и социальной среде. Они живы в каждом из нас; наиболее подвержены их воздействию группы людей с особой организацией психики и работы мозга³³², к которым относятся шаманы, но не религиозные деятели и служители культов³³³.

Здесь необходимо затронуть еще одну дискуссионную для российской науки проблему: религия ли шаманизм?³³⁴ При предложенном разграничении явлений, очевидно, нет. Религиозно-магические функции выполняли у большинства сибирских народов жрецы, а также белые шаманы³³⁵, которые по своей сути гораздо ближе к жрецам, нежели чем к собственно шаманам³³⁶.

Различия жреца и шамана начинаются на психофизиологическом уровне, что учитывает традиция, отдавая роль служителя культа тому, кто обладает хорошим знанием ритуалов, имея прекрасную память, знает канонические тексты обращений к божествам, кто, в конце концов, является авторитетной и уважаемой личностью³³⁷. Дошло ли культовое жречество шаманистских обществ до стадии оформления религии — это отдельный вопрос, не важный для темы, рассматриваемой в данной статье.

Шаманизм не нуждался в формировании собственной религиозной системы: он на всем протяжении своего существования более или менее удачно вписывался в уже существующие — от дошаманских культов до современных неорелигиозных движений. Это подтверждает и специфика его возрождения: в нынешнем шаманском целительстве представлен не только религиозный симбиоз в атрибутике (крайняя степень выражения — С. К. Серенот и его группы в Кызыле³³⁸), в конфессиональной принадлежности самих новых шаманов (что было, естественно, и раньше), но и в местах практики, например, в будистских хурээ, наряду с шаманскими центрами³³⁹. В отношении шаманизма можно говорить скорее об оккультизме, но по сути своей он представляет многоаспектную, преимущественно бытовую практику магико-мистического характера; в нем сильно индивидуально-импровизационное начало³⁴⁰, вызываемое психофизиологическими и стимулируемое психоментальными свойствами человека.

Становление кандидата в шаманы — это значимые психофизиологические трансформации³⁴¹: через призыв духов и «шаманскую болезнь», через посвящение духами и учительское введение в шаманство, включающее обучение навыкам не только ритуальной, но и психоэнергетической практики³⁴², за чем следует признание коллектива. Иногда обучение переводится в виртуальный план: важнейшим становится получение знаний и посвящения «от духов», а не от наставника. Все это обуславливает сложности трансформаций шаманизма в ситуациях как введения монотеистических религий, так и пропаганды атеизма.

То, что в основе шаманизма лежат психофизиологические и психоментальные свойства человека, доказывает как длительность его существования, так и специфические личностные деформации, подобные шаманским, отмечаемые психологами и психиатрами у представителей различных культур³⁴³, а также состояния избранников духов, которым не удается по каким-либо причинам начать шаманскую практику.

Судьба любого несостоявшегося шамана трагична. Дело в том, что в момент шаманского становления кандидат должен освоить особые нейрофизиологические операции по переводу работы мозга из обычного состояния сознания в ИСС, по погружению в различные стадии ИСС и работе в каждой из них, по возвращению в обычное состояние³⁴⁴. Отсутствие учителя чревато не только тем, что можно не научиться специфической шаманской работе высокого класса, но и (это главное) не освоить пути выхода из ИСС. Последнее приводит кандидата в шаманы к психическим отклонениям вплоть до развития у них психических или психосоматических

заболеваний. Подобное случалось и при отказе от шаманского дара³⁴⁵; в итоге кандидат-отказник мог стать инвалидом или просто умереть.

Невозможность посвящения в советское время породила «шаманов без бубнов», что не только обеспечило им психические и психофизиологические сложности³⁴⁶, но и привело к изменениям их психоментального комплекса³⁴⁷, вместе с чем трансформировалась традиция. Это вело к изменениям и шаманизма (сближение с бытовым шаманизмом), и шаманства.

Очевидно, шаманизм как магико-мистическая практика лиц, наделенных определенными способностями — суперсенситивными (сверхчувственное восприятие) и экстрасенсорными (воздействие на живую природу и человека на основе сверхвозможностей), не мог исчезнуть под давлением только политических репрессий и просвещения людей в атеистическом духе. Связанная с ним бытовая практика не-шаманов и свойственные ей знания, равно как и мировоззренческий комплекс шаманистского общества в целом, сохраняющего свои традиции, также не могли за семь десятилетий советской власти утратиться полностью. Это значит, что основа для возрождения существовала. Однако там, где традиция собственно шаманизма не была прервана окончательно, оставалась реальная возможность ее возрождения на фоне естественной эволюции. Но там, где профессиональный шаманизм исчез полностью, особенно задолго до 1980-х гг., процессы должны были быть иными, поскольку возродить было нечего, впрочем, можно было, например, искусственно восстанавливать. Реальное положение дел с возрождением и восстановлением корректировалось конкретными фактами политики и культуры, социально-экономической и религиозной ситуации.

В 1990-е гг., когда с отменой запрета на религии на местах перестали преследоваться проявления религиозно-магических практик и магико-мистической деятельности, в традиционной среде пошло естественное возрождение (на фоне общей эволюции традиции) и культовых жреческих практик, и собственно шаманской деятельности. Деформации традиции при этом зависели от сохранности самих практик и знаний (культового жречества, шаманизма) и сопутствующих им бытового шаманизма и шаманства.

В любом случае пока в эти процессы активно не вмешивалась городская интеллигенция, занимающаяся культурно-национальным возрождением, трансформации шли естественно: свободно стали проводиться семейно-родовые и семейные обряды, которые тайно отправлялись до этого; они стали дополняться традиционными действиями, о которых помнили старожилы; начали активнее появляться

кандидаты в шаманы (и среди взрослых, и среди детей), а известные до того проходили посвящения и начинали свою деятельность.

Обратившиеся к шаманской практике неопиты порой плохо знали ее суть, в силу утраты традиционного знания и отсутствия прямых учителей. Однако внешнее знание — навыки обрядовой стороны практики и ее вербального компонента — можно было обрести с помощью знатоков традиции, местных старожил, а ее внутреннюю сторону некоторым начинающим приходилось осваивать с помощью виртуальных учителей: многие новые шаманы и «шаманы без бубнов» уверены в том, что основы знания дают непосредственный дух-покровитель и даже духи-помощники, а получить их можно через виртуальные подсказки и во время путешествий по «шаманской Вселенной». Подобное обретение знаний вело к индивидуализации шаманской деятельности, но это было свойственно практике шаманов всегда. В отдаленных районах активизация шаманской и жреческой практик строго контролировалась сохраняющимся в системе шаманства традиционным знанием, поэтому нововведения, свойственные городу, здесь были практически невозможны.

Идея актуализации шаманизма в России принадлежит, безусловно, интеллигенции — как периферийной, так и столичной. В Сибири это было связано с национально-культурным возрождением; в столице — с массовым увлечением парапсихологией, магией, мистикой, оккультными практиками³⁴⁸, что, разумеется, было не чуждо и периферийной интеллигенции. Начало возрождения шаманизма на периферии страны и появление его в варианте практики, созданной М. Харнером³⁴⁹, в Москве произошло почти одновременно — в начале 1990-х гг. Московский интерес к шаманизму не закончился чтением романов К. Кастанеды и освоением core-shamanism³⁵⁰ М. Харнера (школа Алины Слободовой³⁵¹).

Вскоре столица и периферия стали своеобразными сообщающимися сосудами: из Москвы в Сибирь поехали различные «учителя», предлагавшие эзотерические знания и обучение экстрасенсорным практикам, гипнозу, методикам *народного целительства* (новая профессия, претендующая на овладение интегративными медицинскими практиками, базирующаяся на народной медицине и магики-мистических представлениях); в Москву (позже по другим городам и за пределы страны) потянулись сибирские «шаманы», некоторые из них обучались изначально у тех же столичных «учителей».

В то же время на фоне активного процесса становления народного целительства изначально в Москве, а позже почти повсеместно, в столицах тех республик, которые в начале 1990-х гг. законода-

тельно признали шаманизм традиционной религией (Якутия (Саха), Бурятия, Тыва), стали формироваться шаманские организации, фактически как аналоги целительских. Ставка делалась именно на лечебно-оздоровительную функцию шаманизма; даже принимались специальные распоряжения республиканских правительств (в частности, в Тыве), рекомендовавшие минздравам организовать исследование лечебной практики шаманов, а медикам работать в содружестве с шаманами как представителями помогающих профессий. Появились кабинеты шаманского целительства. Но это вскоре отошло на второй план, поскольку шаманские организации должны были получить определенный статус, а они предпочли регистрироваться как религиозные, т. к. религиозные организации имеют льготное налогообложение, целительские же — нет: они рассматриваются как коммерческие.

Таким образом, происходящее в столицах сибирских республик выглядит как попытка восстановления жреческой и шаманской практик (часто при путанице функций жреца и шамана) с претензией на возрождение традиции. Во главе этого движения в Бурятии оказалась преподаватель Н. А. Степанова и другие представители высокообразованной интеллигенции, в Туве — писатель и этнограф, фольклорист, д-р ист. наук М. Б. Кенин-Лопсан и его помощник, учитель С. И. Канчыыр-оол, в Якутии (Саха) — учитель истории В. А. Кондаков, в Хакасии — сотрудники университета и члены правления Союза писателей.

Естественно, эти люди стали возрождать шаманизм привычными им по практике руководства общественным движением советских времен способами: они формировали организации и создавали школы. Шаманские организации в Кызыле («Дунгур» и «Тос Дээр») вскоре превратились в централизованную вертикальную структуру по типу партийно-профсоюзных, здесь начали выдавать «шаманские удостоверения»; в Улан-Удэ в шаманскую ассоциацию «Хэсэ хэнгэрэг» записали всех известных шаманов Бурятии; в Абакане «Центр хакасского шаманизма — общество традиционной религии хакасов» стало чем-то вроде клуба по интересам, где во время встреч, наряду с идеями шаманизма, обсуждались различные эзотерические концепции («Агни-йога» Е. И. Рерих и др.), а также писались сценарии традиционных праздников с их последующей постановкой. Созданные школы готовили целителей (Якутск, В. А. Кондаков) или шаманов, занимавшихся всем сразу, включая гадания, составление гороскопов, «целение», «повышение жизненного тонуса», проведение «ритуалов на богатство» (Кызыл, школа С. И. Канчыыр-оола). При этом была актуализована идея изучения шаманизма, в результате образовались: Научный центр

тувинского шаманизма (Кызыл), этнопсихологическая лаборатория (Абакан).

В создаваемые *шаманские организации* отбирались (либо списком, либо путем индивидуальных собеседований «для выявления шаманских способностей») кандидаты, которые должны были начинать или продолжать свою практику индивидуально, числясь в организации (сдавая денежные взносы, за что организация регистрировала их трудовую деятельность), либо принимать клиентов в ее помещении. Для знающих ситуацию с шаманскими организациями очевидно: они являются целительскими/лекарскими (магико-медицинскими) объединениями, которые выполняют одновременно целый ряд иных функций — их сотрудники занимаются предсказанием, гаданиями, участием в отправлении семейно-бытовых обрядов (похоронно-поминальных, иногда жреческие ритуалы общественного характера).

В *шаманских школах* изначально обучались техникам работы и традиционным знаниям, которые уже сложно было получить даже через сохраняющееся в это время шаманство; практиковали либо на дому индивидуально, либо в организации, которой принадлежала школа.

Научные центры значимо различались в зависимости от их состава и учреждения, на базе которого они создавались. В Кызыле научный центр существует при Республиканском национальном музее им. Алдан-Маадыр и периодически занимается организацией или соорганизацией мероприятий, связанных с тувинским шаманизмом. В Абакане лаборатория выполняет двойные функции — ее сотрудники принимают клиентов, они же, получив (или получая) психологическое образование, занимаются исследовательской деятельностью и практической работой по борьбе с суицидом среди хакасов, а также, находясь в системе ХакНИИЯЛИ (Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории), участвуют в организационной и научной работе, связанной с вопросами шаманизма.

Три типа объединений — *«религиозные общества»*, *шаманские школы* и *научные центры шаманизма* — не исчерпывают всего многообразия организаций, созданных при возрождении шаманизма. С актуализацией религиозной идеи в государстве некоторые шаманские объединения занялись поиском традиционных национальных религий: школа В. А. Кондакова, например, в 1996 г. превратилась в научно-исследовательскую общественную организацию по проблемам народной медицины и верованиям «Урюнг Аар тойон». Параллельно с ней возрождением белого шаманства якутов занимается религиозно-философская школа «Кутсюр», поиском национальной религии занята

национально-культурная организация «Итэгэл». Даже у отдельных ученых прослеживается эволюция от теоретического и практического интереса к шаманизму до поиска национальной традиционной религии и ее обоснования вне шаманизма. Этот процесс отражает понимание местной интеллигенцией различий между собственно шаманизмом и жреческой практикой религиозно-магического характера.

Национально-культурное возрождение не могло не актуализировать в движении возрождения шаманизма творческую составляющую. Она реализовывалась не только в написании сценариев и постановке традиционных праздников (что вполне естественно для современного неофольклорного движения, системы художественной самодеятельности), но и в формировании среды жрецов и восстановлении культовой практики, которая в столь значительной степени деформирована, что порой напоминает советские празднества со всеми их составляющими, но включает в качестве первоосновного и обязательного элемента традиционные культово-обрядовые действия, осуществляемые специалистами, обученными в художественных училищах. Не исключено, что эти жрецы или белые шаманы когда-то также объединятся по профессиональному признаку.

В шаманские объединения собирались люди талантливые и инициативные, естественно, со временем здесь стали происходить вполне предсказуемые процессы: организации стали распадаться, новые лидеры создавали новые формирования. Так, в Кызыле на базе первого общества «Дунгур» появилось второе, централизованное — «Тос Дээр» (это было вызвано и необходимостью создания именно централизованных организаций для регистрации обществ в варианте религиозных, согласно изменению религиозного законодательства в 1997 г.).

Позже в результате конфликта двух соорганизаторов (М. Б. Кенин-Лопсана и С. И. Канчыроола) образовалась шаманская школа «Дом шаманизма «Хаттыг-Тайга»» и шаманская организация «Классическая основа шаманизма «Золотая орба»». В 2001 г. в результате конфликта руководителей обществ «Дунгур» и «Тос Дээр» К. Т. Допчун-оол, покинув «Дунгур», зарегистрировал организацию «Адыг Ээрен». Объединения создавались и в районных центрах: в Ак-Довураке — «Солангы Ээрен», в Шаганаре — «Уш Мөөрук» и т. д. Некоторые организации закрывались, в т. ч. с формулировкой «за нарушение норм Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»» (Тес-Хемская «Күзүнгү Ээрен»).

На 2005 г. в Туве было зарегистрировано 8 шаманских объединений (57 шаманов), реально же существуют значительно больше (по непроверенным

данным журналистов — 23 организации, а шаманов, по разным источникам, от 100 до 300); в Бурятии функционируют 3 организации (плюс две в Агинском БАО и одна в Усть-Орде); в Хакасии на 2006 г. зарегистрирована «Централизованная религиозная организация традиционной религии хакасского народа «Хан Тигір»» (практикуют 2 шамана, приписанных к ней; другие работают индивидуально).

При эволюции шаманских объединений (особенно в Туве) заметна перетасовка кадров по родственному принципу. Однако есть иной стержень для их формирования и длительного существования — наличие авторитетного и авторитарного руководителя (М. Б. Кенин-Лопсан) или прямого учителя, посвящающего своих учеников и оставляющего их для практики и дальнейшего обучения в своей организации, которая расширяется образованием филиалов (Б. Ж. Цырендоржиев, основатель «Тэнгэри» в Улан-Удэ).

Деятельность шаманских объединений плохо соотносится с представлениями о шаманизме, как и сама идея шамана с работой в организации (см., например, описание М. Б. Кенин-Лопсаном виртуальных войн традиционных шаманов³⁵²).

Практика в шаманских объединениях обретает новшества, свойственные стадии письменной культуры: у бурят, например, стало нормой призывать духов с листа — тексты, написанные в тетрадях/блокнотах или напечатанные на стандартных листах формата А4, кладутся на стол, перед которым садится адепт, и исполняются в объеме, удобном для конкретного действия. Многие тувинские неошаманы учат алгыши из фольклорных изданий; впрочем, некоторые работают с использованием горлового пения без слов. В бурятской организации «Лусад» занимаются фотосъемкой «призываемых душ».

В объединениях нарушились не только основные каноны и традиционная индивидуализация шаманской практики. Здесь при всей логичности наличия шаманских школ был разрушен сакральный вариант прямого наставничества/учительства. Школа вела к десакрализации не только в силу группового, классного обучения — здесь писались учебные пособия, которые планировалось издавать.

Десакрализации шаманского знания в значительной степени способствуют новопосвященные, заглянувшие в сибирский шаманизм со стороны: они пишут трактаты о шаманской практике и издают их, извлекая личную пользу из обучения шаманизму, ссылаясь на необходимость просвещения непосвященных³⁵³.

Шаманские объединения привели к неестественной для шаманизма локализации практики. Большинство шаманов работают в «домах шаманизма» (особенно зимой), осуществляя прием

клиентов в порядке очереди, скопившейся в коридоре. Здесь же может вестись торговля необходимыми для ритуалов предметами и лекарскими снадобьями, биодобавками. Поскольку «дома шаманизма» невелики (4–6 комнат), а желающих работать довольно много, при наличии большого числа клиентов иногда идет прием одновременно во всех помещениях и даже в коридоре: звуки бубнов, раковин, трещеток или горловое пение, чтение заклинаний раздаются из всех углов. Порой в одной крошечной комнатке консультируют по углам два, а то и три шамана. Тут же могут проводить мини-обряды, в процессе которых и клиенты, и шаманы начинают бегать из своих комнат на улицу — то вынося жертвы духам, то изгоняя злых духов, «выбрасывая» их из помещения. Такая деятельность нарушает и разрушает не только сакральную основу шаманизма, но и специфику шаманского сеанса. Здесь деформируется локальный аспект шаманской практики: священным пространством оказывается кабинет, в котором может находиться кушетка для массажа, медицинские препараты, некая атрибутика.

Убранство комнат заслуживает отдельного описания, поскольку симбиоз атрибутов и украшений, присутствующих в них, может соперничать даже с антуражем кабинетов современных московских магов³⁵⁴. В абсолютном большинстве таких комнат есть собственно шаманские атрибуты (бубны, кузнечные инструменты, ээрены — вместилища духов, подношения духам), буддистские (статуэтки, чётки, курильницы), иногда и христианские (распятия, иконы).

Все это дополняется художественными произведениями (картины с изображением священных мест или исторических сюжетов, портреты религиозных деятелей, например далай-ламы, и исторических персонажей — часто Чингисхана). Кое-где необходимыми атрибутами стали требуемые официальными инстанциями свидетельства о лицензировании лекарской деятельности, различные удостоверения о целительском образовании, об окончании курсов гипноза, мануальной терапии и др. Порой в кабинетах вывешиваются и иные удостоверения — свидетельства о княжеском происхождении или купленные в альтернативных ВАК (Высшая аттестационная комиссия) РФ общественных организациях³⁵⁵ удостоверения о получении ученых степеней.

Тут же красуются портреты «Верховного шамана Тувы» М. Б. Кенин-Лопсана или автора идеи народного целительства генерального директора ВНИЦТНМ «ЭНИОМ» (Москва) Я. Г. Гальперина. Эта эклектика дополняется расписаниями совершения обрядов, графиками приема клиентов конкретными шаманами.

Отступления от традиции прослеживаются и в использовании для шаманской практики священных мест. Во-первых, на уже существующих сакральных пространствах сейчас проводятся массовые мероприятия с приглашением туристов — любителей экзотики (например, ежегодные действия на о. Ольхон, оз. Байкал).

Во-вторых, шаманы, становясь участниками научных мероприятий, выезжают на священные места вместе с наблюдающей публикой и здесь даже при естественном фоне (например, на ааржанах — целительных источниках, где находится обычно масса паломников, пользующихся целебными водами) устраивают коллективные целительские сеансы, весьма отдаленно напоминающие шаманские камлания.

В-третьих, шаманы создают новые «священные места» даже там, где это категорически запрещалось традицией (например, рядом с домами: непосредственно у шаманского центра «Тос Дээр» в Кызыле); здесь проводят ритуалы, связанные с традиционными празднествами (Шагаа — Новый год) или целительством (регулярные коллективные очистительные сеансы для всех желающих).

В-четвертых, шаманы выезжают для фото- и видеосъемок с журналистами, учеными, заплатившими им любителями экзотики даже на традиционные священные места, где проводят показательные ритуалы. Есть и опыт создания театрализованных площадок под священное место (например, неподалеку от Кызыла), где для туристов демонстрируются «традиционные обряды». Аналогично используются этнографические музеи под открытым небом (Казановка в Хакасии) и новые ритуальные места — «музеи» (Хуртыйах-тас в Хакасии).

Очевидно, не только локализация сакрального пространства, но и функции нового шаманизма значимо отличаются от функций шаманизма, известного по источникам XVIII — начала XX в.

Изменилась и сама среда допущенных к практике, став интернациональной. Уже в конце 1990-х гг. в шаманских организациях появились русские (москвичи и новосибирцы, приезжающие учиться шаманизму), а вслед за ними и иностранцы. В большинстве своем это были люди, связанные с психотерапевтической и психологической практикой, желающие познакомиться с экзотическим вариантом психотерапии. Однако некоторые из них восприняли шаманизм как второе призвание, уверовав в духов.

Психологи становились прямыми учениками практикующих современных шаманов, даже общались к роду учителя (Р. Ю. Нестеров из Москвы — ученик С. И. Канчыыр-оола). Среди таких людей есть уникальные явления — В. Л. Сажина, окончившая, как и Р. Ю. Нестеров, психологиче-

ский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Эта одаренная певица и автор стихов увлеклась шаманизмом, побывав в Америке в одном из индейских племен, где ей предсказали шаманское будущее на ее родине. Вскоре В. Л. Сажина поехала в Туву, где у нее появился учитель из традиционных тувинских шаманов — К. Х. Хуурак. Она всерьез восприняла шаманскую судьбу. В отличие от абсолютного большинства других приобщившихся к сибирскому шаманизму, В. Л. Сажина учит тувинский язык и не только работает с бубном, но и исполняет потувински *алгыши* (шаманские заклинания). Она полгода живет в Туве, где в память о своем учителе создала на его родине шаманскую организацию (там вместе с ней практикуют вдова ее учителя и другие местные шаманы), а вторую половину года, осенне-зимнюю, живет в Москве, принимая клиентов дома (ее шаманское искусство пользуется спросом и в столице).

Сторонние приобщенные к шаманской деятельности иногда оказываются помощниками руководителей шаманских объединений, особенно если они владеют английским языком. Такой помощницей для Ай-Чурек Оюн («Тос Дээр») долгое время была В. Л. Сажина, а когда интересы женщин разошлись, ее место заняла другая психолог из Москвы — Н. М. Добында.

Необходимость в переводчиках для современных местных шаманов вполне естественна: они (разумеется, не все, а кому особенно повезло) выезжают в западные страны — США, Италию, Австрию, Швейцарию, Германию, Норвегию. Цели зарубежных выездов аналогичны задачам российских турне: проведение обучающих семинаров³⁵⁶, участие в научно-практических конференциях, музейных выставках, театрализованных действиях. Здесь на первый план выходят коммерческие и популяризаторские задачи, обмен знаниями. Надо сказать, что подобная глобализация шаманского знания не совсем обычна даже для современного неошаманизма Запада, развивающегося в пределах нью-эйджа.

В России такая деятельность, десакрализирующая и шаманизм, и культовое жречество, закономерно фольклоризирующая их, превращая в разновидность художественной самодеятельности по запросу, осуществляется местными сибирскими шаманами совместно с городскими, столичными менеджерами, связанными чаще всего со сферой психологии/психотерапии.

Сибирские адепты современного шаманизма могут выезжать в длительные вояжи на заработки в Москву и иные города, особенно финансово обеспеченные: например, Н. М. Югушева (Республика Алтай) работает то в Салехарде, то в Москве (ранее несколько лет вела семинары по шаманизму в Тур-

ции³⁵⁷. Иногда они делят год на летнюю половину, когда практикуют на родине (здесь в это время принято обращаться к духам), и зимнюю, когда шаманская деятельность на местах резко сокращается, а в городах она в такой период более востребована: это не отпускное время, в которое заинтересованные горожане едут знакомиться с экзотическими практиками в места их реального распространения.

Сибирские неошаманы в столице пользуются особым спросом не только у богатых москвичей, но и у многочисленных представителей диаспор бурят, тувинцев, якутов и других народов Сибири и Севера. Поскольку «нет пророков в своем отечестве» (там слишком хорошо все знают новоявленных специалистов), то некоторые из них предпочитают искать славу вдали от родины и порой преуспевают в этом.

Распространению шаманского целительства способствует во многом руководство Ассоциации народных целителей России: некоторые новые шаманы входят в это профессиональное объединение. Они получают рекомендации частного характера для работы с обеспеченными людьми (это могут быть даже люди, связанные с Минздравом, и иные чиновники или просто богатые предприниматели и члены их семей). Такая частная практика оказывается весьма выгодной. В большинстве случаев ее пользователи остаются довольны качеством услуг, хотя порой шаманы на местах дают резко негативную характеристику своим отъехавшим на заработки коллегам, за чем скрываются, конечно, и элементы конкурентной борьбы.

Отходничество шаманов вызвано во многом тем, что им сложно уживаться на общей территории. Это ведет к переносу большей части практики в дома клиентов или на природу, либо к формальному членству в организации и полной практике на дому. Такая деятельность со временем может перерасти в вариант сезонной с поездками в один из городов России либо в одну из стран ближнего или дальнего зарубежья. Активизация сторонних контактов часто ведет к попытке презентировать себя как совершенно особенного представителя шаманского целительства, создавшего свою собственную систему на основе традиционной (тувинский мастер горлового пения, а теперь и шаман Н. М. Ооржак)³⁵⁸. В поиске средств к существованию некоторые шаманы уходят в различные варианты бизнеса — от разработки бизнес-программ на основе магики-мистических практик³⁵⁹ до обычного участия в торговых пирамидах по распространению биодобавок, парфюмерии и косметики³⁶⁰.

Уходу в бизнес, видимо, способствует ощущение нестабильности ситуации (кстати, возможно, именно с этим связана повышенная тревожность, отмечаемая психологами у нынешних шама-

нов³⁶¹). Шаткость положения шамана в современном обществе заставляет искать иные варианты существования. Многие, имея неплохое образование, стремятся усовершенствовать шаманскую деятельность. Поскольку современный шаманизм осознается его адептами с подачи психологов и организаторов целительства в России как помогающая профессия, то они либо получают второе высшее образование — психологическое, либо специализируются на стыке психологии и религиоведения, защищая диссертации (физик В. С. Топоев, руководивший этнопсихологической лабораторией ХакНИИЯЛИ в Абакане, стал в 2000 г. канд. псих. наук).

Впрочем, такое стремление часто приводит к простой покупке удостоверений в альтернативных ВАК организациях. Покупатели по неосведомленности могут считать, что они действительно стали кандидатами и докторами наук: ранее — энергоинформационных, теперь уже — психологических и даже медицинских. Это становится серьезной проблемой для общества.

В самые последние годы увлечение шаманизмом где-то актуализируется, а где-то явно идет на спад, о чем свидетельствует прямой процесс дешаманизации: отдельные шаманы прекращают свою практику (летом 2007 г. В. С. Топоев уничтожил главный шаманский атрибут — бубен) или стараются перевести ее по максимуму в вариант психологической помощи (интересно, что аналогичные случаи отмечаются в народном целительстве в последние 5–7 лет: например, московская целительница из Калмыкии А. С. Конакова, имеющая шаманские корни (ее Е. Фридман ошибочно называет шаманкой)³⁶², получила второе образование, психологическое, в конце 1990-х гг. и использует в своей практике различные психологические методики).

***

Многие из перечисленных особенностей нынешнего шаманизма, перебравшегося из сельской местности в городскую (преимущественно в республиканские столицы и районные центры), свидетельствуют о том, что он деформируется в ситуации искусственных попыток восстановления (в отличие от сельской местности, где заметен процесс, вполне соотносимый с возрождением шаманизма и культового жречества на фоне их естественной эволюции).

Определенные трансформации происходят, разумеется, и на селе — там, например, семейно-родовой принцип обращения к жрецам все чаще заменяется на территориальный³⁶³, что бывало и ранее, а в семьях оказывается по несколько шаманов, которые, впрочем, обычно работают в городах³⁶⁴.

Существующие городские шаманские объединения свидетельствуют о столь значимых изменениях на базе шаманизма, что их можно сравнить со случившимися изменениями в традиционном фольклоре при формировании рабочего класса: фольклорное наследие трансформировалось в рабочей и люмпеновской среде настолько, что стало принципиально иным — получены новые формы и жанры, рабочий фольклор и фольклор городских окраин, весьма отдаленные от своего первоисточника.

Таким образом, современный шаманизм, практикуемый в шаманских объединениях, это не возрожденный шаманизм, а очевидно, зародившийся при попытке восстановления традиции неошаманизм. Однако российский *неошаманизм* (отличный от *экспериментального* и *городского шаманизма*³⁶⁵), вобравший в себя многое из нью-эйджевского неошаманизма Запада, все же не идентичен ему. Сибирские неошаманы, принадлежащие к шаманствующим в прошлом социумам, стали таковыми в первую очередь потому, что появились в ситуации

прерванной шаманской традиции и начали свою практику не естественным для традиционных шаманов путем, а после обучения на курсах магии, гипноза, целительства, где раскрыли свои суперсенситивные и экстрасенсорные способности. Судьба каждого из них весьма своеобразна, как, впрочем, и ситуация в России, которую невозможно адекватно охарактеризовать в общем и целом — она очень специфична порегионно.

Очевидно одно: возрождение, точнее периодическое возвращение к активным суперсенситивно-экстрасенсорным практикам, неизбежно в любом обществе в определенных ситуациях, поскольку суперсенситивно-экстрасенсорные свойства заложены в психофизиологии человека. Иное дело, в каком варианте такие практики возникают всякий раз вновь, что предопределяется особенностями психоментальности, состоянием фольклорного наследия, научно-культурным потенциалом общества, а также спецификой религиозно-политического и социально-экономического положения.

Годовых Т. В.

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ДЕТСКОЙ ПОПУЛЯЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

В пространстве природно-климатических условий регионов Севера определяющую роль в формировании характера адаптивных перестроек играют экстремальные факторы. Трансформации, происходящие за последние десятилетия в экономической и общественной жизни, значительно изменили окружающее пространство Северо-Востока России, что отразилось на состоянии здоровья взрослого и детского населения. На воздействие стресса окружающего пространства организм отвечает адаптивными реакциями, направленными прежде всего на поддержание гомеостаза. Известно, что восстановление постоянства и свойств внутренней среды организма в ответ на любой стрессорный фактор осуществляется на молекулярном, органном, системном уровнях³⁶⁶. Проблема адаптации многогранна, основной целью этой проблемы является понимание и решение многих вопросов здоровья и патологии человека³⁶⁷.

Народы Севера находятся в постоянных условиях адаптации к изменяющимся условиям техногенных, социальных и природных трансформаций, причем население представлено неоднородными группами с учетом набора адаптивных механизмов к северным условиям. Детский организм, который испытывает естественные преобразования

в процессе онтогенетического развития и созревания, является наиболее ранимым для воздействия экстремальных факторов окружающего пространства, к тому же каждый организм индивидуален, имеет свой исходный функциональный уровень, набор материнской и отцовской генетической информации.

Стрессорная реакция является неспецифической, протекающей однотипно при действии различных факторов путем активации внутреннего механизма: гипоталамус — передняя доля гипофиза — кора надпочечников. При всех экстремальных воздействиях, превышающих адаптационный потенциал, развиваются структурные изменения тканей, появляется энергетический дефицит, при этом липидному обмену отводится значительная роль.

Концепция адаптационной роли липидов была сформулирована Е. М. Кребсом в 1981 г. По его мнению, все компенсаторно-приспособительные процессы в организме сопровождаются модификацией метаболизма липидов, в результате чего происходят качественные и количественные изменения фракций липопротеидов сыворотки крови и клеточных мембран. Автором рассмотрен механизм эволюционной (на уровне формирования видов, рас) и фенотипической адаптации, в основе

которой лежат генные механизмы, основанные на изменении последовательности оснований в ДНК. При обеспечении энергией (аденозинтрифосфатом) организма активизируется липолиз, увеличивается уровень триглицеридов (ТГ), свободных жирных кислот (СЖК). ТГ и СЖК являются метаболическим топливом, холестерин (ХС) является структурным и пластическим материалом (синтез стероидных гормонов и восстановление структуры клеточных мембран). Дефицит энергии приводит к нарушению функции клеточных мембран, включению механизмов срочной адаптации, выраженному нарушению всех видов обмена, и как результат, модификации нуклеиновых кислот вплоть до мутаций генов.

В статье представлены результаты исследований на основе собранного обширного материала по физическому развитию и медико-демографическим трансформациям населения и детской популяции Чукотки и Северо-Эвенского р-на Магаданской обл., забору биологических проб, выявлению особенностей роста и развития мигрантов и малочисленных народов Севера, формированию региональных вариантов норм основных морфологических показателей физического развития.

С учетом возрастной периодизации³⁶⁸ рассмотрены следующие возрастные периоды: раннее детство (1–3 года); 1-е детство (4–7 лет); 2-е детство (мальчики — 8–12 лет, девочки — 8–11 лет); подростковый (мальчики — 13–16 лет, девочки — 12–15 лет); юношеский (юноши — 17–21 год, девушки — 16–20 лет). Учитывая, что календарный возраст не может характеризовать степень созревания организма в подростковый и юношеский периоды, поскольку процессы развития индивидуальны и зависят от гено- и фенотипа, определялся уровень полового развития по Дж. Таннер³⁶⁹.

Для оценки морфофункциональных преобразований проведено изучение физического развития детей в соответствии с унифицированной методикой антропометрических исследований человека³⁷⁰. В число изучаемых соматометрических признаков были включены масса (МТ), длина тела (ДТ), длина туловища, окружность грудной клетки (ОГК), плеча, бедра, голени; поперечные диаметры плеч, таза, предплечья, бедра, голени; толщина кожно-жировой складки (над трицепсом, под лопаткой, на животе, голени). На основании полученных соматометрических данных определены индекс грудной клетки (ИГК), индекс Кетле (ИК), индекс активной массы тела (ИАМТ), масса компонентов тела (по формулам Матейки)³⁷¹ и их отношение к массе тела. По методике Р. Н. Дорохова и И. И. Бахрах в модификации И. М. Воронцова определяли соматотип³⁷². Продольно-поперечными исследованиями за 1998–2007 гг.

было обследовано более 2500 детей Чукотского автономного округа и Северо-Эвенского р-на Магаданской обл. с изучением основных показателей физического развития.

Проведены функциональные пробы кардиореспираторной системы (ортостатическая проба и проба с физической нагрузкой, проба Штанге и Генчи) с определением динамики функциональных показателей³⁷³ и определением типа саморегуляции кровообращения, а также с определением адаптационного показателя³⁷⁴.

При изучении метаболических перестроек организма детей изучены основные показатели липидного, углеводного и минерального обменов. Для изучения липидного обмена определяли общий холестерин (ОХ), ТГ, липопротеиды высокой плотности (ЛПВП), свободный и этерифицированный холестерин (СХ, ЭХ), СЖК, липопротеиды низкой плотности (ЛПНП), коэффициент атерогенности (КА). Для определения углеводного обмена изучали глюкозу (ГЛЮ), пируват (ПИР), лактат (ЛАК). Для определения минерального обмена изучали сывороточное содержание кальция и фосфора³⁷⁵.

Аналитическое определение всех вышеперечисленных параметров выполнено в лаборатории биологической и неорганической химии отдела экологической эндокринологии Института физиологии природных адаптаций УрО РАН Архангельска. Методом атомной эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной аргонной плазмой на приборе Optima 2000 DV (Perkin Elmer, США) в Центре биотической медицины (Москва) определено содержание 25 МЭ в волосах детей 6–14 лет, родившихся и проживающих на Чукотке. В качестве нормативных величин концентраций элементов использованы среднероссийские показатели³⁷⁶.

Проведен опрос детей по вопроснику, в число вопросов входят оценка социальных условий, наличие вредных привычек, занятие физической культурой, питание. Обработка полученного материала произведена на компьютере типа IBM Pentium IV с помощью стандартных методов математической статистики, включая корреляционный анализ, непараметрические методы исследований, с использованием пакета программ STATISTICA 6.0. Достоверность различий оценена по t-критерию Стьюдента, рассчитан коэффициент корреляции Пирсона³⁷⁷.

Изучены метаболические перестройки детской популяции Северо-Востока России для выяснения закономерностей и особенностей адаптивных реакций. При изучении углеводного обмена выяснилось, что детская популяция Чукотского автономного округа находится в состоянии гипоксии, что проявляется увеличением молочной кислоты, снижением ПИР. Кроме того, в процессе онтогенети-

ческого развития гипоксия усиливается, организм переходит на менее эффективное энергообразование с углеводного обмена на жировой.

Концентрация ГЛЮ детей всех групп достоверно снижалась в онтогенезе с изначально большим уровнем мигрантов, опускаясь ниже среднероссийских норм. ГЛЮ мигрантов 2-го детства и подростков была достоверно больше аборигенов, в юношеском возрасте различия сгладились (*рис. 4*). Снижение уровня ГЛЮ мигрантов 2-го детства составило 28 %, а в юношеском возрасте гипогликемии отмечены в 76 %. У аборигенов гипогликемии 2-го детства наблюдались в 61 % случаев, а в юношеском возрасте — 88 %.

Концентрация ЛАК в онтогенезе достоверно не менялась ни в одной группе (*рис. 5*). Уровень ЛАК мигрантов 2-го детства и подростков достоверно выше аборигенов, в юношеском возрасте различия сглаживаются. Превышение норм ЛАК у детей мигрантов 2-го детства наблюдалось в 64 %, а у юношей — в 50 % случаев. В группе аборигенов превышение норм уровня ЛАК детей 2-го детства менее выражено (36 %), а в юношеском возрасте отмечено увеличение (57 %). Следует отметить достоверное увеличение ЛАК мальчиков-мигрантов 2-го детства, прибывших в северные условия проживания, относительно уроженцев, у которых также выявлено увеличение активности фермента лактатдегидрогеназы.

Концентрация ПИР в онтогенезе мигрантов достоверно увеличивалась, а у аборигенов оставалась на одном уровне. Этнических отличий уровня ПИР двух групп не выявлено. Важнейшим метаболитом в обмене углеводов, аминокислот, жиров является ПИР, связывая эти основные виды обмена (*рис. 6*). Содержание ПИР может изменяться путем снижения ее образования или интенсивного превращения в молочную кислоту, участия в процессах переаминоирования. В группе мигрантов наибольшее снижение ПИР было в период 2-го детства (15 %), а в юношеском возрасте практически отсутствовало (4 %). У аборигенов были такие же соотношения детей по возрастным периодам со сниженными концентрациями ПИР (15–3 %).

Процессы урбанизации и глобализации привели к трансформациям социальных условий, переходу аборигенов на смешанный тип питания. Дети аборигенов получают питание в детских садах и школах по углеводному типу, поэтому можно предположить изменение их метаболизма. К тому же смешанные браки приводят к метизации аборигенного населения, изменения обмена веществ и строение сомы метисов также не изучены. Механизмы краткосрочной адаптации (энергетический дефицит) включаются сразу после воздействия экстремального фактора, а в процессе развития и

при воздействии многофакторного стрессирования возникает комплекс адаптивных изменений, закрепляющийся долгосрочными механизмами.

Сезонность оказывает влияние на обмен веществ, при изучении углеводного обмена выявлены среднесрочные механизмы аборигенов и мигрантов. Для аборигенов характерно отсутствие флуктуаций уровня ГЛЮ, ЛАК и ПИР со сменой сезонов весна-осень. Весной у них низкий уровень ГЛЮ независимо от пола и возраста, а осенью, наоборот, увеличение в возрасте 10–14 лет мальчиков. Для мальчиков 15–17 лет и девочек 6–14 лет характерно низкие уровни ЛАК весной, а осенью только для девочек 10–14 лет. Флуктуации ПИР характеризуются низкими уровнями девочек 6–9 лет весной и осенью в возрасте 15–17 лет. Для мигрантов характерны среднесрочные адаптации углеводного обмена, обусловленные увеличением весной уровня ГЛЮ детей от 10 до 17 лет, а ЛАК у детей от 15 лет независимо от пола. Осенью характерно увеличение уровня ПИР мальчиков от 10 до 17 лет; у девочек различия менее выражены, и имеется только тенденция увеличения ПИР в осеннее время с 15 лет.

Возникшие изменения на органном уровне являются результатом долгосрочной адаптации, вызванной многоуровневыми трансформациями, интеграцией систем и органов, способствующим выведению организма на оптимальный адаптивный тип функционирования в создавшихся условиях.

Рассмотрим проявления долгосрочной адаптации детской популяции Северо-Востока России. Результатом взаимодействия и интеграции систем организма является создание морфофункциональных перестроек и формирование адаптивного типа. Выход за пределы лимитов нормы, возникающий на определенных этапах онтогенетического развития, может формировать различные типы адаптаций при достижении дефинитивного возраста.

Нами впервые разработаны нормативы основных показателей физического развития с учетом групп населения (аборигены, мигранты), возраста, пола, являющиеся математической моделью развития детей в условиях Чукотки. При сравнении со среднероссийскими нормативами выяснилось, что в период полового созревания мальчики-мигранты выходят за пределы 25–75-центильного коридора среднероссийского норматива в сторону увеличения МТ при соответствующей ДТ, к концу созревания 25-центильный интервал приближается к норме, а нижняя граница сужена (*рис. 7*). Мальчики-аборигены проходят по верхней 25-центильной шкале, и сдвиг отмечен в сторону сужения коридора по МТ, без смещения. Выявленные нарушения гармоничности более выражены у девочек-мигрантов, наступают раньше, с периода 2-го детства, к окончанию созревания коррекции сдвига

не происходит, что можно отнести к нарушению адаптации и формированию дисгармоничности развития детей, начиная со 2-го детства и до юношеского возраста.

Известно, что существует тесная связь между характером изменения интенсивности обмена веществ и скоростью роста³⁷⁸. При увеличении относительной скорости роста (приростах МТ) происходит снижение интенсивности обмена покоя. По результатам исследований (рис. 8), относительная скорость роста мигрантов и аборигенов различна, не совпадает по возрасту, уровню и полу. В группе аборигенов интенсивность основного обмена выше. Очевидно, дефицит энергии, возникающий в группе мигрантов, не может покрываться сразу и относится к долговременным адаптациям, закрепленным на уровне генома метаболическими перестройками с учетом фенотипических признаков.

Период раннего и 1-го детства Северо-Востока России характеризуется гетерохронным физическим развитием, мигранты обгоняют аборигенов по ДТ и МТ, причем у мальчиков отличия значительнее. Признаки полового диморфизма сильнее выражены у мигрантов (с 2 лет), нежели аборигенов (с 4 лет). Адаптационный характер приростов мигрантов скачкообразный, высокого уровня, в отличие от аборигенов независимо от пола. Уровень внутригрупповой вариации по показателю ДТ и МТ у мальчиков и девочек различен. Коэффициент вариации МТ в 2–3,5 раза превышает ДТ, свидетельствуя об изменчивости МТ. Физическое развитие детей 1-го детства характеризуется неравномерным увеличением ДТ и МТ, обхватных размеров, дистальных диаметров и частей тела. Выявлены межгрупповые различия скорости ростовых процессов по ИК. В период 1-го детства характерен равномерный, плановый прирост костной и мышечной ткани детей обоего пола. Абсолютное и относительное содержание костного компонента больше у мальчиков 1-го детства, нежели девочек, независимо от возраста и этнической принадлежности.

В ходе исследования выяснилось, что в зависимости от сроков проживания на Севере, а также от уровня метизации аборигенов имеются различия в самих группах населения. Были изучены особенности у мигрантов, родившихся на Севере и прибывших туда для проживания с родителями. Уроженцы Севера мальчики-мигранты 1-го детства отличаются достоверно большей силой мышц правой кисти и снижением активной массы тела относительно приезжих детей. Уроженцы девочки-мигранты отличаются увеличением подкожно-жировой складки плеча спереди, предплечья, грудной клетки; относительного содержания жира.

В группе аборигенов рассмотрены особенности метисов и самих аборигенов, при этом к метисам относили детей, имеющих одного из родителей не малочисленных народов Севера. Метисы-девочки имеют увеличение абсолютного количества мышц и, как следствие, снижение индекса Рорера и обезжиренной массы тела относительно аборигенов. Метисы-мальчики также отличаются от аборигенов усилением нарастания мышечной и костной ткани, как следствие, увеличением обхватных размеров плеча, предплечья, лодыжки, ростом костей плеча, но все эти изменения происходили за счет снижения широтного размера грудной клетки, плотности тела. Следует отметить, что подкожный жир на животе мальчиков является «неприкосновенным запасом» аборигенов, а у метисов отмечено его использование в онтогенезе.

2-й период детства характеризуется более выраженными преобразованиями, межгрупповыми и половыми отличиями, резкими колебаниями максимальных приростов мигрантов-мальчиков и плавными приростами аборигенов. Уровни приростов ДТ и МТ мигрантов выше аборигенов, за исключением некоторых возрастных промежутков. Приросты скачкообразны, причем у аборигенов-девочек отмечается их сдвиг на 1–2 года. Максимальные приросты ДТ и МТ девочек в этом периоде имеют высокий уровень независимо от групп населения. Мигранты выравниваются по ДТ (мальчики-девочки) на 1 год раньше аборигенов, а по МТ — в одинаковые возрастные промежутки. Максимальная прибавка МТ девочек наблюдается с 11 до 12 лет независимо от групп населения.

Выявлены особенности полового диморфизма по основным показателям физического развития: девочки независимо от этнической принадлежности обгоняют своих сверстников по ДТ и МТ в 12 лет, а в 11 лет во всех группах отмечается функциональный перекрест по ДТ и МТ. Независимо от этнической принадлежности приросты ДТ и МТ девочек более интенсивные с 10 до 12 лет мальчиков.

Интересным является факт несоответствия абсолютных обхватных размеров мигрантов (увеличение) и темпов их прироста аборигенов (высокие). Массивность скелета и половые отличия мигрантов-мальчиков значительнее аборигенов. Темпы прироста дистальных диаметров конечностей примерно одинаковые во всех возрастнo-половых и этнических группах, а их максимальные приросты не совпадают по возрастнo-половым группам. Рост в ширину грудной клетки мальчиков, а таза — девочек более выражен у аборигенов. Характер жировотложения формируется по женскому типу независимо от этнических групп, формируется преобладание жирового компонента мигрантов. Абсолютное и относительное содержа-

ние мышечной ткани аборигенов девочек 11 лет больше мальчиков.

Содержание активных компонентов тела мигрантов больше аборигенов независимо от пола, в отдельные возрастные периоды костный компонент мальчиков больше девочек. Уроженцы мигранты-мальчики имеют достоверно меньшие размеры дистального диаметра лодыжки и индекса ширины таза относительно прибывших детей на эту территорию. У уроженцев мигрантов-девочек отличия в показателях физического развития состоят в уменьшении окружности грудной клетки относительно прибывших в различные сроки на Северо-Восток. Метисы-мальчики характеризуются усилением ростовых процессов относительно аборигенов, увеличением ДТ и МТ, площади тела, силовых показателей левой и правой кисти, ростом абсолютного содержания всех компонентов сомы и относительного содержания жира, поперечным вытягиванием плеч и таза.

Однако все эти изменения происходят на фоне снижения поперечных размеров грудной клетки и плотности тела. У девочек-метисов изменения носят аналогичный характер, однако увеличение компонентов тела было только по абсолютному содержанию мышечной ткани, запасы жировых депо на животе у аборигенов остаются не тронутыми, а у метисов активно используются. Все эти трансформации у метисов-девочек происходят на фоне снижения частоты сердечных сокращений, поперечных размеров грудной клетки, увеличении уровня ГЛЮ сыворотки крови.

В подростковый и юношеский возраст происходят наибольшие трансформации физического развития, отмечены максимальные уровни приростов, резко выраженные признаки полового диморфизма. Мигранты-мальчики характеризуются высокими уровнями приростов, девочки опережают их на 1–2 года. Максимальные приросты ДТ и МТ мигрантов выявлены с 13 до 15 лет, а аборигенов-мальчиков позднее — с 14 до 16, у аборигенов-девочек раньше — с 11 до 13 и второй подъем в 16 лет.

В юношеском возрасте формируется окончательный тип конституции — набор морфофункциональных признаков, оптимальный для существования в данных условиях, или адаптивный тип.

Уроженцы мигранты-мальчики отличаются от прибывших детей в подростковом периоде достоверным снижением частоты сердечных сокращений, увеличением ДТ и МТ. Также у них выявлено достоверно большая ширина подкожно-жировой складки на плече спереди, увеличение обхватных размеров предплечья, бедра, голени и лодыжки, дистальный размер эпифиза плеча, увеличение поперечного размера грудной клетки, площади тела,

ИК, абсолютное количество мышечной и костной ткани, индекс обезжиренной массы тела. Уроженцы мигранты-девочки отстают от своих сверстниц, приехавших в разные сроки, по длине туловища, обхвата лодыжки, дистального диаметра диафизов плеча, лодыжки и бедра, абсолютного содержания костной ткани.

Метизация мальчиков-подростков проявляется большим относительным содержанием мышечной ткани на фоне снижения индекса Рорера (отражающего плотность тела) и обезжиренной массы тела. Метизация девочек — большими значениями ДТ и МТ, площади тела, ИК, абсолютного содержания жировой ткани (за счет распределения на бедре и голени), относительного содержания мышечной ткани (увеличение обхватных размеров голени и лодыжек). Все вышеперечисленные изменения девочек происходят на фоне достоверного снижения относительного содержания костной ткани и увеличения концентрации ОХ и СХ сыворотки крови.

Сформировавшийся адаптивный тип юношей-мигрантов — уроженцев мальчиков характеризуется достоверным увеличением дистального эпифиза запястья, снижением подкожно-жировой складки голени относительно приезжих. Девушки-мигранты — уроженцы отличаются от прибывших достоверно большим количеством относительного содержания жира, меньшим обхватом грудной клетки и толщиной подкожно-жирового слоя на плече спереди, спине, голени.

Метизация юношей проявляется высокими значениями основных параметров физического развития относительно аборигенов. Метисы-юноши обгоняют аборигенов по ДТ, МТ, ОГК, площади тела, силы левой кисти, абсолютному содержанию костной ткани, мышечной (за счет увеличения обхватов предплечья и запястья, лодыжки и бедра), жировой ткани (за счет увеличения подкожного жира грудной клетки, голени и бедра), относительному содержанию жировой ткани. Все эти изменения происходят при увеличении концентрации сывороточного ЭХ и КЭ метисов. Метизация девушек отличается снижением индекса ширины плеч, поперечных размеров грудной клетки. В то же время, как и у юношей-метисов, выявлено увеличение силы левой кисти, ДТ, подкожно-жировой складки на груди. Все эти трансформации происходили на фоне снижения у девушек частоты сердечных сокращений, коэффициента пульс-дыхание и увеличения уровня КА.

Развитие мигрантов происходит на фоне более высоких значений ДТ и МТ, увеличении мышечной и жировой ткани, снижении плотности тела. Для развития мигрантов необходимо увеличение насыщения крови кислородом, что и отмечалось в онтогенезе. Процессы липолиза усиливаются

в подростковом и юношеском возрасте, развитие проходит на фоне энергодефицита и включения механизмов защиты — антиоксидантной системы. Расщепление жира в подкожной клетчатке сопровождается усилением ферментативной активности печени, переходом на более легкий путь питания — увеличении сывороточных триглицеридов, изменению соотношения фракций холестерина в сторону увеличения холестерина ЛПОНП. Одновременно по достижении дефинитивного возраста у мигрантов отмечается снижение уровня свободных жирных кислот на фоне меньших концентраций фосфора и кальция сыворотки крови. Увеличение окружности грудной клетки мигрантов происходит за счет увеличения переднезаднего размера к достижению дефинитивного возраста. В юношеском возрасте формируется снижение частоты дыхания и сердечных сокращений, повышение артериального давления относительно аборигенов. При этом изменения сердечно-сосудистой системы сводятся к снижению минутного объема кровообращения, увеличению периферического сопротивления сосудов, снижению коронарного кровотока и функциональной выносливости сердечно-сосудистой системы.

Механизмы развития *аборигенов* отличаются отсутствием признаков энергодефицита, достаточным насыщением крови кислородом всех возрастных групп. Липолиз происходит постепенно и за счет накопленных ранее жировых депо (очевидно, с активным участием бурой жировой ткани), с выравниванием к концу полового созревания толщины подкожного жира и восстановления необходимого количества жировой ткани в юношеском периоде. У аборигенов выявлено большее распределение подкожного жира на животе и спине, которое, очевидно, связано с расположением бурой жировой ткани. В сыворотке крови увеличивается только содержание фосфора, что позволяет предположить участие его в адаптационных механизмах аборигенов. Ферментативная активность печени аборигенов менее выражена, однако в подростковом периоде у них отмечено снижение ГЛЮ и ЛАК, что позволяет предположить участие в углеводном обмене ПИР, который связывает все виды обмена и включает механизмы жирового и белкового метаболизма в физиологических механизмах. Аборигены на фоне меньших параметров ДТ и МТ, площади тела имели большую плотность тела. При достижении дефинитивного возраста увеличиваются поперечные размеры (грудной клетки и таза), частоты сердечных сокращений и дыхания, минутный объем крови, коронарный кровоток и функциональная выносливость сердечно-сосудистой системы; снижаются артериальное давление, периферическое сопротивление сосудов. Все вышеперечисленные

морфофункциональные изменения на уровне организма происходят при изменении метаболизма: увеличении в сыворотке крови кальция и фосфора, СЖК и СЖК/ТГ.

При *сравнении групп мигрантов и аборигенов* выявлены закономерности (по всем возрастным периодам) в виде уменьшения аборигенов ДТ и МТ, содержания абсолютного и относительного содержания мышечной и жировой ткани, площади тела и увеличении плотности тела. Помимо этого, в различные этапы онтогенеза выявлены особенности, свидетельствующие о рациональных перестройках сомы аборигенов в процессе созревания и роста. Так, аборигены на фоне меньших параметров ДТ и МТ имеют большие значения относительно мигрантов: индекса грудной клетки и индекса ширины таза (в 1-м детстве и юношеском возрасте); индекса обезжиренной массы и ИР (2-е детство и юношеский возраст). Увеличение поперечных размеров тела, его плотности, несомненно, играют значительную роль в адаптационных процессах, поскольку при увеличении дыхательной поверхности легких и органов малого таза происходят поддержание водного баланса и развитие репродуктивных органов. Мигранты отличаются более выраженными трансформациями пропорций и приростами в период полового созревания.

Мигранты 1-го детства имеют достоверное снижение насыщения крови кислородом относительно аборигенов, в процессе дальнейшего онтогенеза различия сглаживаются. За счет больших ростовых процессов дистальные диаметры эпифизов костей верхних и нижних конечностей мигрантов становятся больше аборигенов (кроме эпифизов средних костей верхних конечностей 1-го и 2-го детства). При этом уровень фосфора сыворотки крови мигрантов достоверно меньше аборигенов 1-го и 2-го детства.

На фоне снижения ХС ЛПНП аборигены 1-го и 2-го детства содержат меньше подкожного жира на всех измеряемых участках тела. Обхватные размеры сегментов тела достоверно больше у мигрантов по всем возрастным периодам, однако обхват плеча аборигенов выравнивается с мигрантами по достижении дефинитивного возраста. В период трансформаций полового созревания (2-е детство и подростки) мигранты обгоняют аборигенов по силовым показателям (динамометрии правой и левой кисти), индексу ширины плеч, содержанию подкожного жира на всех участках тела, длине туловища, окружностям талии и грудной клетки, диаметру плеч и таза.

В подростковом периоде аборигены обгоняют мигрантов по относительному содержанию костной ткани, содержанию фосфора сыворотки крови, на фоне меньших значений артериального давления

и частоты дыхания, большей внутренней температуры тела. Обмен веществ мигрантов-подростков характеризуется затратными механизмами защиты в виде усиления функциональной активности гепатоцитов в процессах глюконеогенеза и гликолиза (увеличение ГЛЮ), процессов липолиза (усиления фермента липаза и флуктуации количества подкожного жира), появлении гипоксии тканей (увеличении ЛАК), включении антиоксидантных механизмов защиты (увеличение мочевины).

По окончании полового созревания и достижения юношеского периода аборигены выравниваются с мигрантами по многим показателям: подкожному жиру на плече сзади, спине, животе; обхватным размерам плеча; дистальным диаметрам эпифизов костей плеча, запястья, лодыжки. Метаболизм аборигенов характеризуется использованием свободных жирных кислот, переходу на жировой тип на фоне снижения уровня ГЛЮ, сохранении уровня ПИР. В минеральном обмене выявлено достоверное увеличение кальция и фосфора сыворотки крови аборигенов относительно мигрантов. Метаболизм мигрантов характеризуется выраженным энергетическим дефицитом за счет увеличения ТГ и ХС ЛПОНП, включением антиоксидантных механизмов защиты (повышение мочевины).

При длительном воздействии стрессорных факторов включаются механизмы централизации кровообращения (функционирование жизненно необходимых органов: мозга, сердца, легких). Кровоснабжение этих органов должно находиться на постоянно высоком уровне, обеспечивать достаточное поступление кислорода для их работы. Размеры грудной клетки, характеризующие функциональные характеристики легких, различны у детей мигрантов и аборигенов, с преобладанием поперечных размеров последних. При изучении развития грудной клетки в онтогенезе выявлены ее трансформации в виде увеличения поперечных размеров аборигенов, а у мигрантов, наоборот, переднезадним размером в определенные периоды онтогенеза как адаптивная трансформация. Централизация гемодинамики ухудшает кровоснабжение и способствует включению в органах и тканях метаболической компенсации (переключению на анаэробный путь переключения энергии), что приводит к накоплению ЛАК крови. При данных изменениях развивается порочный круг и усиление процессов перекисного окисления липидов (ПОЛ) с накоплением в клетках активных форм кислорода.

Известно, что аборигены потребляют большое количество жидкости (в виде бульонов, чая), поддерживая, таким образом, объем циркулирующей крови и содержание ХС клеток на постоянном уровне. В современных условиях образовательных учреждений поступление жидкости в организм

детей ограничено меню детских садов и школ, не учитывающих условия Севера. Дефицит экзогенной воды особенно остро сказывается у детей, у которых эндогенная вода составляет до 80 % состава тела. Многоуровневые трансформации метаболизма требуют участия эндогенной воды, и при ее нехватке также возникают поломки адаптационных систем.

Сердечно-сосудистые заболевания являются следствием нарушений липидного обмена, сосудисто-тромбоцитарного гемостаза и активации ПОЛ. В последние годы заболеваемость сердечно-сосудистой патологией аборигенов увеличилась. При изучении отличий функциональных показателей сердечно-сосудистой системы выявлено, что аборигены в онтогенезе имеют стабильное увеличение минутного объема кровообращения, удельного периферического сопротивления сосудов, систолического индекса. Трансформации полового развития приводят к формированию адаптивного типа по функциональным показателям сердечно-сосудистой системы: большими значениями частоты сердечных сокращений и дыхания, минутного объема кровообращения, количеством крови на единицу поверхности тела, коронарного кровотока, функциональным состоянием сердечно-сосудистой системы.

Одновременно у них отмечено снижение артериального давления (систолического и диастолического), удельного периферического сопротивления сосудов, пульсового давления. Понятно, что аборигены накопили достаточный адаптационный генетический потенциал для снятия стрессовых последствий в обмене веществ, позволяющий им выживать в экстремальных условиях.

По результатам исследований, в условиях метаболической компенсации у них формируются оптимальные пропорции и состав тела, направленные на поддержание необходимых для жизнеобеспечения органов и систем. Развившийся жировой тип питания способствует нормализации кровообращения и дыхания, многоуровневая системы защиты нейтрализует сосудисто-тромбоцитарный гемостаз, процессы ПОЛ, нарушения липидного обмена.

Совсем иначе реагируют мигранты, имеющие углеводный тип питания на стрессовые факторы Севера. В результате трансформаций липидного обмена может развиваться ацидоз, который, в свою очередь, ухудшает периферическое кровообращение³⁷⁹. От величины дыхательной поверхности легких и частоты дыханий зависит участие легких в поддержании водного баланса и, следовательно, адаптационных механизмов. Биохимическая адаптация липидов на уровне клеточных мембран является последней линией защиты, за которой наступают поведенческие и физиологические реакции³⁸⁰.

Компенсаторно-восстановительные механизмы при воздействии экстремальных факторов среды в популяции детей мигрантов Северо-Востока России направлены на ликвидацию дефицита энергии (использование ТГ), пластические процессы (синтез кортикостероидов — ЭХ; ХС — мембрана клетки), транспортные процессы (ЛПНП для переноса ХС, СЖК, ТГ). В группе аборигенов затраты на компенсаторные механизмы значительно меньше, направлены на синтез стероидов (увеличение ЭХ), снижение гипоксии.

К тому же важным является механизм участия кальция и фосфора в метаболизме аборигенов. Повышение уровня мочевины в крови связано с активацией механизмов защиты от активных форм кислорода эритроцитов, моноцитов, лимфоцитов, она относится к низкомолекулярным антиоксидантам. При хроническом стрессе происходит усиление секреции глюкокортикоидов, повышение ТГ крови.

При изучении состава волос на макро- и микроэлементны (определяли 25 микро- и макроэлементов детей Чукотки) выявлено, что для детей Северо-Востока характерны общие признаки элементного дисбаланса, возможно наличие зубной эндемии и гипомикроэлементозов по Са, Со, Си, Zn у детей Чукотки. В то же время кальций и фосфор крови имеет неоднозначные флуктуации в онтогенезе и различия в зависимости от групп населения, о чем сообщалось ранее. Трансформации, происходящие в обмене веществ мигрантов, неоднозначны, зависят от пола и времени проживания на Севере.

***

Таким образом, выявлены закономерности изменчивости строения тела и показателей состояния внутренней среды, проявляющиеся в том или ином типе обмена веществ детей Северо-Востока России.

Для мигрантов характерно наличие высокого роста, массы тела, большей площади тела, переднезаднего размера грудной клетки, превышение всех компонентов сомы в абсолютном количестве (мышечной и жировой в относительном); максимального поперечного роста костей бедра, увеличение подкожного жира (кроме спины, живота) и обхватных размеров сегментов тела.

Преобразования мигрантов кардиореспираторной системы проявляются в виде снижения частоты дыхания, сердечных сокращений, увеличении систолического и диастолического давления, по-

вышении удельного периферического сопротивления, снижении минутного объема кровообращения.

Адаптационные перестройки полового созревания проходят у них с дефицитом энергии, подключением антиоксидантных систем, тканевой гипоксии в условиях снижения основного обмена, проявляются резкими приростами длины и массы тела, компонентов сомы, преобладании продольного роста поперечному.

В метаболизме при перестройках полового созревания происходят трансформации с преобладанием гормональных преобразований, направленных на покрытие энергетического дефицита, снижения гипоксии, включения антиоксидантных механизмов защиты. В процессе перестроек у них снижаются: уровень глюкозы ниже нормы, лактата (сохраняется превышение нормальных значений), ОХ, СХ и ЭХ, ЛПНП, коэффициент атерогенности. Формируется углеводный тип, для которого в условиях Северо-Востока характерно увеличение в крови триглицеридов и ЛПОНП, мочевины, меньшие значения кальция и фосфора, свободных жирных кислот.

Для аборигенов характерны увеличение поперечных размеров тела (грудной клетки, таза) для сохранения функционирования жизненно важных органов, поперечный рост средних костей, преобладание относительного количества костной ткани, отложение подкожного жира на спине и животе, на фоне меньших значений длины и массы тела, площади тела и большей плотности тела. Изменения сомы формируют большую частоту пульса и дыхания, минутного объема кровообращения, увеличение кровоснабжения на единицу поверхности тела, снижение удельного периферического сопротивления и артериального давления, усиление коронарного кровотока и выносливости сердечно-сосудистой системы.

Перестройки адаптационных механизмов во время полового созревания происходят на фоне высокого обмена веществ, плавного распределения приростов тела, преобладании поперечного роста над продольным, формированием большей плотности тела, снижении уровня глюкозы, общего, свободного, эстерифицированного холестерина, увеличении липопротеидов высокой плотности, снижении коэффициента атерогенности, увеличении антиоксидантной защиты. Формируется жировой тип обмена веществ, для которого характерно увеличение в крови свободных жирных кислот (в составе жирных кислот преобладают триглицеридов), а также кальция и фосфора.

ДИНАСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в. КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ)

Проблема сохранения и реставрации государств Центральной и Юго-Восточной Европы становится актуальной в царствование Екатерины II. В связи с успехами русско-турецкой войны 1768–1774 гг. среди приближенных Екатерины рождается мысль об изгнании турок из Европы и воссоздании Греческой империи со столицей в Константинополе³⁸¹. Престол этого предполагаемого государства должен был занять младший внук Екатерины — в. кн. Константин Павлович, получивший свое имя в честь основателя Константинополя — Константина I. По случаю рождения великого князя была отчеканена медаль с изображением младенца и Константинопольского собора Святой Софии. На празднике, который устроил Г. А. Потемкин на своей даче в честь рождения Константина, хор певцов пел на греческом языке. Кормилицей великого князя стала гречанка Елена (это же имя носила когда-то мать императора Константина Великого). Таким образом, намекалось на будущее, которое ожидало в. кн. Константина Павловича³⁸².

Детали «греческого проекта» уточнялись сотрудниками Екатерины II А. А. Безбородко и Г. А. Потемкиным в 1781–1783 гг., в период оформления союза с Австрией, на которую возлагались большие надежды в деле его будущей реализации. Помимо Греческой империи Екатерина II предлагала создать своему союзнику Иосифу II из турецких владений буферное государство Дакию, престол которого бы занял монарх христианского вероисповедания. Этот проект имел целью предотвратить в будущем военные столкновения между тремя империями (Российской, Австрийской и Османской), поскольку отныне они не имели бы общих границ. Из переписки Екатерины и Иосифа видно, что Дакия занимала бы восточную часть современной Румынии, Молдавию и Бессарабию³⁸³. Древнее гето-дакийское государство было гораздо обширнее. Оно охватывало территорию между Карпатскими горами и Дунаем, на западе границей была р. Тиса, а на востоке — Прут (по другим сведениям — Днестр)³⁸⁴ и Черное море. Таким образом, в древнюю Дакию входила вся территория современной Румынии (и, возможно, Молдавии), а также часть современной Сербии и Венгрии.

В Греческую империю должны были входить Греция, Болгария, большая часть современной Сербии, Македония, почти вся Албания, северная Добруджа (в настоящее время принадлежащая Румынии) и, наконец, кусочек европейской части современной Турции вместе с Константинополем³⁸⁵. Данные территории входили в Византийскую империю периода ее расцвета, но ими не исчерпывался весь ее состав. Таким образом, в случае осуществления проекта Дакия и Греческая империя стали бы по сути новыми, ранее не существовавшими государствами, вдвое меньше по сравнению с их древними прототипами.

Что касается реальности замыслов Екатерины, то создание Дакии представляется вполне осуществимой задачей. Освобождение из-под турецкого владычества Греции, Сербии, Болгарии, Македонии и Албании, вероятно, также не представило бы особых затруднений. Однако вряд ли можно было рассчитывать на то, что Греческая империя просуществует долго, ибо в нее включались разные и не слишком дружественно относящиеся друг к другу народы. К тому же западно-европейские страны, безусловно, противодействовали бы созданию нового крупного государства во главе с представителем династии Романовых.

Планы русского правительства в отношении Греции не могли не оказать влияния на греческое общество. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. (в 1790 г.) в Петербург прибыла делегация греческих капитанов, которая просила о помощи России в борьбе с Турцией и выразила желание, чтобы в. кн. Константин Павлович стал греческим императором. Константин, с младенчества изучавший греческий, отвечал депутатам на их родном языке. Великий князь пожелал грекам успеха в исполнении их замыслов³⁸⁶.

Однако противостояние России со стороны Пруссии и Англии в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и не столь блестящие победы русского оружия, какие ожидались, не позволили императрице приблизиться к осуществлению «греческого проекта»³⁸⁷. Можно предположить, что в течение войны Екатерина II не делала попыток реализации своих планов, откладывая их на более отдаленное время.

Первым шагом на пути осуществления данного проекта императрица считала, по-видимому, образование буферного государства Дакии. 21 апреля (2 мая) 1788 г. статс-секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий записал в своем дневнике слова императрицы о том, чтобы «Молдавию и Валахию оставить независимыми для будущей греческой империи под названием Дакии»³⁸⁸. Таким образом, Екатерина находила возможным отступить от своего же предложения Иосифу II о статусе Дакии как отдельного государства. Заметим, что древняя Дакия, входившая во II–III вв. в состав Западной Римской империи, никогда не принадлежала Восточной Римской империи — Византии.

Образование из Молдавии и Валахии независимого государства под протекторатом России прокламировалось как цель будущей русско-турецкой войны в соглашении, подписанном между Россией и Австрией 23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.). В нем также говорилось, что на престол данного государства должен взойти представитель или представительница дома Романовых. При этом имелись в виду либо Константин Павлович, либо сама Екатерина³⁸⁹.

Россия сумела добиться поддержки своих притязаний относительно Турции у Англии и Пруссии. 7(18) февраля был подписан англо-русский, а 17(28) сентября 1795 г. англо-русско-австрийский союзные договоры. Благодаря им Англия стала являться гарантом русско-австрийского договора от 23 декабря 1794 г.³⁹⁰ Пруссия была также настроена дружелюбно по отношению к России в вопросе о Дунайских княжествах.

На этот раз международная обстановка благоприятствовала внешнеполитическим проектам Екатерины, которая помимо завоевания Дунайских княжеств продолжала мечтать о Константинополе, но не афишировала перед границей свои намерения, как раньше. Граф А. В. Суворов еще в 1793 г. представил императрице план захвата Константинополя и европейских областей Турции ввиду приготовлений к войне со стороны Порты. Этот план, представляющийся довольно реальным, был рассчитан самое большее на три года войны. Между тем пришедшие в апреле 1794 г. известия о волнениях в Польше заставили Екатерину II отказаться от уже было начавшейся подготовки к войне. После третьего раздела Речи Посполитой перспектива скорого разрыва русско-турецких отношений опять стала реальной. Однако неожиданная смерть Екатерины II 6(17) ноября 1796 г. предотвратила новую войну между Россией и Османской империей³⁹¹.

Пришедшие на смену Екатерине политики — Павел I, а затем и Александр I — не стремились к расчленению Османской империи. Тем не

менее не только греки, но и представители других балканских народов начали смотреть на Россию как на освободительницу от турецкого ига, а в Константинополе видеть своего будущего монарха.

В феврале 1804 г. в Сербии вспыхнуло восстание. Оно было вызвано зверствами янычар и вскоре приобрело национально-освободительный характер. Осенью этого года серб С. Югович³⁹² обратился к одному из руководителей восстания — бачскому епископу Й. Йовановичу с предложением о создании Сербского государства. Согласно плану Юговича, оно могло возникнуть в результате восстания сербов, болгар, молдаван и валахов при содействии России, которая должна была оказать повстанцам помощь оружием и вступить в войну с Турцией. По мысли Юговича, Россия ввяжется в войну только в том случае, если Сербия перейдет под ее протекторат (по примеру Грузии) и призовет на царство в. кн. Константина³⁹³. Сам Югович претендовал на то, чтобы выступить перед русским правительством в качестве выразителя желаний всего сербского народа.

План Юговича нашел полную поддержку у Й. Йовановича, который сообразно с его указаниями обратился в октябре 1804 г. к Александру I с письмом от имени сербов, болгар и валахов. Копии этого прошения от 14(26) октября вместе с письмами были посланы Йовановичем в. кн. Константину, петербургскому митрополиту Амвросию и министрам юстиции и внутренних дел П. В. Лопухину и В. П. Кочубею. Югович был отправлен к русскому двору как представитель сербской нации³⁹⁴.

В своем письме Йованович просил Александра I о присылке сербам оружия и пороха на 500 тыс. человек и выражал надежду, что после этого и присоединения русских войск они свергнут турецкое владычество и создадут Сербское государство, которое будет под покровительством России³⁹⁵. Далее говорилось: «Нация сербская возлюбила героизм любезнейшего брата Вашего Императорского Величества великого князя Константина Павловича, подносит ему царский лавровый венец и корону сил[ь]ного царя Стефана Сербского Неманича Душана, его престол и его царство и скип[ет]р... чтоб именовался и на грамоте подписывался Царь Сербский Константин Неманя»³⁹⁶.

Это предложение обуславливалось тем, что по плану Юговича Сербия восстанавливалась в границах государства Стефана Душана (1331–1355), происходившего из династии Немани. В государство Стефана Душана входили территория современной Сербии (за исключением Белграда и Мачвы), часть современной Герцеговины, Черногория, Македония, Албания, Эпир, Акарнания, Этолия и Фессалия. Оно просуществовало недолго и распалось вскоре после смерти своего создателя³⁹⁷.

План С. Юговича и Й. Йовановича противоречил политике Александра I в отношении Турции. Тактика Александра сводилась к поддержке идеи создания на Балканском п-ове государств, которые находились бы под протекторатом России и Турции одновременно³⁹⁸. Поэтому никакого официального ответа от русского правительства сербский депутат Югович не получил. Министр иностранных дел А. Е. Чарторыйский считал, что для сохранения влияния России в среде славян можно «ограничиться токмо письмом к нему (Йовановичу. — *Примеч. авт.*) от здешнего митрополита Амвросия, составленным из генеральных выражений» и так как Югович «просит об определении племянника его в российскую службу... можно удовлетворить его просьбу и тем самым показать уважение к рекомендации епископа сербского». Александр I утвердил это решение³⁹⁹.

Однако, еще не зная реакции русского императора на план создания Сербского государства во главе с в. кн. Константином Павловичем, епископ Йованович составил в феврале 1805 г. прокламацию, адресованную «сердарам, обер-кнезам и кнезам, старейшинам обществ и всем членам общин, находящимся в турецком подданстве в Боснии, Сербии, Болгарии, Валахии, Молдавии и в остальных вилайетах, подчиняющихся Турции». В ней говорилось о предстоящей помощи со стороны России, благодаря которой турки будут побеждены. После этого планировалось создать сильное государство с границами от Черного до Адриатического моря во главе с царем Константином Неманичем. Все, кто участвовал в борьбе против Турции, получили бы от царя чины, привилегии и земельные пожалования⁴⁰⁰, однако гегемония в этом государстве отводилась сербам и болгарам⁴⁰¹.

Из прокламации Йовановича видно, что предполагаемое государство по своему территориальному составу существенно отличалось от державы Стефана Душана, куда входила Греция, но где не было Молдавии, Валахии, Болгарии и Боснии. Создание единого государства из всех этих земель, населенных разными народами, едва ли могло стать реальностью.

Между тем Александр I поддерживал планы образования славяно-сербского государства на основе мирного соглашения Турции и европейских держав. Эти планы были изложены в записке карловацкого митрополита С. Стратимировича, а затем в прошении сербской депутации русскому правительству от 3(15) ноября 1804 г. Речь шла о предоставлении Сербии автономии по образцу Ионической республики или Дунайских княжеств. Россия вела по этому вопросу переговоры с Портой, которые не имели успеха, до 1806 г.⁴⁰² Стратимирович хотел, чтобы на престоле Сербского государства был один

из русских великих князей⁴⁰³, причем предпочтение отдавалось Константину Павловичу.

Потеряв надежду на получение мирным путем автономии для Сербии, в феврале 1806 г. сербская депутация в Вене обратилась к Александру I с просьбой о денежной (1–2 млн руб.) и военной (несколько полков) помощи и о назначении Константина главнокомандующим сербской армией: «На верх сербская армия сея благорассудилось прославленного всероссийского хероя великого князя Константина Павловича представить, тога серби в бозе вседержателе, в госпде правды и силы и в божественном начале спасения и православия своего твердую и непоколебимую веру имеют, да всякое великое дело им возможно будет»⁴⁰⁴.

Оказывать вооруженную помощь восставшей Сербии, да еще поставить во главе войска в. кн. Константина не входило в намерения Александра I, которому было важно сохранить мирные отношения с Турцией. Царь приказал русскому послу в Турции А. Я. Италинскому сообщить о содержании письма сербов турецкому правительству. Вместе с тем Италинскому поручалось «посоветовать» султану Селиму III предоставить сербам автономию. Самим сербам через председателя Народного собрания протоиерея М. Ненадовича А. Е. Чарторыйским предусматривалось передать от имени русского правительства, что Россия всегда будет защищать их интересы перед Турцией, но они должны оставаться верными подданными султана⁴⁰⁵.

Мысль об основании Сербского государства во главе с одним из представителей дома Романовых высказывалась и в русском обществе. В. Н. Каразин в письмах к министру иностранных дел А. Е. Чарторыйскому от 21 ноября (3 декабря) и 27 ноября (9 декабря) 1804 г. говорил о возможности создания Сербского государства, трон которого занял бы один из братьев Александра, без вооруженного вмешательства со стороны России в турецко-сербский конфликт⁴⁰⁶. Таким образом, идеи Каразина были сходны с первоначальными предложениями Стратимировича. Каразин имел случай узнать о них при знакомстве с сербскими общественно-политическими деятелями — М. Ненадовичем, П. Новаковичем и др.⁴⁰⁷

В 1816 г. в связи с распространившимися слухами о предстоящей русско-турецкой войне опять появились проекты образования государств на Балканском п-ове во главе с в. кн. Константином Павловичем. Бывший господарь Валахии, отец А. Ипсиланти Константин, живший тогда в России, послал в российское Министерство иностранных дел план создания на Балканах «Восточной империи» под скипетром Константина Павловича. Осуществлению данного проекта должно было предшествовать, по мнению Ипсиланти, обра-

зование между Россией и Османской империей буферных независимых государств, располагавших регулярными войсками, — Сербии, Валахии и Молдавии⁴⁰⁸. Последнее, в отличие от создания «Восточной империи», было вполне реальным. Однако в планы Александра I не входил вооруженный конфликт с Турцией, и проект К. Ипсиланти был, по-видимому, оставлен без внимания.

Повсеместное связывание фигуры великого князя с национально-освободительной борьбой балканских народов приводило к тому, что и общественно-политические деятели других стран стали рассматривать Константина Павловича в качестве возможного монарха какого-либо балканского государства. Во время войны Греции за независимость 1821–1829 гг. в бумагах генерала К. Князевича, проходившего по делу польских тайных организаций, в 1826 г. был обнаружен проект польского Патриотического общества, который состоял из двух записок. Он имел целью предоставление Польше независимости в границах 1772 г. под властью Саксонской династии. По этому проекту Пруссия взамен отошедшей от нее территории получала Саксонию. А в. кн. Константин Павлович, находившийся после присоединения Польши к России в 1815 г. в Варшаве в качестве главнокомандующего польских войск, но фактически обладавший тут полнотой власти, становился греческим императором.

Узнав о данном проекте из письма министра иностранных дел К. В. Нессельроде, Константин отвечал ему 19 февраля (3 марта) 1826 г.⁴⁰⁹: «Я не мог не поразиться аналогии, которую представляли некоторые фразы первой и более длинной из двух записок с фразами, которые встречались недавно в плохих французских газетах, таких как “Constitutionnel” и “Courcier”, и которые, основываясь на сходстве между моим именем и названием столицы Оттоманской империи, заключали, что я должен обязательно иметь виды на Грецию и в широком смысле на константинопольский трон»⁴¹⁰. Поэтому великий князь был убежден, что этот проект был составлен французом, и подозревал французского посланника в Дрездене маркиза М. И. Рюмини. По мнению Константина Павловича, французское правительство в связи со слухами об его отречении полагало, что Польша станет независимой и будет восстановлена в границах до ее первого раздела и вследствие этого желало утвердить в ней свое влияние⁴¹¹.

О проекте польского Патриотического общества цесаревич писал в тот же день и своему другу Ф. П. Опочинину: «Люди вмешиваются не в свои дела и делают нелепые распределения и назначения. Но меня пусть не считают и оставят в покое, мое место разве в хлебопашцы. Замешали тут Пруссию и саксонского короля, который уже так

стар, равно и вся его фамилия, и обращает на себя всякое почтение и уважение, и, без всякого сомнения, не имеет и помышлений о таких затеях. Надо только остеречься, не действует ли тут французский посланник в Дрездене, Рюмини, который был в С.-Петербурге при Коленкуре и в больших связях с Княжевичем»⁴¹². Неизвестно, имел ли отношение Рюмини к вышеназванному проекту или нет. Однако, по свидетельству польского поэта и переводчика А. Е. Козьмяна, он весьма доброжелательно относился к полякам⁴¹³. Кроме того, Рюмини хотел покровительствовать полякам, находящимся в Дрездене.

Обращение великого князя к Опочинину в связи с данным проектом кажется неслучайным. Ф. П. Опочинин, живший в Петербурге, в царствование Николая I являлся посредником между ним и Константином при решении некоторых вопросов. Свои письма к Опочинину Константин Павлович иногда просил адресата показывать Николаю, дабы тот мог неофициально узнать его мнение по той или иной проблеме. Можно предположить, что и это письмо постигла та же участь. Константин, привязавшись к полякам вследствие своего долгого пребывания в Польше, отдавал предпочтение ей, а не Греции, которую еще предстояло освободить от турецкого владычества. Великий князь неодобрительно отзывался о греческом восстании, начавшемся в 1821 г. Он называл греков бунтовщиками, выступающими против своего законного правительства, и негативно относился к возможности русско-турецкой войны из-за греческого вопроса, считая ее нелегитимной⁴¹⁴. Возможно, такая резкая позиция Константина Павловича объяснялась тем, что, зная про представление части современников о нем как о будущем греческом императоре, великий князь старался предупредить в случае победы греков над турками предложение ему греческого престола.

Впрочем, проект польского Патриотического общества в любом случае остался бы на бумаге. Ни одна из трех держав, владевших польскими землями (Россия, Австрия и Пруссия), не отказалась бы от них добровольно.

«Греческий проект» послужил мощным импульсом для разработки различных внешнеполитических планов в отношении Константина Павловича, который со временем стал ассоциироваться в общественном мнении не только как будущий греческий император, но и как возможный монарх различных европейских государств. Особенно часто к его личности обращались при решении польского вопроса. С момента восшествия на престол при поддержке Екатерины II последнего польского короля Станислава Августа Понятовского в 1764 г. Речь Посполитая находилась в сфере исключительного влияния России. После первого раздела

государства в 1772 г. между Пруссией, Австрией и Россией зависимость от нее Польши стала еще большей. Одним из способов решения двух важнейших задач, стоявших перед Речью Посполитой (введения наследственного правления и заключения союза с Россией), могло быть возведение на польский наследственный престол одного из внуков Екатерины II. К этому мнению склонялись как приближенные короля Станислава Августа, так и представители оппозиции⁴¹⁵.

Секретарь короля М. Глер незадолго перед встречей Станислава Августа и Екатерины в Каневе в апреле 1787 г. (во время ее путешествия в Крым) представил королю записку, в которой советовал ему предложить Екатерине возвести на польский престол в. кн. Константина Павловича. Глер полагал, что принятие Екатериной данного проекта было бы залогом сохранения польской государственности и согласия России на проведение реформ государственного устройства в Польше⁴¹⁶.

Примерно к этому же времени относился анонимный проект, находящийся в бумагах генерала коронной артиллерии Щ. Потоцкого, который был адресован Екатерине II. В нем автор предлагал избрать наследником польского престола Александра Павловича или Константина Павловича при условии сохранения польской независимости. Предполагая, что этот план может встретить сопротивление других государств, автор советовал приготовления к нему вести в глубокой тайне. Главным, по его мнению, было показать королю тщетность надежды на наследование польской короны семьей Понятовских⁴¹⁷.

Накануне и в первые месяцы работы Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг., на котором были приняты важнейшие государственно-политические реформы Речи Посполитой, аналогичные мысли высказывались и в публицистике. В своей работе под названием «Замечания о жизни Яна Замойского», впервые опубликованной в 1785 г., будущий ученый, культурный и политический деятель С. Сташиц убедительно доказывал, что повышение политического престижа государства неразрывно связано с введением в Польше наследственного правления. В числе кандидатов на престол Речи Посполитой автор называл одного из русских великих князей, курфюрста саксонского либо одного из прусских принцев⁴¹⁸.

Позднее за кандидатуру в. кн. Константина Павловича в качестве будущего короля Речи Посполитой высказывался пророссийски настроенный депутат, староста инфлянтский К. К. Плятер. В своем трактате, написанном в ноябре 1788 г. и опубликованном весной 1789 г., он предлагал избрать наследником польского престола Константина. Взамен Россия и ее теперешняя союзница Австрия должны были возвратить Польше земли, захва-

ченные во время ее первого раздела. Россия также была обязана передать Речи Посполитой часть территорий, которые она отвоюет у Турции⁴¹⁹. Однако в результате вмешательства Пруссии сейм занял враждебную позицию по отношению к России. В Польше ходили слухи о том, что в Каневе между Екатериной II и Станиславом Августом было подписано соглашение о возведении в будущем на польский престол в. кн. Константина Павловича взамен на предоставление королю и его семье, а также представителям оппозиции, поддержавшим проект, Литвы, Молдавии и других территорий. Эти слухи порождали в польском обществе отрицательное отношение к кандидатуре Константина⁴²⁰.

В 1790 г. Плятер снова вернулся к своему проекту избрания на польский престол в. кн. Константина. Но хотя в начале 1789 г. антироссийские слухи прекратились, в сентябре 1790 г. против идеи установления в Речи Посполитой наследственного правления выступили представители так называемой гетманской партии. Они называли этот проект петербургской интригой. В действительности установление в Польше наследственного правления противоречило политике России, не желавшей ее усиления. Это хорошо понимали королевские противники, которые желали сохранения шляхетских вольностей и в своих планах ориентировались на Петербург⁴²¹.

На сейме 1788–1792 гг. был принят ряд важных государственных актов, самым значительным из которых была Конституция 3 мая 1791 г. (по н. ст.). Согласно ей, в Польше устанавливалось наследственное правление. После смерти Станислава Августа престол должен был перейти к курфюрсту Саксонскому, затем к его дочери. Ее мужа, который становился польским королем, избирали царствующий государь и «нация».

Планы установления в Польше наследственного правления и связанного с ним укрепления государственного строя не соответствовали интересам Екатерины II. Впрочем, она долго откладывала решение своих проблем с Речью Посполитой, стремясь не привлекать к этому другие государства. Толчком к урегулированию русско-польских отношений послужило изменническое поведение некоторых польских магнатов, несогласных с реформами 1788–1791 гг. Благодаря этому Россия получила возможность действовать по отношению к Речи Посполитой не в качестве интервента, а в качестве защитника свободы, якобы попранной королем и сеймом. В начале 1792 г. Щ. Потоцкий и С. Жевуский приехали в Петербург, прося Екатерину II восстановить старый порядок в Польше. В мае 1792 г. русские войска под командованием генерала М. В. Каховского вступили в Польшу. Одновременно с вторжением русской

армии на польско-русской границе была сформирована Тарговицкая конфедерация для восстановления прежнего положения вещей в Польше. Главой конфедерации стал Ш. Потоцкий.

Вскоре королю и сторонникам новой Конституции стало ясно, что война будет неминуемо проиграна Речью Посполитой. Чтобы спасти хоть какие-то завоевания Четырехлетнего сейма, король Станислав Август в письме от 11(22) июня 1792 г., адресованном Екатерине II, заявил о своей готовности согласиться на условия императрицы и предложил избрать своим наследником в. кн. Константина Павловича⁴²² (курфюрст Саксонский, боявшийся различных осложнений, отказался быть преемником Понятовского). Екатерина в ответном письме от 2(13) июля никак не прореагировала на это предложение короля и посоветовала ему присоединиться к Тарговицкой конфедерации⁴²³.

Вице-канцлер И. А. Остерман в письме к русскому послу в Польше Я. И. Булгакову объяснил, чем был продиктован этот отказ. В качестве одной из причин ввода русских войск императрица называла стремление восстановить прежнее положение о выборности королей в Польше. Таким образом, если бы она приняла предложение Станислава Августа, возникли бы основания «заподозрить ее бескорыстие и потревожить доверенность и согласие, царствующее между нею и дворами Венским и Берлинским» (поскольку Австрия и Пруссия принимали совместно с Россией участие в первом разделе Польши). Кроме того, польский проект противоречил образу мыслей Екатерины «относительно устройства своей фамилии»⁴²⁴. Король был вынужден присоединиться к Тарговицкой конфедерации.

В начале октября 1792 г. С. Пяттоли от имени выехавших за границу ведущих польских политиков — И. Потоцкого, Г. Коллонтая и С. Малаховского прислал Станиславу Августу записку. Пяттоли советовал, чтобы король, невзирая на Тарговицу, попытался заключить соглашение с Екатериной. Взамен на признание Петербургом реформ Четырехлетнего сейма Станислав Август должен был предложить России союз и трон для в. кн. Константина. Эмигранты думали, что Россия, заинтересованная в спокойствии в Польше, будет вести переговоры с политическими деятелями, выражавшими волю большей части населения. Однако они ошибались. Все усилия предотвратить второй раздел Речи Посполитой оказались тщетными⁴²⁵.

Весной 1794 г. в Польше началось восстание за независимость, которое возглавил Т. Костюшко. После поражения повстанцев в октябре того же года мысль об избрании Константина Павловича на польский престол вновь была высказана как королем Станиславом Августом, так и польски-

ми государственными деятелями И. Потоцким и Т. Мостовским. Это предложение было отвергнуто главнокомандующим российскими войсками графом А. В. Суворовым. Нет сомнения, что фельдмаршал действовал согласно инструкциям Екатерины II, не желавшей идти ни на какие компромиссы с польским правительством. Однако И. Потоцкий сделал еще одну попытку, представив 1(12) ноября 1794 г. российскому резиденту барону И. Ф. Ашу записку о возможности стабилизации политической ситуации в Речи Посполитой и избрания Константина польским королем. Этот проект, содержащий рассуждения о различных политических системах Европы, был отклонен Ашем без рассмотрения содержания⁴²⁶. В 1795 г., после третьего раздела, Речь Посполитая перестала существовать.

Взошедший на российский престол в ноябре 1796 г. Павел I был противником разделов Польши. Республиканская Франция также питала пропольские симпатии. Воцарение Павла I подало надежду на заключение невозможного при Екатерине II союза между Францией и Россией, который считался весьма выгодным в среде французских общественных и политических деятелей.

По словам русского историка А. С. Трачевского, французское Министерство иностранных дел было завалено в 1797 г. проектами такого рода⁴²⁷. Одним из них являлось письмо некоего гражданина Гюттена тогдашнему министру иностранных дел Ш. М. Талейрану. Доказывая выгоды союза с Россией, Гюттен, в частности, советовал отдать императору Павлу Турцию при условии восстановления им польского королевства в границах 1772 г. и в. кн. Константином Павловичем во главе⁴²⁸.

Однако Павел I быстро показал себя противником сближения с революционной Францией, а с 1798 г. открыто приступил к созданию антифранцузской коалиции. Накануне окончания Швейцарского похода Суворова международная обстановка опять стала меняться из-за ухудшения отношений России с ее недавним союзником — Австрией.

Тот же Гюттен, сообразуясь с веянием времени, послал 14(25) октября 1799 г. Талейрану записку, в которой излагал план нового раздела сфер влияния между Францией и Россией. Последняя, по словам Гюттена, могла бы помочь Франции вести войну в Индии. Согласно автору письма, Россия получала европейские владения Турции до левого берега Дарданелл, Франция — довольно большую территорию на противоположном берегу, Польша восстанавливалась в границах первого раздела с королем в лице в. кн. Константина Павловича. По мнению Гюттена, Константин, сделавшись польским королем, станет в душе поляком, поэтому не надо будет больше опасаться влияния России в Польше⁴²⁹. Неизвестно, воспользовалась бы или

нет Директория этим проектом. Через полмесяца после его написания, 18 брюмера VIII года Республики — 29 октября (9 ноября) 1799 г., генерал Наполеон Бонапарт совершил государственный переворот. Директория была упразднена. Власть в республике перешла к трем консулам, первым из которых стал Бонапарт.

Вновь к проблеме образования Польского государства обратились в 1803 г. Ближайший сподвижник Александра I кн. А. Е. Чарторыйский представил ему проект под названием «*Mémoire sur le système politique que devrait suivre la Russie*» («Записка относительно политической системы, которой должна следовать Россия»). По мнению Чарторыйского, для поддержания равновесия в Европе нужно, чтобы в ней присутствовали три территориально-политических объединения: Франция во главе с Бонапартом, федерация славянских государств, возглавляемая Александром I, и федерации немецких и итальянских государств — в качестве противовеса первым двум. Федерацию славянских государств должны были образовать Россия, народы Балканского п-ова, которым следовало освободиться от власти Турции, и, если это будет возможно, независимая Польша⁴³⁰.

Чарторыйский считал, что Россия всегда будет заинтересована в восстановлении самостоятельной Польши, поскольку от разделов получили особенно большие выгоды Пруссия и Австрия, которые когда-нибудь объединятся для борьбы с Россией в целях дальнейшего захвата польских территорий. Благодаря общему этническому происхождению и сходным политическим интересам Россия нашла бы в Польше союзника и друга. Для воссоздания Польши нужно вступить в переговоры с Францией и обещать Пруссии и Австрии какую-либо компенсацию. На престол вновь образованного государства Чарторыйский предлагал возвести в кн. Константина Павловича при условии его отказа от прав на российский престол и дарования полякам конституции. Осуществление плана возрождения Польши должно было начаться с провозглашения Александром I независимости тех польских территорий, которые по разделам принадлежали России⁴³¹.

Чарторыйский очень осторожно излагал свою польскую программу, зная о враждебных чувствах русских по отношению к Польше, и оставлял на усмотрение Александра выбор одного из двух путей: либо создание независимого Польского государства, либо присоединение всех польских территорий к России. План Чарторыйского, не требовавший немедленных военных действий, соответствовал настроениям императора и был одобрен членами Негласного комитета⁴³².

Восстановление Польши, хотя бы частичное, не было в наполеоновскую эпоху неосуществимой

задачей. В лице Франции поляки приобрели могущественного союзника, которому не могли оказать сильного сопротивления Австрия и Пруссия. Поэтому для воссоздания Польского государства и возведения на его престол в. кн. Константина Павловича было бы достаточно согласия России и Франции. По-видимому, образовать Польское государство можно было из тех территорий Речи Посполитой, которые отошли по разделам к Австрии и Пруссии. Российское дворянство, с чьим мнением Александр I был вынужден считаться, вообще не желало воссоздания Польши. Примириться с этим оно могло бы лишь в том случае, если бы бывшие польские восточные земли остались в составе Российской империи, т. е. если бы восстановление польской государственности шло за счет не России, а ее союзников по разделам Польши.

Идея восстановления Польши прозвучала вновь во время тильзитских переговоров между Александром I и Бонапартом, проходивших в июне 1807 г. Наполеон предложил признать польским королем Александра или Константина. В обмен на это Силезия переходила во владение брата Бонапарта Жерома. Таким образом, Пруссия переставала быть политически значимым государством, и ее связь с Россией разрывалась, что входило в планы Наполеона. Однако в результате противодействия Александра I Бонапарт вынужден был отказаться от своего «силезского проекта». Русский император не захотел явиться в Польшу ставленником Наполеона, да еще и в результате разрыва с союзной Пруссией (до этого Россия вместе с Пруссией вела войну с Францией). Он предложил признать польским королем Жерома Бонапарта. Этот проект встретил возражения со стороны Наполеона. Он считал, что подходящей кандидатурой была бы та, которая не смущала бы ни Россию, ни Австрию⁴³³. В результате отказа Наполеона от Силезии им были внесены существенные изменения в постановку вопроса о Польше. Из большей части польских владений создавалось Княжество Варшавское, которое не охватывало даже этнической Польши и было лишено выхода к морю. Княжество Варшавское попадало в вассальную зависимость от Наполеона. Главой Княжества был сделан король Саксонский.

***

Подводя итог, следует отметить, что династические проекты конца XVIII — начала XIX в. выдвигались различными политическими силами — монархами и их сотрудниками, представителями правящей элиты тех или иных стран, общественно-политическими и культурными деятелями и участниками национально-освободительного движения. Не все из них были реальными, и ни один из описан-

ных выше проектов не был осуществлен. Причины этого варьировались: ухудшение внешнеполитической обстановки, изначальный отказ российских монархов от ряда проектов и т. п. Некоторые проекты вообще остались под сукном. Однако разработка таких планов указывала на постепенное стирание «железного занавеса», существовавшего раньше между Русью и остальной Европой. Место Московии заняла Россия, и петербургский двор стал рассматриваться как один из влиятельных политических центров новой Европы.

В проектах Екатерины II, Г. А. Потемкина, сербских политических деятелей отразилось стремление реставрировать древние или средневековые государства (Греческая империя, Дакия, монархия Стефана Душана). Авторы проектов хотели совместить свои политические цели с идеей легитимности и исторической преемственности.

Обращение во внешнеполитических проектах к личности в. кн. Константина Павловича было неразрывно связано с греческими планами Екатерины. Отец Константина — цесаревич Павел Петрович — являлся наследником русского престола, старший сын Павла Александр также должен был со временем получить русскую корону. Для Константина — как вто-

рого сына Павла — шансы занять когда-нибудь русский престол были невелики. Поэтому, учитывая одновременно и интересы внешней политики России, и интересы своей семьи, Екатерина II выдвинула в. кн. Константина Павловича в качестве претендента на греческий трон.

Однако «греческий проект» имел далеко идущие и довольно неожиданные последствия. После его появления современники стали представлять себе Константина не только греческим государем, но и возможным монархом вообще какого-нибудь иностранного государства.

Отношение самого Константина к данным проектам практически не отразилось в источниках. Все переговоры о них шли непосредственно через Екатерину II или Александра I. У великого князя никто даже не спрашивал согласия на выбранную для него роль. Решение полностью зависело от воли российского монарха, будь то Екатерина II или Александр I. Следовательно, Константин Павлович в силу своего положения великого князя российского императорского дома являлся лишь объектом различных внешнеполитических планов. Говорить о его самостоятельной активной роли в решении этих вопросов не приходится.

Ковальчук В. М., Рупасов А. И., Чистиков А. Н.

ЛЕНИНГРАДЦЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ

Интерес к разным аспектам проблем физиологической адаптации жителей блокадного Ленинграда был проявлен исследователями уже в период войны. В 1942 г. физиолог М. К. Петрова выступила с докладом о влиянии голода, обстрелов и бомбардировок на возникновение и течение неврозов⁴³⁴. Б. Е. Максимов, сотрудник Государственного научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, закончил работу над рукописью «Некоторые наблюдения над течением депрессивных состояний в условиях осажденного города»⁴³⁵. Впоследствии также издавались материалы, посвященные проблеме адаптации блокадников⁴³⁶. В целом интерес к этим проблемам затухал уже в силу ориентации большинства исследователей из входящих в состав АН и АМН СССР научно-исследовательских институтов на изучение прикладных аспектов экологической физиологии человека.

Проблемы социальной адаптации⁴³⁷ жителей блокадного Ленинграда как на уровне индивидуума, так и на уровне семьи, коллектива, еще не

становились объектом специальных исследований (некоторым исключением являются работы Н. А. Ломагина и диссертация И. А. Карпенко)⁴³⁸, что скорее всего объяснялось исключительно политико-идеологическими мотивами, а не отсутствием в распоряжении исследователей необходимых материалов. Фактически игнорировалось то, что проблема формирования новой системы потребностей у блокадников включает в себя не только (само) обеспечение продуктами питания (при этом, что удивительно, практически неизученной до настоящего времени остается тема карточного снабжения) и теплом, но и исследование изменений, которые произошли во взаимодействии индивидуума и социальной среды.

Социальная адаптация жителя блокадного Ленинграда представляла собой, по сути, решение индивидуумом ряда взаимосвязанных и взаимообусловленных задач в значительно более сложной по сравнению с мирным временем системе социальных контактов. При этом следует учитывать, что хотя в период блокады несколько раз резко из-

менялись условия существования человека, однако это отнюдь не расширяло набор его повседневных адаптационных поведенческих актов, в т. ч. почти не влекло изменений в этическом оправдании индивидуумом собственных поступков и далеко не всегда сказывалось на характерных для него способах психологической (само) защиты.

Для значительной части населения начало войны повлекло изменение привычной социальной среды: в результате смены места жительства, места работы, эвакуации или смерти родственников и коллег по работе и т. п., что в условиях блокады предельно осложняло реализацию позитивных ресурсов индивидуума, ослабляло его адаптивные возможности. В редких случаях перемена места работы создавала для него дополнительные возможности (например, в случае устройства в столовую, продовольственный склад, администрацию). Для поведения всех оставшихся в блокадном Ленинграде жителей были характерны: активный поиск решений в борьбе за выживание, вариативность в постановке задач, исключительная способность приспосабливаться к резкому изменению ситуации. Правда, такой активный поиск отнюдь не гарантировал успех (выживание), поскольку не исключал ошибок (особенно временных просчетов) и не мог полностью компенсировать дефицит физических возможностей.

У подавляющей части жителей Ленинграда имелись далеко не смутные представления о том, какие последствия для них может иметь начавшаяся война. Насколько велико было число тех, кто пережил в городе времена Гражданской войны, неизвестно даже приблизительно, но таковые имелись, и их численность измерялась отнюдь не сотнями, а тысячами. Кроме того, неоднократно возникавшие в межвоенный период так называемые военные тревоги, порождавшие волны слухов и мобилизационные настроения горожан, в определенной мере можно рассматривать как своего рода тренировки населения на случай возникновения реальных угроз. Наконец, советско-финляндская война, которая в глазах даже не искушенного в военно-политическом анализе обывателя в сравнении с советско-германской войной являлась войной малой, локальной, также придавала определенные импульсы для активации ранее накопленного опыта.

Базовым представлением взрослого населения города было, пожалуй, представление о хрупкости советской экономической системы, самым слабым звеном которой являлась инфраструктура жизнеобеспечения (транспорт, энергоснабжение, торговля, социальные службы). Наглядным доказательством этой хрупкости являлся товарный дефицит, с которым столкнулась ленинградская торговля, породивший не только очереди, но и специальное

постановление СНК СССР от 17 января 1940 г. «О борьбе с очередями за продовольственными товарами в Москве и Ленинграде».

Коротко говоря, у населения города к началу войны имелись закрепленные навыки быстрого приспособления к кризисной ситуации, но отнюдь не ситуации масштабов Гражданской войны. Однако наличие таких навыков не устраняло порождаемыми резким рассогласованием системы потребностей и способов их удовлетворения опасений в отношении будущего, создавая основу для возникновения чувства постоянной тревоги. Кроме того, этот имевшийся у ленинградцев опыт был ограниченным, поскольку ранее город не оказывался объектом активных военных действий и не отрезался полностью от остальной страны. Вместе с тем даже такой опыт служил императивом к действиям, совокупность которых позволяла создать по крайней мере временные резервы. Возможности для реализации интуитивно осознанной необходимости принятия мер ограничивались объективными и субъективными обстоятельствами, а также принадлежностью или непринадлежностью к определенным социальным группам. К объективным обстоятельствам следует отнести состояние инфраструктуры и несоответствие с реальностью планов мероприятий органов власти и управления по организации снабжения населения города в случае войны.

Уже в первые дни на снабжение города негативно повлияло проведение массовых мобилизационных и эвакуационных мероприятий. Помимо срыва регулярных государственных поставок и изъятия из городских запасов большого количества продовольствия для обеспечения 10–20-дневных пайков, для эвакуированных летом 1941 г. 600 тыс. горожан сказался и резкий обрыв «продуктовых связей» многих ленинградских семей с родственниками на селе.

Тем не менее с начала войны многие горожане обратились к скупке всего и вся — от продуктов первой необходимости (предпочтение отдавалось продуктам длительного хранения — соленой рыбе, крупам, муке, сахару, табаку и т. п.) до антиквариата и драгоценностей (выбор приоритетов диктовался наличными возможностями). При этом опасения быть обвиненными в создании спекулятивных запасов, судя по всему, отходили в расчетах горожанина на второй план. В более выгодном положении оказались наиболее обеспеченные группы населения, т. к. до начала сентября продолжали работать коммерческие магазины. Очереди в торговой сети дополнялись очередями в сберкассах, вызвавшими на десятый день войны «агонию» в этих заведениях⁴³⁹. Введение карточной системы на ряд товаров и ограничение выдачи с вкладов 200 руб. в месяц позволили сбить ажиотаж.

Адаптация к условиям военного времени не исключала у части населения таких поведенческих актов, которые являлись прямым нарушением закона. Именно в это время в ходе сплошной инвентаризации предприятий торговли и общественного питания, которая проводилась самими работниками торговли, многие из них запаслись продуктами и промышленными товарами для своего благополучного существования и наполнения черного рынка. Осенью 1941 г. среди начальников финансовых отделов воинских частей началась полоса пропаж крупных сумм денег. Начфины только трех стрелковых полков потеряли 1 млн 110 тыс. руб. и 8 тыс. облигаций государственного займа⁴⁴⁰.

Наряду с приведенными выше моделями поведения, была еще одна, которую условно можно назвать нестандартной. Ситуация, сложившаяся в городе уже в начале осени 1941 г., показала, что существует довольно значительная группа жителей, которая по тем или иным причинам не оказалась вовлеченной в общий поток бросившихся за созданием запасов продуктов питания. У одних «не было ни копейки денег»⁴⁴¹, у других — времени днем стоять в очередях (в силу перевода предприятий на режим работы военного времени или семейного положения). Некоторая часть горожан сознательно не поддавалась паническим настроениям, будучи убежденной под влиянием пропаганды в наличии в городе необходимых запасов⁴⁴² или в скором окончании войны. Так, студентка Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена Э. Г. Штык записала в дневнике, что девочки, в знак протеста против начавшейся войны и уверенные в ее быстром прекращении, на последние деньги накупили книг у букиниста⁴⁴³. Полагая, что Ленинград не станет фронтовым городом, многие жители не желали эвакуироваться, а часть горожан успешно пристраивала в тыловые учреждения Ленинграда сыновей призывного возраста, желая избежать их отправки на фронт. В гарнизоне Ленинграда, например, таковых «пристроенных» в конце лета 1941 г. было выявлено более 8800 чел.

Первые бомбардировки и обстрелы города в начале сентября 1941 г. повергли его жителей в шок. Тревога за будущее сменилась страхом. Однако уже к октябрю-ноябрю ощущение опасности от артиллерийских обстрелов и бомбардировок притупилось, хотя и не исчезло совсем. «Я слышу иногда, как рассуждают, что к тревогам, обстрелам и бомбежкам можно привыкнуть. Это рассуждение, по моему, неточно. Вернее сказать (и я это чувствовал по себе): когда увлечешься работой, не замечаешь бомбежки и обстрела. Опасность осознаешь притуплено, и то при близком разрыве. А когда оказываешься под огнем в городе и не видно, куда попадает бомба или снаряд, когда стоит сплошной грохот и вой и здания из-за плотной кирпичной пыли в воз-

духе теряют свои очертания — к этому привыкнуть трудно», — размышлял в дневнике уже в январе 1942 г. главный архитектор города Н. В. Баранов⁴⁴⁴. Помимо увлеченности работой свою роль играли и другие обстоятельства: необходимость значительную часть суток проводить в убежищах из-за частых тревог днем и ночью⁴⁴⁵, рассказы о ненадежности убежищ⁴⁴⁶, присущий части горожан фатализм⁴⁴⁷ и т. д. Чуть позже к ним добавилась физическая усталость, связанная с постоянным недоеданием.

Однако основным фактором, изменившим прогнозирование жителями Ленинграда опасности, стал голод (особенно в период ноября 1941 — января 1942 г.). Прогнозирование всегда носит у испытывающего тревогу человека вероятностный характер, а в эти месяцы смерть от голода казалась более вероятной, чем гибель от снарядов или бомб. Зима 1941–1942 гг., потребовавшая от горожан напряжения всех сил для выживания, стала именно тем периодом блокады, в который диапазон адаптационных практик достиг своего предела.

Невозможность самозаготовок внутри и за пределами блокадного кольца делала горожан зависимыми от организованного поступления продовольствия в город и его перераспределения. Два ноябрьских снижения довели нормы хлебного пайка до печально известных 250 и 125 г. В результате трех следующих повышений в декабре 1941 — феврале 1942 г. эти нормы так и не были восстановлены до максимальных (июльских) для служащих, иждивенцев и детей. Других продуктов выдавалось также немного, а нормы выдачи по жирам, сахару и мясу в декабре 1941 — марте 1942 г. неоднократно не выполнялись⁴⁴⁸. Не все поступавшее в город продовольствие распределялось между рабочими, ИТР, служащими и детьми. Оно же шло на фронтовые и тыловые пайки, котловое довольствие ряда учреждений, выдавалось по продовольственным аттестатам, в виде донорского пайка и т. п. Свои виды и нормы снабжения имели ответственные партийные, советские и комсомольские работники. Таким образом, уже изначально все население города (включая части, стоявшие на его территории) делилось на несколько неравноправных в продовольственном отношении групп. В условиях хронической нехватки продуктов питания адаптационная практика населения сводилась к нахождению способов перераспределения съестных припасов в свою пользу.

Нормой получаемого продовольствия определялся выбор горожан при возникавшей возможности перехода на новую работу. В первую очередь люди стремились туда, где производились и распределялись продукты питания, где, по горькому замечанию современника, сформировались «аристократы от плиты»⁴⁴⁹. По признанию директора Ленинградского треста ресторанов и столовых

А. И. Фельдмана, ни один из его работников не умер и не заболел от истощения⁴⁵⁰. Те же, кто оставался на старой работе, изыскивали способы перехода с карточки служащего на рабочую карточку.

Данные обстоятельства иногда диктовали применение определенных не вполне моральных или незаконных тактических средств, помогающих в трудоустройстве или создании более комфортных условий в работе: дача взятки (в виде бутылок пива, водки, кефира, буханок хлеба, жареных картофельных очисток и т. п.), предложения в оказании помощи (стирка белья, уборка квартиры, стояние в очереди и пр.), предложения сожительства. В ряде случаев, когда при устройстве на работу требовалась справка о состоянии здоровья (для работы, например, в военных госпиталях), стремились таковую купить или для освидетельствования подыскивали знакомого с более крепким здоровьем⁴⁵¹. Но при этом, по утверждению директора Ленинградского института переливания крови В. В. Кухарчика, за первый год войны на 70 тыс. чел., пожелавших стать донорами, пришлось всего «3 подставных лица, т. е. лица с документами другого донора»⁴⁵².

Наиболее распространенным способом получения дополнительного продовольствия была купля-продажа или обмен на рынках (толкучках), у знакомых или незнакомых людей. В условиях ограниченного поступления продуктов в осажденный город и власть, и горожане понимали, что существенная часть продовольствия, предлагавшаяся для продажи, добывалась нечестным путем. Масштабы черного рынка, насколько можно судить по разрозненным фактам, были достаточно велики. Так, только за ноябрь—декабрь 1941 г. две буфетчицы одного из филиалов столовой № 13 похитили лишь хлеба более 650 кг. Хищения на продовольственных складах носили регулярный характер.

Отказавшись от предложения городского Управления рынками легализовать толкучки⁴⁵³, власть не препятствовала обмену продуктов или продаже вещей, но за продажу съестных припасов могли арестовать⁴⁵⁴. Двойственность ситуации вызывалась не только нехваткой милиционеров, но главное — пониманием ее безвыходности, особенно для зимы 1941—1942 гг. Толкучки становились не только местом для приобретения дополнительного питания, но и неким индикатором физического и психологического состояния большинства членов общества.

Прекрасно понимая, откуда берутся появляющиеся на рынках или у спекулянтов продукты, горожане все же покупали их ради жизни своей или близких. Рассуждения об этичности или неэтичности подобных поступков уходили в таких случаях на второй план. «Променяла сегодня на хлеб платье и юбку одной столовской официант-

ке. Надо же — кто умирает, а кто наживается. Мне посчастливилось», — записала в дневнике 10 декабря 1941 г. планировщица завода им. Молотова Н. Д. Осипова⁴⁵⁵.

Куплей-продажей ленинградцы занимались не только около рынков или на квартирах, но и на улице, причем был выработан определенный код поведения продавца, зафиксированный в дневнике архитектора Э. Г. Левиной: «Идти медленно по улице с любым продуктом — значит продавать, и такая уже своеобразная этика, что чувствуешь себя обязанной завернуть хлеб, папиросы, чтобы не обманывать публику: “несешь, а не торгуешь”»⁴⁵⁶.

Для части горожан источником дополнительного питания становилась карточная система. Методы приспособления ее к собственным интересам варьировались. Допечатка лишних и изготовление фальшивых карточек, внесение в списки на получение карточек вымышленных лиц, вырезание лишних карточек у покупателя или посетителя столовой — эти способы были характерны для лиц, непосредственно связанных с распределительным процессом. Власть преследовала нарушителей по закону, усиливала контроль над исполнителями на всех этапах изготовления и использования карточек, однако проблема оставалась⁴⁵⁷. Крайними проявлениями подобных незаконных поступков были кража карточек⁴⁵⁸ и даже убийство из-за них, причем не только в первую блокадную зиму, но и позже⁴⁵⁹. Как административное правонарушение расценивалось утаивание продкарточек членами семьи в случае смерти своих близких или родственников. Обладание дополнительной карточкой в течение оставшихся дней месяца помогало выжить остальным, и эта мотивация оказывалась сильнее, чем выполнение распоряжения о сдаче карточек. В конце концов начальник Управления милиции Ленинграда Е. С. Грушко своим циркуляром от 7 февраля 1942 г. запретил своим сотрудникам изымать карточки при оформлении смертей на квартирах⁴⁶⁰, ибо незахороненные трупы могли стать источником эпидемии.

Напротив, еще один способ получения карточек — взамен утерянных, власть постаралась ограничить. Заявления об их утере в последние месяцы 1941 г. резко возросли: с 4,8 тыс. в октябре до 24 тыс. в декабре. Многие ленинградцы действительно лишались карточек из-за краж, пожаров, обстрелов и бомбардировок. С другой стороны, не исключались попытки обмана. Кроме того, количество карточек возрастало, т. к. нашедший или укравший пользовался уже двумя, поэтому Военный совет Ленинградского фронта разрешил возмещение карточек только городскому бюро заборных карточек и лишь в исключительных случаях. Это привело к заметному сокращению утрат карточек⁴⁶¹.

Физической поддержке организма способствовали и иные способы. К ним относились сдача донорской крови в обмен на донорский паек⁴⁶², обеды после выступлений с концертами или спектаклями на боевых позициях Ленинградского фронта или в госпиталях⁴⁶³, возможность обмена вещей на продукты или покупки их при редких командировках на Большую землю⁴⁶⁴, подледный лов рыбы, наконец, по устному свидетельству современника, молоко коровы, которую хозяевам удавалось держать в центре города в многоэтажном каменном доме зимой 1941–1942 гг.

Значительная часть населения нашла спасение в употреблении непривычных видов «продовольствия»: кошек и собак, столярного клея и олифы, кожаных изделий и глицерина (как замены сахара) и т. п. Сведения об этом рассыпаны по страницам десятков воспоминаний и дневников очевидцев событий. «Инициатива», рожденная, как правило, снизу, иногда поддерживалась руководством на уровне учреждения. Начальство филиала завода им. Жданова, после консультации с врачами, стало официально отпускать олифу, столярный клей и декстрин в цеха по разверстке и даже выдавать их рабочим «как премию»⁴⁶⁵.

На использование в пищу кошек, собак и павших лошадей милиция отреагировала негативно, но административных последствий это не повлекло⁴⁶⁶. Городская власть, по-видимому, держалась отстраненно, не поддерживая этих способов утоления голода, но и не препятствуя им. Однако в отношении к выявившимся в этот же период не единичным случаям каннибализма и трупоедства, ставшим также одним из маргинальных путей избавления от голода (в некоторых случаях — способом наживы), городская прокуратура в феврале 1942 г. определила свою позицию, квалифицировав эти действия как бандитизм⁴⁶⁷.

За пределами социальных и нравственных норм оказались кражи и грабежи, также достигшие своего пика в период первой блокадной зимы. Если грабежи в основном выражались в налетах на продовольственные магазины и булочные, а также на транспортные средства, перевозившие продовольствие (нападали, как правило, большими группами⁴⁶⁸), то диапазон краж был намного шире. Воры крали не только продукты питания, но и, как уже упоминалось, продовольственные карточки, причем среди нарушителей закона были как отчаявшиеся люди, подталкиваемые к кражам голодом, так и преступные группировки, нередко возглавляемые руководителями разных рангов, имевшими доступ к транспортировке и распределению продовольствия или контролю над ним⁴⁶⁹.

Последних, в случае раскрытия преступления, судили карательные органы, первые нередко под-

вергались и самосуду со стороны ожесточившихся граждан в очередях, в магазинах или на улице около них⁴⁷⁰. Характерными особенностями подобных ситуаций были применение самосуда в качестве меры наказания, отсутствие стремления прибегать к помощи милиции и апатичное поведение воров, которые практически не сопротивлялись избиениям, заботясь только об одном — о том, чтобы у них не отняли хлеб. Эти случаи характеризовали изменения поведенческих норм всех участников подобных конфликтов.

Суровая зима 1941–1942 гг., приведшая к отключению отопления в первой половине декабря, сопровождавшаяся дефицитом топлива, отключением света и на определенный период воды, поставила ленинградцев на грань выживания. Спасало сохранившееся печное отопление; вспомнили о буржуйках — наследии Гражданской войны. Но буржуйки были дороги. Они не всем оказались по карману, а конструкции других «временок» порой сводились к листу жести на деревянном полу⁴⁷¹. Коммунальные службы пытались адаптировать население к новой ситуации, помещая в газете инструкцию о пользовании буржуйками и предупреждая об ответственности, но это не помогло избежать пожаров, которые стали одной из характерных черт жизни города начала 1942 г. Из-за отсутствия воды пожарные не тушили эти здания, и они горели по несколько дней. Образовавшиеся после пожаров полыньи служили для горожан источниками добывания воды⁴⁷² наряду с походами на Неву и ее притоки и вытапливанием воды из снега. Устройством прорубей занимались отряды МПВО, военные и городские службы, т. к. горожанам это было не под силу.

Отсутствие света — судя по многочисленным свидетельствам современников — угнетало как физически, так и психологически. При передвижении по улицам ленинградцы часто использовали «светлячки» — значки с нанесенным на них фосфоресцирующим составом, испытанные еще в годы советско-финляндской войны. Комнаты с занавешенными или забитыми фанерой окнами освещались покупными или самодельными свечами и коптилками, а использовавшиеся для последних горючие смеси не всегда отличались достаточным качеством и иногда становились причиной возникновения пожаров. Из-за темноты невозможно было тщательно убирать комнаты: «мы... заросли грязью»⁴⁷³.

Продовольственный и бытовой кризисы вкупе с продолжающимися артиллерийскими обстрелами заметным образом сказались на психологическом состоянии ленинградцев. На смену раздражительности, возникавшей в результате сильного эмоционального напряжения и приводившей порой к

неадекватному поведению (дезертир-красноармеец после неудачной попытки получить без очереди пиво в раздражении бросил в своих обидчиков гранату⁴⁷⁴), пришли отчаяние и апатия. Рассуждения о неизбежном и скором конце перемежаются со спокойным рассказом о смерти близких⁴⁷⁵. «Я замечаю по себе: внутри становится сурово, жестко, уходит ласковость прежняя, прежняя мягкость. Может быть, потому, что душа твоя для чувств почти замкнута и работает только мозг, только мысль», — еще в ноябре 1941 г. признавалась себе начальник отдела одного из ленинградских заводов Т. Л. Янович⁴⁷⁶. Организм включал охранительные механизмы, оберегая психику человека от разрушения.

Иногда отчаяние перерастало в негативные настроения, наибольшее число которых пришлось на первые два месяца 1942 г.⁴⁷⁷ А некоторая часть жителей блокадного города в качестве варианта собственного спасения была склонна в наиболее сложный период блокады (сентябрь 1941 — март 1942 г.) воспользоваться немецкими листовками-пропусками, чтобы перейти линию фронта или предъявить таковой пропуск в случае занятия Ленинграда немцами⁴⁷⁸. Подобный выбор был обусловлен для этих людей убеждением, что «войну дальше вести бесполезно, победа будет за немцами и с приходом немцев положение в стране коренным образом изменится в лучшую сторону».

Усилившееся в этот период стремление горожан к коллективным формам общежития, к сохранению родственных, дружеских, профессиональных связей⁴⁷⁹ во многих случаях способствовало повышению социально-психологической адаптированности. При сниженных адаптационных ресурсах индивидуума эффективность его социальной адаптации оказывалась в зависимости от наличия оптимальной социальной ниши (семья, профессиональная среда), способной учитывать его индивидуальные особенности. Изменение социальной среды, приводящее, например, к одиночеству, резко ослабляло адаптационные возможности личности, что нередко предreshало трагический исход. Для многих подобное изменение было обусловлено прекращением функционирования транспорта. Отношения внутри устоявшихся социальных общностей (прежде всего в семье или родственном объединении) не оставались равными и одинаковыми: бескорыстная и неоднократная взаимовыручка могла сменяться взаимными обвинениями, обидами и даже временными или постоянными разрывами этих связей⁴⁸⁰. Вместе с тем источники не раз отмечают и взаимовыручку не знакомых между собой горожан⁴⁸¹. В основе такого поведения горожан далеко не всегда лежал расчет.

В поисках снятия стресса горожане уже с начала войны обращались к различным способам психоло-

гической разгрузки, значение которых возросло в период первой блокадной зимы. Заглушая чувство голода, маленькие дети «рвали, стригли бумажки, сидели, покачиваясь из стороны в сторону, что-то ковыряли методично»⁴⁸². От мыслей о еде и от страха перед бомбами и обстрелами отвлекали чтение книг, игра в карты и кости, слушание патефонных пластинок, посещение церкви и т. д.⁴⁸³

На изменение настроения горожан (в ту или иную сторону) влияли слухи. При всем разнообразии можно выделить две темы, которые циркулировали постоянно в обществе весь период блокады: увеличение хлебного пайка и нормы выдачи других продуктов, а также деблокада Ленинграда. Но были и иные: о перестрелке между И. В. Сталиным и К. Е. Ворошиловым⁴⁸⁴, о гибели в городе к концу января 1942 г. от голода 1 млн чел.⁴⁸⁵ Слухи множились, несмотря на то что их распространителей ожидало тюремное заключение сроком от 2 до 5 лет⁴⁸⁶. Они рождались от недостатка или отсутствия информации, ее ложной интерпретации и являлись отражением, с одной стороны, состояния неопределенной или конкретной опасности, которой подвергался житель города, с другой — его надежд и чаяний.

Ситуация в городе резко изменилась весной 1942 г. Психоэмоциональный надлом, созданный периодом жесточайшего голода, оказался нивелированным в течение всего нескольких месяцев. Январско-февральские повышения хлебных норм придали горожанам главным образом уверенность в наметившейся тенденции, но вкупе с оживившейся выдачей и других продуктов заложили базу для постепенного физиологического укрепления организма. Наглядными свидетельствами возвращения интереса к жизни стали не только неизмеримо большее внимание к гигиене тела, к внешнему облику, стремление больше двигаться или самостоятельно подлечиться (загорали на солнце не ради красивого цвета кожи, а чтобы избавиться от цинги), но, например, и воскресший интерес к противоположному полу, возобновившиеся между подростками драки. Состояние апатии фактически покидает жителей Ленинграда⁴⁸⁷.

Прежнее безразличие к смерти или даже желание быстрее умереть, характерный прежде для многих людей отказ от достижения реальных целей из страха потерпеть очередную неудачу и разочарование сменились желанием во что бы то ни стало выжить. Понимание того, что наличествует возможность дожить как минимум до конца войны, вернуло, однако, угасший было страх перед артобстрелами и бомбардировками. Сразу возросло количество желающих покинуть город⁴⁸⁸, нередко прибегавших для этого к личным связям⁴⁸⁹.

На настроении горожан, безусловно, сказывалось значительное улучшение положения со снаб-

жением. Однако для них не осталось незамеченным и то, что действия властей складываются в комплекс мер, соучастие в выполнении которых реально способно создать дополнительные условия для выживания. В силу этого большинство охотно принимало участие в санитарной очистке города, разборе деревянных домов, завалов, восстановлении разрушенных коммуникаций. В результате к зиме 1942–1943 гг. жители Ленинграда психологически были подготовлены.

Продолжающееся массовое заболевание цингой заставило власть искать дополнительные (кроме продажи хвойного настоя) способы борьбы с ней и побуждать к этому же горожан. С этой целью была развернута так называемая огородная кампания: выделение участков и продажа семян и рассады для индивидуальных и коллективных огородов⁴⁹⁰. Часть горожан скептически отнеслась к мероприятию и отчасти справедливо: эффективность некоторых индивидуальных огородов оказалась мала, т. к. сказывались отсутствие опыта, воровство. Охраняемые и квалифицированно обработанные участки, выделенные предприятиям и учреждениям, дали существенный довесок к питанию их работников, и этот опыт в расширенном размере был повторен в последующие военные годы.

Огородничество давало отложенный эффект, а для немедленного восстановления ослабленного организма ленинградцы в массовом порядке занялись сбором дикорастущих трав и растений и приготовлением из них блюд⁴⁹¹. Последний способ адаптации оказался не для всех безопасным, поэтому городские власти развернули агитационную кампанию с целью уберечь жителей от пищевых отравлений.

Возобновленная в мае 1942 г. массовая эвакуация встретила различную реакцию со стороны ленинградцев: одних приходилось буквально выпроваживать из города, другие, напротив, не могли получить разрешения на выезд, т. к. в Ленинграде оставляли трудоспособное население, третьих удерживал страх перед необходимостью приспособиться к неизвестным условиям.

Трагический опыт первой блокадной зимы учли и городские власти, начавшие активно восстанавливать коммунальное хозяйство. Среди прочих мероприятий были и две волны переселений: шести с лишним тысяч жильцов из разбираемых на топливо деревянных жилищ в каменные дома и части горожан с верхних этажей многоэтажных зданий на первые три этажа ради обеспечения их коммунальными удобствами. «Новоселам» (особенно потерявшим личное хозяйство и участок земли) приходилось приспособляться к иным условиям и в чужих квартирах. К сожалению, в изученных нами источниках процессы адаптации этой категории на-

селения не нашли отражения и по-прежнему нуждаются в специальном изучении.

Постепенное улучшение бытовых условий, сопровождавшееся значительными изменениями в психоэмоциональной сфере (трансляция музыкальных концертов по радио, возобновление работы кинотеатров, рост числа спектаклей и концертов, продажа парфюмерии и т. д.), позволяло некоторым современникам утверждать, что ленинградцы живут «почти мирно»⁴⁹². В понятие «почти» вкладывались обстрелы, бомбардировки, перебои с питанием и главное — продолжающаяся осада. Вот почему известие о прорыве блокады в январе 1943 г. не оставило безучастным ни одного жителя⁴⁹³.

Обстрелы и бомбардировки в 1943 г. стали уносить большое число жизней, что заставило городскую власть ужесточить меры к нарушителям, проявлявшим ставшую уже свойственной многим беспечность. В состоянии эмоционального напряжения жители города держали и постоянно инспирируемые местным руководством через средства массовой информации и различные выступления с напоминаниями о возможности нового штурма города или проведения химической атаки.

Более надежное соединение Ленинграда с Большой землей позволило в 1943 г. существенно улучшить продовольственный вопрос. Ленинградцы стали получать такой же по объему хлебный паек, как и жители других городов страны, увеличилось количество и других выдаваемых продуктов. Чтобы избежать дополнительных раздражителей, возвращающих горожан к памяти о первой блокадной зиме, советское правительство в ноябре 1943 г. сохранило ленинградцам прежние нормы хлебного пайка, уменьшив их в целом по стране. Дефицит продовольствия, однако, ощущался по-прежнему, способствуя сохранению спекуляции, взяточничества и других преступлений⁴⁹⁴.

Обострилось положение с топливом, поэтому местные власти прибегли к испытанному средству — трудовой мобилизации населения на заготовку дров и торфа. Выполнив в очередной раз несвойственные для себя функции, мобилизованные ленинградцы сумели избежать повторения ситуации зимы 1941–1942 гг., тем самым не заставив себя и других горожан воспроизводить еще не вполне забытые методы адаптации.

Сотням ленинградцев, ранее трудившихся в магазинах и киосках, на мелких предприятиях и в артелях и переведенных распоряжениями местной власти на крупные заводы в связи с начавшимся возрождением промышленности, пришлось овладевать новыми профессиями и привыкать к другим условиям работы. Наряду с этим с конца 1943 г. начинается возвращение в Ленинград части предприятий и учреждений, хотя организованный процесс

реэвакуации — это явление, более характерное для следующего года, когда в результате полного снятия блокады в январе 1944 г. Ленинград перестал быть фронтовым городом. Рубежность этого события современники зафиксировали в дневниках и воспоминаниях не только упоминанием о появившейся возможности свободной и безопасной связи с бывшей Большой землей или салюте 27 января, но и об исчезновении вражеских обстрелов⁴⁹⁵ и наступившей тишине. Отныне им предстояло привыкать к почти забытым мирным звукам.

Прибывавшие реэвакуанты сталкивались с необходимостью нового восприятия города. Ленинград 1944–1945 гг. внешне заметно отличался от Ленинграда начала войны и даже весны–лета 1942 г.⁴⁹⁶ Непривычными и, как правило, хуже, чем в эвакуации, оказывались бытовые условия⁴⁹⁷, а потребности возрождающегося города требовали приложения сил не в тех сферах деятельности, на которые рассчитывали многие возвращенцы.

Сложностей с адаптацией добавляло и то обстоятельство, что постановлениями центральной и распоряжениями местной власти горожане были фактически разделены на три группы: блокадников, реэвакуантов и демобилизованных. Каждая из них обладала определенными правами, ущемляющими права других, что неизбежно приводило к конфликтам и необходимости поиска компромиссов⁴⁹⁸.

На процесс адаптации ленинградцев в течение войны оказывали влияние главным образом боевые действия, мероприятия центральных и местных властей, погодные условия. Поодиночке или в совокупности эти факторы порождали различные практики, благодаря которым горожане определяли свою позицию по отношению к меняющимся условиям и предпринимали реальные действия, направленные прежде всего на сохранение жизни, особенно в наиболее трагический период блокады — зимой 1941–1942 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Кларк Дж. Д.* Доисторическая Африка. М., 1977. С. 51.
- ² *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 112.
- ³ *Le Roy E.* Les origines et l'évolution de l'intelligence. Paris, 1928. P. 47.
- ⁴ *Бернштейн Н. А.* О построении движения. М., 1947.
- ⁵ *Ratzel F.* Anthropogeographie. Teil I. Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart, 1882. P. 49, 81.
- ⁶ *Thomas d'Aquin.* Opuscula. Vol. 1. Paris, 1927. P. 11.
- ⁷ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 15, 39.
- ⁸ *Юнг К. Г.* Душа и миф. Шесть архетипов. Минск, 2004.
- ⁹ *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. М., 1996. С. 245–246.
- ¹⁰ *Бурдье П.* Практический смысл. СПб., 2001.
- ¹¹ Там же. С. 102, 120.
- ¹² *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
- ¹³ *Громыко Ю. В.* Проектное сознание. М., 1998. С. 16–17.
- ¹⁴ *Малиновский Б.* Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004. С. 78, 178.
- ¹⁵ *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- ¹⁶ *Головнёв А. В.* Исторический опыт межэтнического взаимодействия на севере Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М., 2006. С. 312–320.
- ¹⁷ *Вербицкий В. И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884. С. 103; *Кляшторный С. Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 134–136; *Неклюдов С. Ю.* Мифология тюркских и монгольских народов // Там же. С. 196.
- ¹⁸ *Головнёв А. В.* «Путь» в северных культурах // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты Европейского Севера. Архангельск, 2008. С. 11–21.
- ¹⁹ *Швейцер А.* Культура и этика. М., 1973.
- ²⁰ *Лихачев Д. С.* Раздумья. М., 1991. С. 202.
- ²¹ *Jtelson W. H., Proshancky H. M., Pivin L. C., Winkel K. G.* An introduction to environmental psychology. N. Y. ets., 1974.
- ²² *Dower N.* What is environmental ethics // Ethics and environmental responsibility. Aldershot ets., 1989.
- ²³ *Аалто А.* Архитектура и гуманизм. М., 1978.
- ²⁴ *Loventhal D.* Social Leatures // Small stares. Chicago, 1987.
- ²⁵ *Watson O. M.* Proxemic behavior: A cross cultural Study. The Hague-Paris, 1970.
- ²⁶ *Bourdieu P.* Strukture, habitus, practices // The logic of practice. Book 1. 1990.
- ²⁷ Как правило, речь идет при такой постановке вопроса об ограничениях, которым должен следовать человек по чисто экологическим соображениям. См.: *Форрестер Д.* Мировая динамика. М., 1978. Основной тезис этого направления: «Этика в экологическом смысле — это ограничение свободы действий в борьбе за существование». См.: *Леопольд О.* Календарь песчаного графства. М., 1988. С. 200. В русле концепции ограничения и расширения зоны ответственности перед природой выполнена и недавно переведенная на русский язык книга немецко-американского философа Ганса Йонаса. См.: *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М., 2004.
- ²⁸ *Ямсков А. Н.* Исследования экологических функций нематериальных явлений культуры // Этноэкологические аспекты духовной культуры. М., 2005.
- ²⁹ *Медведев В. И., Алдашева А. А.* Экологическое сознание. М., 2001. С. 22.
- ³⁰ *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 1. М., 1989. С. 201.
- ³¹ *Князев Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетика как новое мировидение // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 6.
- ³² *Тулмин С. Э.* Человеческое понимание. М., 1984. С. 294.
- ³³ *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. С. 171.
- ³⁴ *Park E. R.* On social control and collective behavior. Selected papers. Chicago; London, 1967.
- ³⁵ *Эджерстон Р.* Традиционные верования и практики: действительно ли одни лучше, чем другие? // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002. С. 175.
- ³⁶ *Грей Дж.* Поминки по просвещению. М., 2003. С. 211.
- ³⁷ *Фуко М.* Герменевтика субъекта // Социологос. Вып. 1. М., 1991.
- ³⁸ *Медведев В. И., Алдашева А. А.* Экологическое сознание. М., 2001. С. 96–112.
- ³⁹ Видеть красоту // Литературная газета. 2006. № 10. С. 14.
- ⁴⁰ *Годфруа Ж.* Что такое психология. Т. 1. М., 1992. С. 74, 98.
- ⁴¹ *Хэйс Н.* Популярная прикладная психология. М., 2005.
- ⁴² *Isen A. M.* Positive affect, cognitive processes, and social behavior // Advances in experimental social psychology. Vol. 20. N. Y., 1987.

- 43 *Эфроимсон В. П.* Генетика этики и эстетики. СПб., 1995. С. 119.
- 44 *Китаев-Смык Л. А.* Вступительная статья к книге: Черноушек М. Психология жизненной среды. М., 1989. С. 17.
- 45 *Брехман Н. И.* Философско-методологические проблемы здоровья человека // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 51.
- 46 *Неумывакин И. П., Неумывакина Л. С.* Эндозкология здоровья. М.; СПб., 2005.
- 47 *Бгажноков Б. Х.* Культура эмпатии // Этнографическое обозрение. 2002. № 5.
- 48 *Лэнгдэ А.* Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М., 2006. С. 227.
- 49 *Неумывакин И. П., Неумывакина Л. С.* Эндозкология здоровья. С. 11–12.
- 50 *Левин К.* Супружеские конфликты // Конфликтология. Хрестоматия. М.; Воронеж, 2002. С. 28.
- 51 Там же.
- 52 *Дружинин В. Н.* Психология семьи. М., 2006. С. 4.
- 53 *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Т. 1. М.; СПб., 2001. С. 59–60.
- 54 *Щюц А.* Формирование понятий и теория в общественных науках // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 485.
- 55 *Сен-Марк Ф.* Социализация природы. М., 1977. С. 216.
- 56 *Хэйс Н.* Популярная прикладная психология. М., 2005. С. 133.
- 57 *Бабич И. Л.* Полевые материалы автора, Карачаево-Черкесская Республика, 2007. Тетр. 3. Оп. 1. Д. 1.
- 58 Там же. Д. 3.
- 59 Там же. Д. 5.
- 60 Там же. Д. 4.
- 61 Там же. Д. 1.
- 62 Там же. Д. 8.
- 63 Там же. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 6.
- 64 *Бабич И. Л.* Полевые материалы автора, Республика Адыгея, Краснодарский край, 2007. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2, 3.
- 65 *Хрунина С. И., Крынина О. Ю.* Сфера социально-культурных услуг как фактор формирования духовности // Философия, социология, культурология. Майкоп, 2006. № 5.
- 66 *Бабич И. Л.* Полевые материалы автора, Карачаево-Черкесская Республика, 2007. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 2, 4, 5.
- 67 *Она же.* Полевые материалы автора, Республика Адыгея, Краснодарский край, 2007. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 1.
- 68 *Она же.* Полевые материалы автора, Карачаево-Черкесская Республика, 2007. Тетр. 3. Оп. 1. Д. 12.
- 69 Там же. Д. 1.
- 70 *Машбаиш И.* Слово о Цуге Теучеже // Литературная Адыгея. Майкоп. 2005. № 4.
- 71 *Бабич И. Л.* Полевые материалы автора, Карачаево-Черкесская Республика, 2007. Тетр. 3. Оп. 1. Д. 1.
- 72 Там же. Д. 2.
- 73 Там же. Д. 7.
- 74 Там же. Д. 7.
- 75 Там же. Д. 10.
- 76 Родничок Адыгеи / Журнал. Майкоп, 2006. № 1, 3–4; 2007. № 1–2; *Богус М.* «Родничок» собирает друзей // Газета «Заря». 2006. № 99.
- 77 *Ханаху Р. А.* Малые культуры в условиях глобальных изменений в мире // Философия, социология, культурология. Майкоп, 2006. № 5; *Бабич И. Л.* Проблемы взаимосвязи этической системы и трансформация адыгского лидерства // Сборник статей Института гуманитарных исследований Республики Адыгея. Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002.
- 78 *Байрамуков У.* Пора прекратить ложь, народу нужно спокойствие // День республики. 1992. № 29.
- 79 Информационное сообщение о 1-м съезде мусульман Карачая // Ислам-ньюс, 1992. № 5.
- 80 *Темирбулатов Р.* Ваше время пришло // Ислам-ньюс, 1992. № 6.
- 81 Протокол 3-го съезда мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя. 11 декабря 1992 года // Архив уполномоченного президента КЧР по связям с религиозными организациями. Материалы 3-го съезда мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя.
- 82 *Афасижев Т. И.* Республика Адыгея — поиск парадигмы будущего // Философия, социология, культурология. Майкоп, 2006. № 5. С. 61.
- 83 Там же. С. 68.
- 84 Миграция в России. Вып. 2. Трудовая миграция в России / Под. ред. О. Д. Воробьевой. М., 2001. С. 4.
- 85 Полевые материалы автора: цитаты из интервью информантов. Цумадинский район, с. Хуштада, Волгодонский и Мартыновский районы Ростовской области, 2005–2007 годы. 2005. М60 с. Хуштада, Цумадинский район.
- 86 *Бобровников В. О.* Эволюция социальных и поземельных традиций хуштадинского джамаата в XIX–XX веках // Дагестан. Село Хуштада. М., 1995. С. 59.
- 87 Полевые материалы автора: цитаты из интервью информантов. Цумадинский район, с. Хуштада, Волгодонский и Мартыновский районы Ростовской области, 2005–2007 годы. 2007. М30.
- 88 Там же. М30.
- 89 Там же. 2005. М30.
- 90 Там же. 2007. М40.
- 91 Там же. М40.
- 92 Там же. М40.
- 93 Там же. М38.

- ⁹⁴ Там же. 2005. М60.
- ⁹⁵ *Бобровников В. И.* Археология строительства исламских традиций в дагестанском колхозе // *Ab Imperio*. 2004. № 3. <http://www.tsumada.ru/ru/text/67>
- ⁹⁶ Полевые материалы автора: цитаты из интервью информантов. Цумадинский район, с. Хуштада, Волгодонский и Мартыновский районы Ростовской области, 2005–2007 годы. 2007. М30.
- ⁹⁷ Там же. М40.
- ⁹⁸ Там же. М38.
- ⁹⁹ Там же. М35.
- ¹⁰⁰ Там же. М30.
- ¹⁰¹ Там же. М38.
- ¹⁰² Там же. М30.
- ¹⁰³ *Шабанова М. А.* Современное отходничество как социокультурный феномен // *Социологические исследования*. 1992. № 4. С. 60.
- ¹⁰⁴ Полевые материалы автора: цитаты из интервью информантов. Цумадинский район, с. Хуштада, Волгодонский и Мартыновский районы Ростовской области, 2005–2007 годы. 2007. М30.
- ¹⁰⁵ *Ламин В. А., Шелегина О. Н.* Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах // *Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.)* / Отв. ред. В. А. Ламин, О. Н. Шелегина. Новосибирск, 2008. С. 5–7, 10.
- ¹⁰⁶ *Шелегина О. Н.* Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в.: Учебное пособие. Вып. 2. М., 2001. С. 134–136.
- ¹⁰⁷ *Она же.* Результаты и перспективы изучения адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2006. № 2 (26). С. 116–125.
- ¹⁰⁸ *Курилов В. Н.* Расселение русских старожилов Западной Сибири в середине XIX в. Новосибирск, 2005.
- ¹⁰⁹ *Мамсик Т. С.* Социальный фактор в этнокультурном развитии русских старожилов Сибири (Агрохозяйственный комплекс начала XIX в.) // *Сибирь в панораме тысячелетий*. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 308–319.
- ¹¹⁰ *Она же.* Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск, 1989.; *Она же.* «Вольные» каменщики Беловодья // *Родина*. М., 2000. № 8. С. 103–106.
- ¹¹¹ *Она же.* Из истории адаптивных этнокультурных трансформаций на раннем этапе освоения Сибири // *Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.)* / Отв. ред. В. А. Ламин, О. Н. Шелегина. Новосибирск, 2008. С. 51.
- ¹¹² *Курилов В. Н.* Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия: Автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.
- ¹¹³ *Мамсик Т. С.* Поволжье и Приобье: очаги раннего культурного взаимодействия. XVII – середина XIX в. // *Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX в.* Новосибирск, 2004. С. 38–60.
- ¹¹⁴ *Она же.* Истоки регионального социокультурного синтеза // *Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв.* Новосибирск, 2002. С. 31–57.
- ¹¹⁵ *Она же.* «Русские яшашные» в Сибири XVIII–XIX вв. (К характеристике этнокультурного состава) // *Этнокультурное взаимодействие в Сибири (XVII–XX вв.)*. Новосибирск, 2003. С. 38–43.
- ¹¹⁶ *Она же.* Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1827 года. Новосибирск, 1998. С. 207.
- ¹¹⁷ *Она же.* Сибирская аграрная буржуазия дореформенного периода: опыт социально-демографического анализа // *Демографическое развитие Сибири периода феодализма*. Новосибирск, 1991. С. 105–115.
- ¹¹⁸ *Курилов В. Н.* Тайна села Хабары или неисповедимые пути сибирского социоэтногенеза // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск, 2005. Т. XI. Ч. II. С. 104–107.
- ¹¹⁹ *Она же.* Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия.
- ¹²⁰ *Мамсик Т. С.* У истоков сибирского евразийства // *Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.* Новосибирск, 2003. С. 26–34.
- ¹²¹ *Она же.* «Русский проект» Екатерины Великой: государство как федерация самоуправляющихся общин // *Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков*. Новосибирск, 2004. С. 15–25.
- ¹²² Государственный архив Красноярского края. Ф. 609. Заледеевское волостное правление. Оп. 1. Д. 187, 188, 195–197, 199, 200, 205, 211, 212, 216, 217, 225, 393, 427, 429, 600, 642, 672, 793, 1730; Оп. 2. Д. 190, 194.
- ¹²³ *Шелегина О. Н.* Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1992; *Она же.* Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX века) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2005. № 3. С. 115–119.
- ¹²⁴ *Она же.* О характере адаптаций в культуре жизнеобеспечения русского крестьянства Западной Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2007. № 3. С. 109–112.

- ¹²⁵ История евреев России. М., 2007. С. 138; *Фельдман Д. З.* Страницы истории евреев России XVIII–XIX вв. М., 2005. С. 99–100.
- ¹²⁶ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 104.
- ¹²⁷ *Юхнева Н.* Мы были... мы жили (О расселении евреев-ашкеназов в России) // Вестник Еврейского университета. 1992. № 1. С. 77.
- ¹²⁸ Сборник материалов об экономическом положении евреев в России. Издание Еврейского колониационного общества. Т. 2. СПб., 1904. Табл. 2.
- ¹²⁹ Государственный архив Архангельской области. Ф. 39. Оп. 1. Д. 383. Л. 2.
- ¹³⁰ *Бикерман И. М.* Черта еврейской оседлости. СПб., 1911. С. 125.
- ¹³¹ *Натанс Б.* За чертой. Евреи встречаются с поздней имперской Россией. М., 2007. С. 29.
- ¹³² *Дубнов С. М.* Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. М.; Пг., 1923. Кн. 2. С. 39.
- ¹³³ Государственный архив Вологодской области. Ф. 18. Оп. 2. Д. 913. Л. 39–40.
- ¹³⁴ Там же. Л. 17.
- ¹³⁵ Там же. Л. 17 об.
- ¹³⁶ Государственный архив Архангельской области. Ф. 37. Оп. 1. Д. 4161. Л. 7.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ *Натанс Б.* За чертой. Евреи встречаются с поздней имперской Россией. С. 125.
- ¹³⁹ *Войтинский В. С., Горништейн А. Я.* Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 92.
- ¹⁴⁰ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 52. Д. 48. Л. 2–10 об.
- ¹⁴¹ *Войтинский В. С., Горништейн А. Я.* Евреи в Иркутске. С. 91.
- ¹⁴² *Туган-Барановский М. И.* Антисемитизм в современной России // Вестник Еврейского университета. 2004. № 9. С. 360.
- ¹⁴³ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 4. Д. 376. Л. 2.
- ¹⁴⁴ Там же. Д. 481. Л. 1–2.
- ¹⁴⁵ Там же. Д. 481. Л. 22.
- ¹⁴⁶ Там же. Оп. 21. Д. 1190. Л. 3–4.
- ¹⁴⁷ Там же. Д. 1190. Л. 23.
- ¹⁴⁸ Там же. Оп. 5. Д. 283. Л. 2–3.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 383. Л. 7 об.
- ¹⁵⁰ Государственный архив Вологодской области. Ф. 130. Оп. 1. Д. 758. Л. 37–38.
- ¹⁵¹ Государственный архив Архангельской области. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3368. Л. 17.
- ¹⁵² Государственный архив Вологодской области. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1167. Л. 72.
- ¹⁵³ Там же. Л. 736.
- ¹⁵⁴ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 21. Д. 1211. Л. 1–1 об.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 6.
- ¹⁵⁶ Государственный архив Архангельской области. Ф. 37. Оп. 1. Д. 4121. Л. 17.
- ¹⁵⁷ *Туган-Барановский М. И.* Антисемитизм в современной России // С. 361.
- ¹⁵⁸ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. С. 137.
- ¹⁵⁹ *Натанс Б.* За чертой. Евреи встречаются с поздней имперской Россией. С. 164.
- ¹⁶⁰ *Галашова Н. Б.* Внутренние противоречия как фактор развития еврейских общин Томской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Вып. 9. Красноярск; Барнаул, 2005. С. 35.
- ¹⁶¹ *Клюева В. П.* Религиозная жизнь евреев в Тобольской губернии (середина XIX – начало XX в.): скандалы и проблемы // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Вып. 9. Красноярск; Барнаул, 2005. С. 42.
- ¹⁶² Свод законов Российской империи издания 1857 г. Т. 11: Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. С. 197–201.
- ¹⁶³ Государственный архив Архангельской области. Ф. 4. Оп. 10. Д. 146. Л. 1.
- ¹⁶⁴ Там же. Оп. 11. Д. 678. Л. 33.
- ¹⁶⁵ *Шалютин С. О.* Религиозная ситуация на Русском Севере в исторической перспективе (XIII–XIX в.) // Религиозная жизнь Архангельского Севера: история и современность. Архангельск, 1997. С. 19.
- ¹⁶⁶ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 4. Д. 318. Л. 1–1 об.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 1 об.
- ¹⁶⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 24. Д. 10. Л. 19.
- ¹⁶⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 4. Д. 318. Л. 4–5.
- ¹⁷⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194. Л. 80–81.
- ¹⁷¹ Государственный архив Вологодской области. Ф. 130. Оп. 1. Д. 758. Л. 55 об.
- ¹⁷² Там же. Л. 56.
- ¹⁷³ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 2. Д. 16. Л. 2.
- ¹⁷⁴ Там же. Л. 2 об.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 30.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 8–9 об.
- ¹⁷⁷ Государственный архив Архангельской области. Ф. 4. Оп. 10. Д. 68. Л. 1, 3.
- ¹⁷⁸ Там же. Д. 146. Л. 22, 39, 40.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 55.
- ¹⁸⁰ Там же. Д. 109. Л. 1.
- ¹⁸¹ Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 586. Л. 2, 21.

- ¹⁸² Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3853. Л. 3.
- ¹⁸³ Там же. Д. 4121. Л. 460.
- ¹⁸⁴ Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 758. Л. 78.
- ¹⁸⁵ Государственный архив Вологодской области. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1002. Л. 20.
- ¹⁸⁶ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6349. Л. 2.
- ¹⁸⁷ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 50. Д. 39. Л. 1–2.
- ¹⁸⁸ *Крюков А. В.* Ингерманландские финны: проблема жизнеспособности этноса. Материалы с сайта: <http://proingria.livejournal.com/8251.html#cutid1>
- ¹⁸⁹ *Крупа В., Ондрейович С.* Языковые мифы и их миссия // Глобализация — этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. Книга 1. М., 2006. С. 167.
- ¹⁹⁰ Материалы с сайта: <http://inkeri.7fi.ru/viewtopic.php?id=18>
- ¹⁹¹ *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 30.
- ¹⁹² *Крылов П. В.* Обретение исторического слуха: парадигмы изучения неофициальной памяти // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 446–453.
- ¹⁹³ *Томсон А.* Легенда об АНЗАК: исследуя национальную мифологию и память в Австралии // Хрестоматия по устной истории / Автор введения, составитель и переводчик М. В. Лоскутова. СПб., 2003. С. 189.
- ¹⁹⁴ *Зенкин С. Н.* Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 18–19.
- ¹⁹⁵ *Михневич М. А.* Свидетели прошлого (Семейная хроника финнов-ингерманландцев Лото). СПб., 2002. С. 102.
- ¹⁹⁶ *Ванаселья Т.* Прощение освобождает. СПб., 2006. С. 11.
- ¹⁹⁷ *Ylönen K.* Inkerin kirkon nousu kommunistivallan päätyttyä. Jyväskylän, 1997. P. 64.
- ¹⁹⁸ *Воронков В., Освальд И.* Введение. Постсоветские этничности / Конструирование этничности. СПб., 1998. С. 6–36.
- ¹⁹⁹ *Давыдова О.* Финскость «на выходе». Идентичность как категория дискурса и практики реэмиграции людей финского происхождения из стран бывшего СССР в Финляндию. www.strategy-spb.ru/portal/files/olga_davydova.doc
- ²⁰⁰ *Тикка Б. П.* Kohtalot — Судьбы. СПб., 2003. С. 182.
- ²⁰¹ Там же. С. 161.
- ²⁰² *Кокко В. А.* Тенденции развития национального движения ингерманландских финнов // Этнография Петербурга–Ленинграда. Тридцать лет изучения. 1974–2004 / Сост. Н. В. Юхнёва. СПб., 2004. С. 298.
- ²⁰³ *Шаву В.* 2007. Материалы с сайта: http://ingria.info/?biblio&news_action=show_news&news_id=3594
- ²⁰⁴ *Деконская А.* 2008. Материалы с сайта: <http://alertdog.livejournal.com/2008/02/17/>
- ²⁰⁵ Материалы с сайта, разместил *Крюков А. В.* <http://proingria.livejournal.com/809.html>
- ²⁰⁶ *Гуцол Н. Н., Рябова Л. А., Виноградова С. Н.* Современное положение кольских саамов как результат социально-экономических трансформаций 1990-х годов // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты, 2004. С. 22–37.
- ²⁰⁷ *Бернштам Т. А.* Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
- ²⁰⁸ *Паця Е. Я., Разумова И. А.* Поморское село: снова на переломе времен // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты, 2007. С. 41–56.
- ²⁰⁹ *Хомич Л. В.* Ненцы и коми Кольского п-ова // Этнографические исследования северо-запада СССР. Л., 1977. С. 116–123.
- ²¹⁰ *Конаков Н. Д., Котов А. В.* Этноареальные группы Коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М., 1991.
- ²¹¹ Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 14. М., 2005.
- ²¹² *Суси П. И.* Нация, культура и кризис идентичности: эссе о мультикультурных обществах // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995. С. 69.
- ²¹³ *Линч К.* Образ города. М., 1982. С. 234.
- ²¹⁴ *Философские проблемы теории адаптации / Под ред. Г. И. Царегородцева.* М., 1975; *Березин Ф. Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988; *Шнак Л. Л.* Социокультурная адаптация в советском обществе. Философско-социологические проблемы. Красноярск, 1991; *Дубченко О. Н., Мытиль А. В.* Социальная идентификация и адаптация личности // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 30–39; *Аарелайд-Тард А.* Проблемы адаптации к новым культурным реалиям в зеркале биографического метода // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 59–68.
- ²¹⁵ *Moving in the USSR. Western anomalies and Northern wilderness / Ed. by P. Hakamies.* Finnish Literature Society. Helsinki, 2005.
- ²¹⁶ *Тошчикина В. П.* Демографический кризис: Мурманская обл. и регионы российского Севера // Сборник «75 лет КНЦ». Апатиты, 2005. С. 36–39.
- ²¹⁷ *Рыбаковский Л. Л.* Региональный анализ миграций. М., 1973. С. 76–106.
- ²¹⁸ *Аарелайд-Тард А.* Проблемы адаптации к новым культурным реалиям в зеркале биографического метода. С. 59–68.
- ²¹⁹ *Разумова И. А.* «Родина — это минимум край...»: к проблеме локальной самоидентификации жителей севера // Европейский Север в судьбе России. XX век

- (К 80-летию профессора А. А. Киселева) / Сб. научных статей. Мурманск, 2006. С. 39–45; *Разумова И. А., Сулейманова О. А.* Культурная память семьи как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты, 2007. С. 69–79.
- ²²⁰ *Шашков В. Я.* Спецпереселенцы на Мурмане. Мурманск, 2003; *Тимофеев В. Г.* История одной семьи. Кировск, 2004.
- ²²¹ *Заславская Т. И.* О социальных функциях миграции сельского населения в город. М., 1999.
- ²²² *Кувенёва А. Е., Манаков А. Г.* Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 77–84.
- ²²³ *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. XVIII / Уч. зап. ТГУ. Вып. 664. Тарту, 1984. С. 30–45.
- ²²⁴ *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М., 1996. С. 78–79.
- ²²⁵ *Бабич И. Л.* Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 158. М., 2002. С. 12.
- ²²⁶ Там же. С. 15.
- ²²⁷ *Южанин М. А.* О социально-культурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // СоцИс. 2007. № 5. С. 72.
- ²²⁸ *Дробижеева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 9.
- ²²⁹ *Федорова Е. Н.* Население Якутии: прошлое и настоящее. Новосибирск, 1999.
- ²³⁰ Составлено по: Миграция населения Республики Саха (Якутия) за 2005 г. Том I / Ст. сборник. Якутск, 2006.
- ²³¹ Там же.
- ²³² *Воробьев Н. В.* Региональная организация миграции населения в сибирских условиях. Новосибирск, 2001. С. 77.
- ²³³ Составлено по: Миграция населения Республики Саха (Якутия) за 2005 г. Том I.
- ²³⁴ Текущий архив Управления Федеральной службы миграции по Республике Саха (Якутия). Информационная справка от 1 ноября 2007 г.
- ²³⁵ Здесь и далее использованы данные по диаспорам, собранные авторами проекта в 2006–2008 гг.
- ²³⁶ *Корель Л. В.* Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики / Новосибирск, 2005. С. 174–183.
- ²³⁷ Развитие коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) до 2020 года / Ин-т проблем малочисл. народов Севера СО РАН / Сост. В. А. Роббек и др.; ред. С. М. Баишева. Якутск, 2007. С. 20–21.
- ²³⁸ *Арутюнян Ю. В., Дробижеева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. М., 1998. С. 215.
- ²³⁹ Сборник «Естественное движение населения 2005 г.». Якутск, 2006 (эл. версия).
- ²⁴⁰ *Хаховская Л. Н.* Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан, 2003. С. 43.
- ²⁴¹ Составлено по: Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-50. Д. 16. Л. 4; Там же. Ф. Р-38. Д. 10. Л. 32, 87; *Жихарев Н. А.* Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917–1953 гг.). Магадан, 1961. С. 196.
- ²⁴² Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-128. Д. 4. Л. 2–3.
- ²⁴³ Там же. Ф. Р-38. Д. 1. Л. 24; Д. 5. Л. 2.
- ²⁴⁴ Составлено по: Малые народности Севера. Магадан, 1990. С. 6–9; Национальный состав населения Магаданской области. Магадан, 2005. С. 26–27.
- ²⁴⁵ Полевые материалы автора: текущий архив администрации Среднеканского района.
- ²⁴⁶ Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-38. Д. 64. Л. 39–41.
- ²⁴⁷ Центр хранения современной документации Магаданской области. Ф. 16. Оп. 11. Д. 134. Л. 7; Д. 272. Л. 15, 96 и др.
- ²⁴⁸ Составлено по: Полевые материалы автора: текущий архив администрации Среднеканского района.
- ²⁴⁹ Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-39. Д. 5. Л. 352 об; Там же. Ф. Р-17. Д. 23. Л. 160.
- ²⁵⁰ Там же. Ф. Р-38. Д. 13. Л. 1; Д. 64. Л. 39–41.
- ²⁵¹ *Попова У. Г.* Эвены Магаданской области. М., 1981. С. 237.
- ²⁵² Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-38, Д. 3. Л. 13.
- ²⁵³ Там же. Д. 14. Л. 116.
- ²⁵⁴ Там же. Л. 6.
- ²⁵⁵ Там же. Д. 13. Л. 8.
- ²⁵⁶ Полевые материалы автора: текущий архив администрации Среднеканского района.
- ²⁵⁷ *Тураев В. А.* Ассимилятивные процессы у дальневосточных эвенков // Вестник ДВО РАН, 2006. № 3. С. 104–121; *Он же.* Эвенкийское село в условиях общественной трансформации: идентичность и межэтнические отношения // Вестник ДВО РАН, 2008. № 2. С. 3–18; *Он же.* Дальневосточные эвенки между прошлым и будущим // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения. Владивосток, 2008. С. 251–270; *Он же.* Дальневосточные эвенки: этнокультурные и этносоциальные процессы в XX веке. Владивосток: Дальнаука, 2008.

- 258 *Клоков К. Б., Петина О. В., Хрущев С. А.* Семейное домохозяйство в районах проживания коренных народов Севера. СПб., 2004.
- 259 *Арутюнян Ю. В.* Трансформация постсоветских наций. М., 2003. С. 157.
- 260 Там же. С. 123.
- 261 *Шутова Н. И., Сенникова Л. А.* Культурный ландшафт Вятского бассейна в эпоху Средневековья: к постановке проблемы // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск, 2008. С. 299–313.
- 262 Атлас Кировской области. М., 1997. С. 14–15, 17, 19.
- 263 *Кельмаков В. К.* К истории удмуртов правобережья Вятки // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 128–144.
- 264 *Шутова Н. И.* Святые места в окрестностях д. Малый Дасос: К вопросу о типологии и семантике бесермянских культовых мест // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 154–166.
- 265 Атлас Кировской области. С. 14–15, 17, 19.
- 266 *Луптов П. Н.* История вятских сел // Энциклопедия земли Вятской. Т. IV. Киров, 1995. С. 145–146.
- 267 Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание. Вятка, 1912. С. 524–525; Откуда мы родом? Из истории сельских поселений Белохолуницкого района Кировской области. Альманах / Сост. И. В. Порошин. Слободской: Слободское региональное отделение краеведов «Уезд». 2001. № 3. С. 19–21.
- 268 *Шутова Н. И.* Общее и особенное в формировании историко-культурного ландшафта отдельных микрорайонов в Камско-Вятском регионе // Вятский родник: Сб. мат. девятой научно-практической конференции. Вып. 9. Киров, 2008. С. 46–56.
- 269 Атлас Кировской области. С. 14–15, 17, 19.
- 270 *Приказчикова Ю. В.* Священные деревья и столбчатые часовни в культурном ландшафте юга Вятского края // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 181–191.
- 271 Полное собрание русских летописей. Том XIII. М., 1965. С. 211.
- 272 Там же. С. 269–270.
- 273 *Гришкина М. В., Берестова Е. М.* Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI — первой половине XVIII века. Ижевск, 2006. С. 10.
- 274 История Марийского края в документах и материалах. Т. 1. Эпоха феодализма. Йошкар-Ола, 1992. С. 106.
- 275 Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 1. Малмыжский уезд. Приложение. Вятка, 1886. С. 5.
- 276 *Гришкина М. В.* Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI — первой половины XVIII века // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 20–30.
- 277 История Марийского края в документах и материалах. Т. 1. Эпоха феодализма. С. 106.
- 278 *Эммаусский А. В.* Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956. С. 163.
- 279 *Гришкина М. В.* Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 104–106.
- 280 *Луптов П. Н.* Удмуртские «доли» в XVII–XVIII вв. // Записки УдНИИ. Сб. 9. Ижевск, 1940. С. 10.
- 281 *Гришкина М. В.* Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 112–118.
- 282 *Бушуева В. Л.* О социально-экономических отношениях в чепецкой удмуртской деревне на рубеже XVII–XVIII вв. // История СССР. 1962. № 4. С. 122.
- 283 Там же. С. 130.
- 284 *Лурье С. В.* Историческая этнология. М., 1997. С. 337.
- 285 Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Сост. докт. истор. наук П. Н. Луппов. Ижевск, 1958. С. 120, 134, 141.
- 286 *Гришкина М. В.* Три сыска на Вятке // Удмурты: Этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск, 1994. С. 67–90.
- 287 Российский архив древних актов. Ф. 248. Оп. 4. Д. 156. Л. 401–405.
- 288 *Гришкина М. В.* Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск, 1977. С. 144–147.
- 289 *Лурье С. В.* Историческая этнология. С. 336–337.
- 290 *Гришкина М. В.* Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. С. 166–170.
- 291 *Луптов П. Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических сведений о них до XIX века. Ижевск, 1999. С. 255.
- 292 *Никитина Г. А.* Удмуртское село в условиях российских трансформаций: pro et contra // Наука Удмуртии. 2006. № 5. С. 54.
- 293 *Нефедова Т. Г.* Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М., 2003. С. 386.
- 294 *Великий П. П.* Российское село в условиях новых вызовов // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 62.
- 295 Сельское хозяйство Удмуртской Республики. 2004 год. Статистический сборник территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике. Ижевск, 2005. С. 19, 22.
- 296 Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. Рукописный фонд. Оп. 2-Н. Д. 1331. Л. 32.
- 297 *Никитина Г. А.* Удмуртское село в условиях российских трансформаций: pro et contra. С. 11–19.

- 298 Там же. С. 51.
- 299 *Садиков Р. Р.* Поселения и жилища закамских удмуртов. Уфа, 2001. С. 30.
- 300 *Ягафова Е. А.* Чуваши в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: ситуации межэтнического взаимодействия в Восточном Закамье // Мы и как удмурты, и как чувашаи... Взаимная социально-культурная адаптация в этнически смешанных селениях: Сб. статей. М., 2007. С. 88.
- 301 Население России в XX веке: исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 гг. М., 2002. С. 343.; *Зима В. Ф.* Голод в СССР, 1946–1947. М., 1997. С. 168.
- 302 Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 72–157.
- 303 Там же.
- 304 Там же. Л. 54, 60, 69, 84, 87, 111, 127, 145, 149, 153, 156, 182, 189, 230, 236, 239, 242, 248, 254.
- 305 Там же.
- 306 Там же. Д. 697. Л. 1–2.
- 307 Там же. Л. 12, 14, 16, 28, 36, 38, 44, 52, 64, 76, 88, 101, 111, 151, 154.
- 308 Там же. Л. 54, 60, 69, 84, 87, 111, 127, 145, 149, 153, 156, 182, 189, 230, 236, 239, 242, 248, 254.
- 309 Там же. Д. 700. Л. 25–26, 43–44, 63–64, 75–76, 101–102, 117–118, 119–120, 123–124, 143–144, 147–148, 149–150.
- 310 Министры здравоохранения. Очерки истории здравоохранения в России в XX веке. М., 1999. С. 281–282.
- 311 Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 320. Л. 1–1 об.; Д. 351. Л. 15–16.
- 312 Там же. Л. 1–1 об.; Д. 351. Л. 15–16.
- 313 Там же. Д. 412. Л. 1–1 об., 2; Д. 444. Л. 1–2.
- 314 Там же. Оп. 20. Д. 700. Л. 25–26, 43–44, 63–64, 75–76, 101–102, 117–118, 119–120, 123–124, 143–144, 147–148, 149–150.
- 315 Там же. Д. 639. Л. 23–24, 31–32, 35–40, 73–78.
- 316 Там же. Оп. 329. Д. 2237. Л. 2–4 об.; Д. 2643. Л. 149–151; Д. 3169. Л. 5–7.
- 317 Там же. Оп. 27. Д. 402. Л. 1–12 об.
- 318 Там же. Оп. 18. Д. 486. Л. 2–3 об.; Д. 550. Л. 3–3 об.
- 319 Там же. Оп. 18. Д. 486. Л. 1–1 об., 2–3.
- 320 Информационный бюллетень. 1976. Февраль, № 17.
- 321 Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 486. Л. 2–3.
- 322 *Balzer Marjorie M.* Two Urban Shamans // *Perilous States: Conversations Amid Uncertain Transitions* / Ed. G. Marcus. Chicago. 1993. P. 131–164; *Balzer Marjorie M.* Shamans in All Guises: Exploring Cultural Repression and Resilience in Siberia // *Curare. Zeitschrift für Ethnomedizin*, 1999. Vol. 22. № 2. P. 129–134; *Hoppal M.* Schamanismus der Postmoderne // *Schamanen zwischen Mythos und Moderne* / Hrsg. Alexandra Rosenbohm. Leipzig, Miltzke Verlag, 1999. S. 69–80; *Hoppal M.* Shaman Traditions in Transition. Budapest, 2000; *Johansen U.* Shamanism and Neoshamanism. What is the Difference? In: H. P. Francfort, R. N. Hamayon (eds.): *The Concept of Shamanism. Uses and Abuses. Bibliotheca Shamanica*, Bd.:10, Budapest: Akadémiai Kiadó, S. 297–303 (*Bibliotheca Shamanistica*; Vol. 10); *Johansen Ulla.* Der sibirische Schamanismus in Vergangenheit und Gegenwart // *Bremer Geographische Blätter*. 2004. № 4. S. 27–39; *Fridman E. J.* Neumann. Sacred Geography: Shamanism Among The Buddhist Peoples Of Russia. Akademiai Kiado, 2005; *Van Deusen K.* Shamanism in Khakassia Today // *Shamanism. 25th Anniversary Double Issue*. 2005. Vol. 18. № 1–2. P. 21–23; *Van Deusen K.* Singing Story, Healing Drum. Montreal; Kingston; L.; Ithaca. 2004; *Вайнштейн С. И., Москаленко Н. П.* Проблемы тувинского шаманства: генезис, избранничество, эффективность лечебных камланий, современный ренессанс // *Шаманизм и ранние религиозные представления* / Отв. ред. Д. А. Функ. М., 1995. С. 62–75 (*Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам*. Т. 1); *Галданова Г. Р.* Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее // *Сибирь: этносы и культуры (традиционная культура бурят)*. Вып. 3. М.; Улан-Удэ, 1998. С. 5–46; *Гомбоева М. И.* Шаманская практика у агинских бурят на рубеже XX–XXI столетий // *Материалы Международного междисциплинарного научно-практического симпозиума «Экология и традиционные религиозно-магические знания»*. М., 2001. С. 33–43 (*Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам*. Т. 7. Ч. 3); *Жуковская Н. Л.* Бурятский шаманизм сегодня: возрождение или эволюция? // *Материалы Международного конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования и практики»*. М., 2001. С. 162–176 (*Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам*. Т. 5. Ч. 3); *Тугужекова В. Н.* Шаманизм в Хакасии // *Материалы Международного междисциплинарного научно-практического симпозиума «Экология и традиционные религиозно-магические знания»*. М., 2001. С. 202–205 (*Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам*. Т. 7. Ч. 2); *Харитонова В. И.* Религиозно-магические практики Южной Сибири: трансформации традиций в постсоветскую эпоху // Там же. С. 169–189. (*Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам*. Т. 7. Ч. 2).
- 323 Терминология см.: *Функ Д. А., Харитонова В. И.* Шаманство или шаманизм? // «Избранники духов» – «избравшие духов» / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 1999. С. 41–71 (*Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам*. Т. 4).
- 324 *Вдовин И. С.* Заключение // *Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.)*. Л., 1981.

- С. 265–283; *Функ Д. А., Харитонова В. И.* Шаманство или шаманизм?
- ³²⁵ *Басилов В. Н.* Что такое шаманство? // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 3–16.
- ³²⁶ *Харитонова В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М., 2006.
- ³²⁷ *Васильева Н. Д.* Якутское шаманство. 1920–1930-е гг. Якутск, 2000.
- ³²⁸ *Харитонова В. И.* Шаманы без бубнов // Восточная коллекция. М., 2003. № 3 (14). С. 130–140.
- ³²⁹ *Соколова З. П.* Проблемы изучения обско-угорского шаманства // Обские угры (ханты и манси). М., 1991. С. 225–241.
- ³³⁰ *Харючи Г. П.* Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск, 2001.
- ³³¹ *Москаленко Н. П.* Этнополитическая история Тувы в XX веке. М., 2004; *Пименова К. В.* Возрождение и трансформации традиционных верований и практик тувинцев в постсоветский период (основные проблемы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- ³³² *Харитонова В. И., Свидерская Н. Е., Мещерякова Е. А.* Шаманы и шаманизм в свете междисциплинарных исследований // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН — 2004. М., 2006. С. 128–149; *Харитонова В. И., Крайнецова Ю. В.* Зов безмолвия, или Почему они шаманы? // Расы и народы. Вып. 33. М., 2007. С. 292–322; *Ревуенкова Е. В.* О личности шамана // Советская этнография. 1974. № 3. С. 241–258.
- ³³³ *Харитонова В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий.
- ³³⁴ *Жуковская Н. Л.* Шаманизм: Религия? Мировоззрение? Практика? // Наука и жизнь. 1998. № 8. С. 147.
- ³³⁵ *Kharitonova V. I.* „Black“ Shamans, „White“ Shamans // Shamanism: an Encyclopedia of World Beliefs, Practices, and Culture / Ed. M. N. Walter and E. J. Neumann Fridman. ABC — CLIO. Santa Barbara, California; Denver, Colorado; Oxford, England, 2004. Vol. II. P. 536–539.
- ³³⁶ *Харитонова В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий.
- ³³⁷ *Шагланова О. А.* Традиционные верования тункинских бурят (вторая половина XIX — XX в.). Улан-Удэ, 2007.
- ³³⁸ *Харитонова В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий.
- ³³⁹ *Пименова К. В.* Мои хозяйка меня научили: семейное наследие и личное знание тувинской шаманки Ховалагмы Куулар // Женщина и возрождение шаманизма: постсоветское пространство на рубеже тысячелетий / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 2005. С. 279–282 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 11).
- ³⁴⁰ *München-Helfen Otto.* Reise ins asiatische Tuva. Berlin, 1931.
- ³⁴¹ *Мещерякова Е. А.* Психологическое исследование женщин, практикующих шаманские техники // Женщина и возрождение шаманизма: постсоветское пространство на рубеже тысячелетий / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 2005. С. 302–319 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 11).
- ³⁴² *Kalweit H.* Urheiler, Medizinleute und Schamanen. München, 1987.
- ³⁴³ *Grof St.* Beyond the Brain: Birth, Death, and Transcendence in Psychotherapy (Suny Series, Transpersonal & Humanistic Psychology). State Univ. of N. Y. press, 1986.
- ³⁴⁴ *Свидерская Н. Е.* Нейрофизиология и исследования НСС // Материалы Международного конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования и практики», посвященного памяти А. В. Анохина, Н. П. Дыренковой, С. М. Широкогорова. Москва, Россия, 7–12 июля 1999 г. М., 1999. С. 125–133 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 5. Ч. 1); *Харитонова В. И.* Не в воле человека стать шаманом? // Шаманский дар. К 80-летию Анны Васильевны Смоляк / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 2000. С. 312–338 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 6).
- ³⁴⁵ *Гомбоев Б. Ц.* Сновидения как путь обретения шаманского дара // Шаманский дар. К 80-летию Анны Васильевны Смоляк / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 2000. С. 175–186 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 6); *Горшунова О. В.* Тяжкое бремя «шаманского дара»: судьба современной ферганской бахши // Шаманский дар. К 80-летию Анны Васильевны Смоляк / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 2000. С. 191–204 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 6); *Ревуенкова Е. В.* Судьба несостоявшегося шамана // Шаманский дар. К 80-летию Анны Васильевны Смоляк / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 2000. С. 188–191 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 6).
- ³⁴⁶ *Kharitonova V. I.* Old woman Tady's virtual drum. Traditional Sagai shamanism relics at the boundary of millennia // Acta Ethnographica Hungarica. 50 (1–3). Budapest. 2005. P. 227–239.
- ³⁴⁷ *Shirokogoroff S. M.* Psychomental Complex of the Tungus. L., 1935.
- ³⁴⁸ *Харитонова В. И.* «Весна Средневековья» накануне 3-го тысячелетия (Магико-мистическая практика и «народное целительство» в Московском регионе) // Московский регион: этноконфессиональная ситуация. М., 2000. С. 262–282.

- ³⁴⁹ *Harner M. J.* The Way of the Shaman. N. Y., 1980.
- ³⁵⁰ Shamanism: an Encyclopedia of World Beliefs, Practices, and Culture / Ed. M. N. Walter and E. J. Neumann Fridman. ABC — CLIO. Santa Barbara, California; Denver, Colorado; Oxford, England, 2004. Vol. 1.
- ³⁵¹ *Lindquist G.* Spirits and Souls of Business: New Russians Magic and the Esthetics of Kitsch // Journal of Material Culture. 2002. Vol. 7. № 3. P. 329–343; *Харитонов В. И., Купряшина Н. А.* «Экспериментальный шаманизм» Московского региона и его родоначальница // Женщина и возрождение шаманизма: постсоветское пространство на рубеже тысячелетий / Отв. ред. В. И. Харитонов. М., 2005. С. 283–302 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 11).
- ³⁵² *Кенин-Лопсан М. Б.* Тувинский шаманизм. М., 1999.
- ³⁵³ *Сарангэрэл.* Зов шамана: Древние традиции и духовные практики. М., 2003. Также См.: книги *Оларда Диксона.*
- ³⁵⁴ См. описания: *Lindquist G.* Conjuring Hope: Magic and Healing In Contemporary Russia (Epistemologies of Healing). Berghan books, 2006.
- ³⁵⁵ Материалы с сайта: <http://szmn.sbras.ru>
- ³⁵⁶ Материалы с сайта: <http://www.shamanstvo.ru>
- ³⁵⁷ *Танашева А.* Надежда Моисеевна Югушева // Женщина и возрождение шаманизма: постсоветское пространство на рубеже тысячелетий / Отв. ред. В. И. Харитонов. М., 2005. С. 344–349 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 11).
- ³⁵⁸ Материалы с сайта: <http://khoomei-shaman.com/throat-singing.html>
- ³⁵⁹ Материалы с сайта (глава «Хан-Тигир» Т. В. Кобежиковой): <http://www.kobezhikova.ru>
- ³⁶⁰ Материалы с сайта о тувинской шаманке Л. К. Оюн: http://www.shamanstvo.ru/choice/page_2/12/114.htm
- ³⁶¹ *Мещерякова Е. А.* Психологическое исследование женщин, практикующих шаманские техники.
- ³⁶² Shamanism: an Encyclopedia of World Beliefs, Practices, and Culture.
- ³⁶³ *Шагланова О. А.* Традиционные верования тункинских бурят (вторая половина XIX — XX в.). Улан-Удэ, 2007; *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. С. 101.
- ³⁶⁴ *Пименова К. В.* Возрождение и трансформации традиционных верований и практик тувинцев в постсоветский период (основные проблемы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- ³⁶⁵ *Харитонов В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий.
- ³⁶⁶ *Жданов Г. Г., Соколов И. М.* Метаболизм адениловых нуклеотидов при остром инфаркте миокарда и инициация свободнорадикального окисления // Анестезиология и реаниматологи. 1996. № 3. С. 25; *Маянская Н. Н., Панин Л. Е., Поляков Л. М.* Физиологические механизмы регуляции биосинтеза липопротеидов в печени при физической нагрузке и в различные периоды восстановительного периода // Вопросы медицинской химии. 1983. № 2. С. 11.
- ³⁶⁷ *Яковлев Г. М., Новиков В. О., Хавинсон В. Х.* Резистентность, стресс, регуляция. Л., 1990. С. 32.
- ³⁶⁸ *Безруких М. М., Сонькин В. Д., Фарбер Д. А.* Возрастная физиология. М., 2007. С. 24.
- ³⁶⁹ *Tanner J. M., Whitehouse R. H.* Clinical longitudinal standard for height, weight, height and weight velocity and stages of puberty // Arch. Dis. Child. 1976. V. 51. P. 170.
- ³⁷⁰ *Мазурин А. В., Воронцов И. М.* Пропедевтика детских болезней. СПб., 2000. С. 57; *Ставицкая А. Б., Арон Д. И.* Методика исследования физического развития детей и подростков. М., 1959. С. 25.
- ³⁷¹ *Matiegka J.* The testing of physical efficiency / J. Matiegka // Amer. J. Phys. Anthropol., 1921. V. 4. P. 25.
- ³⁷² *Воронцов И. М.* Закономерности физического развития детей и методы его оценки: Учебно-методическое пособие. Л., 1986. С. 48.
- ³⁷³ Справочник по функциональной диагностике в педиатрии / Под ред. Ю. Е. Вельтищева. М., 1979. С. 261.
- ³⁷⁴ *Аринчин Н. И., Кулаго Г. В.* Гипертоническая болезнь как нарушение саморегуляции кровообращения. Минск, 1969. С. 63.
- ³⁷⁵ *Колб В. Г., Камышников В. С.* Клиническая биохимия: Пособие для врачей-лаборантов. Минск, 1976. С. 81; *Лабораторные методы исследования в клинике: Справочник / Под ред. В. В. Меньшикова.* М., 1987. С. 15.
- ³⁷⁶ *Demidov V. A., Skalny A. V.* Men's and women's hair trace element concentrations in Moscow region // Trace elements in medicine. 2002. Vol. 3. № 3. P. 48.
- ³⁷⁷ *Лакин Г. Ф.* Биометрия. М., 1990. С. 158.
- ³⁷⁸ *Безруких М. М., Сонькин В. Д., Фарбер Д. А.* Возрастная физиология. М., 2007. С. 57.
- ³⁷⁹ *Захарова Н. В., Титова Г. П.* Ультраструктура эритроцитов со сниженными текучими свойствами и их роль в развитии микроциркуляторных расстройств при экстремальных состояниях // Патологическая физиология. 1992. № 2. С. 50.
- ³⁸⁰ *Зубарева Е. В., Сеферова Р. И.* Изменение липидного состава тканей крыс при гиперемии разной степени // Вопросы медицинской химии. 1992. № 3. С. 50; *Когтева Г. С., Безуглов В. В.* Ненасыщенные жирные кислоты как эндогенные биорегуляторы // Биохимия. 1998. Т. 63. Вып. 1. С. 6; *Ткачук В. А.* Фосфоинозитидный обмен и осцилляция ионов кальция // Там же. С. 47.

- ³⁸¹ О «греческом проекте» существует обширная литература. См., напр.: *Добров Л. Я.* Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском п-ове. Историко-политические очерки. СПб., 1880. С. 547–549; *Брикнер А. Г.* История Екатерины Второй. Т. 2. СПб., 1885. С. 390, 490, 496; *Жигарев С. А.* Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. М., 1896. С. 213–214; *Ключевский В. О.* Полный курс лекций. Кн. 3. М., 1993. С. 237, 238, 371; История дипломатии. Т. 1. М., 1941. С. 291; *Миллер А. Ф.* Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М.; Л., 1947. С. 66–67; *Маркова О. П.* О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // История СССР. 1958. № 4. С. 52–78; *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы средиземноморья. 1798–1807. М., 1962. С. 51–55; *Ари Г. Л.* Этеристическое движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 84; *Он же.* Некоторые соображения по поводу «Греческого проекта» // Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998. С. 68–80; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 38, 40; *Она же.* Проблема создания независимых государств греков и южных славян в русско-балканских общественно-политических связях (конец XVIII — первая треть XIX в.) // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). Сборник статей. М., 1995. С. 46–47; *Она же.* Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года в политике России на Балканах // Век Екатерины II: Россия и Балканы. С. 46; *Каменский А. Б.* «Под сению Екатерины»... Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 328, 339, 340; *Виноградов В. Н.* Век Екатерины II: Прорыв на Балканы // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 61–62; *Он же.* Мечтания и действительность: о греческих проектах Екатерины II и Александра I // Век Екатерины II: Россия и Балканы. С. 58; *Анишаков Ю. П.* К истории «Греческого проекта» Екатерины II // Исторические исследования. Сборник научных трудов. Самара, 1997. Вып. 1. С. 10–18; *Елисева О. И.* Переписка Екатерины II и Г. А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны (1787–1791). М., 1997. С. 131; *Она же.* «Разве мы кому спать помешали?» // Родина. 1999. № 5. С. 46–52.
- ³⁸² *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк // Собрание сочинений. Т. 3. М., 1995. С. 381.
- ³⁸³ Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II. 1774–1790 // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 289–291, 298–299.
- ³⁸⁴ *Виноградов В. Н.* Век Екатерины II: Прорыв на Балканы. С. 61; *Кругликова И. Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955. С. 3; *Dacicoviciu H.* Dacians and Romans in trajan's province // Relations between the autochthonous populations on the territory of Romania: A collection of studies. Bucureşti, 1975. P. 35; Дакия // Словарь античности / Пер. с нем. М., 1989. С. 171; Dacia // The Wordsworth Classical Dictionary. London, 1996. P. 134.
- ³⁸⁵ Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II. С. 289–291, 298–299.
- ³⁸⁶ *Ари Г. Л.* Этеристическое движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. С. 86–87.
- ³⁸⁷ *Зеленина Л. В., Шеремет В. И.* Очаковский кризис: к вопросу о стимуляции напряженности внешних параметров конфликта // Век Екатерины II: Россия и Балканы. С. 84.
- ³⁸⁸ *Храповицкий А. В.* Дневник с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. СПб., 1874. С. 76.
- ³⁸⁹ *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 2. СПб., 1875. С. 244–245; *Гросул Г. С.* Дунайские княжества в политике России 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 106.
- ³⁹⁰ *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 9. СПб., 1892. С. 362–387.
- ³⁹¹ *Суворов А. В.* Документы / Под ред. полковника Г. П. Мещерякова. Т. 3. М., 1952. С. XI, 250–266, 272–277; *Благодатских И. М.* Суворовский план 1793 года наступательной войны с Турцией // Век Екатерины II: Россия и Балканы. С. 98–100; *Гросул Г. С.* Указ. соч. С. 119–123.
- ³⁹² Настоящая фамилия Юговича — Маркович, он выдавал себя за потомка князей Юговичей, чье имя вошло в народный эпос. См.: *Достян И. С.* Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. С. 100.
- ³⁹³ Там же. С. 101.
- ³⁹⁴ Там же. С. 100–102.
- ³⁹⁵ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главный архив. I-8. Оп. 7. Д. 2. П. 4. Л. 6–7 об.; письма Йовановича Константину, Амвросию, Лопухину и Кочубею: Там же. Л. 8–18.
- ³⁹⁶ Там же. Л. 7.
- ³⁹⁷ Сербия // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969. Стб. 783–784.
- ³⁹⁸ *Достян И. С.* Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. С. 105.
- ³⁹⁹ Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I // Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 82. СПб., 1892. С. 2.
- ⁴⁰⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главный архив. I-8. Оп. 7. Д. 2. П. 4. Л. 27–33 об.
- ⁴⁰¹ Титул в. кн. Константина Павловича был подвергнут корректировке, теперь он назывался «Константин Неманич Сербский и Болгарский». Там же. Л. 32.

- ⁴⁰² *Достян И. С.* Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. С. 106–107; Записка Стефана Стратимировича, православного сербского и валахийского народа митрополита, в Угорском Королевстве сущего, представленная чрез посредство русского протоиерея А. А. Самборского государю императору Александру Павловичу в 1804 году, об освобождении сербского народа вообще // Чтения Общества истории и древностей российских. М., 1868. Кн. I. С. 238–256.
- ⁴⁰³ Там же. С. 253.
- ⁴⁰⁴ Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Т. 1. М., 1980. С. 218.
- ⁴⁰⁵ Там же. С. 212, 215.
- ⁴⁰⁶ Василий Назарович Каразин. Письмо к князю Адаму Чарторьскому. 21 ноября 1804 г. Дополнительная к этому письму записка, представленная В. Каразиным князю Чарторьскому неделю спустя // Русская старина. 1871. Т. 3. С. 700–718.
- ⁴⁰⁷ *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 75.
- ⁴⁰⁸ *Она же.* Проблема создания независимых государств греков и южных славян в русско-балканских общественно-политических связях (конец XVIII — первая треть XIX в.). С. 63.
- ⁴⁰⁹ Мы не располагаем источниками о реакции Константина на предыдущие проекты, касавшиеся его.
- ⁴¹⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9355. Л. 111 об.
- ⁴¹¹ Там же. Л. 67 об., 111.
- ⁴¹² Цесаревич Константин Павлович. Переписка его с Ф. П. Опочининым. 1816–1826 гг. // Русская старина. 1873. Т. 8. С. 395–396.
- ⁴¹³ Wspomnienia Andrzeja Edwarda Koźmiana. Т. 1. Poznań, 1867. S. 393.
- ⁴¹⁴ *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 2. М., 1997. С. 110–111.
- ⁴¹⁵ *Zielińska Z.* „O sukcesyi tronu w Polsce”, 1787–1790. Warszawa, 1991. S. 43.
- ⁴¹⁶ *Mottaz E.* Stanislas Poniatowski et Maurice Glayre. Correspondance relative aux partages de la Pologne. Paris, 1897. P. XXXI–XXXII; *Zielińska Z.* „O sukcesyi tronu w Polsce”, 1787–1790. Warszawa, 1991. S. 44.
- ⁴¹⁷ *Zielińska Z.* Op. cit. S. 43.
- ⁴¹⁸ *Staszic S.* Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego. Oprac. St. Czarnowski. Warszawa, 1926. S. 96–99, 203–206; *Zielińska Z.* Publicystyka pro- i antysukcesyjna w początkach Sejmu Wielkiego // Sejm czteroletni i jego tradycje. Warszawa, 1991. S. 109–111.
- ⁴¹⁹ *Zielińska Z.* „O sukcesyi tronu w Polsce”, 1787–1790. S. 25–26.
- ⁴²⁰ Archiwum główne akt dawnych. Archiwum Publiczne Potockich. Sygn. 279 b/4. K. 1019; Zakład narodowy im. Ossolińskich (we Wrocławiu). Rkp. 6353/I. S. 311; *Zielińska Z.* „O sukcesyi tronu w Polsce”, 1787–1790. S. 49–50.
- ⁴²¹ Archiwum główne akt dawnych. Archiwum sejmu czteroletniego. Sygn. 9. K. 313, 327, 524v.; *Zielińska Z.* „O sukcesyi tronu w Polsce”, 1787–1790. S. 37–38, 50, 166.
- ⁴²² Архив внешней политики Российской империи. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 129. Л. 3 об.; *Соловьев С. М.* История падения Польши // Сочинения. Кн. XVI. М., 1995. С. 579; *Костомаров Н. И.* Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1870. С. 502.
- ⁴²³ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 130. Л. 1 об., 2 об.; *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 581.
- ⁴²⁴ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 581.
- ⁴²⁵ *Zielińska Z.* Potocki Ignacy // Polski słownik biograficzny. Т. 28/1. Wrocław, 1984. S. 11.
- ⁴²⁶ *Григорович В. И.* Канцлер, кн. А. А. Безбородко в связи с событиями его времени // Сб. РИО. Т. 29. СПб., 1881. С. 272; *Zielińska Z.* Potocki Ignacy. S. 13.
- ⁴²⁷ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. М., 1996. С. 302–303; Дипломатические отношения России с Францией в эпоху Наполеона I // Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 70. СПб., 1890. С. IV.
- ⁴²⁸ Дипломатические отношения России с Францией в эпоху Наполеона I. С. IV.
- ⁴²⁹ Там же. С. 647–648.
- ⁴³⁰ Biblioteka Czartoryskich (w Krakowie). Rkp. 5226. S. 13–137; *Skowronek J.* Le programme européen du prince Adam Jerzy Czartoryski en 1803–1805 // Acta Poloniae historica. Vol. 17. Warszawa, 1968. P. 139.
- ⁴³¹ Biblioteka Czartoryskich. Rkp. 5226. S. 77–83a; *Skowronek J.* Op. cit. P. 141.
- ⁴³² Biblioteka Czartoryskich. Rkp. 5226. S. 77–83a; *Skowronek J.* Op. cit. P. 141, 152.
- ⁴³³ Correspondance de Napoléon I er. Vol. 15. Paris, 1864. P. 383–384; *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 214.
- ⁴³⁴ *Ланге К. А.* Очерк истории Института физиологии им. И. П. Павлова (к 100-летию первой физиологической лаборатории Академии наук). Л., 1968. С. 18.
- ⁴³⁵ *Дзенискевич А. Р.* На грани жизни и смерти. Работа медиков-исследователей в осажденном Ленинграде. СПб., 2002. С. 90.
- ⁴³⁶ *Хвиливицкий Т. Я.* Медико-психологическая ситуация в Ленинграде в 1941–1945 гг. (соматопсихологические отношения) // Журнал невропатологии и психиатрии. 1988. Т. 88. Вып. 5. С. 131–135; *Магаева С. В.* Физиологические и психосоматические предпосылки выживания и восстановления // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001; *Магаева С. В.* Ле-

- нинградская блокада: психосоматические аспекты. М., 2001.
- ⁴³⁷ Мы пользуемся понятием «социальная адаптация», разделяя мнение С. А. Ларионовой, отмечавшей в своей монографии, что анализ научной литературы позволяет сделать вывод об отсутствии четких разграничений между понятиями «социально-психологическая адаптация», «социальная адаптация», «социализация», «психическая адаптация». См.: *Ларионова С. А.* Социально-психологическая адаптация личности: теоретическая модель и диагностика. Белгород, 2002. С. 20.
- ⁴³⁸ *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. СПб., 2002. Кн. 1–2; *Он же.* Ленинград в блокаде. М., 2005; *Карпенко И. А.* Восстановление Ленинграда в 1943–1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты: Дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2007.
- ⁴³⁹ Стенограмма сообщения Саванина А. С., исполняющего обязанности управляющего Ленинградской конторы Государственного банка. 21 июля 1946 г. // Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – НИА СПбИИ РАН). Л. 7.
- ⁴⁴⁰ Архив Ленинградского военного округа (далее – Архив ЛенВО). Оп. 44917. Д. 1. С. 12.
- ⁴⁴¹ *Рыбкина М. Ф.* Воспоминания о минувшем – тяжело, героическом, незабываемом // Музей РГПУ им. А. И. Герцена. С. 22.
- ⁴⁴² *Капышев Г.* В страшную годину // Нева. 2002. № 11. С. 217–222.
- ⁴⁴³ *Штык Э. Г.* Дневник // Музей РГПУ им. А. И. Герцена. С. 3.
- ⁴⁴⁴ *Баранов Н. В.* Силуэты блокады: Записки главного архитектора города. Л., 1982. С. 65.
- ⁴⁴⁵ *Синакевич О. В.* Дневник // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 163 (Второвы И. А. и Н. И. и Синакевич О. В.). Д. 311. Тетр. 1. Л. 33.
- ⁴⁴⁶ *Грязнов Ф. А.* Дневник // Частный архив. С. 48; *Ратнер Л.* Вы живы в памяти моей // Нева. 2002. № 9. С. 141.
- ⁴⁴⁷ *Грязнов А. А.* Дневник 1941–1942 гг. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 34; Из дневника Лихачевой Анны Ивановны // Оборона Ленинграда 1941–1944 гг. Л., 1968. С. 687.
- ⁴⁴⁸ 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966. С. 286, 289.
- ⁴⁴⁹ *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99. Л. 58 об.
- ⁴⁵⁰ *Гришкевич А. П.* Записи из блокнота, сентябрь 1941 г. – 1 мая 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 28. Л. 24.
- ⁴⁵¹ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее – ЛОГАВ). Ф. Р-4380. Оп. 1. Д. 580. Л. 1–2.
- ⁴⁵² Стенографическая запись беседы с директором Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени Института переливания крови, доктором В. В. Кухарчик // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1264. Л. 6, 11.
- ⁴⁵³ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб., 1995. С. 196–197.
- ⁴⁵⁴ *Черновский А. А.* В Ленинграде 1941–1942 гг. (дневник) // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 119. Л. 62.
- ⁴⁵⁵ *Осипова Н. Д.* Дневник 30 июня 1941 г. – 5 августа 1942 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 11.
- ⁴⁵⁶ *Левина Э. Г.* Дневник 12 января 1942 – 23 июля 1944 г. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 182.
- ⁴⁵⁷ *Белозеров Б. П.* Криминогенная обстановка в блокадном Ленинграде // История Петербурга. СПб., 2004. № 5. С. 25–28.
- ⁴⁵⁸ Стенограмма сообщения капитана Ленинградского торгового порта и заместителя начальника порта Б. Л. Бернштейна. 9–16 августа 1945 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 23.
- ⁴⁵⁹ ЛОГАВ. Р-4380. Оп. 1. Д. 628. Л. 4–6.
- ⁴⁶⁰ *Иванов В. А.* Особенности реализации чрезвычайных мер по поддержанию в блокированном Ленинграде режима военного времени // Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы. СПб., 2005. С. 475, примеч.
- ⁴⁶¹ *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде (1941 год). М., 1961. С. 87.
- ⁴⁶² *Грязнов А. А.* Дневник 1941–1942 гг. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 23, 74.
- ⁴⁶³ *Грязнов Ф. А.* Дневник // Частный архив. С. 51, 68; *Левецкая В.* Блокада. Записки девочки из подвала // Нева. 2002. № 1. С. 233.
- ⁴⁶⁴ Из воспоминаний А. И. Шпака // Оборона Ленинграда 1941–1944 гг. Л., 1968. С. 595; Стенограмма сообщения А. Д. Якуниной – заведующей сельскохозяйственным отделом РКП(б) Ленинского района. 27 апреля 1945 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 14–14 об.
- ⁴⁶⁵ Стенограмма сообщения П. И. Сеничева – директора филиала завода им. Жданова (на территории Кировского района). 27 сентября 1943 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 8.
- ⁴⁶⁶ *Дзенискевич А. Р.* Бандитизм (особая категория) в блокированном Ленинграде // История Петербурга. СПб., 2001. № 1. С. 48.
- ⁴⁶⁷ Там же. С. 48–49.
- ⁴⁶⁸ ЛОГАВ. Ф. Р-4380. Оп. 1. Д. 371. Л. 11.
- ⁴⁶⁹ *Белозеров Б. П.* Криминогенная обстановка в блокадном Ленинграде. С. 25–26.

- ⁴⁷⁰ *Готхарт С. И.* Воспоминания блокадницы // История Петербурга. СПб., 2005. № 5. С. 80.
- ⁴⁷¹ *Иванов В. А.* Особенности реализации чрезвычайных мер по поддержанию в заблокированном Ленинграде режима военного времени. С. 472.
- ⁴⁷² *Иванова Т. Г.* Блокада Ленинграда (воспоминания) // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 216.
- ⁴⁷³ *Великотная Т. К.* Дневник нашей печальной жизни в 1942 г. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 85.
- ⁴⁷⁴ Архив ЛенВО. Оп. 44917. Д. 1. С. 18.
- ⁴⁷⁵ *Пешель П. В.* Из дневника ленинградца в период блокады города (19 августа 1941 г. — 20 января 1943 г.) // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 92. Л. 5; *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99. Л. 15.
- ⁴⁷⁶ *Янович Т. Л.* Дневник 12 ноября 1941 г. — 27 марта 1944 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 5.
- ⁴⁷⁷ *Ломагин Н. А.* Ленинград в блокаде. М., 2005. С. 322.
- ⁴⁷⁸ ЛОГАВ. Р-4380. Оп. 1. Д. 369, 761.
- ⁴⁷⁹ Стенограмма сообщения директора фабрики им. Микояна Л. Е. Мазура и технолога С. И. Парамоновой // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 338. Л. 13; *Великотная Т. К.* Дневник нашей печальной жизни в 1942 г. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 89.
- ⁴⁸⁰ *Грязнов А. А.* Дневник 1941–1942 гг. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 65; Дневник А. Лепковича 1 декабря 1941 г. — 20 сентября 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 58. Л. 19.
- ⁴⁸¹ *Иванова Т. Г.* Блокада Ленинграда (воспоминания). С. 215; Интервью с Г. Н. Игнатовой // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 256; *Гришкевич А. П.* Записи из блокнота, сентябрь 1941 г. — 1 мая 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 28. Л. 13.
- ⁴⁸² *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. М., 1983. С. 15.
- ⁴⁸³ *Грязнов Ф. А.* Дневник. С. 39; *Грязнов А. А.* Дневник 1941–1942 гг. С. 58; *Кедров А. Т.* Дневник 8 сентября 1941 г. — 22 июня 1945 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 62; «Когда это кончится?»: Блокадный дневник Ольги Носовой (1941–1942 гг.) // Политика. Общество. Человек. СПб., 2008. С. 361–363; *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99. Л. 34.
- ⁴⁸⁴ Дневник А. Лепковича 1 декабря 1941 г. — 20 сентября 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 58. Л. 4 об.
- ⁴⁸⁵ *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99. Л. 19.
- ⁴⁸⁶ Ленинградская правда. 1941. 7 июля.
- ⁴⁸⁷ *Гришкевич А. П.* Записи из блокнота, сентябрь 1941 г. — 1 мая 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 28. Л. 25 об., 28; *Левина Э. Г.* Дневник 12 января 1942 — 23 июля 1944 г. С. 168; *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. Л. 40; Дневник Смирновой — председателя Колпинского райкома РОКК, май 1942 г. — январь 1944 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 108. Л. 2 об.
- ⁴⁸⁸ Дневник А. К. Козловского, директора высоковольтных сетей Ленэнерго — директора завода «Севкабель» 21 июня 1941 г. — 21 апреля 1942 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 27.
- ⁴⁸⁹ *Загорская А. П.* Дневник 22 июня 1941 г. — 3 декабря 1943 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 29; *Петерсон В.* Из блокады — на Большую землю // Нева. 2002. № 9. С. 158.
- ⁴⁹⁰ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. С. 249–255.
- ⁴⁹¹ *Пешель П. В.* Из дневника ленинградца в период блокады города (19 августа 1941 г. — 20 января 1943 г.) // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 92. Л. 11 об.; *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. Л. 36 об.
- ⁴⁹² *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. Л. 57.
- ⁴⁹³ Из дневника Галько Леонида Петровича // Оборона Ленинграда 1941–1944 гг. Л., 1968. С. 534; Стенограмма сообщения П. И. Сеничева — директора филиала завода им. Жданова (на территории Кировского района). 27 сентября 1943 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 14; Дневник В. М. Капитоновой, зав. отделом пропаганды и агитации Московского райкома ВКП(б) 1942–1943 гг. // НИА СПбИИ РАН. Л. 21 об.
- ⁴⁹⁴ *Белозеров Б. П.* Криминогенная обстановка в блокадном Ленинграде. С. 24–31; *Левина Э. Г.* Дневник 12 января 1942 — 23 июля 1944 г. С. 209; ЛОГАВ. Ф. Р-4380. Оп. 1. Д. 719, 787.
- ⁴⁹⁵ Дневник Смирновой — председателя Колпинского райкома РОКК, май 1942 г. — январь 1944 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 108. Л. 14.
- ⁴⁹⁶ *Краснояров В.* Рабочая династия кировцев // Возрождение. Л., 1977. С. 106.
- ⁴⁹⁷ Стенограмма сообщения Плоткина А. Л., начальника отдела № 2 завода «Большевик». 23 февраля — 4 марта 1946 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 42.
- ⁴⁹⁸ *Карпенко И. А.* Восстановление Ленинграда в 1943–1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты: Дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2007.